

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТРУДОВ

RUDOLF STEINER

Das Geheimnis des Todes
Wesen und Bedeutung Mitteleuropas
und die europäischen Volksgeister

Fünfzehn Vorträge, gehalten 1915
in verschiedenen Städten

1980

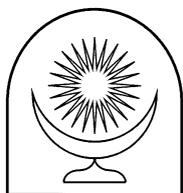
RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH / SCHWEIZ

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР

Тайна смерти
Сущность и значение Средней Европы и
европейские Народные Духи

15 лекций, прочитанных в 1915 года
в разных городах

С немецкого перевёл
А. А. Демидов

ТИТУРЕЛД

МОСКВА

2012

УДК 141.133

ББК 86.42

Ш 88

Перевод с немецкого А. А. Демидова

Rudolf Steiner

*DAS GEHEIMNIS DES TODES
WESEN UND BEDEUTUNG MITTELEUROPAS
UND DIE EUROPÄISCHEN VOLKSGEISTER*

Штейнер Р.

Тайна смерти. Сущность и значение Средней Европы и европейские Народные Духи. – М.: Титурель, 2012. – 384 с.

ISBN 978-5-902490-12-8

Впервые на русском языке: том № 159/160 Полного собрания трудов основателя духовной науки (антропософии) Рудольфа Штейнера. Это курс из пятнадцати лекций о значении и сущности Средней Европы. Взаимодействие различных народных Духов. Отображение битв небесных в битвах земных. Смерть как метаморфоза жизни. Импульс Христа и исторические события.

Издательство благодарит Н.И.Махрачёву за поддержку этого издания.

УДК 141.133

ББК 86.42

ISBN 978-5-902490-12-8

© Издательство «Титурель» 2012

© Демидов А. А., перевод

© Елин Г. Я., оформление

Перевод с немецкого выполнен с оригинального издания:

Bibliographie-Nr. 159/160. Das Geheimnis des Todes. Wesen und Bedeutung Mitteleuropas und die europäischen Volksgeister.

ISBN 3-7274-1590-8 Rudolf Steiner verlag. Dornach / Schweiz. 1980.

„Это чрезвычайно интересно наблюдать, ибо, когда мы рассматриваем, как Народные Духи, Народные Души, которых мы обозначаем как Архангелов, поднимаются к более высокому рангу, мы только тогда получаем правильное представление о том, как это, собственно, происходит в великом мире”.

Рудольф Штейнер

«Миссия отдельных Народных Душ в связи с северогерманской мифологией» том 121, лекция 7.

ТАЙНА СМЕРТИ

Сущность и значение
Средней Европы
и
европейские Народные Духи

Первая лекция

Четыре платоновских добродетели
и их связь с членами человеческого существа.

Действие духовных сил в физическом мире.

Цюрих, воскресенье, 31 января 1915 года

Наша духовная наука имеет задачу устранить в нашем сознании, да и во всей нашей душевной жизни пропасть, раскрывающуюся для внешнего человеческого сознания между физическим миром, в котором человек проводит время между рождением и смертью, и духовным миром, в котором человек проводит другую часть своей общей жизни, время между смертью и новым рождением.

Это положение так естественно и понятно тому, кто всеми силами своей души живет в духовной науке. Однако в такой момент, как сегодня, когда я говорю вам, оно становится, — можно сказать, — особенно священным. Ведь за весьма короткое время вследствие тяжёлых военных событий мы потеряли на физическом плане целый ряд наших дорогих друзей, а также должны мысленно сопроводить еще двух друзей в последний земной путь. Завтра в 11 часов здесь в Цюрихе будет произведена кремация тела госпожи доктора Колацца,¹ нашего дорогого члена, покинувшей на этой неделе физический план; и только что получено известие, что наш дорогой друг Фриц Митчер² покинул физический план сегодня в пять часов дня близ Давоса. С обоими друзьями уходят от нас с физического плана дорогие нам души. Но духовная наука указывает путь к пониманию — в более высоком смысле, нежели могли мы иметь ранее, — того, как можем мы не потерять эти души, но сохранить с ними связь.

Большое число душ, принадлежавших к нам с тех пор, как мы работаем в нашем движении, прошло уже сквозь врата смерти. И можно сказать, — исходя из тех источников, откуда происте-

кают для нас вообще духовные знания, — что в меру своих сил они стали нашими верными сотрудниками в духовном мире. С полной ответственностью, как и все, что говорится, прочно основываясь на почве духовной науки, я могу сказать: мы приобрели в них опору и защиту для нашего духовного движения. Многие, работающие в нашем духовном движении, проходили через врата смерти, оглядываясь на то, чему они с любовью содействовали. В период между рождением и смертью они полюбили характер искания, развиваемый в нашем кругу. Здесь, в нашем обществе, сами они оставили нечто такое, что находится на пути между смертью и новым рождением.

Подобно тому, как окружающая природа является для нас миром, на который мы оглядываемся, так можем мы смотреть назад, оглядываясь на нашу физическую жизнь, с того момента, который можно сравнить с рождением человека. Непосредственно после смерти человек проходит через состояние особого рода, позволяющее сравнить себя с эмбриональной жизнью, с жизнью в теле матери, с той разницей, что такая жизнь после смерти исчисляется только днями, то есть гораздо короче эмбрионального периода в условиях физической жизни. Далее следует то, что можно сравнить со вступлением в физический мир, с первым вдохом, — что можно назвать пробуждением в духовном мире, о чем можно говорить, как о постепенном обнаружении того, что воля души, прошедшей сквозь врата смерти, воспринимается существами высших Иерархий. Точно так же, как здесь человек, когда он из тела матери физически вступает в физический мир, прежде всего оказывается способным вдохнуть внешний воздух, как затем постепенно пробуждаются все его органы чувств, — так после смерти наступает мгновение, когда душа чувствует: та воля, которая в течение физической жизни была замкнута в границы физического тела, изливается теперь из меня во Вселенную. Затем душа чувствует, как эта воля действительно воспринимается посредством деятельности существ первой из высших Иерархий, существ из Иерархии Ангелов. Это и есть как бы совершение

первого вдоха в духовном мире и постепенное вращение в духовное окружение, на что нам указывает духовный опыт.

Мне хотелось бы сказать теперь о судьбе тех, кто ушел от нас с физического плана в течение последних лет. Я хотел бы направить взор на тех, кто полюбил здесь наше духовное движение и смотрит на него сверху вниз, как на нечто такое, о чём они знают: оно сообщает также и воплощенным в физические тела человеческим душам то же самое, в чем они теперь живут. В способности опираться в воспоминании на земную жизнь есть нечто такое, что здесь, в физическом мире, уже принадлежит к духовному миру. Для прошедших сквозь врата смерти это означает нечто бесконечно ценное, бесконечно значительное. И если затем они вольются в поток, направляющийся к ним вверх из физического мира и берущий свое начало в том, что они сопережили здесь в нашем движении, вольются полностью, как приток вливается в реку, если они вольются в мысли тех, кто был предан им из любви или благодаря естественным связям, тогда общение, основанное на таких духовных связях, будет гораздо более внутренним, чем вообще возможно в наше материалистическое время.

И мы опять-таки смеем сказать: у некоторых из тех, кто преждевременно прошёл через врата смерти в духовный мир, нам открывается нечто, как если бы они сделали это из внутренней любви к нашему движению, чтобы из духовного мира иметь возможность помочь ему посредством окрепших сил. У большого числа тех, кто ушел от нас, в душах живет изумительно ясное ощущение необходимости нашего духовного движения. Для того, кто может взирать в духовный мир, все прошедшие сквозь врата смерти и взирающие теперь вниз на духовное движение, с которым они были связаны, все они являются как бы духовными герольдами нашего движения — теми, кто приносит нам духовные девизы, непрестанно взывая к нам: „Будучи вместе с вами, мы были убеждены в необходимости этого движения. Но, вступив в духовный мир, мы знаем, что можем помочь, и знаем, как мы должны помогать в то время, когда это движение так необходимо”.

Вот то, что всё больше и больше будут чувствовать оставшиеся здесь на физическом плане. То есть те, кто потерял здесь дорогих близких и друзей: те, для кого вышесказанное может быть глубочайшим утешением, как возможность иметь здесь все, создающее еще более глубокую связь между душами даже тогда, когда мы не можем уже быть связанными с ними посредством внешнего проявления, посредством физических глаз и физического слова.

Многое, многое должно будет принести то спиритуальное движение, участниками которого мы должны стать. Из того, что оно должно принести нам, мне хотелось бы сегодня выбрать одну особую главу. Такое время, как наше, когда внешняя культура, несмотря на последние отголоски старых религий, строится целиком на материалистическом сознании, такое время даже импульсы моральной жизни может строить так, что при этом принимается во внимание только жизнь между рождением и смертью. Наряду со многим, что должно придти благодаря нашему духовному движению, будет и новое построение всей моральной жизни, всей жизни добродетели в человечестве. Ибо люди научатся рассматривать моральную жизнь, жизнь добродетели с точки зрения, выходящей за пределы рождения и смерти, которая считается с тем, что человеческая душа проходит через повторные земные жизни, считается с тем, что человеческая душа, какой мы несем её между физическим рождением и смертью, прошла уже через многие жизни и может надеяться и впредь на новые жизни, через которые ей предстоит пройти. Когда мы расширим свой кругозор от одной жизни до следующих друг за другом повторных земных жизней, это повлечёт за собой более широкое понимание жизни и более широкое и правильное понимание добродетели и нравственной жизни.

Говоря о добродетелях человека, мы можем различать, прежде всего, четыре таких добродетели, о которых среди людей можно говорить, используя обычные обороты речи. Одна добродетель, о которой мы скажем впоследствии, живет в глубинах человеческой души, но о ней по благим причинам надлежит говорить как можно

меньше. Все остальные, существующие в жизни добродетели, составляющие моральную жизнь, могут рассматриваться как частные случаи тех четырех добродетелей, которые мы хотим рассмотреть и понять, и о которых особенно много говорилось в древности.

Платон, великий философ Древней Греции, различал эти четыре добродетели потому, что он мог еще черпать свою мудрость из отзвуков древних мистерий. Из этих отзвуков древних мистерий он мог вынести лучшую классификацию добродетелей, чем позднейшие философы и даже, чем в наше время, когда знание отстоит так далеко от мудрости мистерий и стало таким хаотичным.

Первая добродетель, о которой мы должны помнить, когда говорим о нравственной жизни в том смысле, который открывается нам из более широкого познания человеческой природы, есть добродетель мудрости. Но эту мудрость следует понимать глубже и больше связывать с этикой, с учением о нравственности, нежели это делают обычно. Мы не можем сказать, что мудрость есть нечто, могущее некоторым образом просто так снизойти на человека. Еще менее мудрость есть то, что человек может изучить в обычном смысле. Даже охарактеризовать в нескольких словах, что, собственно, должна означать для нас эта мудрость, совсем нелегко. Если мы проживаем свою жизнь таким образом, что даем воздействовать на себя всему, что приближается к нам в жизни, если различные события служат для нас побуждением учиться у происшедшего, учиться тому, как мы то или иное могли бы сделать лучше, как мы в отношении той или иной нашей силы могли бы стать более ловкими, крепкими, если мы внимательны ко всему, что встречает нас в жизни, в том смысле, что встреченное во второй раз мы рассматриваем уже не так, как встреченное в первый, но чувствуем, что мы кое-чему научились, если мы всю жизнь сохраняем настроение, что у жизни нужно учиться, и всё, что природа и жизнь выносят нам навстречу, рассматривать учась, но учась не так, чтобы просто знать что-то, но так, чтобы становиться внутренне все лучше, все достойнее, — тогда мы возрастаем в мудрости, и ничто из пережитого нами не проходит мимо без значения для нашей душевной жизни.

Жизнь лишается значения, проходит мимо нас, если мы, прожив десятки лет, о чем-либо пережитом нами в более позднее время судим совершенно так же, как судили об этом в более раннем возрасте жизни. Живя так, мы дальше всего отстоим от мудрости. Карма может принести с собой то, что в юности мы впадали в гнев, что мы плохо судили о том или ином в человеке. Если это так и останется позже, то мы плохо используем свою жизнь. Мы используем ее хорошо, если в случае отрицательного суждения в юности мы впоследствии судим уже не отрицательно, но с прощением и пониманием, если мы стараемся понять. Если от рождения некоторые вещи заставляли нас вспылить, приводили в ярость, а впоследствии, когда мы взрослеем, мы уже не приходим в ярость, как было в юности, если благодаря урокам жизни мы освободились от гнева и стали мягче, то мы провели свою жизнь в духе мудрости. Если в юности мы были материалистами, а затем дали воздействовать на себя тем откровениям духовного мира, о которых захотело сказать нам время, если мы дали воздействовать на себя этим откровениям, то мы провели свою жизнь в духе мудрости. Если же мы замыкаемся перед откровениями духовного мира, то мы проведем всю свою жизнь не в духе мудрости.

Это обогащение, это расширение кругозора можно назвать прохождением жизни в духе мудрости. И то, что хочет дать нам духовная наука, способно открыть нас навстречу жизни, сделать нас более мудрыми в жизни. Мудрость есть то, что в высшей степени противостоит человеческому эгоизму; мудрость есть то, что всегда считается с ходом событий. Поэтому мы учимся с помощью хода мировых событий, ибо благодаря этому мы выступаем из узких суждений нашего «я». Мудрый человек не может судить эгоистически, ибо, участь у мира, он учится понимать мир, он учится, исходя из мира, исправлять свое суждение, так что мудрость как бы вырывает нас из тесно замкнутого кругозора и приводит к созвучию с собой. Можно было бы привести еще многое, могущее постепенно дать нам описание мудрости. Но мы должны стремиться не к определению таких понятий, а к тому,

чтобы оставлять свою душу открытой и достигать все большей и большей мудрости также и в отношении самой мудрости.

Здесь в физическом мире все, что может человек пережить в бодрственной жизни, должно пользоваться орудиями внешней физической и эфирной природы. Мы, как люди между рождением и смертью, только во время сна находимся своим душевным существом, поскольку оно есть «я» и астральное тело, вне своего физического и эфирного тела. В той мере, насколько мы наполнены мудростью, насколько мы стараемся переживать свои человеческие действия, свое мышление, чувства и ощущения в духе мудрости, мы пользуемся теми органами своего физического и эфирного тела, которые являются в известной степени наиболее совершенными в нашей земной жизни, теми органами, которые дольше всего приходили в готовность, которые подготавливались уже с Сатурна, Солнца и Луны, и перешли как наследие в нашу жизнь, достигнув известной законченности.

Я хотел бы еще с другой стороны дать вам понятие о том, что можно понимать под более или менее совершенными органами. Рассмотрим, например, головной мозг. Мозг не есть еще самый совершенный орган, но мы все же можем назвать его более совершенным, чем другие органы, ибо он потребовал более длительного развития, чем эти другие органы. Сравним наш мозг со средней частью нашего тела, на которой расположены руки. Когда мы хотим что-нибудь сделать руками, то у нас является мысль: я протягиваю руку, беру вазу, отвожу руку назад. Что я здесь сделал? Я протянул не только физическую руку, но и эфирную, и астральную руку, и член моего «я», но физическая рука двигалась вместе с ними.

Когда я только мыслю, только имею мысли, то ясновидящее сознание может видеть, как из головы также протягиваются как бы духовные руки; но физический мозг остается внутри, в черепной коробке. Точно так же, как моя эфирная и астральная рука принадлежат к моей физической руке, так же эфирное и астральное принадлежат мозгу. Мозг не может следовать; руки же могут следовать. Но в более поздние эпохи и руки тоже будут

закреплены, и мы будем тогда в состоянии двигать только их астральной частью. Руки находятся на пути становления тем же, чем мозг является уже теперь. В прежние времена — в период древнего Солнца и древней Луны — то, что теперь протягивается от мозга только духовно, было сопровождается также и физическим органом. Теперь это заключено в черепной коробке, так что физический мозг прочно привязан к ней в течение всего времени земного развития. Мозг есть орган, прошедший больше стадий развития. Руки находятся на пути стать подобными мозгу, ибо весь человек на пути становления мозгом. Итак, есть органы более совершенные, больше прошедшие в развитии, и есть менее совершенные. Более совершенные органы действуют в том, что мы совершаем из мудрости. Наш обыкновенный головной мозг служит только орудием для низшей формы мудрости, для земного ума. Но чем больше мы приобретаем мудрости, тем меньше мы зависимы от нашего большого мозга, тем больше деятельности отходит к нашему малому мозгу, мозжечку, — чего внешняя анатомия не знает, — к тому, что замкнуто в нашем черепе как малый мозг, мозжечок, и что имеет вид дерева.³ Став мудрыми, мы находимся буквально под «деревом», которое есть малый мозг, начинающий тогда особенно проявлять свою деятельность.

Представьте себе, как человек, достигший особой мудрости, простирает органы своей мудрости вовне, как мощные ветви. Они имеют свой корень в мозжечке, находящемся внутри черепной коробки; но духовные органы простираются наружу, и человек находится под деревом, под деревом Буддхи в реальности, в духовной реальности.

Но мы также видим: то, что мы делаем в мудрости, есть самое духовное в нас, или, по меньшей мере, принадлежит к самому духовному; ибо органы уже покое. Делая что-либо рукой, мы должны еще часть сил затрачивать на движение руки. Когда же мы обсуждаем, решаем нечто из мудрости, то органы остаются спокойными, на физические органы не затрачивается больше никаких сил, и мы являемся более духовными; органы, употребляемые нами на физическом плане, чтобы жить в мудрости, требуют

от нас наименьшей затратой сил, являются в известном смысле наиболее совершенными.

Поэтому в нравственной жизни мудрость есть нечто, позволяющее человеку пережить себя духовно. С этим связано то, что приобретенное человеком в мудрости, делает его способным извлечь возможно больше плодов из своих прежних инкарнаций. Так как в мудрости мы живем в духовном, не напрягая физических органов, то благодаря этой жизни в мудрости мы способны более всего сделать плодотворными для настоящей жизни достижения прежних инкарнаций — перенести сюда мудрость из более ранних инкарнаций.

Для человека, который не хочет стать мудрым, мы имеем хорошее выражение в немецком языке. Мы называем его филистером: филистер есть тот, кто противится достижению мудрости, кто всю свою жизнь хочет оставаться таким, каков он есть, кто не хочет изменять своих суждений. Но человек, желающий стать мудрым, стремится перенести из своих прежних воплощений все, что там было сделано и накоплено. Чем мудрее мы становимся, тем больше мы переносим из прежних инкарнаций в настоящую; и если мы не хотим становиться мудрыми, оставляя праздно лежать мудрость прежних воплощений, то приходит некто и завладевает ею: Ариман.

Никому так ни приятно, как Ариману, чтобы мы не стали мудрыми. Сила у нас есть. В прошлых воплощениях мы достигли гораздо, гораздо большего, чем мы думаем, достигли гораздо большего в те времена, когда мы проходили через древнее ясно-видческое состояние. Каждый мог бы стать более мудрым, чем он стал. Никто не может отговариваться тем, что он смог принести с собой немного. Становление мудрым означает: достигнутое в прежних инкарнациях перенести сюда так, чтобы оно наполнило нас в этой инкарнации.

Другая добродетель, в сущности, трудно выразима словами: назовем её добродетелью мужества. Это состояние духа, которое предполагает не пассивное отношение к жизни, но проявление сил. Добродетель мужества, мужественность, можно сказать, ис-

ходит из сердца. О том, кто обладает ею в обыкновенной жизни, говорят, что «у него сердце на месте». Это также хорошее выражение для того, если мы в состоянии не убежать трусливо от требований жизни, но способны брать себя в руки, если умеем вмешиваться там, где это необходимо. Если мы таким образом склонны приводить свою активность в движение, коротко говоря, если мы храбры — выражение «храбрый» также хорошо для этой добродетели, — то мы обладаем ею. Можно сказать также, что эта добродетель связана со здоровой душевной жизнью, которая в нужный момент продуцирует эту храбрость, тогда как недостаток здоровой душевной жизни влечет за собой трусливость; эта добродетель в ходе физической жизни может проявляться только при помощи определенных органов. Эти органы, к которым принадлежат физическое и эфирное сердце, не столь совершенны, как те, которые служат мудрости. Эти органы находятся лишь на пути преобразования, и в будущем они станут другими.

Между мозгом и сердцем огромная разница в отношении космического становления. Представьте себе, что человек проходит через врата смерти, проходит через жизнь между смертью и новым рождением. Его мозг есть вообще продукт Божественного. Мозг пронизан силами, которые совершенно уходят, когда человек переступает врата смерти, и в следующей жизни мозг строится совсем заново, имея в виду внутренние силы, а не только материальные. Итак, эти относящиеся сюда силы тоже строятся заново. Относительно сердца все иначе. В случае сердца дело обстоит так, что не физическое сердце, но силы, деятельные в физическом сердце, сохраняются. Эти силы возвращаются в астральное и в «я», сохраняясь также и в период между смертью и новым рождением. Те же самые силы, которые бьются теперь в нашем сердце, будут биться также и в следующий раз при новом воплощении. То, что действует в мозге, уходит, не появляется в следующей инкарнации. Но силы, пронизывающие сердце, выступают также и в следующем воплощении. Если мы заглянем в голову, то можем сказать: там функционируют невидимые силы, образующие головной мозг. Но когда человек проходит сквозь

врата смерти, эти силы передаются космосу. Слушая биение сердца человека, мы внимаем тем духовным силам, которые существуют не только в этой инкарнации, но будут жить также и в следующей инкарнации, которые проходят через смерть и через новое рождение.

Народное чувство чудесным образом предчувствовало это. Оно так ценило биение сердца не из-за физических ударов сердца, но потому, что мызираем на нечто, гораздо более вечное, когда слышим удары сердца человека. Имея добродетель мужества, храбрости, мы можем использовать для этого мужества только часть известных сил; другую часть мы должны употреблять на органы, служащие орудием этого мужества. На эти органы мы должны все еще тратить известную часть сил. Если мы не одарены мужеством, не развиваем добродетель храбрости, остаемся пассивными, трусливо отступая перед жизнью, уступая себя тяжести своего существа, то мы не можем оживить тех сил, которые должны жить в проявлениях добродетели мужества, храбрости.

Когда в жизни мы проявляем трусость, то бездействуют также и те силы, которые должны были бы пронизывать наше сердце. Они служат тогда посевом для Люцифера. Он завладевает ими, и в следующей жизни мы их не имеем. Быть трусливым в жизни означает отдавать Люциферу часть сил, недостающих нам затем, когда в нашей следующей инкарнации мы хотим построить свое сердце, которое есть, собственно, орган, инструмент мужества. Тогда мы приходим в мир с дефектными, неразвитыми органами.

Третья добродетель, связанная с наименее совершенными органами, которые только в будущем получают свой образ, являющийся теперь лишь в зачатке, может быть названа благоразумием, осмотрительностью. В известном смысле ее можно назвать также умеренностью в жизни. Итак, мы имеем три добродетели: мудрость, мужество или храбрость, рассудительность или умеренность.

Безрассудным можно быть во многих отношениях. Также и в том, чтобы чрезмерно пить и есть. Это — низший род безрассудства. Здесь душевное полностью подчиняется телесному жела-

нию, и мы изживаемся исключительно в теле. Когда мы берем в руки свои желания, когда мы приказываем своему телу, что оно может и чего не может делать, тогда мы являемся рассудительными, можно также сказать, умеренными. И тогда благодаря такой умеренности мы удерживаем в надлежащем порядке также и те силы, которые должны содействовать тому, чтобы мы в ближайшей инкарнации не отдали Люциферу соответствующие органы. Ибо мы предаем Люциферу те силы, которые мы расходует, предаваясь жизни в страстях. Хуже всего, когда страсти опьяняют нас, когда мы чувствуем себя хорошо, предаваясь мечтаниям, дрёмам.

Теря умеренность, мы всякий раз отдаем свои силы Люциферу. Он берет эти силы, а с ними вместе берет также и силы, необходимые нам для органов дыхания и пищеварения; так что в следующую жизнь мы приходим с плохими органами дыхания и пищеварения, если прежде не развивали в себе добродетели умеренности. Кто любит предаваться жизни своих вожделений, кто предаётся жизни своих страстей, тот является кандидатом на деградирующего человека в будущем, страдающего от всевозможных недостатков физического тела.

Можно сказать, добродетель умеренности связана с наименее совершенными органами в человеке, с органами, которые находятся в начальной стадии развития, которые должны быть еще существенно преобразованы. Если взглянуть на органы пищеварения и то, что с ними связано, мы, чтобы привести их в движение должны задействовать «я», астральное тело, эфирное тело и физическое тело. Переходя к органам, которые являются инструментами мужества, мы имеем уже другое. Тогда мы остаемся со своим «я» более или менее во внешнем, движемся в нем свободно, и только наше астральное и наше эфирное входят в физическое. Когда же мы приходим к тем добродетелям, которые охватываются мудростью, то мы удерживаем свое астральное тело и «я» свободно снаружи. Ибо, становясь все более и более мудрыми, мы организуем астральное тело, овладеваем астральным телом. Самое существенное то, что в процессе становления мудрости мы преоб-

разуем астральное в Самодух, и только эфирное идет вместе с физическим. В мозге эфирное находится вместе только с физическим. Во время бодрствования мы, в отношении остального тела, очень сильно связаны с астральным, с физическим органом, в отношении же мозга мы в большей степени сохраняем состояние, в котором находимся во сне. Поэтому для мозга мы больше всего нуждаемся в физическом сне. Ибо, когда мы бодрствуем, то своим «я» и астральным телом мы находимся также вне головного мозга, и им приходится испытывать наибольшее напряжение в себе самих, не имея опоры во внешнем органе.

Так находим мы связь между нашим человеческим существом и добродетелями. Мы можем назвать мудрость той добродетелью, которая подходит к человеку в качестве духовного существа, когда человек свободно действует своим «я» и своим астральным телом, а в физических и эфирных органах имеет лишь своего рода опору, поддержку. Мы можем назвать в качестве добродетели мужество тогда, когда человек свободен только в своем «я» и имеет свою опору в своем астральном, своем эфирном и своём физическом теле. Мы можем говорить, наконец, об умеренности, когда мы становимся свободны с зародышем своего «я», когда своим «я» мы связаны с астральным, эфирным и физическим телом и высвобождаемся своим «я» из этой связанности.

Но затем идёт наиболее духовная из всех добродетелей. Эта самая духовная добродетель стоит в известном отношении ко всему человеку. Существует, можно сказать, такое владение человеческим существом, которое мы весьма рано утрачиваем и имеем только в первые годы детства. Я часто уже говорил о том, что здесь имеется в виду. Дело в том, что, вступая на физический план, мы не имеем того положения, которое необходимо для нашего человеческого достоинства; мы ползаем на четвереньках. Я обращал внимание на то, что только мы сами, своей собственной силой, приводим себя в правильное положение и выпрямляемся. Точно так же мы развиваемся с помощью тех сил, которые заложены в языке. Коротко говоря, в первые годы нашей жизни мы развиваем те силы, которые направляют нас, — обратите

внимание на это выражение, — направляют нас к тому положению, которое мы имеем в мире как подлинные люди. Мы вступаем в мир, не имея этого правильного положения, мы ползаем. Но мы по-настоящему встаем, направляя свою голову к звездам. Это соответствует внутренним силам.

Мы утрачиваем эти силы в позднейшей жизни. Они уже не выступают впоследствии. Больше не выступает то, что действовало бы в человеческой жизни столь же энергично, как прямохождение и обучение ходьбе. Мы все больше и больше устаем от нашего прямохождения. Когда мы ранним утром начинаем жить со своим мозгом, мы устаем к концу дня и чувствуем потребность заснуть. То, что выпрямляло нас в детстве, когда мы уставали, остается в течение всей жизни в довольно истощенном состоянии, ослабевая так, что в позднейшей жизни мы не пользуемся тем, что было бы подобно распрямлению в детстве.

Какого направления мы придерживаемся в жизни, когда учимся говорить? Также и когда мы учимся говорить, силы распрямления содействуют этому. Те же самые силы, которыми мы пользовались в самом раннем детстве, не вполне теряются для нас в позднейшей жизни. Они остаются у нас, причем они оказываются соединенными с одной добродетелью, добродетелью, которая связана с прямоотой, с тем, что правильно, с добродетелью всеобъемлющей справедливости, с четвертой добродетелью. Та же сила, которую мы употребляем, будучи ребенком, когда выпрямляемся из ползающего существа, та же сила живет в нас, когда мы обладаем добродетелью справедливости, четвертой из перечисленных Платоном.

Кто действительно упражняется в добродетели справедливости, тот ставит каждую вещь, каждое существо на должное место, тот выходит из самого себя и входит в это иное: это значит жить во всеобъемлющей справедливости. Жить в мудрости — означает извлекать лучшие плоды из сил, накопленных нами в более ранних инкарнациях. И если мы уже должны были указывать на то, чем мы были наделены в прежних инкарнациях, когда Божественные силы еще пронизывали нас, то в случае справед-

ливости мы должны в еще большей степени указывать на то, что мы исходим из космоса. Мы упражняемся в справедливости, когда развиваем те силы, благодаря которым мы, хотя и в духовном отношении, связаны со всем космосом. Справедливость служит мерой того, насколько человек связан с Божественным. Несправедливость практически равна безбожию, равна потере своего Божественного происхождения, и мы оскорбляем Бога, того Бога, от Которого произошли, когда несправедливо поступаем с человеком.

Итак, мы имеем две добродетели: мудрость и справедливость, которые указывают нам назад, на то, кем мы были в прошлых эпохах, в прежних воплощениях, на те времена, когда мы сами были в Божественном лоне. И мы имеем две другие добродетели: мужественную и умеренную жизнь, которая указывает на более поздние воплощения. Мы собираем для последних тем больше сил, чем меньше мы отдаем Люциферу. Мы видели, как мужество и умеренность переходят в органы и подготавливают тем самым эти органы для будущего воплощения. Так распространяется нравственная жизнь на будущую жизнь, когда мы наполняемся духовностью. Две добродетели освещают нам истекшие инкарнации: мудрость и справедливость. Храбрость и умеренность освещают нам будущие инкарнации.

Придет время, когда человеку станет ясно, что, замыкаясь от справедливости и мудрости, он бросается в пасть Аримана. А то, что принадлежало ему в прошлых воплощениях, что принадлежало Божественному миру, он бросает Люциферу, вследствие того, что он совершает в жизни как безрассудство или трусость. То, что схватывает для себя Люцифер, сказывается недостатком сил для построения нашего тела в следующей жизни.

Мудрости и справедливости мы не в состоянии проявить, пока, как уже было указано, не отрешимся от самости. Только несправедливым может быть тот, кто самолюбив. Только немудрым может хотеть оставаться тот, кто самолюбив. Мудрость и справедливость выводят нас за пределы нашей самости и делают нас членами организма всего человечества. Храбрость, смелость

или мужество и благоразумие делают нас в некотором смысле членами организма всего человечества. Лишь благодаря тому, что мы мужественно и благоразумно проводим свою жизнь в человечестве, только переживая мужество и рассудительность, только проводя в них свою жизнь, мы заботимся о том, чтобы в будущем поставить себя с более крепкой организацией в среду этого человечества. От нас не отнимается тогда то, что иначе мы как бы бросаем Люциферу. Эгоизм преобразуется в бескорыстие, если он в правильном смысле расширяется до горизонтов всей жизни, и человек ставит себя в свет четвертой добродетели. Это принесет духовную мудрость будущему человечеству и распространится на этику и нравственную жизнь. Это же изольется затем и в педагогику. Восприняв мудрость и справедливость, как я это указал, захотят учиться всю жизнь; поймут, что понастоящему учиться следует именно тогда, когда юность уже прошла, между тем как теперь люди думают, что, выйдя из юности, они уже ничему не должны учиться. Так утрачиваются для человечества даже лучшие и величайшие плоды искусства великих поэтов. Они лучше всего раскрылись бы в нас, если бы мы в старости взяли снова их произведения. Читая «Ифигению» Гете, или «Вильгельма Телля» Шиллера обычно думают: все это мы ведь уже читали в школе. Но это неверно, ибо нельзя забывать, что эти произведения действуют лучше всего, если их читать в старости, ибо тогда они служат для мудрости и справедливости.

И детская педагогика будет также особенно плодотворна, если в правильном свете увидать добродетели мужества и рассудительности. Эти добродетели следует рассматривать индивидуально, постоянно указывая детям, что они должны смело вступать в жизнь, не бояться того или другого, не отступать, и что они должны воспринимать жизнь в умеренности и рассудительности, дабы постепенно избавиться от страстей. Этим можно бесконечно многое сделать в воспитании ребенка. В будущих духовнонаучных рассмотрениях мы будем еще много говорить об этом.

Таким образом, мы видим, как законы нравственной человеческой жизни, имеющие значение только на внешнем физиче-

ском плане для жизни между рождением и смертью, бесконечно расширяются благодаря духовнонаучному исследованию. Здесь происходит то же самое, что и в других областях духовной науки. Человечество должно было пережить, например, расширение горизонта в естествознании. Джордано Бруно⁴ указывает людям, что существует не только Земля, но что в мировом пространстве есть множество других миров. Духовная наука указывает людям, что есть не одна, но многие земные жизни. До Джордано Бруно люди думали, что над ними вверху есть граница. Джордано Бруно показал, что там не существует границы, что синева неба не есть граница. Духовная наука показывает, что смерть и рождение вовсе не существуют, но они вносятся в жизнь через ограниченность нашего понимания.

Так перекрывается пропасть между физическим и духовным. Таково положение вещей, стоящих на почве духовной науки, для тех, кто утверждает истинный, настоящий монизм. Те, кто сегодня зачастую называют себя монистами, слишком упрощают монизм. Они берут только часть мира и приводят ее к единству, отбрасывая при этом другую часть мира. Истинный монизм возникает из продуманного слияния обеих половин. Это происходит благодаря духовной науке. Но такое единство не возникает логическим образом лишь в сознании, это должно возникнуть в нашей жизни в целом. Мы должны всё больше и больше подходить к тому, чтобы, глядя на мир, действительно знать: во всем, что живет и действует вокруг нас, есть нечто сверхчувственное; не только в том, что видит глаз, но и в том, что может воспринять рассудок, связанный с мозгом. Всюду находятся духовные силы, за каждым явлением — за явлением радуги, за движением руки и т.д.

Если вы прочтете цикл лекций,⁵ который я читал в начале прошлого года в Лейпциге, то вы увидите, как импульс Христа подействовал через Мистерию Голгофы, как Христос живет во всем важнейшем, что касается человечества, а не только в том, что осознаёт человек. Например, в области осознанного люди пререкались из-за догматов. Но в то время как они спорили, импульс Христа жил и содействовал тому, что должно было произойти.

Возьмем образ Орлеанской Девы.⁶ В развитии Европы выступает простая пастушка. Она выступает необычно, так что в ее душе живут не только те силы, которые обычно свойственны человеку, но в этой личности действует импульс Христа, она оживлена и несомна благодаря этому мощному импульсу. Она сама была как бы изображением импульса Христа для своего времени. И она могла быть этим лишь потому, что импульс Христа обрел в ней место.

Вы знаете, что мы празднуем Рождество в то время, когда солнечная сила слабее всего, в глубочайшем мраке зимы, ибо тогда мы можем быть уверены, что внутренний свет, духовный свет имеет наибольшую интенсивность.

Древняя легенда рассказывает нам, что от Рождества до 6-го января люди переживали нечто совершенно особенное, ибо в это время жизнь Земли и внутренние силы Земли наиболее концентрированы. Те, кто имеет для этого задатки, на самом деле могут пережить тогда духовные силы в земных силах. Об этом нам сообщают бесчисленные легенды. Лучшим временем для этого являются 13 дней, предшествующие 6-му января.

Орлеанская Дева провела эти 13 дней в особом состоянии, в том состоянии, когда ее душа не была еще открыта для восприятия внешнего мира. Странное совпадение: время, когда она была в теле матери, закончилось на Рождество 1411-го года. Она родилась 6-го января, пробыв эти тринадцать дней еще в теле матери. Прежде, чем она сделала свой первый вдох, прежде, чем физическими глазами увидела физический свет, она переживала земное в течение 13 дней, переживала во сне, в котором находится человек перед вступлением в физический мир.

Я указываю здесь на вещи, имеющие огромное значение, показывающие нам, как спиритуальное управляет миром, как то, что происходит внешне в физическом мире, дирижируется направляющей силой духовного мира, как за физическим струится духовный мир.

Так в настоящее время мы должны посредством духовной науки всё более сознательно устранять пропасть между физиче-

ским и духовным. Мы делаем это для одной области жизни, когда создаем, что именно внутри нашего движения присутствуют силы тех, кто, соединив в течение своей земной жизни свое тело и душу с нашим движением, прошел сквозь врата смерти. Если мы заглядываем туда, на другой берег потока, где они теперь действуют, и чувствуем себя соединенными с ними, и наши мысли направляем на них, то мы делаем это из полного сознания, которое мы усвоили благодаря духовной науке. Мы осознаем в высшей степени живую связь с теми, кто прошел через врата смерти, мы сознаем их в качестве лучших сил среди нас. Если мы можем так поступать или мыслить, мы рассматриваем жизнь как засеянное поле. И среди того, что посеяно нами, мы видим всюду такие растения, которые всходят без нашего участия. Тогда мы можем узнать: эти растения посеяны теми, кому суждено находится в мире духа, теми, с кем мы чувствуем себя связанными, с кем мы соединяемся в одно.

Человеческое братство даже и с теми, кто больше не носит физического тела, будет характерным знаком для этого движения, и для тех, кто чувствует себя членами нашего движения, и для тех, кто в будущем себя к нему причислит. Другие, построенные только на земном сообществе, устроят известные границы между людьми. Разграничения между живыми и умершими будут все больше и больше преодолеваются в том движении, которое соединит людей, желающих объединиться под знаком духовного знания. Это мы все хотим нести в своей душе, и как постоянное ощущение примем именно то, наиболее характерное, что связывает нас с этим ставшим для нас дорогим духовным движением.

Первая мысль, которую мы вынашиваем теперь, встречаясь в наших ветвях, должна быть направлена к духам, которые защищают тех, кто, стоя на полях сражений, должен был кровью и душой служить ради великого эпохального долга. Мы хотим направить нашу просьбу к Духам-Хранителям их душ, для того, чтобы то, что мы приносим в молящей любви, могло излучаться и соединяться с силой этих Духов-Хранителей их душ на полях событий.

Духи ваших душ, действенные стражи,
Ваши крылья могут принести
Наших душ молящую любовь
Доверенным Вашей защите людям Земли,
Чтобы, соединяясь с Вашей мощью,
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет.
А для тех, кто уже прошёл через врата смерти:
Духи ваших душ, действенные стражи,
Ваши крылья могут принести
Наших душ молящую любовь
Доверенным Вашей защите людям сфер,
Чтобы, соединяясь с Вашей мощью,
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет.
И тот Дух, Которого мы ищем, стремясь годами,
да излучает вам силу,
которую Он пронёс через Мистерию Голгофы,
чтобы вы имели силы для свершения того, что
требуют от вас великие обязанности человечества.
Дух, прошедший через Мистерию Голгофы,
Дух Христа да будет с вами!

Вторая лекция

Прохождение человеком врат смерти – перемена жизни

Ганновер, пятница, 19 февраля 1915 года

Время таково, когда всё убыстряющейся чередой многих, почти ежедневных смертей всё ближе выступает перед нами связь человека с духовным миром, с тем миром, в который человек вступает, проходя через врата смерти. При совершенно особых обстоятельствах выступают нам навстречу эти быстро следующие друг за другом, почти одновременные смерти. Эти особые обстоятельства возникли потому, что через врата смерти проходят многочисленные земные души; при иных обстоятельствах, в которых эти земные души предполагали находиться, они могли бы ещё долгие десятилетия жить на этой Земле. И всегда, когда человек преждевременно проходит через врата смерти, выступают чрезвычайные обстоятельства.

Мы знаем, что человек, проходя через врата смерти, оставляет позади то, что отпадает от него как физическое тело, передавая последнее земному элементу. Мы знаем, что затем, как второе рассматривается так называемое эфирное тело, которое, однако, проходя через духовные области между смертью и новым рождением, выделяется из астрального тела и «я» составной индивидуальности; знаем, что это эфирное тело действует дальше, будучи отделено от «я» и астрального тела. Это эфирное тело вступает тут в ближе стоящий духовный мир, который мы часто называем эфирным миром; это эфирное тело мы можем представлять себе так, что оно по-разному выглядит у тех, кто проходит через врата смерти преждевременно, и тех, кто прожил свою жизнь до глубокой старости. Ибо то эфирное тело, которое должно пройти через врата смерти у преждевременно умершего,

ещё в течение многих лет — при нормальных обстоятельствах в течение десятилетий — имело бы силы, чтобы обеспечивать жизнь физическому телу. В духовном мире, как и в физическом, не пропадает никакая сила. Эта сила, которая в ином случае обеспечивает жизнь физического тела, сохраняется. Так что мы можем сказать: если теперь тысячи, почти каждый день проходят через врата смерти, в элементарный мир вступают эфирные тела, которые ещё жизнеспособны, пригодны для жизни, эфирные тела, которые имеют в себе другие силы, нежели ставшие старыми эфирные тела. Что же происходит с этими ещё жизнеспособными эфирными телами?

Вчера я говорил в открытой лекции о реальной Народной Душе.⁷ Эта Народная Душа есть действительное существо. Именно в наше время она нуждается в совершенно особых силах. В таких силах она нуждается также и в другие времена, само собой разумеется, но в наше время нуждается совершенно особенно. Народная Душа принимает эти ещё жизнеспособные эфирные тела. Сам человек с его «я» и астральным телом идёт другими путями, которые подготавливают его к ближайшей земной жизни. Но эфирное тело отделяется от человеческой индивидуальности, оно переходит в существо, в субстанцию Народной Души. Так что мы после такого судьбоносного времени, которое мы переживаем сейчас, идем навстречу тому времени, где Народная Душа сохраняет, содержит — как находящиеся в Ней жизненные силы — те эфирные тела, что были переданы Ей теми, кто в сражении прошёл через врата смерти. Итак, подступает время, когда духовный исследователь может сказать, что эфирные тела, пожертвованные на алтарь великих событий времени, не утрачены. Подступает время, когда от Народной Души в отдельные души излучаются действенные силы, от Нее одновременно изойдёт то, что множество людей на первом, втором, третьем десятилетии получили здесь на Земле, что они через многие десятилетия смогли бы сохранить, передав их, однако, Народной Душе. В будущем это будет в тех силах, которые Народная Душа по каплям вливает в отдельные души, это не потеряно.

Переживем это как следует в глубинах души. Обдумаем, как в нашей душе может ожить наше осознание связи с духовным миром, если мы придерживаемся того, что в будущем человек сможет говорить о Народной Душе: в Ней плоды жертвенных смертей присутствуют как действенные силы. Это станет исключительно важно в ближайшее время. В другое время это было бы иначе, но для ближайшего времени по особым причинам это крайне значительно.

Мы жили в злое время материализма. Души были не способны подойти к духовной науке, они были погружены в мощную ауру материализма. Преодоление этой ауры, — будет задачей Народной Души в ближайшее время. И для преодоления материализма силы к этой Народной Душе будут притекать благодаря тому, что эфирные тела рано умерших продолжают жить дальше в этой Народной Душе, продолжают жить дальше именно как силы. Сильнейшими борцами против материализма станут эти эфирные тела, пожертвованные на алтарь человеческого развития.

Так мы должны различать между тем, что как отдельный человек странствует полями духовного мира, оставаясь соединённым с человеческой индивидуальностью, и тем, что на окольном пути посредством эфирного тела отдается во всеобщее; что в этой духовной всеобщности в вышеприведенном смысле продолжает действовать в субстанции Народных Духов.

Особенно глубоко это может быть запечатлено в наших душах, если мы поставим перед нашими душами два человеческих типа, имеющих отношение к этому духовному различию: воина, павшего на поле боя, который проходит через врата смерти, будучи совершенно предан задачам своего народа, — тот, кто в момент, когда он выступает на поле битвы, когда он, принимая решение выступить на поле битвы, должен также решиться и на то, чтобы смотреть в глаза смерти, — этот человеческий тип сравним теперь с аскетом. Если обращают внимание на то, что означают в жизни человека силы эфирного тела, получают представление об отличии воина, павшего на поле брани и аскета. Аскет работает в самом себе. Он пытается работать над самим собой так, чтобы

полностью преодолеть в себе физическое, чтобы ещё во время жизни в теле, стать свободным от этого физического. Вследствие того, что аскет работает так, происходит также значительное преобразование в его эфирном теле. Он, так сказать, сильнейшим образом расходует силы этого эфирного тела для того, чтобы включить их в своё «я» и своё астральное тело. То, что у аскета освобождается от физического, идет на пользу его индивидуальности, служит для преобразования его индивидуальности. Так что человек, являющийся аскетом, тем, что он из себя делает, может послужить человечеству лишь на окольном пути. Но тот, кто в ранней юности освобождает себя от физического тела тем, что покоряется требованиям войны, — передает свои эфирные силы во всеобщее, он включает их во всеобщее деяние. Надо почувствовать эту разницу, это весьма значительная разница. Она указывает нам на то, что как реальность, как действительность правит в человеческой жизни. Также значительно то, чем является эфирное тело при переходе через врата смерти.

В тот момент, когда человек проходит через врата смерти, он ещё соединен со своим эфирным телом. Мы часто описывали, что с ним происходит. Эта соединенность с эфирным телом дает человеку возможность правильным образом жить во всех представлениях, которые возбудила в нём последняя жизнь, целиком входить как в мощную панораму во все то, что было ему дано в последней жизни. Однако это созерцание, длится относительно короткое время и, по мере отделения эфирного тела от «я» и астрального тела, медленно угасает. Да, можно сказать, медленное угасание начинается сразу после момента смерти, все слабее становятся те впечатления, причиной которых было обладание эфирным телом, и тогда приобретает цену то, что является решающим, самым важным после физической смерти. Что является тут самым важным, лишь в самой малой степени правильно представляют себе люди, желающие составить себе представление о жизни после смерти. Весьма трудно выразить словами эти совершенно иного рода соотношения, сравнивая их с тем, что переживается в физическом теле. Люди полагают, что человек,

прошедший через врата смерти, должен сначала вновь обрести сознание. В действительности происходит иное. То, что испытывает человек, проходя через врата смерти, не есть недостаток сознания. Со смертью сознание не становится недостаточным, наступает нечто противоположное. Слишком много сознания, избыток сознания возникает, когда наступает смерть. Человек живет и действует в сознании, и как сильный солнечный свет ослепляет глаза, так прежде всего человека оглушает сознание, сознания он имеет слишком много. Это сознание он должен сначала приглушить, для того, чтобы сориентироваться в той жизни, в которую он вступает после смерти. Это длится долгое время и происходит постепенно таким образом, что после смерти наступает все больше моментов, когда сознание может сориентироваться; душа на более или менее короткое время приходит в себя, и затем снова наступает своего рода похожее на сон состояние, как можно было бы его обозначить. Затем такие моменты раз за разом становятся всё дольше, душа всё более осваивает эти отношения, вплоть до полной ориентации в духовном мире.

Трудность состоит в том, чтобы составить себе ясное, отчетливое представление о той форме, в которой прошедший через врата смерти воспринимает окружающий мир. На последней неделе мы предали огню, кремировали одну нашу дорогую антропософскую подругу, и по желанию умершей мне была поставлена задача в присутствии друзей, собравшихся в том месте, где она умерла, провести погребальную службу. В то время, когда я говорил, направляя мои слова к умершей, умершая была в некотором роде как спящая. Затем подействовал огонь, тепло, пламя охватило тело, и в это мгновение наступил тот момент сознания для души, момент ориентации, и умершая имела перед собой полную картину погребальной службы и заупокойной, поминальной речи, имела одновременно, как имеет перед собой человек нечто пространственное. Там действительно время становится пространством. Человек видит прошлое не так, как видит он прошлое в жизни — протекающим во времени, но он видит перед собой как пространственное то, что прошло. Итак, истекшее,

прошедшее, скажем, четверть часа назад, встает тогда перед душой умершего как момент первой вспышки сознания. Затем снова наступает состояние оглушения, приглушенного бытия в избыточном свете сознания, чтобы в этом состоянии придти навстречу другим состояниям, в которых душа постепенно учится ориентироваться в духовном мире.

Если мы хотим составить себе действительно качественные представления о жизни после смерти, важно, чтобы обратили особое внимание на эти совершенно иные понятия времени. Мы должны увидеть, что время здесь не является чем-то таким, о чём можно сказать — оно истекло, и человек вспоминает о вещах, происходивших во времени, но здесь истекшее находится в наличии. Как стол стоит на своем месте и не идет со мной, если я удаляюсь от него; как я оглядываюсь на него, так после смерти то, что происходило, и о чем можно только вспоминать, остается на месте, и умерший оглядывается назад на это, как человек, воплощенный в теле, оглядывается на пространственные предметы. Очень важно обратить на это внимание. На что ещё следует обратить совершенно особое внимание, так это на то, что мы действительно остаёмся связаны, что наша земная жизнь остаётся связанной с тем, что мы переживаем потом между смертью и новым рождением; по меньшей мере, остаёмся в тесной связи до той поры, которая в последней Дrame-Мистерии⁸ была обозначена как полночь духовного бытия (мировая полночь).

Мне бы не хотелось упустить возможность постепенно создавать у наших друзей представление об этих с трудом поддающихся описанию отношениях. На то, что мы пережили как земные люди между рождением и смертью, прошедшая через смерть душа смотрит назад, оглядывается, — но не так, как если бы то, что было испытано, было бы только таковым; тут некоторым необычным образом действует изменившееся жизненное состояние умершего. Жизненное состояние умершего не таково, как жизненное состояние между рождением и смертью у живого. Жизненное состояние между рождением и смертью у живого таково, что он чувствует себя заключенным в свою кожу и по-

средством своих органов чувств смотрит наружу в мир. Когда человек как умерший вступает в духовный мир, он изливается в весь духовный мир. Человек чувствует, что он постепенно наполняет весь духовный мир. И то, что человек испытывал в течение физической земной жизни, он ощущает как нечто, что остается для него — конечно, не как физическое тело, но как то, что составляет форму, силы физического тела. Это оставляется человеку после смерти, но он имеет это так, как человек, будучи в физическом теле, имеет глаз. Как человек имеет глаз для зрения, так имеет там человек свою земную жизнь в качестве космического органа чувств, для того чтобы посредством него воспринимать мир. Чем является теперь наш глаз для нашего тела, тем является наша земная жизнь для нашей духовной жизни после смерти.

Наша земная жизнь будет теперь, как бы вставлена в нас как глаз, как орган чувств. Только постепенно, путем длительных медитаций вы придете к тому, насколько значительно высказывание о том, что наша земная жизнь станет органом чувств для нашей жизни между смертью и новым рождением. Когда человек при засыпании со своим «я» и астральным телом выходит из своего физического тела и эфирного тела, тоже происходит нечто подобное. Когда наступает инициация человек становится видящим в духовном мире вне физического и эфирного тела, и он тогда знает: в духовном мире ты воспринимаешь как через чувственный орган посредством духовной части твоего физического тела, а мыслишь ты в духовном мире посредством твоего эфирного тела. Твое эфирное тело в духовном мире является, в сущности, подобным твоему головному мозгу, а твоё физическое тело является органом чувств. Но ты сам со всеми твоими жизненными силами оказываешься излитым в духовные дали. Ты расширился, ты не чувствуешь себе сжатым, сконцентрированным в одном месте посредством твоей кожи, ты чувствуешь себя излитым, распространившимся над духовным миром.

Это совершенно иное бытие. В связи с этим тот, кто сам вступил в духовный мир, будь это через смерть, будь это посред-

ством посвящения, живет в таком соединении с другими существами духовного мира, с существами Высших Иерархий или человеческими душами, которые живут между смертью и новым рождением. Тот, кто вступил в духовный мир, переживает не так, как человек, встречающий других земных людей вонне, будучи пространственно отделен от них. Но он переживает их, как находящийся с ним в одном общем духовном пространстве, будучи пронизан ими со всех сторон. То, что переживают другие души, он испытывает не потому, что они что-либо говорят ему, как в случае земных людей, но так, что человек вживается в другую душу и в её существе сопереживает её мысли. Оттуда также и то, что человек может быть лишь тогда уверен, что он действительно переживает в себе то, что переживает умерший, если он знает: он в некотором роде находится внутри умершего, он не воспроизводит всего лишь нечто, по образцу уже услышанного им от кого-то, как это переживают на Земле, нет, он слышит: умерший сам говорит через твоё существо.

Мне хотелось бы пояснить это вам на одном примере. Один из наших членов недавно умер.⁹ Ещё перед кремацией случилось так, что ощущалась в некотором смысле необходимость услышать, что эта личность должна была сказать после смерти. Должна была сказать потому, что она до некоторой степени была ещё вместе со своим эфирным телом и могла ещё некоторым земным образом выразить себя через это эфирное тело, но все же охватывая всё то, что благодаря интенсивному сопереживанию антропософского мировоззрения было соткано в её душе. Итак, мы имели дело с одной личностью, которая достигла весьма преклонного возраста и в последнее время своей жизни действительно интенсивно, всеми силами своего сердца вжилась в наше духовнонаучное мировоззрение. Затем она прошла через врата смерти. Итак, она ещё имела эфирное тело. Это было ещё до кремирования и эфирное тело было ещё здесь как средство самовыражения. Это дало возможность выразить себя с помощью земных слов, поскольку эфирное тело могло переживать их. Освобождение от тела, от земного бытия, дало в то же время

возможность, обобщить всю суть того, что посредством сердца запечатлелось в душе. Когда мне было показано, как эта личность, которая уже прошла через врата смерти, хотела выразить своё существо, — это наступило примерно на второй день после смерти, — сложились слова, которые я могу сообщить вам, и которые надо рассматривать как слова, переживаемые умершей. Так что надо представить себе, что на второй день после смерти это существо души, прошедшей через врата смерти, наполненное силой этих слов, высказывало себя в силе этих слов. И если бы человек погрузил себя в эту душу, то через него этими словами высказывалось бы это существо души, это существо умершей. Вот почему я не мог сделать ничего лучшего, как затем при погребении обратиться к умершей именно с этими словами, ибо это были слова, которые как бы она сама обращала к тем друзьям, которые стояли вокруг ее земных останков. Я могу вас заверить: я ничего, ничего не прибавил к этим словам, но я только попытался подхватить их от существа умершей. Конечно, позднее наступило то, что я называл приглушенностью сознания, что можно назвать своего рода состоянием сна. Умершая не смогла бы выразить это своё существо точно так же, поскольку теперь ей не хватало средств эфирного тела. Через некоторое время она снова могла это делать, но непосредственно после смерти это было бы невозможно. Слова звучат так:

Я хочу нести в мировые дали
Моё чуждое сердце, чтоб оно потеплело
В святой действенной силе огня;

Я хочу ткать в мировых мыслях
Своё мышление, чтоб оно стало ясным
В свете вечного становленья жизни;

Я хочу погрузиться в основах души
В верные чувства, чтобы они стали сильнее
Ради истинных целей людских деяний;

Я стремлюсь к божественному покою
 С борением жизни и с заботой
 Моё «я» подготовить для высшего «Я»;

Я стремлюсь к радости мирно работать
 Чуя бытие мира в своем бытии,
 Человеческий долг я хочу исполнить;

Я смею тогда жить в ожиданье
 Навстречу звездам моей судьбы,
 Что уделят мне место в обители Духа.

Это в некотором смысле результат жизни при многолетнем вхождении в духовнонаучное мировоззрение. Это многолетнее вхождение в духовнонаучное мировоззрение стало сущностью души и было так ею высказано.

Это конкретный, наглядный пример того, как были охвачены силы души, если человек воспринимал духовнонаучное мировоззрение не только в теории, но если он делал его жизненными силами в душе. Тут выступает ощущение, тут выступает чувство, приходящие из духовнонаучного мировоззрения, вне всякой теории, выступают и становятся силами души. Ибо совершенно несомненно следующее: не пройдя через духовнонаучное мировоззрение никто не мог бы обобщить своё собственное существование после смерти в таких словах:

Я хочу нести в мировые дали
 Моё чуждое сердце, чтоб оно потеплело
 В святой действенной силе огня;
 Я хочу ткать в мировых мыслях
 Своё мышление, чтоб оно стало ясным
 В свете вечного становленья жизни.

Мне хотелось поставить это перед вашими душами как наглядный пример того таинственного пути, который человеческая душа начинает с момента, когда жизнь между рождением и смертью отделяется от жизни между смертью и новым рождением, когда в

известном смысле всё то, что в земной жизни ещё было для нас внешним опытом, становится внутренним богатством, содержанием души и так живёт в нас. Здесь духовная наука ещё принимается как нечто внешнее. Но после смерти сразу же обнаруживается, что она живёт в душе так, как, скажем, мускульная сила живёт теперь в нашем физическом теле. Это надо однажды почувствовать, если мы хотим правильно постичь внутренний смысл, внутреннее значение того, чем может быть для человеческой души духовная наука. Тогда человек постепенно, — надо только иметь терпение, — усваивает себе понятие об отношениях совершенно иного рода, которые существуют в духовном мире. Если об отношениях, проявляющихся в чувственном мире, мы образуем слова и понятия, то о происходящем в духовном мире мы, в лучшем случае, можем дать чувственные образы. Надо с терпением врабатываться в понятия, ощущения и чувства, которые более или менее верно, правильно выражают то, чем являются отношения духовного мира. Логика земной жизни, — а ведь в действительности существует только логика земной жизни, — даже для земной жизни оказывается иногда хрупкой, непрочной. Я уже показывал здесь, как с помощью логики земной жизни можно пройти мимо фактов. Я часто приводил пример: допустим, человек гуляет у ручья. Мы видим, как он падает в ручей. Мы спешим туда и обнаруживаем, что он уже умер. Мы видим камень на том месте, где человек упал в ручей, и можем теперь вполне логично, хотя и поверхностно, составить суждение. Мы можем сказать: человек споткнулся о камень, упал в ручей и утонул. Он умер от утопления. — Но это может оказаться совершенно неверным. Если исследовать эти вещи посредством паталогоанатомии, может выясниться, что у человека был сердечный приступ: поэтому-то он и упал в воду. Сердечный приступ был причиной его смерти. Используя обычную правильную логику, мы пришли к противоположному выводу. Такие выводы — заметим лишь мимоходом — постоянно делаются в человеческой жизни и особенно в науке. Наука полна таких умозаключений, где причина и следствие перевернуты.

Однако эти вещи важны, когда рассматривают вопросы человеческой судьбы. Осенью мы в Дорнахе пережили такой удар судьбы, который в самом полном смысле является поучительным. Маленький семилетний сын нашего члена, Тео Файсс,¹⁰ который был исключительно милым, живым ребенком, однажды вечером пропал. Это было как раз в вечер лекции. Мать искала ребенка, но его не нашла. Когда закончилась лекция, впервые услышали, что мать потеряла ребенка, и не могли предположить ничего иного, как то, что смерть ребенка была связана с аварией мебельного фургона. Один из членов нашего Общества перевозил свою мебель в мебельном фургоне, и этот мебельный фургон вечером опрокинулся на том месте, где стоял. Было десять с четвертью вечера, когда мы предприняли все усилия, чтобы поднять этот мебельный фургон. Мобилизованные военные пришли нам на помощь. Мебельный фургон подняли, и под машиной нашли раздавленного мальчика. Вы только представьте себе, в этой местности до сих пор вообще не курсировало никаких мебельных фургонов, не было их и потом. Как было позднее установлено всевозможными средствами для происшествий и несчастных случаев — дело шло всего лишь о минутах, речь шла об одном моменте — мальчик оказался на том месте, куда упал мебельный фургон. В любом случае примечательно, что те, кто был на месте падения фургона, подумали лишь о том, чтобы перевести лошадей в безопасное место. Они даже не могли себе представить, что мебельный фургон упал на маленького мальчика.

Ребенок был мертв. С внешней материалистической точки зрения можно было бы сказать: да, в этот час случайно опрокинулся мебельный фургон, ребенок оказался под ним и был раздавлен. Так, естественно, скажет материалистическое воззрение. Но со спиритуальной точки зрения это полнейшая бессмыслица. Ибо то, что тут произошло есть карма ребенка, и эта карма ребенка направляла все отдельные обстоятельства. Мебельный фургон пришел именно к тому самому часу, когда ребенок должен был умереть, поскольку этого хотела карма ребенка. Карма

ребенка истекла, завершилась. Здесь мы имеем дело с необходимостью перевернуть, поменять местами причину и следствие.

Такие обстоятельства и их рассмотрение могут постепенно возвысить человека до настоящего понимания жизни и привести нас к тому, чтобы перевернуть то, что даёт нам внешняя чувственная видимость, именно перевернуть, поменять местами. Переворот тут мы должны производить многократно. Но особо значительными становятся эти вещи, если впоследствии удастся пережить, что следует из такого факта. Душа человеческого существа идет через врата смерти. Эта душа в течение семи лет была воплощена в физическом теле. Так почему же, — с внешней точки зрения, — этот маленький Тео не достиг семнадцати, восемнадцати, девятнадцати лет, если карма сделала это невозможным? Эфирное тело, находящееся здесь могло бы ещё на протяжении десятилетий обеспечивать жизнь; эфирное тело, которое было наполнено силами вечного, благими силами. Это был отличный мальчик. О его собственной индивидуальности, астральном теле и «я» вам известно, что они затем идут дальше своим путем. Но эфирное тело высвобождается; то эфирное тело, в которое вотканы все те нежные, прекрасные силы, развивавшиеся в детстве, но в котором также живут и силы, идущие из прежних инкарнаций. Они вновь воплотились в этой инкарнации; они принесли с собой то, что приходит из прежних инкарнаций. Жизнь в этой инкарнации является в некотором роде плодом, проявлением во всей полноте того, причиной чего является жизнь в более ранних инкарнациях. В течение всей жизни могли бы проявляться, изживаться эти плоды. Тогда в это эфирное тело вошло бы всё то, что приходило бы как плоды прежних инкарнаций. Этого не произошло. Зато в это эфирное тело было вложено всё то, причины чего происходили из более ранних инкарнаций. И наиболее примечательным было следующее: тот, кто пытается исследовать ауру нашего дорнахского здания, находит в ауре этого дорнахского здания эфирное тело этого маленького Тео. Он находится тут, он парит тут, он живет вокруг дорнахского здания. Тот, кто имеет дело с дорнахским зданием, или

ещё будет иметь с ним дело после того вечера поздней осени, когда маленький Тео прошел через врата смерти, тот знает, что изменилось в духовной ауре дорнахского здания вследствие того, что в эту ауру воплотилось эфирное тело, содержащее силы, которые могли на протяжении десятков лет быть использованы на поддержание физического человеческого тела. Это эфирное тело излилось в ауру здания.

Столь таинственны пути, на которых текущая в мире мудрость действует со своими творениями. Правильное представление о том, как протекает общечеловеческая жизнь, — к которой в самом высшем смысле принадлежит и жизнь между рождением и смертью, — дается только, если такие вещи изучают во всех подробностях. И поскольку наше антропософское движение поистине не должно быть чем-то абстрактным, оно должно быть тем, чему мы принадлежим со всем своим существом, быть тем, где находятся и те, кто тесно связан с нами, постольку мы имеем право говорить о таких вещах. В отличие от других обществ мы объединяемся не только на основе определенной программы, но хотим всей нашей душой быть в нашем духовнонаучном движении. Мы хотим представлять себе наше духовнонаучное движение как конкретное течение, к которому принадлежит каждый, кто его признает и сочувствует ему. Так что можно сказать: мы здесь говорим так, как где-либо в огромной семье говорят о принадлежащих к ней. Ибо то, что касается нас на, так сказать, семейном, доверительном уровне, даёт нам в то же время высочайшие, значительнейшие, важнейшие для нас разъяснения о духовном мире.

Исходя из такого образа мыслей, мне хотелось бы упомянуть ещё одного из наших друзей, в последнее время все чаще встречающих смерть. Бесконечно любимый всеми нами друг Фриц Митчер¹¹ совсем недавно прошел через врата смерти. Здесь дело обстояло так, что у меня появилась необходимость обобщить в словах то, что ощущала моя собственная душа, склоняясь к душе, только что прошедшей через врата смерти. Заметьте разницу между вышеприведёнными словами, которые я вам зачитал

вслух, и словами, которые я хочу прочесть вам сейчас. Те, прочитанные здесь прежде слова, исходили из души умершей. Слова, которые я сейчас прочту вам, были пробуждены в моей собственной душе при созерцании Фрица Митчера, — умершего, на душевном уровне ещё соединенного со своим эфирным телом. Итак, это впечатление, которое оказывает умерший, вновь воссозданное теперь в словах. Вы может быть знаете, что Фриц Митчер, в качестве молодого учителя, побывал во многих местах, особенно в Берлине, как активный деятель нашего Антропософского Общества. Многие из нас знают также и о том, что именно он имел волю к тому, чтобы самым прекрасным образом соединить всё то, что удалось ему усвоить как науку о Земле, геологию, научные познания о Земле, — соединить с благороднейшим, прекраснейшим антропософским сознанием. Это выразилось также и после смерти, когда во всем его существе сосредоточилось то, кем он был, и что теперь после смерти снова излучалось из свободной от тела души, имевшей ещё эфирное тело. И мне кажется, что в словах, которые я должен был посвятить ему при кремации, выражалось то, чем был Фриц Митчер после смерти.

Осчастливит нас надежда:
Вот вступаешь ты на поле,
Где расцвет земного духа
Силой бытия души
Путь к открытиям укажет.

Светлой истине с любовью
Твой порыв издревле сроден;
Сотворять из света духа —
Было строгой целью жизни,
И стремленьем неустанным.

Чудный свой талант взрастил ты,
Чтоб путём духопознания,
Одолев соблазны мира,
Истины слугою верным

Твердым шагом к ней идти.

Развивал ты око духа,
Чтобы смело и упорно,
Чтоб в пути по оба края
От ошибок сберегали,
Место дав в тебе для правды.

«Я» твоё для откровенья
В чистом свете создай ты,
Чтобы мощно сила Солнца
У тебя в душе сияла
Радостью, заботой жизни.

Прочьи радости, заботы
Миновали твою душу,
Ведь и в жизни свет познания,
Тот, что смысл бытию дарует,
Как сокровище ценил ты.

Осчастливит нас надежда:
Вот вступаешь ты на поле,
Где расцвет земного духа
Силой бытия души
Путь к открытиям укажет.

Глубока нам боль потери,
Той, что ты покинул поле,
Где земной зародыш духа
В лоне бытия души
Чувство сфер в тебе растили.

Ощути как мы с любовью
Смотрим в выси, что тебя
Там зовут к иным деяньям.
Дай оставленным друзьям
Сил своих из сферы духа.

Просьбу наших душ услышь ты,
Ту, что шлём к тебе с доверьем:
Для трудов земных нужна нам
Сила из страны духовной,
И друзей, сквозь смерть прошедших,
За неё благодарим мы.

Осчастливит нас надежда,
Глубока нам боль потери;
Дай надежду, в дальней близи
Нам всегда светить по жизни
Звездною душой из царства духа.

Эти слова, исходившие из сущности умершего, были посланы умершему. Затем, после того как эти слова были произнесены при кремации, прошло некоторое время. И из существа умершего, из ещё не пришедшего в порядок сознания, но как бы звуча из самого существа, прозвучали следующие слова; слова, которые теперь дошли от умершего в ночь, следующую за кремацией.

«Я» моё для откровенья
В чистом свете созидаю,
Чтобы мощно сила Солнца
У меня в душе сияла
Радостью, заботой жизни

Прочьи радости, заботы
Миновали мою душу,
Ведь и в жизни свет познания,
Тот, что смысл бытию дарует,
Как сокровище ценил я.

Так звучали вернувшиеся слова. Затем я обнаружил, что в двух средних строфах «ты» преобразилось в «я», а «тебя» в «меня». Заранее я этого не знал. Поэтому я услышал эти строфы так, как прочитал их вам в первый раз. Теперь же они вернулись из существа умершего, высказанные от него:

В чистом свете создаю,
Чтобы мощно сила Солнца
У меня в душе сияла
Радостью, заботой жизни

Прочьи радости, заботы
Миновали мою душу,
Ведь и в жизни свет познания,
Тот, что смысл бытию дарует,
Как сокровище ценил я.

Это показывает, как даже в то время, когда сознание ещё не имеет формы, которая, по прошествии определенного времени, заново возникнет из души, распространяясь на всю сферу между смертью и рождением, — это показывает как в живом преображении, в осмысленном преобразении приходят слова, прозвучавшие для умершего. Надо только почувствовать, как духовно-научное мировоззрение поистине оживает при создании живой связи между физическим и духовным миром. Ибо некое благоговение проходит через нашу душу, когда мы на таких примерах чувствуем, как посылаются слова умершему, и он снова возвращает их в изменённом виде. Как с одной стороны мы чувствуем, что слова дошли до умершего, поскольку они снова прозвучали от него, но прозвучали снова не просто как эхо, но измененными по смыслу, подходящему для него.

Эти вещи таковы, что дают нам в нашей современности уверенность, гарантию того, что души, живущие здесь в физических телах, состоят в связи, в отношении с правящими и ткущими в мире духовными властями; что опять-таки в этом потоке правящих и ткущих сквозь мир духовных властей, вотканы и человеческие души тех, кто прошёл через смерть, они находятся в этом потоке и в нём переживают свою дальнейшую посмертную судьбу.

Если мы позволим правомерным образом действовать в нашей душе этой связи физического мира с духовным, то нам удастся обратить внимание на разные вещи. Однажды я уже указывал

здесь на то, что при этом взаимодействии, при этом конкретном взаимодействии физического и духовного миров наиболее близким нам оказывается то, что является импульсом Мистерии Голгофы. Ведь мы знаем, что благодаря духовной науке, в сущности, только теперь начали полностью рассматривать смысл и значение Мистерии Голгофы и Существа Христа. До сих пор люди делали это посредством рассудка — делали правильно, но посредством рассудка. Но что же из этого рассудка? Если бы действительность Христа в жизни земного человека определялась тем, как это поняли люди, то оказалось бы, что эта действительность Христова импульса на Земле не могла быть очень большой. Теологические перебранки, всевозможные споры — вот к чему приводил людей рассудок при понимании христианства. Но Христос действовал посредством живой силы.

Я вам уже приводил здесь пример о битве, в которой Константин выступал против Максенция, — битве, благодаря которой решилась судьба тогдашней Европы. Тогда христианство было, в сущности, впервые признано, а затем стало господствующей в Европе силой. Победа в этой битве была одержана не благодаря боевому искусству, не благодаря армии Константина. Максенций должен был защищать Рим. По наущению сивилинских книг и из-за сна, который он видел, ему было внушено, что он должен вывести из Рима свою армию, которая была в пять раз больше, чем армия Константина, подступавшего к Риму: тогда он уничтожит врага Рима. И он действительно вывел свою армию из Рима, но в стратегическом смысле это было наихудшим, что он мог сделать, ибо стратегия говорила всецело за то, чтобы оставить свою армию в Риме и дать вражеской армии подойти; однако он вывел армию из Рима. Со своей стороны Константин, который вел свою армию против Рима, действовал не по научным военным соображениям, которые давали бы ему силу, но тоже на основе сна. Во сне ему было сказано: если ты прикажешь нести перед твоими войсками монограмму Христа, ты победишь Рим. — Благодаря победе Константина с его слабейшим войском тогда и позднее вся географическая карта Европы изме-

нилась. Также духовная жизнь Европы стала иной. То, что люди тогда могли понимать, было недостаточным для успеха. Импульс Христа действовал в подсознании людей, в том, что жило в глубине души, о чем человек мог иметь сновидения, что в лучшем случае вспыхивало в нём в сновидческих образах.

Более поздний, в высшей степени значительный пример действия Христова импульса имеем мы в случае Орлеанской Девы. Кто по настоящему изучает историю, — не так, как зачастую изучают историю сегодня, — но пытаюсь познать истинные связи, может знать, что благодаря деяниям Орлеанской Девы была опять-таки абсолютно определена судьба Европы на ближайшие столетия. Не военное искусство, не премудрость политиков, но то, что сделала девушка-пастушка из Орлеана, было решающим для судеб Европы, особенно для судьбы Франции. Но в Орлеанской Деве действовал импульс Христа, будучи опосредован через своего представителя — Михаэля. Он действовал внутри души Орлеанской Девы. Её душа была полностью пронизана, инспирирована Христовым импульсом. Точно так же как и прежде, когда решался исход битвы между Константином и Максенцием, действовал Христов импульс, причём без того, чтобы люди в своём верхнем сознании что-либо знали об этом, действовал Христов импульс также и в том случае, когда Орлеанская Дева послала французские войска против войск английских. Весь континент стал бы другим, даже Англия, если бы тогда Франция не одержала победу. Но, как было сказано, то, что привело к победе было подсознательными силами, проявлявшимися в визионерстве, ясновидении: благодаря им были инспирированы способности Орлеанской Девы. Так что можно сказать: то, что сделала Орлеанская Дева, находилось под влиянием более или менее подсознательной инициации. Это, конечно, бессознательная, можно даже сказать атактистическая инициация. Она должна была именно бессознательно охватить чистый душевный сосуд, каковым была Орлеанская Дева: с помощью Христова импульса, с помощью его михаэлического представителя смог действовать этот чистый сосуд.

Давайте рассмотрим эти вещи более точно. Если сегодня кто-либо сознательно проходит инициацию, для этого существуют правила. Основные начала изложены в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?». Есть правила, посредством которых человек может постепенно проработать, возвысить себя. Конечно, в случае Орлеанской Девы о такой сознательной инициации нет и речи. Однако дух, в ином случае не связанный с человеческой душой, должен занять место в этой душе, должен внедриться в эту человеческую душу. Для этого должны наступить особо благоприятные обстоятельства. Не всегда дух из высших сфер может вступить в души, которые для этого пригодны. Должны наступить особо благоприятные обстоятельства, чтобы отдельная человеческая душа без инициации, без сознательной работы над собой обрела связь с высшими мирами. Весьма благоприятным обстоятельством может служить время, когда Дух Земли особенно пробужден: время с 25 декабря по 6 января. Когда летом Солнце стоит наиболее высоко, когда физическое тепло наиболее сильно излучается на Землю, условия для инициации являются наихудшими, поскольку тогда Дух Земли спит. Дух Земли наиболее пробужден в зимнем мраке, во время зимнего солнцестояния.

Вот почему вполне соответствует истине, когда в древней легенде рассказывают, что в тринадцать ночей, которые продолжаются до 6 января, некоторые особо подходящие души получали инициацию, так что они могли входить в духовный мир, могли переживать там то, что мы называем Кама-локой и Деваханом. Мы помним, как здесь в Ганновере однажды была представлена легенда об Олафе Эстесоне,¹² испытавшем за тринадцать ночей во сне весь путь, который мог быть путём через Кама-локу и Девахан. Затем Олаф Эстесон рассказал о том, что он пережил за эти тринадцать дней.

Итак, если внешний физический мрак наиболее силён, возникают наиболее благоприятные условия, чтобы привести душу в духовный мир. Для души, которая не благодаря непосредственно осознанной проработке, но благодаря особым благоприятным

условиям была инициирована ради всего человечества для таких деяний, какие выполнила Орлеанская Дева, было бы особенно благоприятным, если бы она могла спать в течение этих тринадцати ночей и во сне могла бы обрести связь с духовным миром; то есть, если бы она всё это могла испытать в состоянии сна. Дело действительно обстояло так, что Орлеанская Дева испытала такое состояние сна. Случилось так, что Орлеанская Дева эти тринадцать дней вплоть до 6 января провела в материнском теле в том состоянии, когда человек ещё спит. Ибо человек пробуждается для физической жизни только тогда, когда он родился и сделал первый вдох. У Орлеанской Девы последние проведенные во сне ночи в эмбриональном состоянии совпали со временем тринадцати ночей, так как она родилась 6 января. Здесь перед вами глубоко значительная внутренняя историческая связь. Здесь основа миссии Орлеанской Девы, которая была избрана для того, чтобы как чистая душа перед своим первым вдохом в последние тринадцать ночей беременности её матери пережить в состоянии сна инициацию, посвящение, причем как раз благодаря особо благоприятным обстоятельствам земной жизни. На это вам указывает календарь. Раскройте календарь и вы найдете, что на 6 января приходится день рождения Орлеанской Девы. Так календарь показывает вам, как в данном случае реализуется глубокая внутренняя связь между физическим миром и процессами в духовном мире. Конечно, было необходимо, чтобы душа Орлеанской Девы была подготовлена в предшествующих инкарнациях. Однако здесь в эти тринадцать ночей эта душа встретила с тем, что должно было пройти через эту душу; так осуществилось то, что последовало на историческом уровне, чтобы именно в этом месте развития человечества сделать возможным воздействие духовного мира в физическом мире.

Духовный мир со своими ингредиентами всегда присутствует здесь. Духовный мир всегда с нами. Разнообразны и многочисленны те пути, которые отыскивает духовный мир, чтобы действовать в физическом мире. Наше осознание связи с духовным миром будет становиться тем сильнее, чем больше мы с такими

подробностями будем выражать особенно глубокие связи между физическим и духовным миром; чем больше такие связи будут, оживая, пребывая в нашей душе.

С другой стороны надо сказать: также и то, что происходит здесь в физическом мире, может быть подготовлено благодаря форме связи между духовным миром и физическим миром. И если тот, кто подобно Фрицу Митчеру интенсивно воспринимал то, что втекает через нашу духовную науку, и на тридцатом году жизни переходит в духовный мир, — 26 февраля ему должно было исполниться тридцать лет, — причем его душа прониклась тем, что как сила может проникнуть в душу благодаря нашей духовной науке, то тогда мы обретаем мощную индивидуальность, которая и затем, будучи в духовном мире, остаётся вместе с нами в качестве исключительно мощного помощника. Если вспомнить, как трудно именно в наше время, когда всё проникнуто материализмом, реализовать стремление к спиритуальной науке, то можно сказать, что тот, кто всеми фибрами своей души связан с духовным миром, подаёт большие надежды на то, чтобы после сложения своего физического тела стать духовным помощником. Разумеется, нет необходимости говорить, что прохождение через врата смерти никогда не должно происходить по собственному решению, но переход должен быть вызван только кармой. Такими духовными помощниками являются те, кто подаёт нам утешение и надежду, когда мы видим, насколько трудно, — особенно в современности, — пронести наше духовнонаучное движение через многочисленные препятствия. Но мы знаем, как высшие духовные силы воздействуют на Землю для того, чтобы поток духовного мира втекал в физические цели Земли. Так неиспользованные силы человеческих душ восходят наверх в духовные миры, чтобы действовать там совместно с другими силами. Вот откуда появилось то, что я из глубины сердца выразил в словах поминальной речи для нашего Фрица Митчера:

Просьбу наших душ услышь ты,
Ту, что шлём к тебе с доверьем:

Для трудов земных нужна нам
Сила из страны духовной,
И друзей, сквозь смерть прошедших,
За неё благодарим мы.

И если мы честно попытаемся вести наше духовное движение к его цели, мы должны осознать, что в тех силах, которые мы используем здесь на Земле, задействованы также и те силы, которые наши друзья уже перенесли через врата смерти в духовный мир.

Всё это мы можем объединить ради понимания общего положения в мире. Те человеческие души, которые теперь, вследствие судьбоносных событий эпохи, проходят через врата смерти, с одной стороны несут свои эфирные тела Народному Духу. С другой стороны, они несут всё то, что они обрели в добровольной жертвенной отдаче, своей индивидуальностью пройдя из-за этих эпохальных событий через врата смерти. И всё это как активная деятельность будет изливаться в грядущую эпоху. А людям, которым предстоит жить в мирное время, надлежит, исходя из самих себя, установить связь с тем, что уже будет находится вверху. Те, кто сегодня как матери или отцы, как братья и сестры, как иные родственники переживают уход близких им людей, павших на поле брани, могут принять в своё сознание тот факт, что вместе с эфирным телом нечто исключительно значительное для будущего переходит во всеобщую активность земных людей. Не только то, что они могут знать, что индивидуальности укрепленные и усиленные жертвенной смертью идут навстречу более поздней усиленной земной жизни, но они должны знать также и следующее: то, что павший воин, прошедший через врата смерти, передаёт Народной Душе, — живо действует дальше. Можно сказать дважды, внутри общей Народной Души и как индивидуальность, имеют матери и отцы, сестры и братья тех, кто в юности прошел через врата смерти. Но эта идея обретет большую ценность только тогда, когда она всецело станет чувством, так чтобы не просто говорили о бессмертии, но чувством знали:

умершие находятся здесь, они среди нас, когда эта связь станет настолько прочной, что для нашего чувства смерть станет, в сущности, чем-то неистинным. Ибо даже более истинно, ощутимо, нежели в физическом воплощении, может проявить себя умерший, если он сможет удерживать в руках все своё существо, когда он уже не встречает препятствий со стороны своего физического тела. Необъятный поток утешения, необъятный поток внутренних сил самоутешения исходит от того, что может дать духовная наука в живом сознании и живом чувстве. Если это будет ощущаться, то тогда, — особенно те, кто принимает духовную науку, — смогут с утешением смотреть в будущее. Тогда в этих современных судьбоносных, отягчающих судьбу событиях можно почувствовать нечто подобное предрассветному полумраку, за которым последует мирное солнечное время. Но главным в духовной активности этого мирного солнечного времени станет то, что будет достигнуто благодаря жертвенной смерти столь многих.

Может стать особенно плодотворным здесь на Земле создание моста, установление связи между живыми, воплощёнными в физическом теле душами, и душами, которые находятся наверху и хотят излучать вниз то, что они унесли наверх. И здесь, где истинное понимание духовной науки бьётся в нашем сердце, оно требует от нас делать то, что мы можем сделать, исходя из усвоенного благодаря духовной науке сознания; что мы можем сделать, ощущая, сделать для того, чтобы эти великие, вызванные судьбой, несущие боль события современности, — насколько они касаются нас, — обернулись во благо, стали плодоносными для человечества. Те, кто что-то знает о духовной науке, могут, чувствуя — зная и зная — чувствовать, благодаря чему будет создан мост наверх в духовный мир: тем самым от душ, оставшихся внизу, посылаются наверх мысли и чувства, которые могут воспламениться духовной наукой. Горизонтом для этого станет мирный горизонт. Вверху будут находиться души, которые захотят посылать вниз духовные лучи света. Внизу должны находиться люди, которые научились из своих душ посылать вверх мысли и чувства, пробужденные духовной наукой. Если действительно

найдутся души, которые, сознавая дух, направят свои чувства в духовный мир, тогда будет построен мост, тогда придёт время, когда, вследствие таких изливающих боль судьбоносных событий, как те, что разыгрываются в наше время, должна быть соткана внутренняя связь между физическим миром и духовным миром; к этому мы стремимся благодаря нашей духовной науке.

Итак, то, что должно стать нашим познанием и нашей задачей, должно пробудить уверенность, мы обобщим в словах:

Из мужества борцов,
Из крови битв,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных деяний народа
Взрастет духовный плод,
Если души, сознавая дух,
Направят свои чувства в царство духа.

Третья лекция

Духовная наука и загадка смерти – Глубинные связи европейской истории

Бремен, воскресенье, 21 февраля 1915 года

То, что в духовной науке называют загадкой смерти, в наше время выступает нам навстречу с особой значительностью. Всё находится в более близкой или дальней связи с нею. Благодаря духовной науке мы получаем, прежде всего, не только основательные убеждения, но и основательные знания о мире в физическом теле и о мире, в который мы вступаем через врата смерти. Но этот мир, в сущности, всегда остается живым также и в чувственной жизни и окружает нас, хотя он остается невоспринимаемым для человека, связанного чувственной жизнью, поскольку у него недостаёт внимания для этого мира. В это время, когда бушуют столь радикальные события, требующие от людей многих жертв, события, окружающие нас теперь, мы должны всей нашей душой включаться в них. Ближайшим является: продемонстрировать и объяснить некоторые вещи, исходя из духовной науки.

Давайте направим взгляд на ту область жизни, которая показывает нам, как человечество, вследствие материалистического образа мыслей, пришло к роковой нелогичности относительно своего окружения. Сегодня, например, мы привычным образом слышим, как отдельные народы упрекают друг друга: я не хотел войны, это ты развязал её. — Это правомерный вопрос и на него уже можно ответить — ибо факты говорят ясно, в чем заключаются внешние причины. Но для духовнонаучного наблюдателя дело обстоит иначе. В этом вопросе ему должно быть ясно, что война является, в сущности, последней фазой в ходе событий или, по крайней мере, поздней фазой вещей, имевших место до этого. Таковую же ошибку допускают, вынося суждение о болез-

ненном процессе, часто говоря о нём как о ещё болезненном, в то время как он уже является процессом выздоровления, процессом, который должен протечь, чтобы выздороветь. Внешние процессы, протекающие, чтобы парализовать болезнь, чтобы выздороветь, процессы, разыгрывающиеся прежде, оказываются незамеченными. Война тоже представляет собой по видимости болезненный процесс. Она является стремлением человечества вырваться из некоторых процессов, имевших место прежде. Заболевание было заложено уже раньше в поистине нездоровых отношениях народов друг к другу. Если, используя рассудок, исследуют внешние причины,¹³ то причины внутренние упускаются из виду. В той области, где мы как бы заперты в крепости, вокруг которой ведется борьба, ближайшим делом оказывается постановка вопроса: в чём состоят внутренние причины, какой характер носят отдельные причины, которыми была вызвана такая блокада, такая изоляция? О такой блокаде, о таком окружении говорили в последние годы, в последние десятилетия, но если рассматривать отдаленные связи, она началась гораздо, гораздо раньше. Это звучит странно, но можно это датировать 860 годом, — не 1860, а 860 годом. Так долго длился процесс, нашедший теперь своё выражение в том, что можно назвать самой страшной войной человечества, с тех пор, как оно живет на Земле.

Более глубинные связи в европейской истории, как в высшей степени замечательное явление, мы обнаруживаем в том, что в Средней Европе концентрировалась своего рода духовная субстанция. Исследуя эти глубинные связи, видят, что эта субстанция сплавивалась здесь ради особой цели. Речь тут идет не о внешних определениях, не о крови, не о расе, но о том, как нечто, в качестве духовной субстанции, проникало в мир. Подобно змеобразному кольцу, спускающемуся с крайнего Севера, это нечто проникало в Среднюю Европу. Два потока кольцеобразно проходили с Востока и Запада на Юг и снова кольцеобразно встречались друг с другом. Из одного центра в девятом столетии норманнские племена¹⁴ двигались вниз, те племена, которые по крови были родственны многому, что позднее существовало в Сред-

ней Европе. Тем не менее, они проникали в романский элемент, который приходил из Южной Европы; они с ним сливались. В 860 г. они стояли перед Парижем, и там норманны были побеждены романами (франками).¹⁵ Из этого возникла Западная Франция. Больше, чем смогли принести на британский остров англй и саксы, принесли из Франции в Англию норманны. На Востоке норманны спускались вниз,¹⁶ они с Севера до Волги и Чёрного моря проникали в славянский элемент. Позднее туда вошёл татарский поток. Славянство в расовом смысле преодолело норманнов и принесло им христианскую религию в её восточной форме. Они были славянизированы как «росы», — так их называли в Финляндии, — и от них ничего не осталось, кроме названия «Россия». Это название германского происхождения. Такое же происхождение имело имя «Рюрик».¹⁷

Об этих связях люди имеют весьма сомнительные мнения. На Западе Европы многие говорят о том, что Франция, якобы, призвана снова оживить кельтский элемент к своего рода Ренессансу. Представляют себе, что Средняя Европа, якобы, является по преимуществу германской, а на Западе преобладает кельтский элемент. Но на самом деле, наоборот: во Франции гораздо больше германской крови, а в Средней Европе больше кельтской крови, вот в чём истина. Так майя противостоит истине. Только население Запада было полностью подчинено романским началом. На Востоке норманнское начало и, тем самым, германское начало было преодолено чужим расовым элементом. Там и сегодня господствует религия, полностью чуждая русской Народной Душе.¹⁸ Так люди в Средней Европе окружены своего рода цепью. Романский элемент правит до Константинополя, а по другую сторону до Константинополя правят славянизированные норманны. Вот так мы имеем змею, кольцо.

Обратив внимание на то, что здесь как бы духовно зажато, мы получим впечатление, что оно имеет особо важную задачу. Вчера я только намекал на это, но, тем не менее, я говорил о том, что здесь должно иметь место особо интимное, доверительное общение Народной Души с отдельной душой; именно этим будет обу-

словлено великолепное процветание тех, кто с этим родственно связан. Само «я» должно быть непосредственно охвачено, а не отдельные члены души, как на Западе; здесь должно быть непосредственно и живо охвачено «я». Отсюда следует, — это должно быть ясно даже при экзотерическом рассмотрении, — что в Средней Европе, в сущности, никогда не может господствовать полная враждебность по отношению к идеализму, что всегда в самом интенсивном масштабе будет иметь место склонность к духовному миру. Когда мы начинали наше духовное движение,¹⁹ карма распорядилась так, что мы сначала должны были заключить союз с британским движением. Но внешне всё дальнейшее было всего лишь симптомом того, что должно было разыграться внутренне с известной необходимостью. Если рассмотреть, чем является теософское движение, от которого мы были вынуждены отделиться, будет заметно, что там культурная жизнь распалась на две части. Внешняя жизнь приняла чисто материалистическое течение, к которому примкнул спиритуальный элемент. Они всегда распадаются. Сравните с тем, чем должна быть наша спиритуальная жизнь. Как в организме нельзя помыслить себе голову без тела, так наша спиритуальная жизнь произрастает из всеобщей культурной жизни. Начать хотя бы с Таулера, Экхарта, Ангела Силезского, затем Гердера, Лессинга — повсюду мы должны развивать дальше то, чем должна стать высшая духовная культура. Мы не можем наши спиритуальные воззрения делать придатком, мы должны иметь их как организм, мы должны возвышать их до этого. Мы должны внутренне открыть, что Второе Пришествие Христа — есть духовное дело. Поэтому мы не должны идти ни на какие уступки. Ко Христу как к облику мы можем приблизиться лишь с помощью духовных очей, посредством внутреннего переживания. На Западе должны будут материализовать, догматизировать. Люди не могут представить себе ничего иного, как то, что Христос должен явиться в физическом теле. Отсюда гротескная идея,²⁰ преподнести Христа в теле в тарелках для презентов. Это произошло в связи с тем, что здесь возникла блокада.

Поэтому нас объективно затрагивает вопрос: как должна относиться средневропейская сущность культуры к культуре будущего? — Истина носит всеобщий характер, но есть некоторое различие в том, как она возникает. В средневропейской культуре заложены источники всей спиритуальной культуры будущего. Мы должны проложить путь из немецкого идеализма в спиритуальную культуру. Для этого необходимо, чтобы здесь, в середине, была основана «я»-культура. На оккультном поле это легко можно увидеть. «Я» человека должно воспламениться посредством внешнего мира, впервые пробудиться и стать внутренне осознанным. Так «я»-культура Средней Европы будет воспламенена извне. Надо хотя бы рассмотреть последние события, унификацию немецкого Существа. Характерно, что немецкое государство, Германский Рейх был в 1871 г. основан на чуждой почве. Можно привести много вещей, которые на внешних событиях показывают, что в Средней Европе господствует «я»-культура.

Ближайший вопрос таков: какое значение имеет жертвенная смерть для спиритуального мира? — Огромное количество людей в расцвете своей юности проходят через врата смерти. Прежде всего «я», астральное тело и эфирное тело прерывают свою связь с физическим телом. Физическое тело предается земле, эфирное тело переходит в эфирный мир, астральное тело и «я» идут дальше. Но вот на что нам надо обратить внимание: не обстоит ли дело с эфирным телом у человека нормального возраста, проходящего через врата смерти, иначе, чем у той молодежи, которая погибает теперь? Относительно физического тела это понятно; относительно эфирного тела мы это сейчас поймём. Эфирное тело могло бы ещё на протяжении десятилетий обеспечивать физическое тело, могло бы работать над ним. Это эфирное тело проходит теперь через врата смерти с неизрасходованными силами, оно соединяется с Народной Душой, так что работа Народной Души насквозь пропитывается неиспользованными силами этих эфирных тел. От нас требуется понять это. Здесь будут люди, которые будут знать: Народная Душа является ак-

тивным элементом. Если знают, что неиспользованные эфирные тела будут конкретным образом действовать в духовном мире как спиритуальные силы, тогда смогут понять, что же реально происходит. Важно должно быть само сознание этой конкретной спиритуальной связи с духовным миром. Благодаря этому, то есть вследствие возникновения сознания о духовном мире, духовная наука будет всё больше становиться чем-то живым в душах, а не оставаться всего лишь учением. Такой человек знает, что он находится в духовной ауре, также как здесь человек знает, что вокруг него находится воздух. Как может он отличить свежий и использованный воздух, так будет он ощущать добрых и злых духов, ощущая в переживании духовную ауру.

Таков первый истинный плод духовной науки. Мы увидим его, если рассмотрим ближайшие события, которые могут наставить нас. Одно из них произошло в непосредственной близости от нашего здания. В этом случае тот, чьё эфирное тело было неиспользованным, оказался ребенком. Силы находятся здесь для тех, кто их видит, кто умеет их видеть; он видит, что они перешли в ауру нашего Дорнахского здания и живут в нём. Это пример того, о чём я говорю. Это эфирное тело, которое со своими силами в большей степени принадлежит универсуму, правильным образом действует дальше. С тех пор оно старается посредством инспирации сделать что-либо вблизи здания. Это силы, которые помогают.

Эти вещи находятся рядом с нами, у них мы можем учиться тому, сколь таинственны связи в духовном мире. Именно в последнее время карма нашего Общества такова, что наши любимые друзья, умирая, уходят от нас с физического плана. То, что в Венском цикле лекций²¹ я говорил о жизни между смертью и новым рождением, становится особенно ясно на примерах многих из этих душ. Одна из этих душ правомерно нашла путь в наше движение, когда физическое тело уже стало дряблым. Это было одно существо, у которого уже с тех пор, когда оно оказалось в нашем движении, душевное начало выступало навстречу мне, как сквозь ставшее прозрачным тело. После смерти тот образ души,

который уже был здесь перед этим, сооткался с тем, каким он представился после. Я не мог сделать ничего иного, как только прочесть надгробную речь, которая показывает, что я правильным образом был связан с этой душой. Следующие слова прозвучали примерно через три дня после того, как наступила смерть:

Ты выступала среди нас,
И существо твоё подвигла кротость,
И сила тихая в очах твоих вещала
О том покое, где жила душа,
Покое, льющемся в волнах,
С которыми твой взор
К вещам и к людям
Нёс то, что ткалось у тебя внутри;
И это существо одушевляя
Твой голос, что вещал
Звучаньем слова больше,
Чем смыслом слов самих,
И открывал, что скрыто
В душе твоей прекрасной пребывало;
Так пусть же беззаветная любовь
Людей, проникнутых участием,
Без слов себя раскроет —
Для существа, что нам о благородной
И тихой красоте творений Мировой Души
Вещает чувством утончённым.

После смерти наступает помрачение сознания, причём именно оттого, что возникает переизбыток сознания. Это происходит вследствие ретроспективного взгляда, который человек имеет сразу после смерти, — но не при самоубийстве, — и который подобен солнечному пункту. Он принадлежит к самому прекрасному, самому высшему. Человек смыкается с ним, он говорит себе:

это ты пережил — и тем самым он получает ориентировку в духовном мире.

Та, кто была нашим другом, находилась на стадии эфирного ретроспективного взгляда, так что речь была обращена к хотя и присутствующему, но не сознающему существу. Затем вследствие тепла пришёл момент осознания, и она видела кремацию. Время при этом стало пространством.

Существует вид связи между тем, кто находится в физическом мире и тем, кто находится в духовном мире. В одном из таких случаев призыв не возвращается назад из духовного мира как эхо, но преобразуется в логичный ответ из еще не имеющей сознания души. Благодаря таким примерам познающего в нас чувства, в нашем чувствующем познании духовного мира, результатом должно стать опытное познание реальности духовного мира. Особенно важно овладевать этим конкретным чувством в наше время, чтобы из трудностей, постигших всё человечество в наше время, и в физическом и в душевном взросло благо, взросло исцеление, ибо всегда великие, значительные события мировой истории, даже для поверхностного духовного познания были ясным выражением того, что в чувственном мире мы имеем дело не только с чувственно-воспринимаемыми существами, но и с воздействием духовных существ.

Трудно разорвать покров, отделяющий физический мир от духовного. Из-за этого самопознание в самом широком объёме оказывается трудным, хотя часто его считают легким. Уже во внешнем физическом смысле оно является иногда тяжёлым. Гротескный пример такого рода представляет собой известный философ, профессор Эрнст Мах,²² — не Фердинанд Маак,²³ — иначе я не говорил бы об известном философе. В своих трудах Мах описывает, как однажды в юности ему в зеркальной витрине бросилось в глаза неприятное, отвратительное лицо, которое он к своему смущению вынужден был признать за своё собственное. Нечто подобное он переживал ещё раз позднее. При посадке в омнибус он увидел человека с противным, гадким лицом, который подходил к нему с другой стороны, и только впо-

следствии признал, что видел в зеркале самого себя. О том, что это существо является образом души, этот человек ещё не имел ясного представления. Почему человек должен пройти через всё это, чтобы придти к самопознанию, этот человек не имел никакого представления, это ему и не снилось. В подосновах души в большом объёме часто присутствует майя. Человек имеет склонность к страху, ужасу, он живёт вместе с людьми, которых он время от времени огорчает, терзает, и т.д. Он ищет этому внешнюю причину, он часто прилагает гениальную изобретательность для того, чтобы прикрыть, замаскировать структуру души. Я сам знал кое-кого, кто всё снова говорил о том, с какими великими жертвами была сопряжена его деятельность. Но я должен был сказать, что это было всего лишь душевное наслаждение, которым он удовлетворялся. Если он говорил о жертвах, то за всем этим стоял эгоизм. Настоящее самопознание достигается только тогда, когда человек шаг за шагом продвигается вперед в духовной науке, если он переживает в себе то, что происходит в мире.

В мире есть болтливые люди, которые проводят часы в болтовне. Это бывает даже среди мужчин, идущих на вечернюю попойку. Если спросить их, почему они болтают, то у этих людей найдутся всевозможные важные причины для этого. Однако, если мы погладим рукой по бархату или шелку, у нас возникнет приятное чувство. Если человек болтает, его эфирное тело постоянно сталкивается с приводимым в движение воздухом, и эфирное тело как бы гладят. В этом нет ничего плохого. То, что происходит во время болтовни, будет понятно только тогда, когда узнают, что у человека есть эфирное тело.

Человечество идёт навстречу тому времени, когда оно должно будет всё больше и больше видеть такие вещи в лицо. Духовная наука должна всё больше и больше пробуждать сознание об этом. Тогда наступит то, что люди, которые сегодня, будучи материалистами, утверждают, что всё духовное — грёзы, мечтанья, будут выглядеть так же как тот, кто захотел бы говорить, будто бы там, где находится воздух, вообще ничего нет. Как открыли то, что воздух реален, так откроет человечество и то, что дух есть

нечто реальное. Рассматривая великую Мистерию, Мистерию Голгофы, человек может верить в то, что Христос, после того как Он прошел через Мистерию Голгофы, действовал на человечество, главным образом посредством учения. Однако то, что люди знают о Христе — есть наименьшее, наименее значительное. Хотя теологи и спорили, лишь очень немногие из них понимали что-то правильно. Ведь только часть из того, что совершается в истории, развёртывается в сознании. Примером тому является битва между Максенцием и Константином на Мильвийском мосту 28 октября 312 г., которая решилась не вследствие каких-либо внешних обстоятельств, но благодаря внефизическому вмешательству. С войском, которое было гораздо сильнее, чем у его противника Константина, Максенций должен был защищать Рим. При вопрошании сивиллиных книг ему стало ясно, что он должен вывести свою армию из Рима: таким образом он уничтожил бы врага Рима. В этом мнении он был укреплен ещё и в сновидении. Константин тоже видел сон: ему была поставлена задача, вместо древних боевых символов, нести перед его солдатами монограмму Христа. Случилось так, что войска Максенция, которые вопреки всем разумным доводам были выведены из Рима, оказались разгромлены более слабыми вооружёнными силами Константина, а сам Максенций погиб при бегстве. Здесь в подсознании людей действовал импульс Христа.

Этот импульс живет в подсознании подобно тому, как если по морю идут корабли, но самое важное разыгрывается на подводных лодках. Пятнадцатое столетие снова стало важным пунктом. Тогда в ход истории вмешалась Орлеанская Дева, причём так, что всё произошедшее позднее, было этим определено. Вся карта Европы была бы иной, так же и духовная жизнь была бы иной, если бы победили англичане. Дева была служительницей Михаэля. Образ Орлеанской Девы глубоко затронул Шиллера: «Мир любит очернять то, что сияет». В то время как Вольтер изрыгал против неё яд и желчь, сам Шекспир не мог понять её, Анатолий Франс опустил ее в стихию материализма, все западные мысли-

тели не поняли её, — Шиллер воплотил в своей драме этот величественный образ.

Для того чтобы Орлеанская Дева выполнила свою историческую миссию, было необходимо, чтобы она испытала своего рода бессознательную инициацию. Речь тут идёт о посвящении, как оно описывается в легенде об Олафе Эстесоне. Такие посвящения, которые были предназначены для определенным образом кармически предрасположенных людей, могли совершаться между 25 декабря и 6 января. Когда внешний свет имел минимальную силу, становилось наиболее возможно внутреннее просветление. Так Олаф Эстесон имел в состоянии сна в течение тринадцати ночей реальное духовное переживание, о котором он затем, — как это сообщается в «Сновидческой песне», — рассказал перед церковными воротами. Орлеанская Дева тоже провела эти тринадцать ночей в состоянии сна, а именно, находясь в теле матери. В последний период перед рождением человек становится особенно доступен бессознательным влияниям. Орлеанская Дева родилась шестого января. В этот день сбежалось всё население местечка, в котором она родилась, поскольку в ауре деревни ощущалось что-то совершенно необычное. Это было рождение Орлеанской Девы, которая еще перед тем как увидела физический солнечный свет, была непосредственно проникнута импульсом Христа.

Достигнуть живой связи между физическим и духовным миром — вот истинная цель всех наших устремлений и того, что к ним относится. Будут познавать, что сумеречное время этой войны означает поворот времен. Люди должны знать, что души тех, кто пожертвовал собой, действуют дальше, и что эта война имеет задачу завершить эпоху материализма.

Необходимо, чтобы здесь были души, которые, подобно протянутым рукам посылали бы вверх в духовный мир мысли и приносили вниз сознание о духовном мире; необходимо, чтобы здесь были души осознавшие дух. Чем больше таких осознавших дух душ будет посылать вверх свои мысли, — многое зависит от того, чтобы наша духовная атмосфера пронизывалась

такими мыслями, — тем больше смогут созреть плоды, происходящие из жертвенных смертей. Обобщим наше рассмотрение в словах:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных деяний народа,
Взростёт духовный плод —
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

Четвертая лекция

Интимный элемент среднеевропейской культуры и среднеевропейские стремления

Лейпциг, воскресенье, 7 марта 1915 года

Мы живём в тяжёлые судьбоносные дни. И на то, что эти судьбоносные дни принесут нам, земным людям, поистине немногие души смотрят с уверенностью, а главное — значение того, что высказывает себя в событиях этих дней, не с полной силой говорит в душах. Однако именно те человеческие души, которые пытаются, всё больше и больше вживаться в то, что как импульсы должно будет воплотиться в культурном развитии человечества, в духовном культурном развитии вследствие требовательных усилий духовной науки, — именно эти души должны уметь в глубинах своих чувств, своих ощущений обрести связь с тем, что разыгрывается вокруг наших душ; разыгрывается с одной стороны как нечто великое, мощное, а с другой — как столь болезненное и трагическое. Ведь то, что происходит, не только в своих формах, но и по масштабам является беспримерным в осознанной истории человеческой эволюции, человеческого развития, оно глубоко вторгается и является решающим во всей жизни в развитии Земли. Необходимо хотя бы однажды провести перед душой: что же означает, — а это сегодня касается каждого человека, как европейца, так и того, кто принадлежит большей части остального населения Земли, — что же это значит; стоять в центре свершения значительнейших событий. Это надо провести перед душой, чтобы почувствовать, что это время не только в полном смысле подходит, но и в полном смысле требует, чтобы души освобождались, делались всё свободнее от жизни исключительно в своей самости, в своём эгоистическом «я»; они должны попытаться сжиться с тем, что как общая судьба проходит

через человечество. В настоящее время душа может научиться многому, если она правильным образом сумеет связать себя с потоком событий. Если ей удастся это сделать, она сможет освободиться от многого, что бессердечно и эгоистично. Вещи, которые происходят, столь велики и насильственно мощны, что почти всякие мысли о себе должны казаться в такое время подобными краже, ибо наша душа идет по жизни, разделяя общую участь.

Населению Средней Европы в особенности приходится стоять перед собой чудовищный вопрос о вещах, которым оно может научиться только теперь! Человек Средней Европы может заметить, как его, в сущности, не понимают, как его ненавидят. Это неправильное понимание, эта ненависть, — они возникли впервые отнюдь не с началом войны; с началом войны они стали лишь заметны. Поэтому начало и ход войны могли всего лишь обратить внимание средневропейских душ на то, что они в некотором отношении должны более или менее чувствовать себя изолированными по отношению к чувствам и ощущениям людей, окружающих это средневропейское население, причём их чувства и ощущения по отношению к нему поистине полны непонимания. Если бы в душах, — а это столь желательно, особенно теперь, — если бы в душах, посвятивших себя духовной науке, зажегся глубокий интерес к тем великим событиям жизни, который вывел бы душу за горизонт её «я» к великому горизонту общечеловеческих, земных событий! Если бы взор и всё устроение душ, поскольку они приняли духовную науку, направлялись на углубленное познание всеобъемлющих сил и отмежевались от интересов сил узких, частных, имеющих дело лишь с отдельным человеком! Ибо действительно, если сегодня послушать, что говорит мир, а именно мир, окружающий средневропейцев, если почитать, какие странные вещи говорят об импульсах, которые должны были привести к этой войне, то почувствуешь, что человечество в наш материалистический век поистине утратило обязанность выносить суждение с более высокой точки зрения, утратило настолько, что порой возникает впечатление, как будто бы эти люди вообще ничему не научились, а история

началась для них только лишь с 25 июля 1914 года²⁴. Эти люди как будто ничего не знали о том, что происходило в игре сил земного населения, как такая силовая игра приводила к тяжелым осложнениям, которые, в конце концов, разгорелись в пламя войны, воспламенились. Едва ли скажут о том, что называют блокадой, возникшей из-за прежнего английского короля,²⁵ который объединил европейские силы вокруг Средней Европы, так что вследствие такого объединения людских сил, расположенных вокруг, не могло возникнуть ничего кроме того, что уже возникло. Вряд ли кто-нибудь станет возвращаться назад на годы или десятилетия и захочет создать себе представление, как возникло то, что столь судьбоносно и болезненно происходит теперь вокруг нас.

Но вещи лежат гораздо глубже, намного глубже. Если говорить об окружении, блокаде, то надо сказать: то, что привело в последнее время к блокаде, окружению среднеевропейских сил, является лишь заключительным этапом, последним шагом в изоляции Средней Европы, которое началось давным-давно; началось ещё с 860 года.²⁶ В то время, когда с Севера Европы спустились вниз те люди, которые в 860 году как норманны стояли перед Парижем, часть силы, реализующейся в Европе, вступила на Западе Европы в тот поток, который, поднимаясь с Юга вверх, влился в Западную Европу. Здесь мы имеем поток человеческих сил, текущий так, что он изливался от Рима через Италию и Сицилию, через нынешнюю Испанию, и через нынешнюю Францию. Норманнское население, спустившееся с Севера и в 860 году стоявшее под Парижем, было наводнено тем, что с древних времен пришло сюда как романское течение, оно потерялось в этом романском течении. То, что является движущей силой в этом течении, порождено тем, что в нём растворились норманнские племена. Однако то, что было чуждо среднеевропейской культуре на Западе, проистекало из влившегося романского потока. Этот романский поток не является тем, что сплывает нынешнюю Францию, нет, он проявляется в догматической, рациональной форме, обретая мощь вследствие своей склонности

к материалистическому образу мыслей, и затопляет не только Францию, но и — как когда-то норманны — простирает руки на сегодняшние англо-саксонские страны. Руководящую роль сыграло тут то, что присоединилось к английскому, саксонскому элементу; не то, что было принесено норманнами с Севера на Юг, а то, что они сами восприняли с Юга. В британском элементе тоже содержится романский элемент, который, вследствие этого противостоит средневропейскому, не понимая его. И этот проникнутый романским элементом норманнский элемент продолжил затем своё движение вниз через греческое побережье вплоть до Константинополя. Итак, мы видим как спускается один поток норманно-романской культуры с европейского Севера на Запад, змееобразно окружая Среднюю Европу, простирая свои щупальца вплоть до Константинополя. Мы видим, как другой поток, спускающийся с Севера, течет на Восток и проникает в славянский элемент. Первый норманнский поток, который живущие тогда на территории нынешней России финские племена называли «Рос», — откуда произошло название «русские»; оно перекликается с тем названием, которое финны давали норманнскому населению. Мы видим, как эти северные народы пронизывают славянский элемент, всё дальше проникают в славянство, и в то же самое время, когда норманны в 860 году стояли под Парижем, что положило начало их романизации, мы видим, как норманнский элемент погружается в славянский поток, спускаясь с другой стороны вплоть до Киева и Константинополя. Круг замкнулся! Силы норманнов с Севера спускаются по одну сторону на Запад и романизируются; по другую сторону они спускаются на Восток и славянизируются. Эти силы, двигаясь с Запада и Востока, сталкиваются в Константинополе. Так в Средней Европе как в культурной купели оказывается замкнутым то, что осталось от первоначального, оплодотворённого древним кельтским элементом, германского начала, которое затем в разных народных оттенках проявляется как немецкое, голландское, скандинавское народонаселение, существует как ярко выра-

женный элемент. Итак, мы видим, насколько древним является это окружение.

В Средней Европе готовится то, что мы могли бы назвать интимной культурой, культурой, которая не в состоянии протекать так, как протекает культура на Западе или культура на Востоке, которая должна протекать совершенно иначе. Если то, что развилось в Средней Европе как культура, мы сравним с тем, что развилось на Западе, мы должны будем сказать, что на Западе, — и это можно видеть как в большом, так и в малом — развилась культура, основной характер которой прослеживается от Британских островов, через Францию, Испанию, вплоть до Сицилии, Италии и вплоть до Константинополя. Тут как основное течение развивалась культура догматизма, рационализма, развивалось стремление облечь в простые рациональные формы всё то, что было получено посредством познания. Развивалось желание видеть вещи так, как должны их видеть рассудок и чувственное восприятие. Развивалось желание упрощать всё. Возьмём тот случай, который нам, как последователям духовной науки может быть близок; расчленение человеческой души на три члена, на три составные части: душа ощущающая, душа рассудочная или душа характера и душа сознательная. Человеческую душу можно по-настоящему понять только, если знают, что она состоит из этих трёх членов. Сколь мало можно понять свет, не зная о происхождении различных цветовых оттенков из света, не зная, что свет разделяется на различные цвета, которые мы видим в радуге — с одной стороны красные, желтые лучи, с другой — фиолетовые, синие, зеленые, — не зная об этом человек, будучи физиком, не сможет изучать свет; столь же мало можно изучать человеческую душу, что бесконечно важнее. Ведь каждый — человек. И каждый должен знать, как объяснить душу. Кто сам в своей душе не чувствует, что эта душа состоит из трёх членов: душа ощущающая, душа рассудочная или характера и душа сознательная, тот смешивает все в своей душе. Мы видим это на примере современной университетской психологии; там всё в душе сваливают вместе, подобно тому, как смешивают цве-

товые нюансы света; в своём необъятном высокомерии, в своей научной заносчивости они кажутся себе необыкновенно учеными, смешивая в душевной жизни одно с другим, в то время как душу можно познать только, если человек в состоянии понастоящему узнать об этой трёхчленности, троичности души.

Если душа ощущающая является прежде всего там, где реализуются порывы, инстинкты, представляющие собой по большей части чувственные импульсы, представляющие в современном земном бытии то, что мы в большей степени можем назвать чувственностью человека, однако всё же эта душа ощущающая содержит в себе в своей глубинной части вечные инстинктивные силы человеческой природы, силы инстинкта, те силы, которые проходят через рождение и смерть. Душа рассудочная или душа характера содержит наполовину временное, наполовину вечное. Душа сознательная, какова она сейчас, содержит преимущественно склонность человека к временному. Поэтому понятно, что народ, который формирует свою Народную Душу при посредстве души сознательной, — британский народ, по одному меткому выражению Гёте,²⁷ не имеет глубокой внутренней рефлексии, но ориентирован на практику, на внешнюю конкурентную борьбу. Возможно, это совсем неплохо, однажды вспоминать о таких вещах, так как те, кто принимал участие в немецкой духовной жизни, не были слепы относительно этих вещей, они всегда очень ясно высказывались об этом. Так Гёте, общаясь с Эккерманом — это хоть и было давно, но отсюда можно видеть, что великие из немцев всегда рассматривали эти вещи в правильном свете, — когда речь однажды зашла о философах Гегеле, Фихте, Канте и некоторых других, высказался так: да, да, в то время как немцы мучили себя решением философских проблем, англичане направляли усилия на практическое и только на него. Им не хватает хоть какого-то рефлексивного чувства, рефлексии. И если даже они, — так сказал Гёте, — декламируют о морали, призывая освободить рабов, то следовало бы спросить: каков при этом «реальный объект»? — В других обстоятельствах Гёте писал²⁸ о том, что весьма характерно, о чём можно было бы

наговорить больше, чем целый том. А именно: даже Вальтер Скотт признался однажды, что хотя англичане и принимали когда-то участие в войне против Наполеона, важнее всякого освобождения народов, о чём тогда много говорилось, для них было «видеть перед собой британский объект». Одному немецкому филологу²⁹ удалось, — а такое, при всей прилежности немецких филологов, удавалось не всем, — в девяти толстых томах биографии Наполеона, написанной Вальтером Скоттом, найти одно место, на которое намекал тогда Гёте. Там на самом деле сам Вальтер Скотт утверждал, что хотя британцы принимали участие в войне против Наполеона, за этим стояло желание достичь британского превосходства, то есть, как он выразился «to secure the British object», «сохранить британский объект» (британское начало). Это выражение принадлежит тому, кто сам был англичанином; надо только поискать это выражение. Эти вещи представляют интерес, чтобы сегодня несколько расширить кругозор.

Следует знать, сказал я, что человеческая душа состоит из трёх членов, лучше сказать, человеческое «я» посредством трёх душевных нюансов, подобно свету в различных цветовых оттенках, действует преимущественно в трёх царствах: минеральном, растительном и животном. Затем мы подходим к тому, что человек, имея эти три душевных оттенка, может каждому из этих душевных оттенков поставить в соответствие некий великий идеал. Для человеческого прогресса необходимо, чтобы идеал такого душевного оттенка был велик, но каждый из этих идеалов признавался бы лишь для одного душевного оттенка, но не для всей души. Лишь тогда, когда люди благодаря духовной науке придут к тому, что они за отдельными членами души признают соответствующие этим членам идеалы, будут достижимы на Земле — как идеал общечеловеческого блага, так и идеал гармонической социальной жизни людей. Ведь человек в отношении того, что преимущественно связано с душой ощущающей, в отношении того, что он изживает в объёме физического плана, должен иметь другой идеал, нежели тот, который изживается посредством души рассудочной или характера, и опять-таки другой идеал для

того, что он изживает посредством души сознательной. Благодаря одному идеалу будет облагораживаться один член души, благодаря другому идеалу будет облагорожен другой член души. Если один душевный член человек формирует в особенности благодаря братству людей друг с другом на Земле, то другой душевный член человек должен формировать посредством свободы, а третий — посредством равенства. Каждый из этих трёх идеалов имеет отношение к одному из членов души. На Западе Европы всё это было перемешано друг с другом, упрощено, вульгаризовано, вследствие того рационализма, который стремится облечь всё в гладкие формулы, в гладкие догмы, который хочет объяснить всё на уровне рассудка. Вследствие этого догматизма вся человеческая душа рассматривалась как нечто единое, как одна душа, и говорилось о свободе, братстве и равенстве. Отсюда мы видим, как на Западе основным нервом культуры стал рационализм. Это можно доказать вплоть до подробностей. Например, тонко образованные французы могут возмущаться тем, когда, скажем, в моей Дrame-Мистерии выбрана форма речи,³⁰ являющаяся пятистопным ямбом, но без рифмы. Французский ум не может понять того, что внутренняя движущая сила речи на данной ступени не нуждается в рифме. Этот ум стремится к систематизации, к тому, чтобы было внешнее обрамление, и он говорит: стихи нельзя делать без рифмы!

Но так же дело обстоит и во внешней жизни, так обстоит со всем. На Западе человек должен расчленять, систематизировать, должен всё красиво упаковывать. Вы только вспомните о том, какая это была страшная вещь, когда в начале наших духовнонаучных устремлений из-за того, что многие из наших друзей ещё находились под влиянием английского теософского движения, в каждой ветви, куда человек приходил, на картах и досках, где изображались всевозможные системы и т.д., вверху было красиво оформлено: Атма, Буддхи, Манас, затем всевозможные вещи вдоль и поперёк, все это систематизировано и упаковано. Вспомните, как приходилось сгибаться под ярмом этого догматизма, и как тяжело было ставить на его место методы внутрен-

него развития, как мы должны иметь их в Средней Европе: чтобы одно вытекало из другого, чтобы понятия переходили во внутреннее переживание! Систематизацию, этот «ослиный мостик для духа», которая всё приводит к совершенно определенным формулам, можно больше не использовать. Сколько усилий идёт на то, чтобы показать, как обстоит дело с переходом одного в другое, с членами развивающимися последовательно и идущими вперед, с живым органическим строением! Такое описание я мог бы распространить на все отрасли жизни, но тогда нам пришлось бы день за днём оставаться вместе.

Итак, на Западе мы находим одну часть потока, который окружил Среднюю Европу. Если же мы обратимся на Восток, то мы должны будем сказать: тут мы имеем дело с желанием, прямо противоположным, со страстным желанием позволить сегодня всему исчезнуть в тумане неясности, в примитивной элементарной мистике, в чём-то таком, что не выносит прямых настоящих высказываний в ясных идеях и ясных словах. Фактически мы имеем две змеи — это абсолютно подходящий символ — которые простираются, одна с Севера на Юго-Восток, другая — с Севера на Юго-Запад и переплетаются друг с другом около Константинополя. В середине заключено то, что мы можем назвать интимным средневропейским духовным течением, в котором всегда, — где бы оно ни выступало, проявляя свои исконные свойства, — голова была неотделима от сердца, мышление было неотделимо от чувства.

В духовной науке сегодня пока это ещё не вполне заметно: надо стремиться, если и не к понятийной систематике, то хотя бы к понятиям эволюции. Ещё не замечают, как всё, к чему тут стремятся, не является лишь головным, умственным воззрением, но всюду со всем связано сердце и вся душа, что всегда сердце устремляется туда, где голова описывает, например, переход от Сатурна к Солнцу, от Солнца к Луне, от Луны к Земле, и так далее; повсюду при этом описании присутствует сердце, человек может быть охвачен в самых глубинах, сердечное чувство может поднять его на высочайшие вершины, погрузить в глубочайшие

глубины, и снова поднять. Сегодня еще не замечают того, что описываемое лишь на понятийном уровне, должно было бы быть написано кровью сердца, если оно хочет соответствовать средне-европейской духовной жизни. Этот интимный элемент средне-европейской культуры не в состоянии мыслить спиритуальное без идеального, а идеальное — помимо спиритуального. Познавать дух, чтобы душа вступала интимным образом в своего рода бракосочетание с духом — вот момент, с наибольшей интенсивностью характеризующий среднеевропейскую сущность. Вот почему эта среднеевропейская сущность, может использовать то, что опускается в глубочайшие глубины чувственного созерцания и чувственного ощущения, превратить в символ наивысшего. Глубоко показательно, что Гёте, после того как он в течение всей жизни развёртывал перед своей душой жизнь Фауста, — не просто как типичного немца, но как типичного человека вообще, — завершил свою поэму словами:

«Всё преходящее — только подобье». ³¹

А последними словами стали:

«Вечно-женственное влечет нас туда». ³²

Здесь космическая тайна выражается посредством чувственного образа, и именно в этом чувственном образе высказывается интимный характер среднеевропейской культуры, тот чудесный интимный характер, прекрасное выражение которого мы, например, находим в том, что так нежно и в то же время духовно вздымается в выси у Новалиса. Как-нибудь поищите, сделанные тут и там переводы этих последних строчек: “das Ewig-Weibliche zieht uns hinan”, а именно французские переводы, ³³ и тогда вы увидите, во что превратили эту фразу! Она зачастую истолковывается французами далеко не самым прекрасным образом, да они и не церемонятся, если речь идет о понимании «Фауста».

Интимность спиритуальной жизни есть то, на что в высшем смысле нацелена среднеевропейская культура: это то, что змея Митгарт замкнула, окружила с Востока и Запада. Вот как дале-

ко приходится нам идти, чтобы всем своим чувством связаться с тем, что, в сущности, происходит! Тогда именно из этого средне-европейского существа мы будем усваивать объективность для того, чтобы не на основе тех импульсов, из которых выносят свои суждения на Западе и на Востоке, но из поистине интернациональных, наднациональных человеческих импульсов сформировать своё отношение к нашим великим современным событиям. Тогда мы будем немного понимать, почему среднеевропейское население понимают так неправильно, даже ненавидят те, кто его окружает. Само собой разумеется, мы должны со всем смирением, благоговением рассматривать то, что в качестве общечеловеческой миссии, призвания существует в Средней Европе. Нам надо суметь придти к настроению, которое не переоценивает, не превозносит себя: мы должны сохранить свободный взгляд на то, что должно быть учреждено в Средней Европе.

Среднеевропейское население проникнуто силой Народной Души, которая всегда действовала омолаживающим образом, несла юность. Она достигла своих высот в идеалах Лессинга, Гегеля, Фихте, Гёте, Гримма. Но всё, что тут уже жило, в большей степени жило стремлением к идеализму. Оно должно обрести дальнейшую, более конкретную жизнь. Глубокие идеи немецкого идеализма должны наполниться содержанием благодаря тому, что может придти из спиритуальности, посредством чего они впервые смогут подняться от чистых идей к живой сущности духовного мира, благодаря чему мы сами сможем обрести себя в этом духовном мире. Таково величие среднеевропейской задачи, которое должно теперь воодушевить немецкие сердца, удерживать сознание о том, что надо защищать со всех сторон, защищать с тех сторон, где прочно замкнула свой круг Змея Митгарт. И особенно подобает нам, стоящим на почве духовной науки, в высшем смысле рассматривать то, что происходит сегодня в действительности. Мы не сможем достаточно серьёзно воспринять наиболее внутренний импульс духовной науки, если нам не удастся обрести себя в сверхличном понимании духовно-научных устремлений, если мы не почувствуем, как эти духовно-

научные устремления во всех подробностях связаны с общим среднеевропейским стремлением, как они должны быть связаны со всей субтанциальностью этих среднеевропейских стремлений. Нам должно быть ясно, как кое-что из того, что нам еще грезится, что существует лишь в зародыше, среднеевропейская культура, следуя своему призванию, должна этот зародыш, это семя довести до цветка и плода.

Приведем тут один пример. Если человек мало-помалу посредством медитаций и концентраций пытается путем внутренней работы продвинуться вперед в развитии своей души, то все душевные силы принимают другую форму, нежели имеют в обычной жизни. Тогда душевные силы в некотором отношении становятся чем-то иным. Если человек действительно прилежно работает над своим развитием с помощью мыслительных концентраций и иных упражнений, описанных в книге «Как достигнуть познания высших миров?»», то человек приходит к тому, чтобы понимать, живо понимать то, что в момент, когда он действительно приближается к духовному миру, он уже не думает так, как должен человек думать в обычной жизни. В обычной жизни человек думает так, что мысли начинают жить в нём. Если человек противостоит чувственному миру, он знает: это я, и это я имеет мысли. Он связывает одну мысль с другой и посредством этого образует суждение, он сводит мысли вместе или разводит их. В моей книге, озаглавленной «Порог духовного мира», развитие мыслей сравнивается с погружением головы в мир живых существ. Мысли начинают внутренне роиться, копошиться в голове, они становятся, если мне будет позволено так сказать, живыми существами, и мы уже не в состоянии одну мысль примыкать к другой: они идут, одна к другой, одна хватается другую, высвобождает другую, мыслительная жизнь начинает становиться живой. Только тогда, когда мысли становятся оболочками и сосудами, которые, то стягиваются в маленькое пространство, то снова увеличиваются, расширяются подобно мешку, только тогда существа высших Иерархий могут проскальзывать в наши мысли, только тогда! Итак, наши собственные переживания, всё

мышление изменяется, если мы вживаемся в духовный мир. Тогда человек начинает воспринимать, что на других планетах живут не люди, как на Земле, но иные существа, что эти другие планеты населены иными существами. Эти иные существа других планет как бы проникают в наше ставшее живым мышление, и мы больше не думаем о существах других миров и мировых сфер, но они живут в нас, они живут, соединившись с нашим «я». Мышление становится совершенно иной душевной силой; с той точки, на которой оно находилось, развивается до уровня другой душевной силы, той силы, которая сама через нас действует и растёт, она становится идентичной с миром, который является духовным миром.

Здесь мы имеем пример того, к чему человечество ещё должно подняться, если ему суждено то состояние, в котором оно живёт сейчас, ради земного будущего развить в более высокое. Поистине общим достоянием должна стать как сама возможность такого мышления, так и то, что лишь при посредстве такого мышления человек может познакомиться с духовным миром. Для этого нет надобности в том, чтобы каждый становился духовным исследователем; столь же мала потребность становиться химиком тому, кто хочет понять достижения химии. Тем не менее, хотя духовных исследователей может быть мало, каждый посредством неподвзятости мышления может увидеть и понять ту истину, которую сообщает духовный исследователь. Но надо уяснить, что в человеке во время жизни заложены неприметные душевные силы, которые, если человек проходит через врата смерти, сами по себе становятся тем, чем они становятся при инициации. Если человек идёт через врата смерти, мышление становится совершенно иной душевной силой: она внедряется в существо. Это постоянное простираание щупалец; высшие миры являются в этих щупальцах, и человек переживает эти миры.

Есть один задающий тон мыслитель XIX столетия, который благодаря своей одухотворенности — ибо он был одухотворён — внёс вклад в основание материалистического мировоззрения: это Людвиг Фейербах.³⁴ Он написал книгу «Мысли о смерти и бес-

смертии», причём интересно в одном месте этой книги прочесть следующее. Тут Фейербах говорит примерно так: «высшее, что может развить у себя человек, это его мысли. Он не может развить более высоких душевных сил, нежели мысли. Если бы он мог развивать душевные силы более высокие, чем мысли, то в его голову могло бы проникать то, что живёт, исходя от населения звездных миров, и он стал бы вместо мыслей иметь в голове воздействия и деяния существ, которые находятся на планетах». — Это кажется Людвигу Фейербаху столь абсурдным, что он, конечно, посчитал бы душевнобольным каждого, кто вообще говорит о чём-то подобном. Представьте себе, как это интересно, когда человек, который стал материалистом именно потому, что отрицал высшие силы души, приходит к тому, что есть душевная сила, которая представляет собой высшую ступень развития мышления. Он даже описывает её, но испытывает при этом столь неблагочестивую боязнь, столь неблагочестивый страх перед развитием, что поскольку оно должно было бы протекать именно так, как он предчувствует, он объявляет эту душевную силу фантастикой, считает её невозможной.

Вот как близка духовная эволюция девятнадцатого столетия к тому, к чему следовало ей стремиться, но и в то же время столь далека от того, к чему надо было стремиться; ибо она изнутри сталкивалась с тем, к чему следовало стремиться, но не могла войти в глубины, так что ей всё это представлялось абсурдом, так как она действительно боялась этого, колоссально боялась. Как только она сталкивалась с тем, что должно было придти, у неё возникал страх. Среднеевропейская духовная жизнь должна обрести себя, придти к себе, тогда мы достигнем того, что должно развиться из этой среднеевропейской духовной жизни, как то, что преодолет страх. Слишком сильным стало то, что хочет подавить, заглушить эту среднеевропейскую духовную жизнь.

Можно было бы привести несколько примеров этому. Гегель, немецкий философ, напрасно возвышал свой голос против переоценки Ньютона. Если сегодня вы послушаете, что говорит какой-нибудь физик, — то, что я скажу, вы можете прочесть во

многих популярных журналах, — то вы услышите: Ньютон — великий создатель учения о гравитации, учения, благодаря которому только и удалось впервые объяснить Космос. — Гегель говорил:³⁵ что же, в сущности, сделал Ньютон? — Он облёк в математическую форму то, что высказал Кеплер, немецкий астроном. Ибо в трудах Ньютона не содержится ничего, что не было бы уже высказано Кеплером. Кеплер творил, исходя из той формы воззрения, при которой задействована вся душа, а не только одна голова. Однако Ньютон свёл это целое в систему, и вследствие этого допустил всевозможные ошибки, как, например, учение о дальном действии Солнца, которое при обсуждении движений планет оказалось непригодным. У Ньютона дело обстоит так, как если бы Солнце имело физические руки, простирало эти руки, и влекло планеты. — Однако предостережения немецкого философа относительно того, что средневропейская культура в этой области наводняется британской культурой, оказались напрасны.³⁶

Надо упомянуть ещё об одном примере: Гёте основал хроматику, учение о цвете, которое полностью возникло из средневропейского мышления, и которое можно понять только, если человек способен хоть немного признавать связь между физическим и духовным. Мир не принял учения о цвете по Гёте, но принял учение о цвете по Ньютону. — Гёте создал эволюционное учение, теорию эволюции. Мир не понял её, однако он принял только то, что на популярно-материалистическом уровне было дано в дарвинизме как эволюционное учение, как теория развития. Можно сказать: помнить о силах, которыми обладает человек Средней Европы, человек, окружённый Змеёй Митгарт — это значит не склоняться перед тем, что приносится рационализмом и эмпиризмом!

Вы видите масштабность предстоящей задачи, вы видите величие идеала. Будет незаметно, если когда-либо средневропейскую сущность оценят, ибо она ещё, как я бы сказал, расплывается в потоке явлений. Я не знаю, сколькими будет замечено следующее. Как по причинам, названным во вчерашней откры-

той лекции,³⁷ наше духовнонаучное движение было вынуждено освободиться от специфически ориентированного британского Теософского Общества, что уже задолго до этого некоторым образом произошло в духовном, так и тому, что происходит сейчас на войне, предшествуют веские причины, — я тогда обсуждал и объяснял симптоматику этих вещей. Были недалекие люди, желающие судить о том, чем является наше духовнонаучное движение, и часто говорившие: ну да, это средневропейское духовнонаучное движение исходит именно из того, что оно получило от британского теософского движения. — Тут мне хочется вспомнить о том, что я рассказывал, — я говорю это не по личным мотивам, но поскольку ситуация, основной нерв предмета характеризуется посредством одного симптома, — как я, ещё перед тем как завязать какие-либо связи с британским теософским движением, читал в Берлине лекции, напечатанные позже в моей книге «Мистика на восходе новой духовной жизни». В этой книге ни один человек не найдёт какого-либо западного влияния; всё в ней развито только на основе средневропейской духовной жизни, развито из спиритуального мистического движения от Мейстера Экхарта до Ангелиуса Силезского. И вот, когда я впервые приехал в Лондон,³⁸ один из корифеев Теософского Общества мистер Мид,³⁹ который прочёл книгу, многие главы из которой были сразу переведены на английский, сказал, что в этой книге, в сущности, помещается вся теософия. — Насколько люди были согласны идти с нами вместе — настолько смогли мы, само собой разумеется, соединиться со всем этим делом; но ничего другого не было сделано.

Дело в следующем: помнить, думать о наших задачах средневропейской духовной жизни, чтобы мы никогда не отступали от них! Можно с той или иной стороны возвращать англичанам ордена, дипломы и тому подобное. Это, тем не менее, не слишком важно. Важно это станет лишь тогда, когда пошлют обратно учение Ньютона, по-английски окрашенный дарвинизм, то есть освободят от них средневропейскую духовную жизнь. Для этого надо научиться единственно способу, как сделать средневропей-

скую духовную жизнь свободной от всех других влияний, чтобы она получила признание как духовная наука. Но об этом надо помнить, думать, надо обращать внимание на самое существенное и надо твёрдо придерживаться этой почвы. Весьма показательно, насколько таинственно действуют эти вещи.

Вы только представьте себе следующий случай: Эрнст Геккель всю свою жизнь прилагал усилия, в сущности, к тому, чтобы направить немецкое мировоззрение по пути, всецело подверженному британскому мышлению, британской сущности. В трудах Эрнста Геккеля проявляется всецело британское мышление, британский эмпиризм. А теперь он больше всего выступает против Англии. Таков процесс, протекающий в подсознании души среднеевропейца; эти вещи у этой души тесно связаны с кармой. Представьте себе, что означает, когда Геккель представ перед миром,⁴⁰ говорит, что он сам выполнил первую большую часть исследований Гексли⁴¹, когда он выдвинул тезис о сходстве костей человека с костями животного; как он, Геккель, указал на великий поворот в понимании происхождения человека, и что он не принимал в эволюционной теории ничего, что пришло с Запада, — и тогда бы увидели, как сейчас он стремится бороться против того, что он сам создавал в течение всей своей жизни. Это наиболее трагичное событие для такой души, которое только можно помыслить. Это духовный динамит, ибо он разрушил все столпы, на которых держалась такая душа.

Так вглядываются в глубины того, что происходит в настоящее время, но также и в то страшное, на что нам следует обратить внимание. Только тогда, когда вещи будут рассматриваться так, возникнет ситуация, когда их можно будет увидеть за пределами того узкого горизонта, где они зачастую рассматриваются сегодня. И прежде всего можно будет извлечь великое учение — оно может быть прекрасным, смиренным и возвышенным, — учение о том, для чего правящий, деящий и пребывающий Мировой Дух предназначил людей Средней Европы, тех, кого сейчас обвивает Змея Митгарт, кто блокирован как в крепости и со всех сторон окружен врагами. Если то, что происходит, станет

для нас великим символом глубочайшего мирового бытия и мировой деятельности, только тогда мы придём к свободному, самостоятельному пониманию тяжких, судьбоносных событий современности. И только тогда мы почувствуем, как должны сделаться достойными того, что во времена, когда Германия переживала судьбоносные дни, говорил Фихте в своих «Речах к немецкой нации», где он хотел говорить, как он выразился — «для просто немца от просто немца»;⁴² и он говорил в том направлении, в котором тогда он и должен был говорить от простого немца к простому немцу. Однако, как Фихте говорил тогда обо всём, что являлось немецкой миссией, сферой немецкого долга, так та тяжесть, которую мы переживаем, будучи окружёнными ненавидящими врагами, есть то, что мы должны переживать как солнечный восход средневропейского сознания. На самом деле, то слово, которым завершает речь Фихте,⁴³ может быть сегодня транспонировано в следующее: ради блага человечества спиритуальное мировоззрение должно влиться в души. И на тех, кто живёт в Средней Европе, взирает Мировой Дух, чтобы они стали рупором для того, что Он хочет принести и сказать человечеству в непрерывном откровении.

Без высокомерия, без превознесения, без национального эгоизма можно смотреть на то, что телом, кровью и душой должны защищать сыны Германии и вообще Средней Европы. Но им необходимо это осознать. Только тогда из огромных жертв, которые должны быть принесены, из изливающихся страданий, последует то, что станет благом для человечества. Ибо мы стоим на важном пороге, — пороге, исполненном значения, и этот порог в эволюции человечества можно характеризовать, сказав: в будущем должен быть построен мост над пропастью между физическим и духовным, между физически живым и духовно живым, между земным, и тем, что лежит по ту сторону земной смерти. К нам в известном смысле должно придти время, когда для нас будут живыми не только те души, которые странствуют в физическом теле, но когда мы почувствуем себя членами того величайшего мира, который принадлежит также и тем душам, которые в

развоплощённом виде живут между смертью и новым рождением в том мире, который мы по большому счёту называем нашим. Взгляд человека должен быть направлен за пределы того, что мы можем видеть только лишь физически-чувственными глазами. Мы на самом деле стоим на пороге к этому новому переживанию, к этому новому сознанию. И то, что я сказал вам о расширении сознания, высшем развитии сознания вверх, должно стать привычным воззрением. Среднеевропейская культура подготавливается к тому, чтобы сделать это привычным воззрением; она действительно подготовлена к этому.

Я показал вам, как лучшие мыслители девятнадцатого столетия сегодня ещё боятся поднять в своё сознание то, что имеется в глубине души; впрочем, исходя из своих земных душевных сил, они не могут обратить внимание на это. То мышление, в которое проникают сверхчувственные силы и сверхчувственные существа, тоже имеется в наличии, и это мышление явно проявляется тотчас же, как только человек проходит через врата смерти. Материалисты боятся сознаться себе в том, что человеческое сознание может быть расширено, что барьер между физическим и духовным переживанием может пасть, барьер между тем, что лежит по ту и по эту стороны смерти. И поскольку они боятся, — они это отрицают, считая фантастикой, мечтанием и даже психической болезнью. Однако будет познано, что человек, идущий через врата смерти, развивает только те силы, которые он имеет уже сейчас, между рождением и смертью. Только действуют они в такой глубине, что сам он их не видит. Они содействуют в нём таким вещам, которые, хотя и происходят в нём, но внимания на них в обычной жизни не обращают. Физически-чувственная жизнь не может быть устроена посредством только тех сил, о которых человек знает, то есть силами мышления, чувства и воли. Если бы человек мог только мыслить, чувствовать и волевать, как он может это делать сейчас, он никогда не был бы в состоянии, например, так пластически сформировать своё тело, чтобы головной мозг соответствовал своим задаткам. Для этого необходимо вмешательство пластически образующих сил. Последние,

однако, уже принадлежат к тому, что душа почти не воспринимает в физическом переживании, к тому, что принадлежит к более всеохватывающему сознанию, нежели тот сектор сознания, который мы имеем в обычной жизни.

Если человек прошёл через врата смерти, у него нет недостатка в сознании, наоборот, он живёт тогда в сознании, которое гораздо богаче и содержательнее, чем сознание здесь в физической жизни. Ибо от более широкого, более охватывающего сознания тело отсекает часть и к тому же показывает всё то, что может быть показано, лишь посредством зеркала. Но то, что внедрено в тело, и что человек несёт через врата смерти, на самом деле содержит в себе некое охватывающее сознание. Человек имеет не слишком мало, но наоборот, слишком много сознания, сознание слишком богато, когда он проходит через врата смерти. Об этом я говорил в моём Венском цикле лекций на Пасху 1914 года. Человек имеет после смерти богатое сознание, и если он, спустя некоторое время, после того как завершается часто описываемый ретроспективный обзор, осуществляемый благодаря эфирному телу, впадает в своего рода сонное состояние, то это не есть настоящее состояние сна, но состояние, в которое он приводится потому, что имеет более богатое сознание, нежели здесь. Как из-за слишком сильного света, из-за избытка света наши глаза слепнут, так слепнет человек из-за избытка сознания; ему надо сначала научиться ориентироваться. Кажущийся сон состоит только в том, что человек в этом избытке сознания смог ориентировать себя так, чтобы он затем мог пригасить, приглушить этот переизбыток сознания до того уровня, который уже сможет переносить в результате своей жизни. Это самое существенное. Не слишком мало, но слишком много сознания имеем мы, и мы пробуждаемся, когда мы снижаем порог наших способностей к ориентации до того уровня, который мы можем перенести. И так, это погашение, уменьшение до переносимого уровня того избытка сознания, который наступает после смерти. Эти вещи вам следует прояснить благодаря подробностям Венского цикла.⁴⁴

Мне хотелось бы сегодня сделать это более наглядным на двух близлежащих примерах. Я мог бы привести много таких примеров, так как в последнее время, да и раньше многие друзья из нашего круга проходили через врата смерти. Но вследствие особых обстоятельств, именно вследствие того, что речь идёт о последней смерти, это рассмотрение лежит ближе всего, и мне хотелось бы, исходить из такого примера, чтобы рассказать вам о том, что столь близко нашим сердцам, поскольку это произошло в нашей собственной среде, в кругу нашего духовнонаучного движения.

Недавно мы потеряли на физическом плане одну из наших дорогих друзей, и моей задачей было, при кремации произнести слова для души, прошедшей через врата смерти. Дело обстояло так, что благодаря импульсу от самого духовного мира, который в таких случаях высказывается достаточно ясно, мне было необходимо характеризовать душевные свойства этой дружественной души. Итак, мы находились — это происходило в Цюрихе — при кремации дорогого члена нашего духовнонаучного движения. Действительно, без моего собственного воления, в то несколько более долгое время, которое прошло между наступлением смерти в среду вечером до кремации в понедельник рано утром — понятно, что ретроспективный обзор, происходящий благодаря эфирному телу, уже завершился — итак, без моего желания мне из духовного мира открылась необходимость начать и закончить слова, которые я проговорил у гроба, словами, которые должны были характеризовать внутреннее существо этой души. Это внутреннее существо нашей подруги, ушедшей в середине жизни, было поистине таково, что надо было углубиться в это существо и идентифицируясь с ним самим внутренне воссоздать его духовно, то есть, надо было дать мышлению погрузиться в душу умершей, и тому, что ткалось в душе умершей, позволить влиться в собственные мысли. Тогда человек получал возможность, как бы заглянув в эту душу сказать, какой эта душа была при жизни, и какой она является теперь после смерти. Само собой

было дано то, что облеклось в следующие слова. В начале и в завершении кремации я должен был сказать следующие слова:

Ты выступала среди нас,
 И существо твоё подвигла кротость
 И сила тихая в очах твоих вещала
 О том покое, где жила душа,
 Покое, льющемся в волнах,
 С которыми твой взор,
 К вещам и к людям,
 Нёс то, что ткалось у тебя внутри;
 И это существо одушевлял
 Твой голос, что вещал
 Звучаньем слова больше,
 Чем смыслом слов самих,
 И открывал, что скрыто
 В душе твоей прекрасной пребывало;
 Так пусть же беззаветная любовь
 Людей, проникнутых участием,
 Без слов себя раскроет —
 Для существа, что нам о благородной
 И тихой красоте творений Мировой Души
 Вещает чувством утончённым.

Так проявляло себя существо этой души посредством идентификации с (другой) душой в дни перед кремацией, после того как ретроспективный обзор, совершающийся благодаря эфирному телу, миновал. Душа ещё не нашла возможности ориентироваться в переизбытке сознания. Так что она была, до некоторой степени, в сонном состоянии, когда тело было предано кремации. Речь при кремации была произнесена; в начале и в конце — вышеприведенные слова. Затем было так, что пламя, — то что выглядит как пламя, но не является им — охватило тело, и когда

тело было охвачено тем, что выглядит как пламя, но на самом деле является лишь возросшей теплотой и жаром, наступил момент пробуждения души. Теперь можно было увидеть, как душа смотрела назад на всю сцену, которая разыгрывалась между людьми, находящимися при кремации. И совершенно особенно взглянула она назад, эта душа, на то, что было сказано; затем снова началось естественное обратное погружение в тот переизбыток сознания, можно сказать, в бессознательное состояние. Позднее был воспринят момент, когда такой взгляд назад повторился. Это продолжалось затем всё более длительное время, до тех пор, пока, наконец, могла наступить полная ориентация в переизбытке сознания.

Однако на этом примере можно усмотреть нечто важное. А именно, обнаружилось, что эта душа, благодаря тому, что при кремации произносились слова, которые изошли из её собственной души, эти слова воспламенили её саму для взгляда назад, чтобы она в этих словах имела нечто пробуждающее. Тем самым можно научиться тому, что относится к наиболее важному после смерти — обозревать своё собственное переживание. В некотором смысле после смерти надо начинать с самопознания. Здесь, в земной жизни человек может даже обходиться без самопознания, оно может отсутствовать в столь сильной степени, что становится истиной то, о чем сообщил один не обычный человек и не обычный литератор, но знаменитый профессор философии доктор Эрнст Мах — не Фердинанд Маак, которого я бы не стал упоминать, — в своей книге «Анализ ощущений», весьма известном сочинении; сообщил следующими словами: однажды в молодости я шёл по улице и вдруг увидел в каком-то зеркале человека, который шёл мне навстречу. Я подумал: какое несимпатичное, противное лицо. Как же я был удивлён, когда открыл, что я увидел в профиль своё собственное лицо. — Итак, он увидел своё собственное лицо, которое он знал столь мало, что ему пришло на ум это суждение. И тот же самый профессор рассказывает, как позднее, когда он уже стал знаменитым, с ним случилось так, что когда он, после долгого путешествия, изрядно устав, поднимался в

омнибус, с другой стороны туда тоже поднимался человек, — напротив висело большое зеркало, — он прямо признается в своей мысли, когда говорит, как он подумал: что за тощий, несимпатичный шульмейстер залезает туда? — И снова он узнал самого себя, и добавил: итак, видовые признаки я знаю лучше, чем свои собственные. — Это прекрасный пример того, как мало человек знает свой внешний облик в жизни, если, конечно он не кокетка, которая часто глядит в зеркало. Но гораздо, гораздо меньше знает человек свои душевные отличительные свойства. Мимо них проходят гораздо чаще. Без самопознания можно стать великим философом современности. Но человеку нужно это самопознание, если он проходит через врата смерти.

Итак, человек должен оглядываться на тот пункт своего развития, с которого он ступил через порог смерти, и здесь он должен познавать себя. Сколь мало человек, будучи в физической жизни и с помощью обычных сил жизни оглядываясь назад, может когда-нибудь увидеть свое собственное рождение, сколь мало это рождение может предстать перед обычными силами души — ведь нет такого человека, который посредством обычных сил души мог оглянуться на своё физическое рождение — столь необходимо, чтобы в каждое мгновение момент смерти, на который человек оглядывается, присутствовал, был здесь. Смерть всегда стоит перед глазами как последнее значительное событие. Эта смерть, увиденная с другой стороны, увиденная с той стороны смерти, есть нечто совершенно иное, чем увиденная с физической стороны. Она является прекраснейшим переживанием из тех, которые вообще можно увидеть с той стороны, со стороны жизни между смертью и новым рождением. Она является, как исполненный славы образ вечной победы духовного над физическим. И благодаря тому, что она является как такой образ, она становится постоянным пробудителем наивысших сил человеческой природы, когда эта человеческая природа находится в духовном бытии между смертью и новым рождением. Затем наступает то, что душа, когда она оглядывается, когда она смотрит назад, прежде всего должна смотреть на саму себя. Именно

в тех случаях, которые мы испытали недавно, было ясно, откуда возникает побуждение, ещё раз особенным образом характеризовать эту душу, для того чтобы пойти ей навстречу в этом стремлении, оглядываясь назад, в самопознании иметь себя перед собой. Так взаимодействуют так называемые живые с так называемыми умершими. И такого общения, такой корреспонденции между так называемыми живыми и так называемыми умершими будет становиться всё больше и больше.

Другой случай, пережитый нами в последнее время, произошел с нашим любимым другом Фрицем Митчером. Хотя Фрица Митчера местные друзья знают меньше, он среди многих других антропософов вел деятельность, благодаря чтению лекций, посредством того, что он удивительным образом мог контактировать от одного друга к другому благодаря той манере, посредством которой он включился в антропософскую жизнь, так что именно его манера высказываться должна считаться примерной, образцовой. Образцовой по той причине, поскольку он, чьи душевные силы были направлены на то, чтобы получить научное образование, принять его в себя, стремился всё то, над чем он трудился, соединить посредством своих научных задатков, охватить с помощью интимного образа своей душевной жизни, но затем добавить всё это к своему духовнонаучному мировоззрению. Этот образ действий особенно нужен нам, если мы благословенным образом хотим нести навстречу будущему то, что является духовнонаучными идеалами. Нам нужны люди, которые пытаются с пониманием проникнуть в образованность эпохи, для того, чтобы погрузить эту образованность в поток спиритуального образования; люди, которые приносят своего рода жертву, погружая соответствующую времени образованность в поток спиритуальности. Здесь тоже, — и сейчас я говорю о вещах, которые вследствие кармы выступают с необходимостью, — карма принесла с собой то, о чём я должен был говорить при кремации. Здесь тоже из внутренней необходимости было дано то, что вначале и в конце кремации вновь характеризовало существо нашего любимого друга. Итак, я должен был характеризовать это существо так:

Осчастливит нас надежда:
Вот вступаешь ты на поле,
Где расцвет земного духа
Силой бытия души
Путь к открытиям укажет.

К светлой истине с любовью
Твой порыв издревле сроден;
Сотворять из света духа —
Было строгой целью жизни,
И стремленьем неустанным.

Чудный свой талант взрастил ты,
Чтоб путём духопознания,
Одолов соблазны мира,
Истины слугою верным
Твердым шагом к Ней идти.

Развивал ты око духа,
Чтобы смело и упорно,
Чтоб в пути по оба края
От ошибок сберегало,
Место дав в тебе для правды.

«Я» твоё для откровенья
В чистом свете созидай ты,
Чтобы мощно сила Солнца
У тебя в душе светила
Радостью, заботой жизни.

Прочьи радости, заботы,
Миновали твою душу,
Ведь по жизни свет познания,

Тот, что смысл бытию дарует,
Как сокровище ценил ты.

Осчастливит нас надежда:
Вот вступаешь ты на поле,
Где расцвет земного духа
Силой бытия души
Путь к открытиям укажет.

Глубока нам боль потери,
Той, что ты покинул поле,
Где земной зародыш духа
В лоне бытия души
Чувство сфер в тебе растили.

Ощути как мы с любовью
Смотрим в выси, что тебя
Там зовут к иным деяньям.
Дай оставленным друзьям
Сил своих из сферы духа.

Просьбу наших душ услышь ты,
Ту, что шлём к тебе с доверьем:
Для трудов земных нужна нам
Сила из страны духовной,
И друзей сквозь смерть прошедших
За неё благодарим мы.

Осчастливит нас надежда,
Глубока нам боль потери;
Дай надежду, в дальней близи
Нам всегда светить по жизни
Звездною душой из царства духа.

Ночью от этой души, которая ещё в остальном не достигла ориентации, чтобы действовать от себя, пришло некое подобие ответа, связанного со строчками, которые при кремации были обращены к её существу. Такие слова, как эти, были высказаны так, как если бы собственная душа подписалась под ними, не будучи в состоянии много сделать при этом. Благодаря ориентации на чужую душу, они были написаны исходя из чужой души. И для меня совершенно бессознательным, абсолютно бессознательным было то, что две строфы были построены совсем особым образом, пока я слышал слова души друга, прошедшего через врата смерти:

«Я» моё для откровенья
В чистом свете созидаю,
Чтобы мощно сила Солнца
У меня в душе светила
Радостью, заботой жизни.

Прочьи радости, заботы,
Миновали мою душу,
Ведь по жизни свет познания,
Тот, что смысл бытию дарует,
Как сокровище ценил я.

Только теперь смог я узнать, почему эти строфы были так построены; когда их произносил я они звучали так:

«Я» твоё для откровенья
В чистом свете создай ты,
Чтобы мощно сила Солнца
У тебя в душе светила
Радостью, заботой жизни.

Однако каждое слово «тебе» перешло в слово «мне», каждое слово «твое» перешло в слово «мое»; изменилось, и таким образом высказанное душой от её собственного существа, вернулось назад.

Это пример того, как имела место корреспонденция, контакт, как это обоюдное отношение состоялось после смерти, между миром здешним и миром тамошним. В том, чтобы это сознание проникло в человеческую душу, и заключается смысл нашего духовнонаучного движения. Возможность того, чтобы для нас мир тех, кто живёт между смертью и новым рождением, стал единым миром, в котором мы с ними знали бы друг о друге, дает человечеству духовная наука, расширяя, таким образом, мир из узкой области этой действительности, в которой временно находится человек. Это, однако, внутренне связано с тем, что должно быть в Средней Европе. И тот, кто хорошо слушал, найдёт в словах, обращённых к душе Фрица Митчера то, что глубоко связано со смыслом нашего духовнонаучного движения, ибо эти слова высказаны из глубокой внутренней необходимости:

Просьбу наших душ услышь ты,
Ту, что шлём к тебе с доверьем:
Для трудов земных нужна нам
Сила из страны духовной,
И друзей сквозь смерть прошедших
За неё благодарим мы.

Порой бывает так, — хотя и не в соответствие с действительностью, но в соответствие с прошедшими эпохами, — что человек может сомневаться, достаточно ли души, воплощённые во плоти здесь на Земле будут делать для блага людей и Земли то, что действительно необходимо сделать в отношении духовного понимания мира. Однако тот, кто полностью и живо участвует в духовнонаучном движении, может не отчаиваться по этой причине, поскольку он знает, что в том потоке, в котором мы находимся, будучи в теле, действуют силы тех, кто поднялся вверх в высшие

миры, после того, как здесь они почувствовали себя сильнее благодаря тому, что восприняли духовную науку. И для душ друзей, прошедших через врата смерти, само собой понятно, когда их призывают, понятно, что силе друзей мы обязаны (укреплением) духовного движения, если человек может обрести взаимопонимание с ними, чтобы оставаться в соединении с их силами, так, чтобы мы всегда имели их среди нас, так, чтобы они всегда продолжали действовать среди нас. Речь идёт не просто о том, чтобы мы в духовной науке воспринимали идеи, понятия и представления, но о том, чтобы мы здесь на Земле создали движение, духовное движение, в которое мы действительно вносили бы спиритуальные силы.

Именно в этот момент близлежащим для нас является: исходя из тех ощущений, которые, возможно, воодушевляют наших здешних друзей, направить мысли к душе того, кто всегда посвящал свои силы этой ветви. Чтобы мы захотели почувствовать связь с ним, чтобы мы захотели соединиться с его силами, после того, как он прошёл через врата смерти — почтим его вставанием. Все наши друзья из Лейпцига знают, о какой дружественной душе я говорю, и конечно они от всего сердца направят свои мысли к этой душе.

Таковы представления, которые мне надлежит сегодня, когда мы собрались вместе, сблизить с вашей душой. Пусть будут эти слова воодушевлены сознанием, что тяжкие судьбоносные дни, в которые мы живём, должны завершиться такими, когда по Земле будет шествовать мир, когда будут действовать силы мира. Но по форме сколь многое, очень многое будет глубоко преобразовано вследствие того, что сейчас происходит в человеческой жизни на Земле; да, оно должно быть изменено, и мы должны, как последователи духовной науки, совершенно особенным образом помнить об этом. Помнить, что на земле, за которую льётся так много крови, за которую теперь так часто души идут через врата смерти, на которой так много отцов и матерей, братьев и сестёр, сыновей и дочерей скорбят, — надо исполнить то, что может быть исполнено с помощью тех, чьи души могут быть

освещены мыслями духовной науки, которые являются залогом будущего.

Да, надо поднять вверх, в духовные выси от земли, от земной почвы те мысли, которые происходят из сознания живой связи человеческой души с духовным миром. Теперь в этот духовный мир будут вступать души, они станут духовными силами, которые возникнут именно благодаря нашим отягощенным судьбой дням. Вспомните, сколько в наше время проходит через врата смерти в расцвете лет! Вспомните, что эфирное тело каждого человека, который между двадцатью и тридцатью годами, между тридцатью и сорока годами проходит через врата смерти, является таким эфирным телом, которое могло бы ещё в течение десятилетий обеспечивать жизнь в физическом теле. Эти эфирные тела отделяются от физических тел, но они ещё сохраняют свои силы, чтобы действовать здесь, в физическом мире. Эти силы продолжают править дальше в духовных мирах, отдельно от неиспользованных, прошедших через врата смерти эфирных тел. Духовность для спиритуального блага и прогресса человечества будет приходить, ярко излучаясь из неизрасходованных эфирных тел воинов-героев. Но то, что струится вниз, должно будет встретиться с тем, что в мыслях может излиться из душ, которые благодаря духовной науке смогут иметь эти духовнонаучные мысли. Вот почему мы смеем те мысли, которые мы сегодня провели перед душой, обобщить в нескольких словах, которые отображают связь сознания, несущего духовнонаучные мысли, с событиями настоящего времени, которые выражают то, что пространство для грядущего мирного времени должно быть наполнено мыслями, которые, исходя от душ, поднимаются вверх в духовный мир, от тех душ, которые проходят туда благодаря духовной науке. То, за что в наше время с такими жертвами, с кровью и смертью идет борьба, сможет принести цветы и плоды только, если найдутся души, которые сознавая дух направят свои чувства в царство духа. Поэтому, думая о нынешних столь тяжких судьбоносных днях, мы смеем сказать:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных деяний народа,
Взрастёт духовный плод —
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

Пятая лекция

Вступление импульса Христа в исторические события – построение моста через пропасть между живыми и умершими

Нюрнберг, суббота, 13 марта 1915 года

Если духовная наука, прежде всего, хочет и может стать для наших душ своего рода жизненной силой, то с другой стороны эта духовная наука должна мощно и надлежащим образом проявить себя так, чтобы в такое время, когда столь многое подготавливается, которое столь значительно, как наше, расширить духовный взгляд душ, которые преданы духовной науке. Благодаря этому то, что происходит, будет видно в более дальнем свете, нежели может видеть сегодня стеснённый материализмом взгляд иных современников. Можно увидеть, как в том, что в течение лет культивировалось внутри нашего духовнонаучного движения, одна из поставленных целей состояла в том, чтобы повысить, раздвинуть чувствительность души, чтобы человек освободился от чистого мышления о своём собственном «я» и о том, что это «я» окружает, и действительно немного обрел возможность смотреть на великие импульсы, на великие проявления мощи, которые проходят через всё развитие земного человечества. И если мы предпримем усилия в некотором смысле расширить напряжение сил наших чувств и ощущений, то мы должны и силы, обретенные нами благодаря духовной науке суметь сделать подходящими именно к нашим временам, волны которых с одной стороны так глубоко и болезненно подступают к душе подобно пожару, а с другой стороны поднимают эту душу на совсем особую высоту, ибо они скрывают в её лоне нечто исполненное значения; мы должны в такие времена быть в состоянии немного иметь дело с тем, что не так заметно проявляется в событиях, с

тем, что обычный рассудок не может увидеть в этих событиях. Мы должны задать себе вопрос: означает ли то, что как страшный военный факел зажжено над нашими головами, означает ли это нечто пророческое для всей земной эволюции?

Только тот будет правильно противостоять современным событиям, кто видит эти события в свете столь значительном, насколько это вообще возможно. Друзья, находящиеся в наших рядах часто спрашивали, почему в последние годы в нашем кругу иногда говорили о том, что с десятилетиями двадцатого века придут времена, которые мы должны предвидеть с особенным вниманием, ибо дети и дети детей тех, кто сейчас живёт, будут переживать важные и мощные, но в то же время трагические и болезненные события. Тем, кому сегодня надлежит дать нечто для того, чтобы сохранить и поддержать души этих детей и детей их детей, по отношению к тому, что пройдёт над человечеством в XX столетии, надо осознать, что эти даяния должны обладать крепкой внутренней силой. Намного, намного больше, чем мы можем себе представить даже сегодня в обычной жизни, будут наши потомки нуждаться в крепких, внутренних, поддерживающих душу силах, для того, чтобы пронести дальше достояние человечества, которое столетие за столетием накапливалось в человеческой эволюции. Потомки человечества, живущего теперь, будут подвергаться ещё и другим жизненным бурям. Я говорил, что иногда удивляются, если нечто такое говорится в наших рядах. Но может быть теперь возникнет ощущение этого, если мы вспомним, что мы вовлечены в величайшие военные события, самые страшные военные события из всех, с которыми до сих пор сталкивалось человечество с тех пор, как оно сознательно переживало на Земле свою историю.

Было бы совершенно неверно, если бы не прониклись значением этого момента насколько возможно интенсивно, насколько возможно сильно и не предложили бы себе вопрос: какое всё же отношение имеет то, к чему мы стремимся из внутреннего страстного томления души, какое отношение имеет духовное познание к тому, что должно войти в эволюцию человечества?

Разве мы не видим, даже если смотрим поверхностно, ту грозную бурю, которая уже долгое время надвигалась с Востока, разгоралась над новым формированием и культурой Европы? Надо, по крайней мере, знать, что в лоне этого Востока присутствуют особенно мощные силы, относительно которых можно видеть, что они так, как это происходит сейчас, направлены на разрушение, на раздробление европейской культуры. В какой степени это имеет место, пока можно только предполагать.

С тем, что мы называем европейской культурой и цивилизацией, мы стоим в пятом послеатлантическом культурном периоде. Это культура души сознательной: в её средоточии среди нас есть души, которые должны кое-что дать человечеству. Если мы оглянемся на то, что было в греко-латинскую культуру, то эта греко-латинская культура предстанет перед нами, — будучи однако совершенно иначе оформленной, — как отзвук, как выступающее на более высокой ступени повторение того, что переживалось ещё в древней Атлантиде. И хотя там жили иначе, в четвёртом послеатлантическом культурном периоде наступило своего рода повторение. Пятый послеатлантический культурный период, в котором мы стоим, является новой формацией, является полностью новым, что добавляется к до сих пор пройденному человечеством развитию. Это мы должны понимать не как абстрактную истину, не как теорию, но с чувством глубочайшей и интенсивной человеческой ответственности, и мы должны уяснить себе, что ещё долгое время, до тех пор, пока всё это не изойдёт из сердец и душ людей, — в земной эволюции должно развёртываться то, что должен дать Божественный миропорядок посредством пятого послеатлантического культурного периода.

В четвёртом культурном периоде, как наиболее значительное событие всей земной эволюции, пришёл импульс Мистерии Голгофы. Так, как эта Мистерия Голгофы действовала в четвёртом культурном периоде, в пятом послеатлантическом культурном периоде она просто так действовать дальше не будет. Этому пятому культурному периоду надлежит с полным духопознанием, с полным пониманием постепенно идти навстречу Мистерии Гол-

гофы со всеми познающими силами души; не только с силами рассудка, с силами чисто чувственного благочестия; мало-помалу постигать Христа, прошедшего через Мистерию Голгофы, постигать благодаря всему тому, что душа может вынести из самой себя как познание и силу понимания. Истинными, хотя и в новой форме, являются слова апостола Павла: «Не я, но Христос во мне».⁴⁵ И, в сущности, всё то, что мы открываем в духовной науке, является подготовкой к тому, чтобы всеми внутренними познавательными силами души понять, наконец, Кем, собственно, является Христос. Это значительная, великая задача пятого культурного периода.

Теперь давайте немного углубимся в то, что, собственно, сказано тем, что пятому культурному периоду предъявляется такое требование. Проведём перед нашей душой те формы, в которых импульс Христа с Мистерии Голгофы действовал в человечестве. Если бы импульс Христа мог действовать только благодаря тому, что на протяжении столетий, с тех пор как произошла Мистерия Голгофы, могли об этой Мистерии Голгофы понять люди, импульс Христа слишком слабо действовал бы среди людей. Но этот импульс не таков, что обращается только к человеческому пониманию на понятийном уровне или к эмоциональному пониманию; нет, он является реальным импульсом, который как живая сила вливается в ход истории. То, внешним символом чего является льющая на Голгофе кровь, является тем, откуда истекают живые силы истории человечества.

Попытаемся на примере исторических событий выяснить, как действовал этот импульс Христа без того, чтобы люди его понимали; как действовал он в качестве живой движущей силы в развитии человечества. Пятый послееатлантический культурный период призван к тому, чтобы внести в сознание всю внутреннюю природу и сущность импульса Христа. Но он уже действовал как живая сила в подсознании душевных сил, перед тем как он сможет в человечестве полностью пробудиться к сознанию. И той личностью, которая обрела импульс Христа, чтобы действовать посредством него, действовать значительно, является,

например, личность Орлеанской Девы; можно было бы привести и другие примеры. Если мы исследуем историю Европы, вернувшись к событиям, разыгравшимся в связи с личностью Орлеанской Девы, то даже при рассмотрении внешней истории мы должны будем сказать: благодаря тому, что она тогда совершила, когда она, возвысившись среди французского народа, разбила силы англичан, — а она действительно сделала это, — географическая карта Европы стала такой, какой она постепенно оформилась. И все прочие рассмотрения истории за последние столетия, насколько они касаются европейских народов и размещения государств, являются, в сущности, сказкой, не желающей сознавать, что Орлеанской Девой руководил импульс Христа, который, как живой импульс, обусловил тогда территориальное положение европейских народов и народных сил. Можно было бы сказать: в то время как ученые спорили обо всём, даже начали спорить по вопросу, в каком виде следует принимать причастие, что будет означать та или иная его форма, и в то время как ученые люди обнаруживали, что они со своим осознанным пониманием ещё не подступили к постижению того, чем является Христов импульс, этот импульс действовал через простую деревенскую девушку, через Орлеанскую Деву, действовал, формируя европейскую историю. Ибо действие Христова импульса не зависит от понимания, выступающего ему навстречу. Посредством своего михаэлического представителя импульс Христа действовал в Орлеанской Деве. Но Орлеанская Дева должна была испытать нечто похожее на посвящение, инициацию. Сегодня мы говорим об инициации, о посвящении и для этого даём сознанию человека правила, которые объединены в книге «Как достигнуть познания высших миров?». Однако о таком посвящении в случае Орлеанской Девы, конечно, не было и речи. В её случае речь могла идти только о том, что было остатком древнего посвящения, которое по большей части происходило на уровне подсознательных сил души человека. Это древнее посвящение подобно элементарным силам продолжалось и в новое время. В древних сагах, легендах и сказках многое рассказывается: как с тем или

иным человеком произошло то, или иное, вследствие чего у него появились внутренние душевные силы, так что он мог теперь то, или иное видеть в духовном мире. Такие вещи являются указанием на то, как без человеческого участия, благодаря божественно-духовному воздействию, правящие миром силы посвящают естественным образом некоторых людей, которые благодаря своей карме подходят для этого, посредством такого места, на которое ставит их эта человеческая карма, где общечеловеческая карма сливается с собственной кармой. Прекрасным отзвуком такого природного посвящения, как можно было бы его назвать, является для нас одно стихотворение, которое повествует о том, что «солнечный сын» Олаф Эстесон в течение тринадцати дней и ночей, длившихся от Рождества Христова до Богоявления Христа, то есть до 6 января, провёл в своего рода состоянии сна. Олаф Эстесон: в самом имени уже указано на то, что в нём имеются неосознанные, унаследованные познавательные силы, ибо Олаф Эстесон значит: тот, через которого идёт кровь его предков. Солнечный сын Олаф Эстесон проспал и грезил тринадцать ночей, которые являются самыми темными в земном году, или, по крайней мере несут наибольшие силы мрака в течение земного года от первого дня Рождества до 6 января, праздника Епифании (Богоявления). Это не просто суеверная человеческая фантазия — то, что связывается в сагах и легендах с этими ночами. На самом деле, есть два времени года, которые в космическом смысле относятся к жизни человеческой души в теле как два различных полюса. Если мы возьмём время года около Иоаннова Дня летом, то это будет время, особо подходящее для того, чтобы человеческая душа со всеми её страстными импульсами благодаря внешней физической солнечной силе, которая тогда достигает своей наибольшей энергии, выходит в Космос, соединяется с Космосом. Поэтому в древности праздник Иоанна был предназначен для того, чтобы внедрить в человеческую душу Божественно-духовные силы, которые волнообразно действуют в Космосе, если человек забывает самого себя и вступает в этот праздник во внешние мощные физические силы Космоса. Одна-

ко тогда, когда солнечная сила достигает своего минимума, когда она наиболее слаба, в середине зимы, наибольшей мощи достигают духовные силы, действующие во мраке. И, можно сказать, по праву, по космическим законам на это время приходится Праздник Рождества Иисуса из Назарета. Ибо там, где внешне физически наиболее мрачно, душа может мощно пережить самое сильное, почувствовав себя соединенной с силами, которые духовно разыгрываются в ауре Земли. Поэтому в те дни, когда спал и грезил Олаф Эстесон, переживая всё то, что мы называем Кама-Локой, а затем то, что мы называем душевным миром, и в конце концов то, что мы называем страной духов. Норвежская легенда рассказывает нам, как Олаф Эстесон, после того как он через тринадцать ночей снова проснулся, смог рассказать о том, что он пережил, что встретила его душа в душевном мире и в стране духов. Хотя все это является образами, соответствующими имажинативному познанию, — они указывают на то, что действительно предоставляет человеческой душе живые возможности, если эта душа почувствует себя удаленной в это время физического мрака, которое является временем спиритуального просветления, если она почувствует себя отдалившейся, переместившейся в то, что волит и действует в земной ауре. В конце легенды мы видим силы Христова импульса, которые мощно, хотя и бессознательно, охватывают рассудок Олафа Эстесона. В таких легендах, словно из природного посвящения, которое ещё было возможно в прежнее время, рассказывается о прозрении в духовный мир. В это время земная аура действительно имеет силу, которой она не имеет в другое время, когда она переполнена излучениями физической солнечной силы. Поскольку Христос с момента Мистерии Голгофы соединен с аурой Земли, в эти дни сила Христова импульса может особенно мощно действовать на души, если эти души несут ей навстречу свою восприимчивость, чувствительность.

Поэтому, перед тем как что-либо исследовать исторически, можно предположить, что такой образ, такая личность как Орлеанская Дева тоже бессознательно испытала в течение тринна-

дцати ночей воздействие Христова импульса; что она — как и Олаф Эстесон испытал нечто в течение тринадцати дней и ночей в сонном состоянии — тоже в подсознании душевных сил испытала нечто подобное просветлению благодаря Христову импульсу. Но тогда Орлеанская Дева должна была бы в течение тринадцати дней с 25 декабря по 6 января находиться в состоянии подобном сну и 6 января, после того как её душа пребывала в своего рода сонном состоянии, эту душу должен был бы охватить импульс Христа. То, что можно предположить, необычным образом осуществилось, однако в совершенно особое время, когда человек действительно может находиться в своеобразном состоянии сна. А именно, перед тем, как человек сделает первый вдох-выдох, первое дыхание, перед тем как он покинет тело матери и ощутит первый физический, земной луч света, он, как становящийся человек, проводит время в поистине сонном состоянии. И точно так же как вечером приходит сон со сновидениями, находится человек в теле матери в таком грезящем сне. И те дни, в которые этот грезящий сон наиболее чуток к несознаваемым влияниям духовного мира, как раз являются последними днями, которые человек проводит в теле матери. Так что вполне возможно, что именно эти дни Орлеанская Дева провела так, что в неё был внедрен, ей был дан импульс Христа перед тем, как она увидела физическими глазами физический солнечный свет и сделала первый вдох, будучи уже вне тела матери. Так и случилось, ибо Орлеанская Дева родилась 6 января. 6 января вся деревня сбежалась, так как в деревенской ауре было что-то необычное. Это исторический факт. Люди не знали, что произошло: родилась Орлеанская Дева. За такими вещами скрывается очень многое. И только тогда, когда человечество подойдёт к тому, чтобы видеть такие таинственные факты в верном свете, возникнет понимание того, что действительно происходит в человеческом становлении под поверхностью внешнего чувственного мира. Божественные силы ищут разнообразные пути, чтобы войти в то, чем является человеческая душа. Само собой разумеется, карма Орлеанской Девы должна была быть подходящей для того, чтобы с ней мог-

ло это произойти. Но раз карма Орлеанской Девы совпала с тем фактом, что она родилась 6 января, исторически стало возможным, что через эту личность особым образом действовал импульс Христа, придав Европе новую структуру. Эти вещи могут быть проверены, если человек с помощью своего рассудка исследует течение истории. Это такие вещи, на которых будет базироваться в будущем духовное понимание, если только этот пятый послеатлантический культурный период действительно сможет извлечь из души все познавательные силы. Тогда душа будет всё сознательнее и сознательнее переживать импульс Христа. Но она будет переживать его лишь тогда, когда человечество будет в состоянии рассматривать духовную науку не только как чистую теорию, но чувствовать её как живую жизнь, внутренне переживать её. Тогда духовная наука сможет способствовать тому, что является её миссией в ходе становления человечества.

В такое время как наше, мы должны иметь особенную ясность относительно того, что необходимо построить мост через ту пропасть, которая в материалистическую эпоху всё более разверзается между человеческими душами, живущими друг с другом здесь, будучи воплощёнными в физическом теле, и теми, кто уже прошёл через врата смерти. Всё больше будут приходить к тому, чтобы рассматривать как принадлежащие человечеству в целом души тех, которые живут жизнью между смертью и новым рождением, рассматривать их наравне с теми, кто ведёт физическую жизнь между рождением и смертью. Сознание того, что все мы объединены на земном шаре, также и те, кто прежде нас перешел в сверхчувственное царство, те, кто действует среди нас, хотя и с другими силами, нежели мы, пребывающие в теле, — это сознание должно становиться всё сильнее, всё интенсивнее. Но для этого как раз и необходимо понимание духовно действующих сил. Для этого необходимо, чтобы мы учились рассматривать взаимосвязь земных явлений в новом свете, который может дать духовная наука.

Так как духовная наука должна быть тем, что движет нашим сердцем, одновременно принося нашей душе дальнейшие позна-

ния, я хочу, — чтобы подчеркнуть кое-что о пути, который как бы присоединяется к тому, чем мы в последние недели занимались в широкой сфере нашего духовнонаучного познавательного течения, — я хочу поговорить о том, что в последние недели подступало к нам. Я мог бы, конечно, выбрать другой случай, но этот случай самым непосредственным образом смыкается с нашей кармой, так что я именно сегодня могу говорить о нём снова. И вы можете то, что говорится здесь передавать другим, кто, будучи внутри или вне нашего духовнонаучного движения, в своей судьбе и в своём отношении к смерти занимают позицию, похожую на ту, как в том случае, о котором я хочу сказать.

Прошлой осенью мы пережили в Дорнахе, вблизи нашего здания трагический случай. Дорогие друзья со своими детьми переехали в Дорнах, поселились там вблизи здания, чтобы заниматься садоводством. Старшему ребенку было семь лет: это был в высшей степени духовно пробуждённый ребенок, который и в отношении своих сердечных свойств был совершенно необычен, он был поистине солнечным ребенком. Самое внутреннее участие довелось принимать в душе этого ребенка, несмотря на то, что удавалось его наспех видеть то тут, то там. Когда его отца призывали на службу, чтобы в качестве гражданина Германии выполнять свой долг на поле битвы, этот семилетний мальчик всем своим сердцем, я бы сказал, включился в эту жизненную ситуацию, он особенно старался, насколько мог, заменить отца, чтобы помочь матери, причём заботился обо всём. Он ездил в город за покупками совсем один, этот семилетний мальчик. Однажды вечером этот мальчик исчез. Это был вечер, когда читалась лекция. Некоторые из наших друзей пришли примерно в десять часов и сказали, что мальчик пропал. В конце концов, не осталось сомнений в том, что исчезновение мальчика связано с падением мебельного фургона, перевернувшегося вблизи здания в таком месте, где раньше, по всей вероятности, не проезжали мебельные фургоны, да и после тоже не проезжали, и долгое время там никто не ездил. Фургон перевернулся на маленьком откосе так, что возницы говорили, будто не может быть и речи, чтобы поднять

этот фургон вечером. Они выпрягли лошадей, о которых они очень заботились, и оставили фургон в покое, чтобы поднять его на следующий день; они полагали, что для подъема этого тяжелого фургона, работы хватит на целый день. Было десять часов вечера. Мы должны были связать пропажу мальчика с падением этого фургона. Были доставлены всевозможные инструменты, и все, кто мог работать, работали, и через два часа фургон был поднят. В полночь мы нашли под этим мебельным фургоном мёртвого мальчика.

Если хотя бы внешним образом обратить на это внимание и просмотреть, как уже задолго до того, что произошло, всё совпало, так что этот мальчик, который обычно ходил немного другой дорогой, где он должен был пройти с правой стороны от фургона, пошёл тогда так, что оказался с левой стороны, где на него должен был упасть фургон, если вспомнить, что мальчик по своей воле немного задержался, так что он ушёл примерно на четверть часа позже — он ходил в кантину, так называемую столовую, чтобы получить там ужин — так что он ушел немного позже, чем хотел; если вспомнить, что всё произошло так, что дело шло о какой-то паре минут, едва ли даже паре минут, чтобы мальчик оказался именно на том месте, где упал фургон, и что всё это не заметили. Люди, бывшие совсем недалеко, видели, как упал фургон, но мальчика они не видели; итак, если вспомнить всё это, тогда придётся даже на внешнем уровне признать, что данный пример в полном смысле является примером логического заблуждения, в которое легко попадает человек.

Часто, в том числе и перед вами, я наглядно показывал, как человек даже во внешней жизни может поддаваться заблуждениям, так что меняет местами причину и следствие. Я говорил: допустим, кто-то видит вдалеке человека, идущего по берегу реки. Кто-то видит, как человек внезапно пошатнулся и упал в воду. Вскоре его вытаскивают оттуда мёртвым. Вполне справедливо по всем внешним причинам считают, что человек упал в воду и утонул. И если не сделать ничего иного, то это человеческое суждение останется в силе. В данном случае необходимы внеш-

ние средства, чтобы убедиться в противном. На том месте, где стоял человек нашли камень, посредством чего вывод был усилен. Вскрывая тело обнаружили, что у человека был (апоплексический) удар, вследствие чего он и упал в реку, и что он умер не потому, что упал в реку, но упал потому, что был уже мёртв. Итак, причина и следствие поменялись местами полностью. Но прежде всего именно это происходит во многих областях науки, для того, кто видит такие вещи. В нашем случае, когда мальчик был найден мёртвым, мы должны сказать: мебельный фургон доставила сюда карма этого мальчика, этот фургон исполнил карму мальчика именно на этом месте. Ложным является суждение, когда полагают, что это игра случая. В этом случае мальчик должен был в этой инкарнации достичь именно семилетнего возраста. Мне хотелось бы сказать, что всё предпосылки были обеспечены. Здесь мы должны полностью приучить себя к тому, чтобы менять местами причину и следствие, в сравнении с тем, что мы видим в обычной жизни.

Но если мы посмотрим на жизнь этой души ясновидящим взглядом, то мы будем потрясены, испытаем очень сильное потрясение, но в то же время просветлены, сумев проникнуть в Божественно-духовную тайну мира, которая весьма значительна. Вскоре после смерти мальчика вся аура Дорнахского строения изменилась. Когда я говорю это, я говорю вам нечто, связанное с моим опытом. Если человеку приходится самому работать для Дорнахского здания Антропософского Общества, если человек должен планировать то, что там должно быть выполнено, он знает, что он обязан помогающим силам, которые оказывают воздействие на душу, исходя из такой ауры. С тех дней с аурой Дорнахского здания действительно, по-настоящему связано то, что было неиспользованным эфирным телом мальчика. Ибо эфирное тело является тем, что слагается человеком. Индивидуальность, состоящая из «я» и астрального тела, идёт затем дальше, это нечто иное. Но эфирное тело, если оно слагается в таком нежном детском возрасте, имеет в себе силы, которые могли бы ещё на протяжении десятилетий обеспечивать физическое тело и

физическую жизнь. Эти силы, не будучи использованы, прошли через врата смерти. Через несколько дней они отделяются. И теперь эти силы действуют именно вместе с аурой здания. Итак, нельзя сказать, что в случае этой индивидуальности здесь присутствует сама душа, нет — это неизрасходованные эфирные силы. В духовном мире ничего не теряется. Физик знает, что в области физических сил ничего не теряется, что силы только видоизменяются. Также и в духовном мире надо искать преобразованные, видоизмененные силы, неизрасходованные эфирные силы, которые восходят в духовный мир от рано умершего человека. Мы сближаемся с этими вещами, наблюдая их конкретные проявления, случаи. Только по этой причине вам сегодня было рассказано о таком конкретном проявлении этих вещей.

Одна из наших дорогих антропософских друзей,⁴⁶ жизнь которой принесла ей немало испытаний, умерла неделями раньше в Цюрихе, и карма нашего движения распорядилась так, что я должен был говорить при кремации. Время от смерти до кремации длилось с шести вечера среды, когда наступила смерть, до одиннадцати часов утра понедельника. То есть несколько более длительное время, чем обычно. Вследствие этого ко времени кремации отделение индивидуальности от эфирного тела уже совершилось. Необычным было то, что в то время, когда душа в дни между наступлением смерти и кремацией уже была освобождена от эфирного тела, ко мне подступило требование: ты должен перед надгробной речью при кремации и после неё произнести определённые слова. При запечатлении этих слов, собственные возможности, самостоятельное словообразование почти не принимало участия, но благодаря идентификации с душой личности, прошедшей через врата смерти, возникла необходимость характеризовать эту душу, причём характеризовать её так, чтобы характеристика давалась как внушение, как просветление, пришедшее от самой этой души. Душа как бы говорила: состав слова, посредством которых в звучащих словах явится то, что характеризует мою душу. — Но самой душой это ещё не было осознано. Помимо сознания рождались слова из души, но они

рождались из сущности этой души. Я должен был характеризовать её не так, как она эгоистически хотела бы отразить самое себя, но как она являла саму себя, когда ее рассматривала другая душа. И у этой другой души появилась необходимость вплоть до запечатления отдельных слов, сначала того, что можно назвать надгробной речью, сказать следующее. В качестве обращения к душе, прошедшей через врата смерти, должны были быть произнесены следующие слова:

Ты выступала среди нас,
И существо твоё подвигла кротость
И сила тихая в очах твоих вещала
О том покое, где жила душа,
Покое, льющемся в волнах,
С которыми твой взор,
К вещам и к людям,
Нёс то, что ткалось у тебя внутри;
И это существо одушевлял
Твой голос, что вещал
Звучаньем слова больше,
Чем смыслом слов самих,
И открывал, что скрыто
В душе твоей прекрасной пребывало;
Так пусть же беззаветная любовь
Людей, проникнутых участием,
Без слов себя раскроет -
Для существа, что нам о благородной
И тихой красоте творений Мировой Души
Вещает чувством утончённым.

Как было сказано, эти слова должны были быть произнесены в начале и в конце кремации. В течение всего этого процесса в течение всего похоронного ритуала эта душа на самом деле была в некотором смысле как спящая. Затем последовала кремация. Знаменательным было то, что первым мгновением проблеска сознания, затем снова исчезнувшего, был для души тот момент,

когда — нельзя сказать пламя, — но тепло охватило труп. Тут можно было бы сказать: эта душа прошла через врата смерти, её эфирное тело отделилось от неё, и вот обнаружилось, как такая душа смотрит назад, оглядывается. Перед этой душой вставала в ретроспекции вся церемония похорон, это означает то, что говорилось: она смотрела на всё это. Тут можно увидеть тайну действия времени для души, после того как она прошла через врата смерти. В таких случаях это всегда можно видеть. Если здесь, будучи в физическом теле, человек направляет взор на что-либо находящееся в пространстве, а затем удаляется от него, то этот предмет не уходит, но остаётся стоять, так что человек всегда может обернуться и увидеть, что он остаётся стоять на месте. Но не так обстоит дело с тем, что мы переживаем в физической жизни во времени; в этом случае мы имеем только образ воспоминания о событии. Если же, напротив, после смерти оглянуться на прошедшее событие, оно остаётся на месте; человек глядит на это событие как бы через пространство. Итак, то, о чём шла речь, оставалось стоять на месте, душа смотрела на это назад как на пространственную картину сквозь временной промежуток. Таково созерцание образов Акаша-Хроники. Затем снова наступило своего рода состояние сна. Но особенно в данном случае было ясно показано, насколько беспочвенны опасения материалистической души относительно того, что сознание при прохождении души через врата смерти может погаснуть. После смерти, если мы погрузились в своего рода сонное состояние, до более позднего пробуждения, сознание у нас не отсутствует и недостатка в нём нет, наоборот, мы имеем слишком много сознания. Мы, по отложении эфирного тела, по отделении от панорамы жизни, так заполнены сознанием, — я говорил нечто близкое к этому в Венском цикле «Внутреннее существо человека и жизнь между смертью и новым рождением»,⁴⁷ — что сознание сначала ослепляет, и человек должен сначала сориентироваться. И он ориентируется, когда оглядывается на собственную земную жизнь и на свой характер в этой земной жизни. Он должен ориентироваться посредством самопознания, в нём должен он чер-

пять силы ориентации и, исходя из этого, должен уменьшать, приглушать чрезмерность сознания, приглушать настолько, чтобы этот человек, глядя на то, что он испытал в своей последней инкарнации, смог перенести это. Итак, это погашение, уменьшение избытка сознания, которое здесь было, — до той степени, которую человек может перенести. Но это происходит поэтапно. И под впечатлением того, как тепло, жар охватывает тело, возникает первый проблеск действительного сознания в душе у этой дружественной личности.

Но, что душа, пройдя через врата смерти, стремится обобщить то, что в ней есть, показал мне с особенной ясностью другой случай. Я говорил, что эти вещи можно пережить при любой смерти, но я привожу вам наиболее характерный пример из самого ближайшего времени. Это показал мне с совершенно особой ясностью другой случай, когда дружественная личность, после того как она достигла преклонного возраста, прошла через врата смерти. Последние годы, прожитые на Земле, она всеми своими чувствами, ощущениями редким образом была предана тому, что можно назвать импульсами духовной науки. Она была такова, что все подробности духовной науки больше чувствовала, нежели понимала рассудком, она всей душой соединялась с тем видом чувств, ощущений, которые давали ей не теоретическое, но поистине живое понимание духовной науки. У этой личности дело обстояло так, что вскоре после часа смерти, во время вживания в жизненную панораму с эфирным телом, от души как бы излучалось то, с чем она могла себя потом идентифицировать; то, что душа, сложившая с себя тело, искала теперь как понимания своего «я». И я должен был вскоре после смерти, когда эта душа была ещё соединена с эфирным телом, записать слова, которые я опять-таки составил не с помощью моих человеческих знаний, но которые были не чем иным, как воспроизведением того, что душа внутренне выработала в себе самой, для того, чтобы обобщить как результат то, что она могла получить из духовной науки, для того, чтобы внутренне полностью придти к самопознанию. Здесь в душе звучали слова, которые я затем тоже, следуя интуиции дол-

жен был произнести перед и после надгробной речи. Вы заметите большую разницу между всем тоном этих слов, по отношению к тому, что я прежде приводил для других личностей.

Я хочу нести в мировые дали
Моё чуждое сердце, чтоб оно потеплело
В святой действенной силе огня;

Я хочу ткать в мировых мыслях
Своё мышление, чтоб оно стало ясным
В свете вечного становленья жизни;

Я хочу погрузиться в основах души
В верные чувства, чтобы они стали сильнее
Ради истинных целей людских деяний;

Я стремлюсь к божественному покою
С борением жизни и с заботой
Моё «я» подготовить для высшего «Я»;

Я стремлюсь к радости мирно работать,
Чуя бытие мира в своем бытии,
Человеческий долг я хочу исполнить;

Я смею тогда жить в ожиданье
Навстречу звездам моей судьбы,
Что уделят мне место в обители Духа.

Самостоятельная характеристика души в форме «я»! Прежде она имела столь отчётливый характер, что наблюдающая душа должна была характеризовать другую душу во взаимном духовном общении с нею. Здесь наблюдающая душа не должна была делать ничего иного, как только совершенно переместиться в душу, которая ещё с помощью сил эфирного тела пыталась охватить себя в своем существе, обогащённом посредством духовной науки, для того, чтобы до некоторой степени прояснить для себя, как она должна ориентироваться в духовном мире.

Это опять-таки случаи, в которых по настоящему ясно, как человек, проходя через врата смерти, настроен на то, чтобы в са-

мопознании оглядываться назад на своё «я». И можно отчётливо видеть, как для умершего определенной помощью является, если пребывающий ещё в физическом теле, помогает ему сформулировать, охватить в словах то, что правит и действует в нём. Само собой разумеется, позднее приходит время, когда человек видит в душевном мире свои слабости, свои ошибки, свои грехи. Но мы должны утверждать следующее: насколько бояться порой смерти те, кто ещё находится в теле, настолько с другой стороны, при ретроспективном взгляде воспринимают смерть совсем иначе. Здесь в физической жизни ни один человек с обычными человеческими силами не может заглянуть назад до часа своего рождения. По существу, нет ни одного человека, который, не обладая ясновидческими силами, имел бы возможность увидеть своё вступление в этот мир; момент, до которого можно оглянуться, выступает позже. Совсем наоборот дело обстоит в случае рождения в духовном мире, которое мы называем смертью. На этот временной пункт непрерывно смотрит человек в жизни между смертью и новым рождением. Лишь этот единственный момент принадлежит к наиболее величественным, великолепным, самым прекраснейшим из всего, что вообще можно увидеть в духовном мире. Будучи рассмотрена с другой стороны, смерть всегда является доказательной силой того, что дух неизбежно празднует свою победу над телесностью. И это человек переживает в себе самом. Оттого это стремление — по настоящему переживать в душе после смерти то, чем может быть человек. Поэтому помощью становится, если душа, живущая в теле, запечатлевает в словах то, куда стремится душа, для того, чтобы после того как она прошла через врата смерти, для неё перед её собственным духовным взором ясно стояло всё лучшее, что она имела. Именно в этом случае хорошо видно, как кому-то с внутренней необходимостью приходят такие слова, которые относятся к «я» данной души, если человеку надо произносить речь при похоронах, причём он говорит не произвольно, но внимая Божественному голосу, который сообщает, что надо делать.

В другом случае мне было это показано благодаря кармическому течению последнего времени, когда один из наших друзей, подававший большие надежды именно для нашего движения, умер в ранней молодости. Он умер на тридцатом году своей жизни. 26 февраля ему должно было исполниться тридцать лет, и незадолго до этого он умер. И этот друг, наш дорогой Фриц Митчер, был тем, кто с бесконечной, жертвенной отдачей, обладая задатками ученого, смог приобрести учёность и духовнонаучно обобщить её, на самом деле содействуя тому, что так необходимо для нашего движения: принять в себя науку во всём её объёме, чтобы духовнонаучно проработать её и духовнонаучно воссоздать, так, чтобы полностью стоять на почве современной научности. Он был хорошо подготовлен к этому. И хотя карма протекает так, что даже такие души в раннем возрасте проходят через врата смерти, это имеет значение для всего мирового течения событий. И как это было в других случаях, — поскольку я именно вследствие кармы был побуждён к тому, чтобы говорить при погребении, — так было и тут; вначале и в конце надгробной речи я должен был произнести слова, которые должны были быть произнесены тем же самым образом, благодаря погружению в сущность этой души, так что слова снова возникали не произвольно, но создавались в живом совместном бытии с душой, прошедшей через врата смерти. Итак, я должен был там сказать:

Осчастливит нас надежда:
Вот вступаешь ты на поле,
Где расцвет земного духа
Силой бытия души
Путь к открытиям укажет.

К светлой истине с любовью
Твой порыв издревле сроден;
Сотворять из света духа —
Было строгой целью жизни,
И стремленьем неустанным.

Чудный свой талант взрастил ты,
Чтоб путём духопознания,
Одолов соблазны мира,
Истины слугою верным
Твердым шагом к Ней иди.

Развивал ты око духа,
Чтобы смело и упорно,
Чтоб в пути по оба края
От ошибок сберегало,
Место дав в тебе для правды.

«Я» твоё для откровенья
В чистом свете созидай ты,
Чтобы мощно сила Солнца
У тебя в душе светила
Радостью, заботой жизни.

Прочьи радости, заботы,
Миновали твою душу,
Ведь по жизни свет познания,
Тот, что смысл бытию дарует,
Как сокровище ценил ты.

Осчастливит нас надежда:
Вот вступаешь ты на поле,
Где расцвет земного духа
Силой бытия души
Путь к открытиям укажет.

Глубока нам боль потери,
Той, что ты покинул поле,
Где земной зародыш духа
В лоне бытия души
Чувство сфер в тебе растили.

Ощути как мы с любовью
Смотрим в выси, что тебя

Там зовут к иным деяньям.
Дай оставленным друзьям
Сил своих их сферы духа.

Просьбу наших душ услышь ты,
Ту, что шлём к тебе с доверьем:
Для трудов земных нужна нам
Сила из страны духовной,
И друзей сквозь смерть прошедших
За неё благодарим мы.

Осчастливит нас надежда,
Глубока нам боль потери;
Дай надежду, в дальней близости
Нам всегда светить по жизни
Звездною душой из царства духа.

Уже в ближайшую ночь я смог пережить, что от этой души из области духа прозвучало следующее:

«Я» моё для откровенья
В чистом свете созидаю,
Чтобы мощно сила Солнца
У меня в душе светила
Радостью, заботой жизни

Прочьи радости, заботы,
Миновали мою душу,
Ведь по жизни свет познания,
Тот, что смысл бытию дарует,
Как сокровище ценил я.

Я могу вас заверить, что когда я писал эти строки, я даже отдалённо не помнил, не думал о том, что обе строфы именно такие, что каждое «тебе» смогло превратиться в них во «мне», каждое «тебя» в «меня». Я только тогда обратил на это внимание, когда в ближайшую ночь обе строфы прозвучали мне, вернувшись

обратно от другой души как ответ. Строфы остались теми же самими, только второе лицо превратилось в первое лицо.

Когда я упоминаю об этом, то это потому, что у нас может появиться сердечное понимание, а в будущем человеческой эволюции будет оставлена возможность говорить от души к душе, даже когда рот не сможет больше служить в качестве инструмента. Ибо, как мы здесь в повседневной жизни через рот получаем ответ от другой души, так в этом примере душа давала ответ из подсознания своего существа, как бы говоря: я понимала, что действительно было со мной в жизни; сейчас, после того как я сложила тело, я понимаю, к чему я стремилась в жизни.

Дело не только в том, что мы принимаем понятия, идеи и представления о духовном мире, но и в том, что мы, как люди ведём определённую жизнь, живаемся в определённый образ жизни, когда мы как люди пятого послееатлантического культурного периода идем навстречу шестому и седьмому послееатлантическому культурному периоду. Дело в том, чтобы реально создать мост через пропасть, которая разделяет так называемых живых и так называемых умерших, чтобы человечество всё больше и больше становилось единым, причём имеются в виду, не только инкарнированные в тела, но и те, кто принял ту форму бытия, в которой человек изживает себя между смертью и новым рождением. Но не только для того, чтобы принести это человечеству, существует духовная наука; ведь для жизни, в которой нуждается Земля для оставшейся части послееатлантического развития, духовная наука является первой, я бы сказал, ещё «лепечущей» попыткой, ибо то, что может быть дано в духовной науке, является всего лишь лепетом по отношению к тому, что будут переживать в духовной науке грядущие поколения.

Посредством этого описания, которое пытается с помощью силы сердца сделать для вас понятным то, что мы можем думать об отношениях жизни и смерти, я хотел обратить ваше внимание на ориентированную на жизнь духовную науку для того, чтобы вы пришли к иному, не головному, но сердечному пониманию того, что мы ищем посредством полного жизни духовнонаучного

углубления, того, что является задачей пятого послеатлантического культурного периода. За ним последует шестой, за ним последует седьмой. Но человек только тогда правильно поймёт, что необходимо защищать вместе со средневропейской культурой, если он почувствует, что эта средневропейская культура тесно соединена с тем, что должно быть достигнуто человечеством в пятом культурном периоде. И затем можно положить начало тому, что я в начале нашего рассмотрения назвал: расширением взгляда на то, что таит в своём лоне наше судьбоносное время.

На Востоке подготавливается такая форма человеческой жизни, которая будет иметь значение для будущего. Вам надо почитать об этом в цикле лекций о «Миссии отдельных Народных Душ»⁴⁸, который был однажды прочитан в Христиании. Однако тип души, находящийся в Средней Европе, существенно отличается от типа души в Восточной Европе, не говоря уже о более отдаленном Востоке — существенно отличается. И мы с помощью того, чем должна являться для нас духовная наука, уже должны идти к тому, чтобы создать себе открытое духовное око для таких вещей. Часто рассказывается, что когда-то варяги были призваны русско-славянским населением, и им было сказано: страна у нас прекрасная, но порядка у нас нет, придите к нам и наведите порядок! Создайте у нас государство! — Рассказываемое так простодушно об исходном пункте русской истории, есть не более чем легенда без какой-либо исторической основы. Такого никогда не было. В действительности эти варяги переселились как завоеватели, а не были призваны. И всё же то, что таким образом рассказывается в истории, означает нечто большее, чем значило бы оно, если бы соответствовало исторической правде. Ибо это означает нечто пророческое, действительно пророческое, то, что ещё не произошло, но произойдёт в будущем. То, что должно развиваться на Востоке, должно развиваться именно так, чтобы применить способности восточных народов для того, чтобы созданное культурой Запада вобрать в себя и переработать в себе дальше, дать оплодотворить себя тем, что создается на Западе. В будущем это должно стать задачей восточных

народов. Можно кратко охарактеризовать сущность именно русского восточного народа. Если рассматривать настоящий русский народ, а не то изолгавшееся сообщество, которое сейчас управляет русским народом, то нам станет ясно, что русская душа необычайно одарена, она одарена во всех отношениях; но как раз в том, как она все больше развивает свою миссию в мировом и общечеловеческом развитии, обнаруживается, что в человечестве может существовать нечто, что можно назвать одарённостью без продуктивной силы. Одарённость будет становиться все больше, будет возрастать. Но то, что так отличает, например, человека Средней Европы, который соединяет свои дарования с духовной силой, воплощает (слова) «кто вечно трудится, стремясь...»⁴⁹ и живёт, будучи связан со своим Народным Духом; то, что он хочет понять, он одновременно хочет и осуществить, как это столь величественно выражено в философии Фихте, в которой «Я», чтобы постичь себя, должно постоянно воссоздавать, порождать себя, — величие этой философии увидят лишь позже, — именно это, что так отличает Среднюю Европу, имеет свою полярную противоположность в России, на Востоке Европы. Эти русские души являются абсолютно восприимчивыми: они обладают величайшей одарённостью к восприятию, но если говорят об их продуктивности, то заблуждаются. Они призваны развивать одарённость без продуктивности. Даже соответствующее понятие трудно подобрать сегодня, поскольку этого еще не было в развитии, но должно лишь постепенно вырабатываться. И в будущем произойдёт то, что с Востока на Запад будет направлен призыв: „Страна у нас прекрасная, но нет порядка — ибо беспорядок станет всё больше — придите и наведите порядок! — Средняя Европа призвана внести на Восток продуктивность духа. И то, что происходит теперь, есть неразумное сопротивление тому, что всё же должно произойти в будущем. Хотят растоптать то, к чему должны будут прибегнуть однажды, говоря: «Придите и наведите у нас порядок!» . В истории развития человечества происходит так, что сильнее всего отталкивают, сильнее всего отбрасывают то, чего, в конце концов, больше всего должны страстно желать,

к чему должны стремиться. Величайшим несчастьем, какое могло бы случиться, была бы победа России в этом процессе. Величайшим несчастьем было бы это даже не для Средней Европы, а для самой России. Это было бы с внутренней точки зрения величайшим несчастьем для России, ибо такая победа отбросила бы ее назад, такая победа была бы несовместима с её последствиями. Итак, мы стоим перед трагическим моментом в истории развития человечества; Восток ведёт борьбу с тем, к чему он будет страстно стремиться в будущем, стремиться всеми силами. Ибо он пришел бы в полный упадок, если он не позволит оплодотворить себя духовной жизнью того, чем для него является Запад, непосредственно граничащий с ним Запад. Впрочем, этот Запад в дальнейшем развитии своей культуры должен создать живую духовную жизнь, не просто идеализм, но живую духовную жизнь. Эта живая духовная жизнь будет как бы духовным Солнцем, движущимся с Запада на Восток в направлении противоположном внешнему движению Солнца. И русский человек будет всё больше осознавать, насколько мало он может достигнуть собственными силами, насколько необходимо ему включиться в общий процесс развития человечества, и какой величайший грех он совершает, посягая на европейскую культуру, лежащую к западу от него. Мы можем почувствовать при этом — я мог бы сказать — замечательные проблески, зарницы. На этом Востоке опять-таки выступает нечто такое, что было бы невозможно на Западе: так называемое мировоззрение босяков, своего рода философия босяков, которая быстро распространилась в широких кругах, хотя несколько лет тому назад ее еще совсем не было. Босячество! Мировоззрение тех, кто абсолютное неверие в человека и человечество превратил в философию, поскольку не в состоянии верить, что человек представляет собой что-то иное, нежели то, что странствует от рождения до смерти, странствует среди тяжких трудов и страхов, странствует так, что слова «свобода», «братство», «милосердие», «сострадание» и «любовь» — лишь пустые фразы, и что мудр только тот, кто как странник босиком бредет по миру, бредет босой, кто всю

культуру, всю прогнившую западноевропейскую культуру, — как её называют босяки, — считает большим обманом, кто рассматривает оборванную одежду, темную конуру и дальнюю дорогу как то, куда катится человек, постигший босяческое мировоззрение. И когда поэт хочет выразить это мировоззрение босяков в многозначительных словах одного из своих персонажей, это должно особенно касаться нас, тех, кто пытается, исходя из средневропейской культуры, обрести то, что в будущем может стать для людей светом. Когда поэт вкладывает в уста одного персонажа то, что, в сущности, является своего рода выводом босяческого мировоззрения и может быть его философией, как понравится это нам?

„Да он кто тебе, человек-то? Понимаешь ты это? Он вот поймает тебя за шиворот, да и как блоху под ноготь! В ту пору ты его и пожалей... да! Тогда ты ему и обнаружь глупость-то свою. Он тебя за твою жалость семью муками измучит. Кишки все твои на руку себе навертит, по вершку в час все жилы из тебя вытянет... Ах ты... жалость! А ты моли Бога, чтобы без всякой жалости, просто прикокнули тебя и шабаш!.. Жалость — тьфу!..”⁵⁰

И Горький, о котором вы уже кое-что слышали, говорит такими словами «сурово, но верно», передавая не только мировоззрение поэтического персонажа, как его высказывает поэт, но высказывая и своё собственное мировоззрение, полученное им при рассмотрении мира. Это мировоззрение одного босяка, мировоззрение, о котором можно говорить точно также, как и о других существующих сейчас мировоззрениях. Это такое мировоззрение, которое потеряло возможность мочь что-либо исходя из себя, из самого себя придти к чему-то, что посылало бы свет в жизнь; оно должно ждать, пока будет оплодотворено этим светом, и затем сможет исполнить свою миссию в эволюции человечества; но теперь оно восстает именно против того, что ему следует делать. В мире можно пережить много фраз, но это я говорю из ощущения трагизма: те фразы, которые высказывались различными партиями в августе 1914 г. в русской Думе на засе-

дании, посвященном войне, такая сумма фраз превзошла апогей любой фразеологии. Говорилось только то, как если бы все живые продуктивные силы души были истощены. На Востоке человек стоит в действительности накануне того, что только должно наступить, и развивает силу, противоположную той, что когда-нибудь сделает этот Восток великим. И мы в Средней Европе должны сказать себе: этот Восток ждёт именно спиритуальной мудрости, которая должна выступить из середины Европы.

Мои дорогие друзья, попытайтесь облечь ощущениями то, на что я с тяжелым чувством указал в нескольких словах, на что я указал вам, чтобы можно было осветить то, что мы как последователи духовной науки, созерцаем, расширив свои ощущения, в чем мы должны обрести себя, чтобы понять настоящую необходимость, историческую необходимость постижения духовной науки. Тогда мы будем проникаться мыслями, которые, будучи исполнены разума, станут восходить от наших душ в мировые дали. Мысли, которые затем будут встречаться с тем, что в ближайшем будущем, когда на полях Земли снова установится мир, будет воздействовать, сходя вниз из духовных миров.

Сегодня я показал вам, как действуют эфирные тела тех душ, те неиспользованные эфирные тела, которые освободились от душ, хотя могли бы ещё в течение лет, в течение десятилетий действовать здесь в физических телах для физической жизни. Нам надо придти к мысли, как много таких неизрасходованных частей эфирных тел поднимается в духовный мир — ещё и кроме тех, которые переносятся в духовный мир посредством индивидуальностей тех людей, которые проходят через врата смерти на полях сражений. Но эти эфирные тела составляют большую сумму духовных сил, тех духовных сил, которые из духовных сфер должны содействовать формированию духовного мировоззрения, которое должно всё больше и больше пониматься человечеством. Но для того, чтобы из духовных сфер могли, спускаясь вниз, действовать эти, поднявшиеся вверх в неизрасходованных эфирных телах силы, с ними должны встречаться мысли, которые снова поднимаются вверх в духовные сферы от земных

людей, такие мысли, которые выносят понимание навстречу тайным действиям духовного мира, мысли, с которыми могли бы сойтись силы этих неиспользованных эфирных тел. Нас должно ободрять то, что мы проникаемся великими истинами духовной науки. Ибо эти истины будут пробуждать в нас мысли, которые потом станут всё больше и больше действовать и в других людях. И как после того, что разворачивается как тяжкое судьбоносное содержание наших дней, придут дни мира, тогда будет подниматься, всходить то, что души насадили в себе из духовной науки. Это будет встречаться с тем, что струится вниз из накопленных сил эфирных тел тех, кто прошёл через врата смерти на полях сражений. Тогда наступит то, что мне хотелось бы обобщить в нескольких словах как итог, полученный из этих духовнонаучных рассмотрений. Если мы сумеем правильным образом внести плоды духовной науки в наше современное развитие, тогда наступит то, что я хотел бы высказать в таких словах:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных деяний народа,
Взрастёт духовный плод —
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

Шестая лекция

Моральные импульсы и их результаты

Запоминание

Отношение европейских народов к

их Народным Духам

Культурный импульс эвритмии

Нюрнберг, воскресенье, 14 марта 1915 года

С первого взгляда могло бы показаться — и кажется многим людям — будто бы тем, что в истинном смысле слова называют ясновидческими силами, с помощью которых могут быть познаны существа и процессы духовного мира, человек в повседневной жизни не обладает, будто бы человек в повседневной жизни не развивает этих сил в своей душе. Но это не так. Ясновидческие силы не являются такими силами, которые были бы совершенно неизвестны, совершенно чужды человеку в повседневной жизни. Это не так, но то, что мы развиваем, чтобы заглянуть в духовный мир, то, что мы должны извлечь из глубоких основ души, чтобы найти путь в духовные миры, проявляется также и в обычной жизни человека в определённой душевной деятельности. Это обнаруживается в том, что мы называем моральными импульсами человека. Истинно моральный поступок, истинно моральный импульс исходит из тех же самых способностей души, которые, путем соответствующего развития приводят к ясновидческим способностям. В обычной жизни всё, что человек делает, может исходить из того, что заложено в его телесности, или из того, что он посредством своей телесности усвоил по ходу жизни. Если человек развивает вождения, если человек делает то или иное, к чему он определен благодаря своему воспитанию или иным жизненным обстоятельствам, тогда импульс к действию исходит из телесного. Но в человеческой жизни суще-

ствуют действительные импульсы, которые исходят не из телесного, когда человек охвачен импульсами, при которых по настоящему задействована только душа: это и есть моральные импульсы. Настоящий моральный поступок — это такой поступок, для которого тело всего лишь призывается на помощь, чтобы человек получил представление об этом моральном поступке, но импульс, побуждение к моральному поступку заложены в духовно-душевном, которое поистине независимо от телесного. Посредством чистой философии никогда не удастся дать определение морального: для философии, которая хочет быть философией о морали, наиболее характерно то, что она не находит настоящего, удовлетворительного определения морального, не опираясь на то, что человек может переживать своё духовно-душевное начало независимо от тела. Невозможно иное настоящее определение морального, как только следующее: моральное есть то, на что человек решается, что человек делает благодаря силам, которые независимы от его тела.

Мы знаем, что человеческая жизнь складывается из моральных, менее моральных и аморальных поступков и импульсов. Разница между моральными и аморальными действиями обнаруживается в истинном свете только посредством оккультного наблюдения. В своём наименьшем жизненном цикле периодом в 24 часа человек входит в состояние сна. Это состояние сна состоит в том, что его «я» и астральное тело, по существу, выходят из физического и эфирного тела и затем живут вне этого физического и эфирного тела. Однако далеко не все сказано, если отмечают, что «я» и астральное тело выходят из физического и эфирного тела. Тут должно быть также ясно, что «я» и астральное тело, когда они выходят из эфирного и физического тела принимаются теми духовными мирами, которые сверхчувственно действуют вокруг нас. Мы входим в сверхчувственные миры с нашим «я» и астральным телом. Если днём мы, во время нашего бодрственного состояния имели моральный импульс, совершили моральный поступок, то это означает следующее: мы с нашим «я» и астральным телом должны быть приняты духами ближайших высших иерархий, духами, которых мы причисляем к иерар-

хии Ангелов, Архангелов и так далее. Они принимают нас, мы в состоянии сна как бы входим в них. Как днём мы живём в теле, так живём мы в состоянии сна в существах высших иерархий. Пусть нам будет это ясно. Если мы совершили моральный поступок, если мы имели моральный импульс, то у существ ближней высшей иерархии появляется возможность по спиритуальным космическим законам принять наше «я» и астральное тело с нашими моральными импульсами в соответствии с тем, что осталось в нашей душе от наших моральных импульсов. Если же мы совершили аморальный поступок, или имели аморальный импульс, мы с ним — с его остатком, с тем, что образовалось в нас вследствие аморального импульса, — не можем во время сна войти в существа высших иерархий. Аморальное в нас действительно остается, оно отталкивается, оно снова заталкивается вниз, в нашу телесность. Следствием того, что в состоянии сна мы переносим последствия, последствия морального в духовный мир, они не действуют в нашем физическом и эфирном телах, поскольку они изымаются из них. Но то, что является аморальными мыслями, аморальными импульсами, аморальными поступками отталкивается назад в эфирное и физическое тело и действует внутри них. Таким образом, для состояния сна существует возможность, чтобы в то время, когда человек находится в состоянии от засыпания до пробуждения, в его физическом и эфирном теле работали результаты его аморальных поступков. В этом отношении действительно легко распознать, что в речи, — как я это неоднократно отмечал в докладах, — имеется чудесный Гений, что речь действует величественно и гениально. Если мы говорим о «долге», «вине», то это немецкое слово «Schuld» бесконечно метко, точно обозначает то, о чём идёт речь. Моральными поступками мы оплачиваем то, что мы задолжали духовному миру, но мы остаёмся должны духовному миру тем, что нам приходится оставлять в теле как наши аморальные мысли, аморальные импульсы, аморальные поступки.

Обдумайте следующее: если бы мы проводили свою жизнь так, что воспринимали только вещи внешнего мира и думали о них, то даже процессы в нашем физическом теле стали бы со-

вершенно иными, нежели они есть, поскольку мы не только мыслим и воспринимаем, но и запоминаем мысли, восприятия и переживания. То, что мы мыслим, представляем, чувствуем опускается в наше эфирное тело, но эфирное тело в свою очередь напечатлевает все это в физическом теле, и то, что эфирное тело создаёт в физическом теле как отпечаток, и есть память, воспоминание. Когда мы в нашей более поздней жизни вспоминаем о более раннем переживании, это означает: мы нашим астральным телом, которое тогда соединено с эфирным телом, наталкиваемся на то, что как отпечаток, как оттиск осталось в нашем физическом теле. Инфантильными являются те материалистические представления, которые исходят из того, будто бы одно воспоминание находится в головном мозгу здесь, другое там, как если бы они были уложены туда как в коробку. Это неверно, но каждое воспоминание есть оттиск, отпечаток, который по сути соответствует всей голове, а также другим частям человеческой фигуры, причём воспоминания «воткнуты» друг в друга, а не расположены одно рядом с другим, как инфантильно предполагает материалистическое представление. Деятельность по запоминанию состоит в том, что наше астральное и эфирное тело могут создавать отпечатки в нашем физическом теле. Это поистине та же самая деятельность, которая совершается внешне, если мы что-то записываем. Если затем мы смотрим на записанное, то возникшее при этом в нашей душе не обладает ни малейшим сходством с теми знаками, которые мы имеем на бумаге. На бумаге существуют знаки какой-либо формы, но благодаря тому, что мы проделываем потом, будучи побуждаемы снова оживить в душе записанное, происходит духовный процесс. Так обстоит дело и с воспоминанием, с памятью. То, что остаётся в нас поистине в принципе имеет не больше сходства с тем, что выступает в душе при воспоминании, как и то, что записано на бумаге не имеет сходства с тем, что выступает в душе, когда мы это снова читаем.

Созерцаемое ясновидчески, дело обстоит так: допустим, что кто-то вспоминает о чём-то, произошедшем ранее. То, что затем высвечивается в его физическом теле — это некий знак определенным образом подражающий человеческой фигуре от головы и

частично ниже. Таковы знаки. Это нечто иное, нежели то, что всплывает при воспоминании, однако это знаки. И то, что мы переживаем, вспоминая, наша душа сначала создаёт из знаков. Это поистине бессознательное чтение, — то, что выступает как воспоминание. Когда естественная наука продвинется немного дальше и будет исследовать физические процессы, она будет прямо-таки помогать духовной науке, она покажет, как то, что остаётся в теле, должно сперва подвергнуться процессу со стороны души, который принципиально подобен чтению в душе. Воспоминание есть настоящее подсознательное чтение. Это самовоспоминание, воспоминание о себе есть регулярная деятельность человеческой души.

Но когда мы при засыпании посылаем вниз в наше тело результаты аморальных импульсов, мыслей или поступков, мы не можем извлечь из нашего физического тела то, что мы имели как аморальные импульсы. Вследствие этого происходит нечто подобное тому, что в ином случае регулярно происходит в воспоминании. Работа в физическом теле создаёт в нём отпечаток, и когда человек хочет заснуть, когда его «я» и астральное тело хотят выйти наружу из его физического и эфирного тела, тогда начинается такой процесс: то, что человек должен здесь оставить, напечатлеваются как воспоминания, и тогда приходят возникающие уколы, упреки совести. Это подлинный процесс уколов, укусов совести. Они отражаются назад из того, что в нашем физическом и эфирном теле указанные вещи оставляют как отпечатки. Это остаётся. И поскольку это остаётся регулярным воспоминанием, такие уколы совести могут оставаться, обретают силу и затем в течение дальнейшей жизни выступают в качестве упреков самому себе. Важно, чтобы мы действительно подошли к тому, чтобы увидеть, что моральные действия — это реальный процесс, что это не просто какая-то абстракция, но моральные действия являются перенесением в духовные миры того, что мы совершаем здесь на Земле. И насколько мы передаём последствия наших моральных поступков высшим иерархиям, настолько они в определенном отношении остаются в этих высших иерархиях. Но то, что мы не можем взять с собой, и что затем работает в физиче-

ском и эфирном — остаётся здесь на Земле, включается в земной процесс. Когда же человек проходит сквозь врата смерти, он должен всегда оглядываться на это, и при этом взгляде назад в нём должны возникать импульсы изъять, удалить оставшееся из земного процесса. На этом основана выработка кармы между смертью и новым рождением.

Разумеется, мы вбираем в нашу карму результаты наших моральных импульсов, но когда мы во время сна переносим их в духовные миры, они тоже оставляют там свой отпечаток. Мы можем сказать, что Ангелы, Архангелы и даже Духи Личности имеют то, что мы как моральные импульсы перенесли в них. Что они с этим делают? Для хода развития Земли эти моральные импульсы, находящиеся отныне в духовном мире являются истинными оплодотворяющими зародышами для более поздних периодов Земли. Мы не только сохраняем эти результаты в нашей карме, но мы возносим эти оттиски наверх, и в грядущие земные эпохи духи высших иерархий снова перенесут их вниз; тогда из результатов этих моральных импульсов образуются в позднейшие земные эпохи оплодотворяющие зародыши для человеческого изобретательного мышления, для человеческого мышления вообще. Представьте себе, что какая-то эпоха в земном развитии была бы совершенно аморальной настолько, что никакие отпечатки моральных импульсов не переносились бы вверх в духовные миры. Тогда в земном развитии должна была бы последовать эпоха, где люди стали бы мало вмешиваться в земную жизнь, где у людей было бы мало идей и понятий, где господствовала бы нищета в отношении того, что жизнь должна напечатлеть и пробуждать в душевном.

Так мы с нашими моральными импульсами включены в реальный космический процесс. Так духовная наука, показывает нам нечто, способствующее повышению нашей ответственности, наполняет нашу ответственность энергией, ибо только благодаря духовной науке мы впервые узнаём, что означает моральное и аморальное в человеческой жизни. Аморальное означает — лишить Землю её жизненных зародышей, включить их в физический земной процесс, в котором они затем станут зародышами

разрушения для ближайшей эпохи, ибо они естественно сохраняются, поскольку ничего не исчезает. Тогда они погасят то, что должно жить, будучи оживлено как душевное. Допустим, что большая часть людей решила бы жить в определённую эпоху аморально. Тем самым была бы вызвана мыслительная нищета в более позднюю эпоху: души стали бы спускаться на Землю и находить мыслительную нищету, они бы деградировали в опустошенной жизни.

Существует возможность, воспринять нашим познанием не только то, что является содержанием морального. Если же мы не примем в качестве нашего действительного познания то, что является содержанием морального, то мы опустошим Землю. Но нам необходимо и мы имеем возможность принять в наше душевное развитие ещё нечто иное — знание о сверхчувственном. В сущности, Земля никогда не оставалась совсем без знания о сверхчувственном. Ведь мы знаем, что человечество в древности сохраняло известное наследие ясновидческих способностей, благодаря которым сохранялось так же и ясновидческое знание. И до весьма недавнего времени на Земле ещё существовали последствия воздействия этого ясновидческого знания. Мы знаем также и то, что живём в такое время, когда это ясновидческое знание пришло в полный упадок, но должно быть заменено сознательно обрётённым ясновидческим знанием. Мы живём в это важное время. И вчера мы провели перед душой, как пятая культурная эпоха и те, кто является её носителем, призваны снова сознательно достигнуть душой ясновидческого знания. До завершения пятой культурной эпохи определенная сумма ясновидческого знания будет усвоена относительно большей частью человечества. Истинны слова Гердера,⁵¹ что просветление охватит всю Землю.

Всё знание, которого мы достигаем из чисто чувственного внешнего мира, все мысли, которые мы имеем только как отображение чувственного внешнего мира, не могут быть столь уж безусловно перенесены нами в духовный мир, когда мы спим. Это истина, — что мысли, представления, которые мы имеем, восходят вплоть до известной границы в существ высших иерар-

хий — но за исключением аморальных импульсов; так что всё же обретенные нами образы внешнего мира до известной степени поднимаются в духовный мир. Но они поднимаются не слишком высоко, не более чем до сферы Архангелов. Так что человек, наполненный лишь теми представлениями, которые происходят из чувственного мира, не может достаточно далеко вынести в духовные миры то, чего он достиг посредством этих представлений. Однако то, что мы пережили в сверхчувственных представлениях, будет перенесено в духовных мирах гораздо дальше, и именно те существа, которые принадлежат иерархии Архангелов, получают как бы оттиск, отпечаток этих представлений и переносят его в более поздние эпохи. И то, что как сверхчувственное знание посредством «я» и астрального тела человека будет вознесено в духовные миры, позже вновь обретет родство с процессом земного развития. Сейчас не образуются, как моральные импульсы, оплодотворяющие, оживляющие зародыши, но зародыши того, что мы называем земным прогрессом. И отрицание сверхчувственных представлений одной эпохой означает обречение грядущей эпохи на невозможность прогресса в земном развитии. Тот, кто отрицает сверхчувственные представления, препятствует насколько возможно прогрессу грядущей эпохи. Если какой-либо народ стал бы целиком материалистическим, то этот материализм целого народа обрек бы Землю в грядущую эпоху на застой в её развитии — конечно лишь до известной степени, поскольку другие народы не должны были бы отрицать сверхчувственных представлений. Итак, здесь мы снова видим, какое значение имеет обладание сверхчувственными представлениями в самом земном процессе. Так во всём земном процессе связаны причины и следствия. Те люди, которые в нашей современности являются сознательными материалистами, в основе своей являются ариманически совращёнными существами, которых совратили ариманические духи, ибо Ариман сильно заинтересован в том, чтобы препятствовать правильному прогрессу.

Мы снова видим, что духовная наука в состоянии повысится чувство ответственности отдельной человеческой души по отношению к мировому целому. Мы видим, как духовная наука из-

бавляет нас от эгоизма, самости, делает нас сопричастными всему мировому процессу, видим, что духовная наука по своей сути является альтруистической деятельностью человеческой души.

В известном отношении вся жизнь в сверхчувственных представлениях подобна моральной жизни. Вот почему нет ничего более разрушительного для познания сверхчувственных миров, чем заполнение человеческой души аморальными импульсами. В сущности именно отсюда мы видим, насколько глубоко обосновано, что, как подготовка к развитию ясновидения, в самом глубочайшем смысле требуется так называемый моральный образ мыслей человека. Поистине пятой эпохе надлежит заботиться о том, чтобы людей осознанным образом наполняли духовные познания для того, чтобы в том, что еще живёт как остатки послеплатантического времени, не было препятствий для прогресса человечества, чтобы поступательное развитие человечества могло бы состояться. И если мы после всего того, что обсуждалось в последние дни, хотим в самом высоком смысле именно средневропейским народам приписать задатки для духовного познания, нам должно быть ясно, какое значение имеет продолжение жизни, не нарушающей саморазвитие средневропейской культуры.

Если мы, с помощью того, что мы уже упомянули, слегка окинем взглядом горизонт, хотя бы только европейской жизни, что же тогда предстанет перед нами? Ведь с жизнью народов связана жизнь более высоких иерархий. Вам следует изучить цикл о развитии Народных Душ, прочитанный однажды в Христианин, ⁵² и особенно важный в нынешнее время, вам надо провести его перед своей душой, и вы увидите, как существа Архангелов вмешиваются в народную жизнь; как вообще эта народная жизнь разыгрывается во взаимодействии высших иерархий с происходящим здесь, на Земле. Если мы рассматриваем отдельного человека, то мы узнаем, что развитие его «я» происходит только медленно и постепенно. Конечно, осознание «я» начинается в нежном детском возрасте, начиная с того момента, до которого человек может себя вспомнить. Однако это «я» становится всё более и более зрелым, совершает поступательные шаги в своём развитии. В наше время в отношении этого «я»-развития

уже господствуют достаточно большие заблуждения. Господствует недостаточное осознание того, что такое «я»-развитие вообще существует в жизни. И можно пережить то, что еще в зеленой юности люди сегодня считают себя зрелыми и судят обо всём, поскольку не знают, что лишь по достижении определённого возраста можно судить о некоторых вещах, ибо «я» только с возрастом достигает определённой зрелости.

Как происходит это в жизни отдельного человека, так происходит это и в жизни народа. Если мы хотим понять народную жизнь по отношению к отдельной человеческой жизни на физическом плане, мы должны обратить внимание на следующее. Отдельный человек в отношении своего «я»-развития созревает посредством того, что он становится всё более и более зрелым, учится лучше рассматривать внешний мир. Что знаем мы о внешнем мире, достигнув двадцати, двадцати пяти лет, и что можем мы знать о нём, ведя упорядоченную жизнь, если мы стали на десять лет старше! Именно последователь духовной науки, духоиспытатель должен приобретать чувствительность к таким вещам. Тут «я» проявляет отношение к внешнему миру, отношение к тому, что окружает это «я».

С существами высших иерархий дело обстоит иначе. Эти существа высших иерархий стоят со своей стороны к нашему «я» в таком же отношении, как мы стоим к вещам внешнего мира. Для нас объектами являются предметы и существа минерального, растительного и животного (царств). Для существ высших иерархий являются объектом, например, наши «я». Только отношение высших иерархий к нашим «я», к нашему «я»-началу не является восприятием, таким, которое мы имеем по отношению к внешнему миру, но это в большей степени, пронизание нашего «я» лучами воли высших иерархий, воздействие воли высших иерархий.

Те архангельские существа, которые должны руководить народами, занимают к «я», к отдельным людям народа поистине такое отношение, в каком находимся мы с нашими возможностями восприятия по отношению к вещам внешнего мира. Для этих архангельских существ мы являемся объектами. Тем, чем мир

является для нас, являемся мы для Архангела, только для нас это больше процесс восприятия, тогда как для Архангела это больше волевой процесс. Но в отношении этого волевого процесса Архангел тоже проходит развитие. Этот Архангел также осуществляет созревание своей Души, но теперь не в отношении своего «Я», но в отношении более глубоких сил Его Души. Он осуществляет развитие, благодаря которому Он постепенно достигает иного отношения к отдельному человеку из Его народа; также как и мы, по мере созревания нашего «я» достигаем иного отношения к окружающему нас миру.

Возьмём, например архангельское существо, которое в ходе истории несло руководство тем, что мы знаем как итальянский народ. Это существо Архангела долгое время имело такое отношение к итальянскому народу, что оно непосредственно своей волей действовало в высших частях душевного. Но в своём дальнейшем ходе это архангельское существо действовало не только в высшем душевном, но и в низшем души, в тех страстях, в тех импульсах души, которые ещё были связаны с телесным. Развитие архангельского существа шло таким образом дальше: сначала это существо действовало больше в собственно душевном, позднее оно становилось могущественнее и воздействовало на душевное, которое было теснее связано с телесным. И мы можем для итальянского народа прямо указать, что приблизительно в 1530 году Архангел в своём развитии проходил ступень, которую можно характеризовать, сказав следующее: раньше он больше действовал на душевное, а теперь он начал своей волей сильнее подпитывать душевное, насколько оно проникает в телесное. И только теперь итальянский народ начал позволять себе проявляться в отношении внешнего, правомерно развивая свой национальный характер. Если вы изучаете историю итальянского народа, то перед названным периодом — примерно середина XVI века — вы увидите, что здесь Архангел у людей итальянского полуострова ещё действовал во внутренних свойствах души; но затем уже в самом высоком смысле впервые образовался внешний национальный характер, каким мы знаем его в настоящее время. Перед этим временным пунктом — и такой времен-

ной пункт существует у каждого народа — вся душевная жизнь какого-либо народа еще живая. Тут дело обстоит еще так, что душевная жизнь народа может принять те или иные свойства. Эти свойства еще не столь энергично напечатлелись. После этого временного пункта, в котором Архангел развил своё волевое отношение к более глубоким свойствам души, характер народа становится застывшим, тут он доходит вплоть до телесных свойств, тут начинается время, когда уже не удаётся подойти к данному народу с чем-то, что не соответствует национальному характеру, когда народ проявляет нервозность, если к нему подходят с чем-то таким, что не совсем укладывается в национальную линию или течение.

Для французского народа также можно фактически верно указать этот временной пункт в историческом развитии. Тут, — конечно только приблизительно, примерно — этот пункт можно отметить около 1600 года, в начале XVII столетия, а для английского народа — в середине XVII столетия, около 1650 года.

Если вы вернётесь в эпоху средневековья, вы увидите, как у отдельных народов начинается запечатление национального характера в указанные мною временные пункты. Архангел совершает развитие так, что можно сказать: перед этим его силы были еще слабы, так что он мог воздействовать лишь на душевные члены, на внутреннее. После этого силы его укрепились, он может простираť их вплоть до физического. Тем самым он создаёт ярко запечатлённый национальный характер. Вам самим отдельные явления покажутся достаточно понятными, если вы при историческом рассмотрении владеете такими вещами. Вспомните, что в то время, когда английский народ имел своего Шекспира, национальный характер ещё не был указанным образом охвачен, так что неспособность и далее понимать Шекспира, проявленная именно со стороны английского народа, вызвана тем, что Архангел завершил формирование определённо дифференцированного национального характера. Настоящее рассмотрение истории возникнет в будущем только тогда, когда перестанут — как это неоднократно делалось в XIX веке — исходить при рассмотрении истории из того, что идеи действуют в истории. Идеи может

иметь человек, но идея не может, как сила, действовать в истории. Идеи могут также иметь Ангелы, Архангелы, Архаи, но идеи всегда должны исходить из существ; то, что действует, должно быть существом. Всё рассмотрение истории XIX столетия, насколько оно говорит об идеях в истории — есть пустой звук, поскольку оно основано на вере, что идеи развиваются, могут свободно передвигаться в непрерывном потоке времени.

Мы можем задать вопрос: а как обстоит дело с немецким народом? Наступил ли и тут однажды тот временной пункт, в котором Архангел достиг определённой ступени? — Такой временной пункт уже наступил. Однако, именно у немецкого народа имеется определенное отличие от других народов. Мы знаем, что человеческая душа состоит из души ощущающей, души рассудочной или характера, и души сознательной. Вы можете также из лекций о Народных Душах узнать, что Архангел итальянского народа соответственно своей силе стремится действовать преимущественно в душе ощущающей, у французского народа — в душе рассудочной или характера, у британского народа — в душе сознательной, у немецкого народа — в «я», которое простирает свою силу над тремя душевными членами. Поэтому отношение Архангела к отдельным «я» немецкого народа иное, нежели у западных народов. Уже наступил тот временной пункт, в котором Архангел немецкого народа проникает в физическую жизнь или в низшую душевную жизнь, насколько последняя охватывает физическую. Это время примерно между 1750 и, можно сказать, 1830 годами. Если кто-либо однажды будет вполне разумно изучать эти вещи, тот сделает весьма удивительные выводы о ходе развития народа. И если кто-то станет наблюдать ту поистине грандиозную, огромную разницу господствующую в немецкой жизни среди людей XIX и XX столетий и людей, живших за два столетия до этого, тот увидит, насколько велика эта разница. В то время Архангел вмешался в национальный характер немецкого народа, как вступали Архангелы у других народов в указанные мной временные пункты. Однако можно сказать, он снова отступил, он запечатлелся в физическом не столь энергично, не столь основательно, как это произошло у других народов.

Только поэтому случилось так, что этот немецкий народ действительно бессознательно воспринял все возможности от других народов. Именно это и привело в наши дни к столь трагическому конфликту. Вы только подумайте о таком факте, что Эрнст Геккель во всём своём мировоззрении,⁵³ поскольку это мировоззрение построено на научной основе, является абсолютным англичанином, он стал полностью англичанином, он воспринял английский образ мыслей. Всё, что он думает, находится под влиянием английской сущности. Он исходит из Дарвина, из Гексли. Он считает Спенсера своим философским божеством. И в то время как книгу Гегеля или книгу из нашей духовной науки в действительности невозможно перевести на английский язык, Геккеля, само собой разумеется, очень легко переводить на английский. Вы будете удивлены тем, что я это говорю, поскольку знаете, что духовнонаучные книги переведены на английский. Но то, что содержится в этих книгах, может, в переводе на английский, быть лишь приблизительным; там содержится не настоящее, а лишь приблизительное. Например, на английский язык невозможно перевести предложения со старонемецкого,⁵⁴ то, что связано с Мейстером Экхартом⁵⁵ и всем тем, что в немецкой сущности было развито в подражание Мейстеру Экхарту. Действительно нельзя перевести на английский такую фразу: «В нраве живёт искорка, в которой Мировая Душа раскрывает себя в человеческой душе». Невозможно по-настоящему перевести это на английский, так как то, что переживается в слове «Gemüt» (нрав, характер, чувство, сердце, душа) не переводится. Точно также и гегелевское изречение,⁵⁶ которое составляет прямо-таки основной нерв немецкой философии: «Бытие и небытие объединяются в высшее единство в становлении» — невозможно перевести на английский. Само собой разумеется, что перевести можно всё, однако то, что переживается при такой фразе, на этом языке передать нельзя.

Немецкая речь обладает той отличительной особенностью, что она ещё допускает некоторую текучесть. Вы только подумайте, как бесконечно легко, если кто-то переводит нечто на английский или французский, сказать: это неправильно, так не говорят! —

Мы, немцы не имеем права культивировать такую плохую черту характера и говорить, что что-то неправильно, но мы должны сохранять текучесть нашей речи, — это сказано, само собой разумеется, радикально. Просмотрите наши циклы, и вы увидите, как прилагаются усилия ко всё новым словообразованиям, также и к тем, которые изнутри формируют, оживляют слово. Это происходит, например, от того, что Архангел немецкого народа снова отказывается от резкого запечатления. Он как бы предпринимает лишь одно легкое прикосновение в течение неполного столетия, чтобы создать национальный характер, и затем снова предоставляет народу свободу. Бесконечно много заложено в том, что я тем самым имею в виду. Но это и должно быть именно так, поскольку немецкий народ призван к тому, чтобы преобразовать свой идеализм в живое духопознание. Фихте, Шеллинг, Гегель, которые подвергаются сегодня нападкам, создали мышление, которое хотя и не является спиритуализмом, не является духовной наукой, но которое есть зерно духовной науки, медитирование над которым действительно ведёт к духовной науке. Однако для этого немецкий национальный характер должен оставаться текучим, должен действительно создавать возможность говорить: Он законченный итальянец! Он законченный француз! Он законченный англичанин! Но немцем всегда становятся. Архангел немецкого народа лишь положил начало формированию национального характера. И быть таким же националистом, быть шовинистом как западноевропейские народы, было бы в случае немца неистинным, этого он совсем не может, — возможно, конечно, всё, но тогда это не соответствует собственной немецкой сущности.

В случае русского народа существует нечто полностью иное. У русского народа, прежде всего, нужно ясно увидеть, как Архангел вообще совершенно иначе стоит по отношению к отдельным «я» народа, нежели у западных и среднеевропейских народов. У западноевропейских народов дело обстоит так, что Архангел воздействует со своими волевыми излучениями у итальянского народа — в душе ощущающей, у французского народа — в душе рассудочной или характера, у британского народа — в душе со-

знательной, у немецкого народа — в «я». Но у русского народа Народный Дух вообще не действует внутри души, но как бы парит над народом подобно облаку, и душа может только предчувствовать его присутствие вверху и тосковать по нему. Он ещё до некоторой степени остаётся групповым духом. Тут нет глубокой внутренней связи между Народным Духом и отдельным человеческим «я». Едва ли можно получить более трагическое, более серьёзное впечатление, чем присутствуя на русском православном богослужении — богослужении, в котором человеческие «я» присутствующих верующих, почти полностью выключены. Здесь целым полностью владеет обезличенное всеобщее, совершенно не затрагивающее отдельную индивидуальность. В этом богослужении господствует нечто, не говорящее в глубины человеческой природы. Это непосредственное выражение того, что русская душа ещё совершенно не пробуждена к тому оживлению, которое происходит из общения отдельного «я» с Народным Духом. Всё носит характер жесткого шаблона, канона, как если бы из неведомых миров вошло духовное и принесло лишь жесткую шаблонность, как при совершении обряда, так и в иконописи. Здесь мы стоим перед чем-то совершенно иным, нежели в западной Европе. Здесь мы стоим перед тем, что Архангел вообще еще не намеревается вмешиваться в национальное. Вот почему национальное для русских — ещё лишь душевная грёза, мечта. Само собой разумеется, русский всегда говорит об «истинно русском человеке» и русские писатели говорят о нём, но это — душевная грёза, которая подчёркивается потому, что Народный Дух не воплощён в человека, и поэтому русский тоскует по сверхличному Народному Духу.

Надо вглядываться в эти глубокие тайны, и тогда будет понятно, как противостоят друг другу европейские культурные области. Само собой разумеется, мне никогда не приходит в голову прямым образом видеть в таком противостоянии культурных областей причину современных событий. Но косвенным образом надо всё же сделать это. А именно, надо уяснить себе то, что сегодняшний военный факел является мощным знаменем, которое

знакомит нас с тем, что правит, сплетается и действует внутри духовной жизни Европы.

Мы взираем вверх к существам высших иерархий, и мы также видим этих существ высших иерархий в развитии. Когда мы как отдельные люди развиваем наше «я», мы видим, что эти существа высших иерархий развиваются так, что получают всё больше и больше силы для того, чтобы пронизать это «я» волей. Сначала они как бы держатся подальше от этого «я», осеняют его сверху вниз, как у русского народа. Затем имеет место как бы более интимное осенение и совместная жизнь, как в случае немецкого народа. И затем происходит жесткая, резкая выработка национального характера в отдельных человеческих индивидуумах, как это произошло у трех выше охарактеризованных западноевропейских народов. Отсюда вы также видите, как жизнь нового времени вообще формирует человеческое развитие. Просмотрите как-нибудь средневропейскую историю, и вы найдёте, — исключая Россию, где совершенно иные условия, — вы найдёте, сколь похожа жизнь западноевропейских народов и, в известном отношении, жизнь средневропейских народов, как господствует европейский интернационализм. Затем мы увидим, как примерно с XIV века для отдельных народов наступает новое время. Мы видим, как народы с наступлением нового времени овладевают ярко выраженным национальным характером. Мы видим, как немецкому народу именно на рубеже XVIII, XIX столетий даётся многое для национального характера, что немец хоть и чувствует, что такое национальный характер, но он получил не настолько много, чтобы быть вынужденным приобрести застывший национальный характер. Мы найдём, как в глубинных задатках немецкой сущности заложено то, что немцу нет необходимости приобретать застывший национальный характер; что есть действительно глубокий смысл в том, когда Фихте говорит: «Все те, кто хочет свободы для человеческой души, все те, кто устремлён к общечеловеческому, принадлежат к нам».⁵⁷

В этом заложены возможности свободного развития средневропейского, немецкого характера. Но здесь заложено и то, что непосредственно ведёт к прозрению: западноевропейские народы

действительно должны считаться с таким национальным характером, — текучим национальным характером немецкого народа. Я кое-что сказал о том, как этот текущий национальный характер немцев именно в наше время может привести к трагизму. Вспомним ещё раз Эрнста Геккеля. Мы видели, как он во второй половине XIX столетия — поскольку развитие национального характера стало как бы снова свободным — мог столь сильно подвергнуться английскому влиянию. И вот наступили наши дни. Человек, который, в сущности, полностью нес в себе английское, — сам Эрнст Геккель — бросил против английского народа сильнейшие слова ненависти. Вершиной этого стало то, что все английские дипломы, ордена и знаки отличия он отослал назад. Было бы гораздо важнее отослать назад материалистический дарвинизм, материалистическое учение Ньютона, всё то, что исходило от них. В этом отношении мы должны хоть однажды научиться правильно понимать самих себя, мы должны учиться смотреть на эти вещи объективно, без национальной ненависти.

В сущности, своего рода духовным прологом был тот, случившийся несколько лет назад раскол между нашим антропософским движением и теософским движением, окрашенным в англо-индийские тона.⁵⁸ Это должно было произойти. С материализмом воплощённого во плоти Христа⁵⁹ не могли идти дальше те, кто был призван развивать спиритуальное, и из наших рядов должно было изойти то, что Второе Пришествие Христа в действительности будет Вторым Пришествием эфирного Христа. Об этом уже часто говорилось, и даже в моей первой Драмемистерии⁶⁰ это прозвучало из уст Теодоры. Однако сейчас в английском теософском журнале⁶¹ мы читаем, — я вам поистине не сказки рассказываю, это даже высказывалось самим президентом тамошнего общества, — что тот способ, которым немцы сейчас ведут войну, показывает, что в сущности скрывалось за тогдашними теософскими немецкими мероприятиями, ибо сейчас обнаружилось как обижались на теософском поле, когда президент Анни Безант всегда вступалась за миротворца Эдуарда VII, который так хорошо ладил с Европой. Мы, якобы, с огромным неудовольствием смотрели на это и засылали в Англию

наших агентов, которые должны были излагать там теософию в нашем духе, чтобы заполучить теософов в свои руки. Если бы нам удалось — так рассказывает президент в одном английском теософском журнале — проникнуть тогда столь глубоко, что мы полностью получили бы в свои руки весь — как она говорит — «огромный правящий аппарат» индо-английской теософии, чего мы, разумеется, не хотели, — то исполнились бы наши намерения пронести яд наших воззрений вплоть до Индии и уже оттуда оказывать влияние на британское правительство, так что исполнилось бы наше намерение: предрасположить таким путём британский народ к признанию над Англией немецкого господства! Вот какая картина даётся теперь теософами в английском теософском журнале.

Взгляните, вот какова правда! Мы должны довести это до вашего сознания, ибо не годится, что мы думаем о таких вещах, как во сне. Правда состоит в том, что всё то, например, что я написал в моей книге «Мистика на заре духовной жизни нового времени», было написано из того способа, каким спиритуализм живёт в средневропейском культурном потоке. Книга сразу же была переведена на английский язык, и нам тогда говорили, — по крайней мере, мне, — что в этой книге заключена вся теософия. Мы могли бы сказать теперь: ну да, если люди в Лондоне находят, что в этой книге заключена вся теософия, то они могли бы пойти с нами. — Но мы не сделали ни одного шага, который был бы чем-то иным, как только выражением развивающегося средневропейского спиритуализма. За несколько месяцев до того как разразился военный кризис⁶² я обратил внимание на нечто странное, — сегодня я могу упомянуть об этом, — некоторые из наших дам, занимающихся эвритмией отправились в Лондон, чтобы провести там курс. Эвритмия понравилась. Это очень хорошо, эвритмия должна нравиться людям. Но не замечают, что эта эвритмия является духовным, противоположным полюсом по отношению к сущности спорта; не замечают, что слишком односторонне Европа наводнена тем, что всецело относится к материализму, а этот материализм вплоть до движений человека вносится посредством спорта, который развлекает людей, служит

страсти сделать себя здоровым, который всецело материалистичен, в то время как у нас каждое движение есть выражение духовного в точном соответствии с тем, чем является средневропейский спиритуализм. Речь всегда идёт о том, чтобы работать на этой почве и именно на этой почве возвращать плоды духовного развития. Как вторгалась это сущность спорта в Германию второй половины XIX столетия! Как тогда вторгались более тонкие спортивные действия — я имею в виду особенно методы Далькроза⁶³ — как вторгались эти вещи! Сейчас его принимают не особенно охотно, поскольку он тоже принадлежит к тем, кто так страшно ругает «немецкое варварство». Но то, что относится к немецкой сущности — это эвритмия, где духовное начало, данное в движениях эфирного тела, духовное, которое соответствует природе эфирного тела, которое действует в сверхчувственном человеке — это духовное находит выражение в движениях внешнего физического тела.

Эта эвритмия основана на трёх следующих принципах: мы имеем орган, посредством которого эфирное тело непосредственно активизируется, так что физическое становится отражением эфирного. Это тот случай, когда мы говорим. Но не всё физическое становится отражением эфирного, а только воздух. Звучащее в воздухе слово, способ, каким воздух вибрирует, является непосредственным выражением эфирного. Если человек постигает живущее в звуке, в слове и распространяет по всему эфирному телу, а затем даёт возможность рукам и ногам и всему в человеке двигаться так, как совершенно естественно в речи и пении стал бы двигаться воздух в эфирном теле — тогда это эвритмия. Ибо эвритмия — это речь всего человека, так что на помощь приходит не только движущийся воздух, но и человеческие органы.

На таких примерах вы видите, насколько универсальным, насколько всеохватывающим мыслилось то, что явилось вхождением духовной науки в современную культуру. Чтобы понять суть, нерв предмета, мы прослушали как раз то, о чём сегодня совсем не думают. И если я в этих двух лекциях, прочтенных в этом тесном, маленьком кругу, действительно не достигну ничего иного, как только зарождающегося в вас чувства необходимости

все больше вглядываться в то, что универсальным образом хочет дать духовная наука всей человеческой жизни, то и этого будет достаточно. Ибо тем, что мы овладеваем отдельными теоретическими понятиями, задачу духовной науки по-настоящему не выполнить. Задача духовной науки будет выполнена, если она проникнет во всё, во всю жизнь, и одухотворит эту жизнь, спиритуализирует эту жизнь. В нашу пятую культурную эпоху необходимо, чтобы в том народе, которому особенным образом выпала задача вызвать спиритуализацию, были поняты эти вещи, чтобы возникало чувство ответственности по отношению к эволюции. Критиковать человеческую эволюцию легко, очень легко. Но речь идёт не об этом, ибо всё, что происходит, происходит по необходимости, даже если это противоречит желанию хорошего поступательного развития людей. Однако нам приходится кое-что из того, что препятствует этому хорошему поступательному развитию иметь в нашей культуре, допускать это. Среди разных вещей, относящихся сюда, есть, например, такое, что мы, в сущности, приняли вследствие состояния современной культуры нашего времени, как говорится, ради прогресса: наших детей с самого нежного возраста начинают мучить. Об этом не знают, но их подвергают мучениям. Ибо нет ничего более противоречащего человеческой природе, когда ребёнка уже с семи лет начинают принуждать к изучению школьных предметов, преподаваемых соответственно требованиям школы, как это делают в настоящее время. Можно было бы рассматривать как особое счастье, если бы проросло нечто совершенно иное, и преподносимое человеку на седьмом году жизни, давалось бы только на девятом или десятом году. Впрочем, это благое замечание высказано не из тех соображений, что такого быть не должно, — ибо общий культурный прогресс требует этого, — так должно быть; но должен быть создан и противоположный полюс. И в то время как мы, с одной стороны, вследствие того, что мы имеем некоторые формы школьного преподавания, подвергаем страшным мучениям эфирные тела детей, напечатлевая им то, для чего они в этом возрасте совершенно не приспособлены, мы обязаны введением эвритмии создать противоположный полюс, и то, чем является эвритмия,

вводить для детей, для того, чтобы эфирное тело получало компенсацию, равновесие в этих свойственных ему от рождения движениях. Эвритмия будет становиться тем, что имеет всецело всеобщий характер, ибо развитие достигает своей цели не благодаря тому, что человек односторонне движется вперёд, но благодаря тому, что движутся вперёд в противоположностях. Всегда необходимо создавать противоположный полюс, использовать противоположный полюс. Развитие движется в противоположностях. И мучениям эфирного тела, имеющим место вследствие нынешнего школьного преподавания, должен быть создан противоположный полюс: в придании эластичности эфирному телу, в естественном приведении эфирного тела в движение, в смысле первых начинаний нашей эвритмии. То, что сегодня многие ещё называют «нашей эвритмией», поистине связано с тем, что я должен был назвать универсальным характером нашего движения.

Если с одной стороны мы видим, как это вторгается в перипетии внешней жизни, как, с другой стороны, это может глубоко проникнуть в нас, чтобы глубины Христова импульса связать с тем, что мы объединяем в духовной науке, то тем самым мы имеем — от самого высшего знания до самого низшего — универсальный характер духовной науки. И много больше, чем о чём-либо ином, речь идёт о том, чтобы мы добились в себе создания чувства этого универсального характера духовной науки. И я должен сказать, что наиболее тяжёлые предощущения и предчувствия вызваны тем, что современные судьбоносные события не будут оценены по достоинству, что они не произведут сильного впечатления на наших современников. Помимо всего того, что можно заметить внешним образом, эти судьбоносные события являются предостерегающим знаком, предупреждением, что пора остановить то, что в последние столетия было внесено в человечество материализмом, предупреждением о повороте на пути развития человечества. И то, что происходит в крови и смерти, должно быть почувствовано так, как если бы это было послано на Землю богами, — на чём нас учат, сколь необходим спиритуализм для дальнейшего развития человечества. Например, достойно сожаления, когда мы в эти времена переживаем то, что

люди читают доклады, пишут статьи, где они говорят: если бы только скорее пришло время, когда возобновилось бы свободное общение между народами, как это было раньше, иначе немцы могут впасть в заблуждение и снова вернуться к метафизике Фихте и Гегеля, снова развивать метафизические устремления. — Даже в эти судьбоносные дни проявляется страх, что в страстных желаниях человека могут снова появиться метафизические стремления! А именно в такие месяцы эти метафизические стремления должны пробудиться! Ибо во множестве случаев мы видим — в дополнение к трагическим мучительным переживаниям матерей, отцов, сыновей, дочерей, сестёр и братьев и в более отдалённых людских взаимосвязях — что бессознательная вера в значительность сверхчувственного подобно волшебному дыханию проходит через наш мир. Через смерть должны пройти тысячи и тысячи с жертвенной радостью; так неужели люди после того, как снова на нашей земле установится мир, смогут и дальше проповедовать, что человеческая жизнь заключена между рождением и смертью? Ведь тогда жертвенные смерти не приносили бы ничего, а ведь происхождение таких жертвенных смертей, хотя и неясное для многих, — это твёрдая вера в то, что эти смерти являются утренней зарёй нового времени. Тот, кто принимает смерть на поле битвы, хочет этой смертью утвердить поистине иное, нежели: здесь кончается моё тело. Насколько бессмысленным было бы в наше время наполнить землю Европы трупами, если бы материалистическое мировоззрение имело бы хоть одну искру правды. Вот что следует нам в первую очередь запечатлеть в своей душе. И те, кто переживёт это время, те, кто будет жить в то время, когда снова установится мир, стали бы предателями по отношению к павшим, если они, оставшиеся в живых, не будут работать ради спиритуализации человеческого развития. Ведь, в сущности, такой отказ от работы ради спиритуализации человечества означал бы не что иное, как если бы прошедшим через смерть и кровь сказали: вы умирали зря! — Ведь если материализм верен, то все они умерли зря.

Духовный исследователь должен особенным образом целиком проникнуться этим чувством. В эти дни мне снова довелось про-

читать, что сегодня имеются люди — и в XIX столетии они становились всё более и более многочисленными, — люди, утверждающие: это был предрассудок апостола Павла, когда он говорил: если бы Христос не воскрес, то были бы тщетны и слова наши и вера наша.⁶⁴ Но эти слова апостола Павла истинны! Ибо благодаря тому, что свершилось через Мистерию Голгофы, человеческая душа была снова призвана, чтобы обрести силы, которые вводят её в духовный мир. Мы говорили об этих силах. Но наше время взывает к нам с ясным призывом: напрасна была бы смерть столь многих, если бы был верен материализм! Если бы материализм был верен, то и все они умерли бы напрасно.

Если мы проникнемся такими мыслями, тогда те, кто поставил свои силы на службу великому поступательному общечеловеческому развитию, приняв смерть в цветущем возрасте, стали бы укреплять свои силы благодаря мыслям, поднимающимся наверх из наших душ. Если человеческие души духовно направят то, что они могут иметь как спиритуальные мысли и ощущения, тогда, — как я уже говорил об этом вчера в конце, — силы сверху, собравшиеся там, те неиспользованные эфирные силы, встретятся с человеческими спиритуальными силами и поведут в новую эпоху. Поэтому пусть и сегодня мы завершим словами, которые в эти дни придают смысл, ощущение и чувство нашему пребыванию во времени в качестве последователей духовной науки:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных деяний народа,
Взростёт духовный плод —
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

Седьмая лекция

Космическое воздействие на члены человеческого существа во время сна Оккультная основа праздника Рождества Смысл жертвенной смерти

Вена, пятница, 7 мая 1915 года

Моим намерением в эти дни должно быть следующее: сблизить наши души с тем, что на основе духовной науки могло бы бросить свет на великие события нашего времени. Поэтому моей задачей в ближайшее воскресенье будет: направить наши ощущения к известной точке зрения, с которой можно осветить то, что теперь в глубочайшем смысле должно затрагивать наши сердца и души. Но для этого я хотел бы создать сегодня предварительную основу, направив ваши души к некоторым силам и властям, действующим в историческом бытии людей, которые могут быть познаны только благодаря прозрениям, которые в состоянии дать духовная наука, и которые непосредственно недоступны повседневному сознанию. Сегодня мне хотелось бы указать на более или менее бессознательные факты при развитии человеческой жизни, как они раскрываются в историческом течении человеческой жизни. Но мы хотим исходить из того, что вы знаете из изложенного в книге «Как достигнуть познания высших миров?» — то, что в сокрытом виде совершается в каждом человеке познаётся в следующих одна за другой ступенях сверхчувственного познания; в так называемом имажинативном познании, инспиративном познании и интуитивном познании. Вчера в открытой лекции я уже подчёркивал,⁶⁵ как надо всегда придерживаться того, что духовная наука, высказывая кое-что о духовном мире благодаря своему знанию об имажинативном, инспиративном и интуитивном восприятии, не привносит ничего, что не существовало бы в духовных сферах, в которых живёт каждая челове-

ская душа, даже и не зная об этом. Духовный исследователь всего лишь обращает внимание на то, что всегда живёт и ткёт в мире, и как включена сюда отдельная человеческая душа. Поэтому не только для тех, кто имеет намерение войти в поток оккультных переживаний, но и для каждой человеческой души важно знание о том, что при любых обстоятельствах является её внутренней действительностью, только такой действительностью, которая не может быть познана с помощью обычных восприятий жизни.

Итак, мне хотелось бы исходить из отдельных фактов имажинативного восприятия человеческой природы в целом. Мы ежедневно наблюдаем, что в нашу жизнь, ритмически сменяясь входят загадочные события — загадочные, по меньшей мере, для внешней науки: бодрствование и сон. Мы давно знаем, что в бодрственном состоянии мы принадлежим физическому миру нашими четырьмя человеческими членами; физическим телом, эфирным телом, астральным телом и «я». Мы знаем, что в состоянии сна, то есть от засыпания до пробуждения мы находимся в физическом мире лишь с нашим физическим и нашим эфирным телами, что мы до некоторой степени удаляемся в чисто духовный мир с нашим астральным телом и «я». Что показывает при этом созерцание духовного исследователя, мы можем характеризовать, сказав следующее: духовный исследователь созерцает что, например, всегда происходит с человеком, когда он при засыпании оставляет своё физическое и эфирное тела и со своим астральным телом и «я» уходит в сферы высшего мира. Что тут происходит с человеком, — с каждым человеком при каждом засыпании, — это духовный исследователь просто видит. Так что мы можем сказать: духовный исследователь наблюдает только то, что представилось бы каждой человеческой душе, если бы она не в состоянии сна со сновидениями, но в состоянии глубокого сна смогла бы так посмотреть вниз на мир, что среди вещей мира обнаружила бы свои физическое и эфирное тела, как нечто находящееся вне неё, то есть находящееся вне спящей души.

Мы только не должны представлять себе, будто бы потом нечто такое, что мы здесь покинули, и в чем осталось наше физиче-

ское тело и эфирное тело, с точки зрения сна выглядит так же, как видим мы нашими физическими глазами то, что окружает нас в физическом мире. Чтобы мы видели то, что нас окружает, так как мы это видим от пробуждения до засыпания, необходимо, чтобы нам служили наши глаза, наши физические органы чувств. Они не служат нам, когда мы находимся вне физического тела и эфирного тела. Если бы мы вдруг стали ясновидящими в состоянии сна, то не могли бы воспринимать ничего из всего того, что мы видим во время бодрствования, воспринимать таким, каким оно является во время бодрствования. Даже наше физическое тело и эфирное тело мы бы не воспринимали так, как мы воспринимаем физическое тело, когда смотрим в зеркало. Это абсолютно неверно, когда думают, что человек видит физическое и эфирное тела так, как если бы он своим астральным телом и «я» склонялся над этим физическим и эфирным телами. Этого не происходит. То, что предоставляет имажинативное познание — речь идёт именно об имажинативном познании — проявляется так, что для нас, в конце концов, исчезает, действительно в одно мгновение исчезает всё то, что мы привыкли видеть в состоянии бодрствования. Даже когда мы видим наше физическое и эфирное тела, они не таковы, какими они являются в состоянии бодрствования; наши физическое и эфирное тела являются нам расширенными в некий мир; они являются нам связанными со всем земным миром. Мы смотрим туда; в сознании мы имеем то, что мы смотрим на физическое и эфирное тела. Но мы видим их так, что они для нас прежде всего являются в некотором роде единым миром. Как в бодрственном состоянии мы, находящиеся вокруг нас горы, реки, облака, Солнце, звёзды и так далее, рассматриваем как свое окружение, так, находясь вне нашего физического и эфирного тел, и глядя на свое окружение, мы видим его как бы расширенным в некий мир. Мы совсем не видим ничего другого. Это мы рассматриваем так, как рассматриваем мы обычно разные вещи на нашей Земле. Мы смотрим на нашу собственную телесность как на целый мир.

Необычайно, что этот мир, на который мы смотрим, является нам таким, что, переходя в сон, мы ощущаем его так, как ощущаем мы Землю весной, когда она, освободившись от зимнего снежного покрова, покрывается зелёными ростками, когда она снова собирается перейти к росту, вегетации того, что образуется на ней, когда всё прорастет и восходит. Когда при засыпании мы разглядываем расширившиеся до целого мира физическое тело и эфирное тело, то мы видим их так, что можем ощутить их как пробуждающуюся весной планету. И это пронизывает все состояние сна. То, что мы видим здесь в мощных образах, картинах, являющихся нам, действительно расширившимся до планетарного уровня, стремится идти навстречу своему лету, подобно тому, как стремится Земля идти навстречу своему лету, когда кончается весна. Так переживаем мы состояние сна, если переживаем его по-настоящему. В состоянии сна мы словно бы доходим до того пункта, где мы ощущаем: наше физическое тело и эфирное тело несут нечто прорастающее, восходящее до цветения, до плодоношения; повсюду всё растёт и расцветает. Если бы я хотел выразить это более подробно, то я должен был бы сказать — для имажинативного взгляда то, что здесь изображается, есть нечто парадоксальное: в то время как мы посредством физического зрения воспринимаем в какой-то мере поверхность нашей Земли, и на ней прорастающее снизу вверх, и имеем в сознании то, что растёт и распускается, тогда это обстоит так, как если бы мы извне наблюдали происходящее с нашим телом и сравнивали с миром растений: как если бы его корни проникали сверху и своими цветами вращались в наше тело. И так, мы ощущаем полностью перевернутый мир, и его плоды оказываются погруженными в него. Тогда мы научаемся тому, что в этой погруженности плодов действительно находит выражение то, что затем оознается как укрепляющее действие сна. Благодаря этому мы знаем, что на самом деле — поскольку всё, что мы наблюдаем в имажинации есть силы — наше физическое тело и эфирное тело получают силы из всего Космоса, когда мы спим. Мы созерцаем, как приходят из Космоса силы, выражающиеся в образовании произрас-

тающих в мире растений. Мы видим как Космос вводит полную вегетацию в нашу телесность. И затем мы получаем достоверное знание о том, что при засыпании мы оставляем наше тело по той причине, поскольку от пробуждения до засыпания нашим астральным телом и «я» извлекаем из нашего физического тела и эфирного тела эти воздействия космических сил. Вследствие того, что мы сами выходим, мы освобождаем наше физическое тело и наше эфирное тело для воздействия всего Космоса, который посылает в нас имеющиеся в нем силы, но не физические, а элементарные: именно они проявляются для нас в вышеописанных имажинациях. Так каждый раз, когда мы засыпаем, устанавливается связь физического тела и эфирного тела со всем Космосом. В состоянии бодрствования мы живём в физическом мире, во сне наше физическое тело и эфирное тело действительно живут в том, что мы называем элементарным миром, миром одних только сил, который как раз и проявляется для нас в описанной имажинации. Где же находимся мы сами с нашим «я» и астральным телом? Мы часто описывали это, и это представлено в различных публикациях: мы с нашим «я» и астральным телом находимся в мире, который описан как мир высших Иерархий, находимся среди существ, которых мы называем Ангелами, Архангелами, Архаями и так далее. В этих существ, в их мир погружается наше «я» и астральное тело. Как бодрствуя, мы знаем о существах животного мира, растительного мира и минерального мира и, что человек как бы стоит над этим миром, принимая его в свои мысли, так мы сами воспринимаем как мысли существами высших Иерархий. И самое значительное, что мы можем сказать: в то время как здесь, внизу наше физическое тело и эфирное тело вступают в связь с силами всего Космоса, мы сами от засыпания до пробуждения оказываемся мыслимыми, как если бы мы были настоящими существами, сотканными из мыслей и волевой сущности; мы становимся мыслимыми со стороны существ высших Иерархий. — Как мы мыслим природу, так мыслят нас существа высших Иерархий. Поэтому, точно говоря, было бы совершенно неправильным сказать, что когда человек вы-

ходит из физического тела, он мыслит мир. Правильно было бы говорить; человек переживает, что он мыслим миром высших Иерархий. Как мысль во время бодрственной жизни должна была бы чувствовать себя, если бы имела сознание, так должны и мы себя переживать как мысли высших Иерархий, если мы находимся вне нашего физического тела. Что мы переживаем в нашем имажинативном познании снова пробуждаясь? Как только мы постепенно подготовились к пробуждению, мы переживаем его так, как во внешней природе — в имажинации мы можем это снова сравнивать с внешней природой — мы переживаем наступление зимы со всем тем, что она несёт как разрушение и уничтожение прорастающей, распускающейся летней жизни. И то, что зима, приносит на Землю мороз и холод, разрушая летнее великолепие, погружаем мы сами в физическое и эфирное тело. Тому, что действительно в силах вегетации и даже животности втянулось из элементарного мира Космоса в наше физическое тело и эфирное тело, мы приносим с пробуждением уничтожение, как зима несёт гибель летнему великолепию. Во время бодрствования нашим присутствием в физическом теле и эфирном теле мы действительно приводим их в такое состояние, в которое космические воздействия приводят Землю зимой. Мы распространяем зиму над нашим собственным физическим и эфирным существом, когда мы входим в них. Исходя из этого, вы видите, как то, что часто используют в качестве сравнения с точки зрения физической жизни, не подходит при духовном созерцании. Несомненно, исходя из такого чувства, человек уже имеет сознание, что он связан со всем Космосом, и переживаемое им является микрокосмическим отображением Макрокосма. Однако человек, действительно желая сравнить нечто из своей микрокосмической жизни с макрокосмической жизнью, скорее всего скажет: пробуждение подобно наступлению весны в нашей жизни, а бодрственная жизнь подобна лету. Осень подобна состоянию вечерней усталости, жизнь во сне подобна зиме. — Но в действительности все обстоит как раз наоборот. Жизнь лета являет-

ся жизнью сна, а жизнь зимы есть жизнь в состоянии бодрствования. Это является истиной на самом деле.

Если духовный исследователь действительно исследует эти соотношения, то он установит, что, в то время как его «я» и астральное тело поднимаются в сферы высших Иерархий, и словно бы становятся мыслимыми высшими существами, в его физическом теле и эфирном теле действует не только то, что имеется в элементарном мире, но и некоторые существа высших Иерархий тоже действуют в нашем физическом теле и в эфирном теле. Не только состоящий из сил элементарный мир, но и настоящие существа, существа высших Иерархий воздействуют на наше физическое тело и эфирное тело. И здесь выясняется странное: мы можем заметить, как в мгновение засыпания мы вступаем в совершенно иные отношения, нежели те, в которых мы состоим, бодрствуя. Как говорилось, всё то, что может быть высказано тут, основано на том, что духовное исследование позволяет нам созерцать, как обстоит дело с засыпанием и пробуждением. И потом в духовном исследовании проявляется, что на наше физическое тело и эфирное тело от пробуждения до засыпания тоже действует то существо из высших Иерархий, которое мы должны ощущать как Народный Дух, Народную Душу, которой мы принадлежим. Когда человек пробуждается, он при пробуждении погружается не только в своё физическое тело и эфирное тело, но также и в процессы, развивающиеся в его физическом теле и эфирном теле и осуществляемые его Народным Духом. Особенность состоит в том, — я прошу хорошо обратить на это внимание, как и подобает нам, если мы хотим вникнуть в духовную науку, помогающую рассмотреть мировые связи глубже, чем их возможно рассмотреть внешним наблюдением, — что человек, засыпая, погружается не только в существ высших Иерархий, соответствующих его индивидуальному развитию, но также и в тех духовных существ, которых мы должны рассматривать как Народных Духов. И притом человек от засыпания до пробуждения входит в связь со всеми другими Народными Духами, а не только с тем, который является его собственным.

Хорошо запомним это: во время бодрствования мы живём погруженными в духовные факты, осуществляемые в нашем физическом теле и эфирном теле нашим собственным Народным Духом. От пробуждения до засыпания мы определенным образом живём вместе с собственным Народным Духом. Но наряду с нашим Народным Духом в мире существуют Народные Духи всех других народов. Засыпая, мы погружаемся в связь других Народных Духов, причём не в отдельного Народного Духа, — строго придерживайтесь этого, — но в осуществляемое ими сообща, в осуществляемое ими как бы в союзе, в сообществе. Только собственный Народный Дух оказывается в течение ночи исключённым из этой взаимосвязи. Мы не можем избежать связи со всеми Народными Духами, принадлежащими другим народам, в которые мы в данной определённой инкарнации как раз не воплощены. Ибо, в состоянии сна мы принадлежим другим Народным Духам, — имеется в виду их совместная гармония, — в то время как в состоянии бодрствования мы подлежим интенциям, воздействиям отдельного Народного Духа, в чьей области мы в данной определённой инкарнации родились.

Но есть средство даже во время состояния сна погрузиться в существо отдельного другого Народного Духа. В то время как в нормальном состоянии мы, бодрствуя, живём соответственно деятельности нашего собственного Народного Духа, а во сне — в гармонии других Народных Духов, мы можем во сне погрузиться в одного отдельного Народного Духа, если мы в жизни проникаемся настоящей пламенной ненавистью к тому, что совершает этот Народный Дух. И как бы гротескно это ни звучало, это все истинно, — и мы в нашем движении должны уметь спокойно переносить такие истины: если человек действительно в своём внутреннем существе чувствует пламенную ненависть по отношению к какой-либо народной области, то он обрекает себя самого на то, чтобы ночью быть во сне с Народным Духом этой народной области, быть вместе с ним.

Тут мы касаемся именно тех истин, по отношению к которым мы можем видеть, что жизнь, скрытая тем покровом, который

для повседневного наблюдения закрывает духовные миры, обретает глубочайшую серьёзность, и что в известном смысле весьма неудобно быть последователем духовной науки. Ибо духовная наука с определенных точек зрения начинает показывать во всей глубочайшей серьёзности те отношения, которые в жизни находят неудобными, и относительно которых мы поистине благодатно отдалены, благодаря тому, что в обычном смысле жизнь не открывает нам эту истину. Несмотря на это, мы, само собой разумеется, должны стоять во внешней жизни на позиции, которую требует от нас эта внешняя жизнь; если в области духовной науки поднимаемся к тем областям, где начинаются иные свойства жизни, мы должны со всей серьёзностью относиться к таким основным положениям.

В книге «Как достигнуть познания высших миров?»³ говорится о том, что в тот момент, когда поднимаются в духовный мир, — а каждый человек находится в духовном мире, здесь речь идёт лишь о знании того, что всегда в наличии, — тогда прекращается то удобное единство человеческого существа, в котором мы живём в физическом мире. Человеческое существо претерпевает разделение: помимо упомянутого там разделения, которое можно наблюдать после встречи со стражем порога, наступают ещё и другие разделения, например то, которое должно иметь глубокое значение для всей нашей душевной жизни. Мы должны признать, что, живя в одной определённой инкарнации, должны полностью выполнить свой долг по отношению к народности, к которой принадлежим, когда мы приносим ей всю нашу любовь, эта народность включена в целостный процесс развития Земли. Нам должно быть ясно, что мы, являясь духовными существами, как «я» и астральное тело, действительно принадлежим всему человечеству и должны чувствовать себя с нашими импульсами вместе со всем человечеством. Дело обстоит не так, чтобы духовная наука позволяла нам жить в ней, будучи односторонними, но мы должны обе эти стороны нашего существа привести в полное созвучие.

Нам должно быть ясно, несмотря на то, что мы как люди в современной инкарнации, даже будучи последователями духовной науки, можем любить нашу народность так, как только способен кто-либо любить свою народность — мы должны привести к гармонии с этим чувством то, что ведет нас вместе со всем человечеством. И именно духовная наука возвышает нас до этого совместного пути становления со всем человечеством, поскольку открывает нам, что мы в нашем «я» и астральном теле связаны со всем человечеством. Содействовать гармонии между противоположностями — вот то, что духовная наука всё больше и больше требует от того, кто с серьёзностью и достоинством предан ей. Было бы несчастьем, если бы истинная духовная наука была подменена теми неясными мистическими порывами, которые всегда стремятся тесно слиться с потребностями внешней физической жизни, над которыми мы должны подняться, если погружаемся в духовный мир. Ибо неясная мистика, которая повсюду хотела бы внести в повседневную жизнь то, что только духовная наука показывает в истинном свете, эта неясная мистика никогда не сможет найти гармонии между любовью к собственному народу и любовью ко всему человечеству, эта мистика приводит к расплывчатому мистическому космополитизму, который можно точно так же, как я однажды делал, сравнить с тем, что туманная теософия постоянно говорит о равенстве, о равнозначности всех религий на Земле. Конечно, абстрактно можно сказать: все религии на Земле содержат истину. Но ведь это точно так же, как если бы сказали: на столе стоят перец, соль, паприка и тому подобное — всё это специи, приправы. Сахар, перец, соль и паприка — все это одинаково, так что я могу класть в кофе красный перец, а сахар в суп, ведь всё это специи, приправы. Уровень логики здесь точно такой же, как в случае туманной, неясной мистики, которая только разглагольствует о едином зерне всех религий, вместо того, чтобы заняться по отдельности действительной сущностью того, что проявляется в нашем земном развитии. Дело не в том, чтобы мы только постоянно подчёркивали: все народы есть лишь выражение общечеловеческого, а в том, чтобы

мы познавали именно специфические задачи, поставленные отдельному народу его Народной Душой. Основание для этого дано в давно опубликованном цикле лекций, который был за годы до того, как разразился военный кризис, и который возник не под влиянием войны: так что этому циклу никто не может ставить в упрек, что он возник под впечатлением войны: «Миссия отдельных Народных Душ в связи с северо-германской мифологией».

Именно в наше время важно задумываться над такими серьезными вещами для того, чтобы человек смог обрести гармонию между общечеловеческой любовью и любовью к народу. Нет необходимости оглядываться на то, каковы свойства каждого отдельного народа, в какой степени он является народом, — отдельный человек всегда поднимается посредством своего народа, — какие свойства характерны для отдельных народов. Необходимо лишь, как уже следует из сделанного мною замечания, чтобы это происходило без ненависти. Сколь мало можно познать действительную сущность отдельного растения, ненавидя это растение и описывая то, что человек ощущает как ненависть, столь же мало можно познать отличительные признаки народа, если описывать то, что ненавидят в этом народе, или если в описании присутствует то, что исходит из чувства ненависти.

Постоянным стремлением того, кто в состоянии подняться и встать на точку зрения духовной науки всегда должно быть: видеть сущность мира не в однообразном единстве, а именно в гармонии множества. И человек должен найти возможность, с наибольшей теплотой, в которой он не уступит тому, кто не следует духовной науке, относится к своему народу, ощущать по отношению к своему народу самое теплое чувство, но, с другой стороны, — поскольку мы принадлежим всему человечеству, — соединять, сочетать это чувство с теплотой по отношению ко всему человечеству как великому общему организму.

Как сказано, послезавтра мы продолжим эту тему. Но сейчас я хотел бы заметить, что когда мы из нашего состояния бодрствования переходим в состояние сна, вследствие чего нас принимают (в себя) существа высших Иерархий, мы, в сущности, сбрасыва-

ем то, что посредством нашего физического тела и эфирного тела связывает нас с отдельной инкарнацией. Следовательно, во сне мы сбрасываем также нашу национальную сущность. Во сне мы становимся просто людьми, людьми со всеми теми свойствами, которые мы должны иметь, благодаря тому, что мы приобрели как люди. Однако, если мы как духовные исследователи созерцаем то, что происходит с человеком как в состоянии бодрствования, так и в состоянии сна, мы воспринимаем, что человек в состоянии сна живёт в духовном мире своим «я» и астральным телом, точно также как его физическое тело и эфирное тело принадлежат большому миру; что обособленная жизнь как бы протекающая в границах нашей кожи, прекращается, и мы наше «я» расширяем до большого «Я». Теперь подумайте о том, что мы, в сущности, всегда в течение двадцати четырёх часов испытываем одно состояние лета и одно зимы. Это летнее-зимнее состояние проходит также и Земля, но Земля испытывает его в течение года. Почему Земля испытывает эти состояния в течение года? Потому, что Земля является таким же Существом, как и мы сами, только находится на другой иерархической ступени. Вся Земля, если мы рассматриваем её только физическим образом, как она предстаёт нам вокруг — есть всего лишь тело Земли; как мы несём в себе духовно-душевное, так и Земля имеет своё духовно-душевное. Различие состоит только в том, что мы бодрствуем и спим в течение двадцати четырёх часов, а Земля бодрствует и спит в течение года. Она бодрствует с осени до весны, а спит летом. Так что мы, живя во время лета, всегда можем сказать: мы живём, погруженные в спящую Землю. — Если же мы живём во время зимы — мы живём, погруженными в бодрствующую Землю. — Это не так, что Земля бодрствует летом, а спит зимой, как могли бы мы сказать в обычной жизни, используя тривиальное сравнение. Но верно то, что когда приходит осень, Земля как душевно-духовное существо пробуждается и в середине зимы достигает максимального бодрствования. Дух Земли мыслит наиболее сильно в середине зимы, и он начинает постепенно приостанавливать своё мышление с приближением весны;

он спит, когда внешняя жизнь распускается и расцветает; во время лета Дух Земли спит.

Однако мы, как люди, не только нашим физическим телом связаны с телом Земли, мы также связаны и с Духом Земли. Благодаря разным лекциям мы знаем, что через Мистерию Голгофы с Духом Земли соединился Тот Дух, которого мы называем Духом Христа. В том, чем является Дух Земли, начиная с Мистерии Голгофы, живёт Дух-Христос. Если люди захотели бы потом справлять праздник, в котором они должны были бы выразить то, что в Духе Земли находится Дух Христа, — на какое время должны были бы они назначить этот Праздник? Не на лето, но именно на зиму должны были бы они назначить этот праздник, в середине зимы. Это и есть Праздник Рождества. По этой причине Праздник Рождества и то, что связано с ним, установлено в зимнее время. Это возникло из правильного познания тех, кто устанавливал христианский год. Праздник Рождества был установлен, исходя из оккультных истин, а не из исторических фактов. Ибо на самом деле для того, чем теперь является человечество, временем, когда человек со своим душевно-духовным погружен, включен в душевно-духовное Земли, един с бодрственным состоянием земного бытия — является зимнее время. Тогда он живёт в бодрствующей Земле.

Что делали бы древние народы, о которых мы знаем, что свое служение миру и своё познание мира они основывали на, своего рода, сновидческом ясновидении? Прежде всего, они должны были бы обратиться к тому, что живёт в спящем Духе Земли, когда этот Дух Земли спит сильнее всего, когда он погружен сильнее всего в своё спящее состояние. Тут они должны были бы восходить — в противоположность новому человечеству — к тому, что бессознательно вливалось в них как истина, какой она должна была быть для них. Поэтому у народов, следующих культу, черпающему свои познания больше из спящего, сновидческого состояния, мы находим в середине лета праздник Иоанна, летнее празднование Иоанна в противоположность Празднику Рождества, который подходит более новому человечеству.

То, что было установлено внешне, и чего наше материалистическое время уже совсем не понимает, действительно имеет свою глубокую основу в том, что является духовной реальностью. И сейчас мы живём в такое время, когда люди должны снова начать мыслить, чувствовать, ощущать совершенно иначе, нежели в истекшую эпоху. Истекшая эпоха имела задачу ближе познакомить людей с миром материалистического мышления и ощущения. И именно в последние столетия, прожитые человеческими душами, люди должны были учиться глубже понимать материалистическое мышление и ощущение. Земное развитие должно было однажды пройти через материалистическую эпоху. Мы поступаем неправильно, если только сурово критикуем материализм. Он должен был однажды вступить в земную эволюцию. Но теперь мы живём в такое время, когда материализм должен быть снова преодолен, когда спиритуальные воззрения должны снова войти в человеческие души. И это более или менее ясно или смутно ощущается всеми теми, кто в своей собственной душе чувствует себя привлеченным к нашим духовнонаучным стремлениям, к нашему духовнонаучному мировоззрению; они именно чувствуют, что теперь пришло время, когда человек, должен сознательно принимать в себя этот духовный мир, тогда как раньше духовный мир должен был созерцаться сновидчески. Для этого и существует духовная наука.

Итак, истекшая эпоха была эпохой материализма. И поскольку человечество должно было до некоторой степени погрузиться в материализм, именно сквозь эпоху материализма должен был действовать сильный импульс, снова ведущий человечество вверх. Это Импульс Христа. И подготовка началась уже тогда, когда импульс Христа вступил в земное развитие. Она имела место особенно в XIV, XV столетиях. Но как только Импульс проявился, чувствовалось уже приближение того, что человечество погрузится в материализм. Импульс Христа находился в мировом развитии как объективный фактор, но люди были наименее способны понять его в то время, когда он был здесь.

Теперь мы живём в такое время, когда надо начать действительно понимать то, что было тогда.

Что мы видим из этого? В развитии, протекавшем до сих пор, мы видим замечательное движение Христова Импульса. Мы видим, что этот импульс Христа, каким вошел он через Мистерию Голгофы в развитие человечества, был целиком и полностью не понят людьми. Ибо давайте нарисуем себе картину того, что делали люди при всей своей разумности. Именно в первые и последующие века, после того, вступил Импульс Христа, мы находим, что образуются всевозможные теологические системы, что люди спорят о том, как им надо мыслить триединство и так далее. Мы видим на протяжении столетий продолжающиеся бесконечные теологические перебранки, и было бы наилучшим вариантом, сегодня на основе этих споров хотеть понять, как же действовал в эти века Импульс Христа. Люди, пререкающиеся по поводу своего понимания, не имеют никакого представления о форме, в которой Импульс Христа включён в эволюцию.

Попытаемся уяснить себе, как он реально действовал. Я хочу привести отдельные факты. Возьмём то, что происходило в IV столетии — 28 октября 312 года, и что полностью определило позднейшую географическую карту Европы. Тогда Константин, которого затем назвали «Великим», сын Констанция Хлора, выступил против Максенция, правителя Рима, и одержал над ним победу, вследствие чего христианство тогда внешним образом победило в западном мире. Константин сделал христианство государственной религией и так далее. Но сделал ли он это исходя из своей разумности? Разве делом рассудка было то, что тогда произошло? Так мы не можем сказать. Ведь что, в сущности, случилось? Когда Максенций, правитель Рима, узнал, что Константин отправился в поход, он вопрошал прежде всего Сивилины книги. Он хотел понять мировые события сновидческим образом. И то, что он получил из этих книг, было истолковано ему так: правильно сделает тот, кто как правитель Рима оставит город и даст битву за пределами Рима. Это было самое необычное из всего, что можно было себе представить. Ведь войско

Константина было гораздо меньше, чем войско Максенция и без сомнения не смогло бы ничего достичь, если бы Максенций остался в Риме. Но Максенций по совету Сивиллиных книг вышел из Рима. Но и в войске Константина победили также не полководцы. Более того, у Константина был сон, в котором ему явился символ Христа. Следуя этому сну, он приказал нести перед своим войском крест как символ Христа. Он поставил свое поведение в зависимость от того, что ему открыл сон. Эту битву, которая затем определила карту Европы, решил не человеческий рассудок, сражались не полководцы, а сны и пророчества. Всё в Европе было бы иным, если бы тогда вещи происходили в согласии с сознанием людей, а не посредством того, что действовало из подсознания, и чего люди не ведали.

Теологи спорили о том, кем является Христос, рождён ли Он с Отцом в вечности, или же рождён во времени, или Он единосущен с Отцом и так далее. В том, во что они мысленно проникали, не содержалось ничего от импульса Христа. Однако он действовал в подсознании людей. Он действовал не через «я», а через астральные тела. Реальностью, действительностью был Христов Импульс, и он действовал без того, чтобы людям надо было его понимать. Это наиболее важное, существенное. Образ и способ, которым действовал Христос, также независимы от того, как понимали Его люди, как явление грозы независимо от того, что изучали люди, работая с электрической машиной или как-либо иначе в физических лабораториях. Сейчас настало время для сознательного погружения в действенность Импульса Христа. Но в том, что происходит исторически, Христос всегда действовал как сила.

Перейдём от этого примера к другому, более позднему по времени. Тут вы, несомненно, должны припомнить то, о чём я сообщал вам. Для времени, в котором нарастает материализм, важно знать, что человек, если он хочет погрузиться в духовный мир, должен это делать лучше всего в зимнее время. И в эту эпоху повсюду появляется воззрение, что в означенные ночи в середине зимы особо одарённые натуры наделяются инспираци-

ями из духовного мира. Повсюду у народов есть легенды и саги, рассказывающие нам, как особо одарённые натуры, не проходя инициации, но благодаря своей собственной природе, благодаря действующим в них элементарным силам становятся инспирированными, как такая инспирация возникает в ночи от рождественского вечера до Дня Трёх Королей в течение тринадцати зимних ночей. Есть одна очень красивая чудесная легенда, недавно обнаруженная в Норвегии, легенда об Олафе Эстесоне,⁶⁶ который пришел в церковь в рождественский вечер и заснул. Он проспал до 6 января, а проснувшись он в имагинациях рассказал о том, что происходило в стране душ и стране духов — как мы их называем. Он выразил в образах то, что пережил течение тринадцати ночей. Такие легенды имеются повсюду. Однако они как раз и не являются тем, что сегодня называют легендами. На самом деле всегда имелись одарённые люди, проходившие в некотором роде природную инициацию благодаря действовавшим в них элементарным силам, которые человек, верно следующий предписаниям пути посвящения, может пережить посредством своей воли. Поэтому мы можем сказать: в эпоху материализма всегда должны существовать люди, которые в то время, когда Дух Земли бодрствует в наибольшей степени, в середине зимы, могли бы соединиться с Духом Земли и воспринять инспирацию. Это было в то время, когда Импульс Христа, соединившийся с Землей, мог действовать не через сознание. Представьте себе особо одарённые души, восприимчивые к духовному миру. У них можно отметить, что побуждение совершать что-либо, исходя из духовного мира, они получали именно в эти тринадцать ночей до 6 января. Должно было обнаруживаться и обнаруживалось всё снова на больших и малых примерах, что в историческом процессе имелись люди, столь одаренные спиритуально, чтобы при наступлении подходящего момента времени, который они переживали зимой в течение этих тринадцати ночей, в них входил духовный импульс, — и в наше время особенно Импульс Христа. Природные инициации, посвящения, совершавшиеся не посредством человеческого сознания, в эпоху материализма легче всего

происходили в эти тринадцать ночей. И мы можем узнать, что там, где выступала такая инициация, она совершалась в эти тринадцать ночей.

У нас есть факт, который признают даже те, у кого мало доброй воли к признанию духовного мира, — а такую волю имеют сегодня очень немногие люди, — в XV веке через одну Деву, Орлеанскую Деву, в ход истории самым достоверным образом вступили спиритуальные силы. Можно также доказать исторически, что вся географическая карта Европы сформировалась иначе, вследствие того, что Орлеанская Дева тогда помогала французам против англичан. И кто обдумает это, сможет обнаружить, что исходя из того, что могут люди, всё сложилось бы иначе, если бы не вмешалась девушка-пастушка, — а в этой девушке-пастушке — силы спиритуального мира. Для того, что действовало тогда, Орлеанская Дева была всего лишь инструментом. А то, что действовало в ней — был Импульс Христа.

Но для этого она должна была получить природную инициацию — а осуществить эту природную инициацию было лучше всего в тринадцать ночей до 6 января. Итак, Орлеанская Дева должна была пройти через своего рода состояние сна в период с 24 декабря по 6 января, когда она была бы особенно восприимчива к тем спиритуальным влияниям, которые могут проявиться именно в это время. Так что можно было бы предположить, что Орлеанская Дева провела время от 24 декабря до 6 января в некотором не вполне сознательном состоянии, и при этом получила Импульс Христа. — Да, Орлеанская Дева совершенно блестящим образом прошла через это состояние! Человек не может блистательнее пройти его, чем находясь в том состоянии сна, в котором он находится перед рождением, в последний период, который ребенок проводит в теле матери. Внешнее сознание, само собой разумеется, не способно воспринять что-либо подобное. Тут имеется в наличии состояние сна, а если время беременности подходит к концу, то это — наиболее зрелое внутриутробное состояние. И действительно Орлеанская Дева родилась 6 января. Великая тайна Орлеанской Девы состоит в том, что она в эти

тринадцать дней, предшествовавших её рождению, испытывала состояние природной инициации. Вот почему, когда 6 января родилась Орлеанская Дева, особо чувствительные люди в деревне сбежались и говорили, что должно быть свершилось нечто совсем особенное. Они чувствовали, что в деревню пришло что-то особенное. Орлеанская Дева родилась. Она испытала природную инициацию в том столь значительном для неё состоянии сна, которое она пережила в теле матери в последнее время перед рождением. Здесь мы видим, как всегда за порогом того, что свершается для человеческого сознания, реально действуют духовные существа, находящиеся под порогом сознания.

Итак мы видим, что представляет собой история, которая считается лишь с тем, что дано в документах и внешних сообщениях. Боги вступают в ход истории иначе. Боги действуют иными средствами и на иных путях. Они ввели Орлеанскую Деву в бытие так, что благодаря её особой карме она была способна к инкарнации, в которой восприняла Импульс Христа и действовала вместе с ним. Они дали возможность этому Импульсу Христа влиться в подходящее время. Конечно, оказалось подходящим и то, и другое: ведь особая индивидуальная карма Орлеанской Девы должна была подходить для этого. Не каждый ребенок, родившийся 6 января, смог бы осуществить то же самое.

Так что мы действительно можем сказать: Импульс Христа действовал в человеке с помощью тех сил, которые не доходили до сознания этого человека. Только сегодня мы живём в такое время, когда мы должны сознательно воспринимать то, что на протяжении столетий искало в исторической деятельности иных, не осознанных путей.

Мне хотелось пробудить в ваших душах чувство того, как конкретно действуют подсознательные силы. Как то, что является внешней историей и может изучаться по документам и внешним источникам, является показным, несущественным. Это хорошо, если человек, особенно в наше время занимается таким изучением. Но давайте, всё же посмотрим на наше время, когда с одной стороны разыгрывается нечто великое, мощное, героическое, но

сопряженное с жертвенными деяниями. Мы видим, что важность совершающегося в наше время поистине сопровождается крайне материалистическими выводами, которые всё происходящее в наше время, пытаются объяснить из чисто внешних обстоятельств. Это выражается в том, что один народ сваливает на другой народ вину за нынешние события и хотят судить обо всём настолько внешне, что находят в другом вину за то, что происходит. Но и в наше время также основы и причины происходящего, лежат глубоко внизу, в том, что совершается в подсознании. Давайте поговорим об этом послезавтра.

Именно наше время — также и вследствие кровавых событий — подходит для того, чтобы напомнить людям о спиритуальных импульсах познания. Если когда-либо в воюющих сегодня странах снова восстановится мир, будет сделано открытие: откроют, что из внешних причин столь мощную войну в мировой истории объяснить невозможно! Откроют, что объяснить её нельзя. Сегодня люди, особенно смышлёные, говорят: сейчас не уместно говорить обо всем том, что послужило причиной этой войны, об этом будет говорить история! — Они считают себя особенно умными, говоря: только через пятьдесят, через сто лет история выскажется об этом правильно!

То, что сегодня называют историей, никогда не объяснит причин сегодняшних событий; однако будет замечено, что из исторического рассмотрения причины установить не удаётся. Тут необходима иная помощь. Это обнаруживается посредством оккультного рассмотрения нашей современности.

Что всё же является наиболее вопиющим фактом этого судьбоносного времени? Наиболее вопиющим фактом является, без сомнения, то, что бесчисленное множество людей в юном возрасте проходит через врата смерти. Мы знаем, что происходит с человеком, когда он проходит через врата смерти. Мы знаем, что в первую очередь он выходит из физического тела со своим эфирным телом, астральным телом и «я», что он после относительно короткого времени сбрасывает это эфирное тело и с его экстрактом продельывает своё дальнейшее путешествие. Однако,

не думали ли вы о том, что должна быть разница между эфирным телом, сброшенным между двадцатым и тридцатым годом жизни, которое ещё на протяжении десятилетий могло бы поддерживать функционирование человеческого тела, и эфирным телом, которое отброшено в позднем возрасте? Да, тут есть большая разница. Если человек умирает вследствие возраста или болезни, то его эфирное тело уже выполнило свою задачу. Но у юных людей, бесчисленное множество которых проходит теперь через врата смерти, эфирное тело ещё не могло выполнить всё, что оно должно было выполнить.

Я хотел бы указать вам на конкретный пример, как обстоит дело с таким эфирным телом, которое было насильственно вырвано из физического тела. Можно было бы, конечно, приводить много примеров. Но сегодня я хочу привести вам пример, который мы сами пережили осенью в Дорнахе. Мы это пережили в том месте, где строится здание. В одной семье, жившей недалеко от здания, был сын семи лет; эта семья принадлежала к нашему антропософскому кругу. Это был милый мальчик семи лет, действительно чудесный ребенок. Он был таким храбрым, что когда отца забрали на войну, маленький семилетний Тео сказал матери: теперь я должен стать особенно прилежным, ведь я должен помогать тебе, как помогал тебе отец! — Однажды вечером после лекции пришел один человек, принадлежащий нашему кругу и объявил, что маленький Тео с вечера исчез. Не оставалось думать ничего иного, как то, что с ним произошло несчастье. В тот вечер по случайности — как это называют во внешней жизни — мебельный фургон проезжал в том месте, где долгие годы вообще никто не проезжал, да и с тех пор тоже. На этом месте фургон опрокинулся. Маленький Тео был в том домике, которые называют кантиной, столовой, так как там его друзья, работавшие на строительстве здания, обеспечивали его едой. Удивительным образом — он должен был уйти раньше — кто-то задержал его, и в то время, когда он хотел выйти через дверь, через которую он обычно выходил на определенную дорогу, в этот раз он вышел через другую дверь и, вследствие этого, проходил мимо

мебельного фургона, именно в тот момент, когда этот мебельный фургон опрокинулся. Фургон упал на него. Вот один из тех примеров, где мы так ясно видим, как действует карма.

Я порой использую простое сравнение, чтобы показать, как часто причину и следствие полностью меняют местами: мы видим, как вдоль реки идёт человек. Вдруг мы видим, как человек падает в реку. Мы подходим и на том месте, где упал человек, находим камень. Человека достают из воды. Он уже мертв. Если эти вещи не исследовать дальше, то человек с чистой внешней совестью объяснит это так: человек из-за камня упал в реку и утонул. — Если бы потребовалось исследование, то было бы установлено, что смерть наступила не от того, что человек упал в реку, но человек упал в реку, потому, что был мертв; у него был удар (апоплексический удар, инсульт). Дело обстояло как раз наоборот, нежели думали. Можно увидеть с какой легкостью в жизни всюду меняют местами причину и следствие. В обычной науке это происходит сплошь и рядом — причину и следствие меняют местами.

Вот и здесь, конечно, дело было так, что именно Тео обусловил всё: он был причиной того, что фургон в это время проезжал мимо, Тео навлек его на себя. Это надо держать перед глазами, как сущностную тайну события. Но дальнейшее: ребенок, в самом начальном расцвете жизни ставший жертвой несчастного случая! Да, если человек проникнется, сольется всем своим сердцем со строительными работами в Дорнахе, и в то же время будет иметь возможность наблюдать, что оказывает воздействие в этом здании, тогда он мог бы сказать: то эфирное тело, которое насильственно было отделено от маленького Тео, находится теперь в атмосфере здания, и прекрасные инспиративные силы, направленные на то, что там создаётся, достигаются благодаря тому, что человек соединяет свою собственную душу с тем, что, будучи увеличено, расширено до уровня маленького мира, живёт в атмосфере здания. И я бы никогда не поколебался, откровенно признать, что многому из того, что мне удалось найти для нашего строительства, для здания в то время, я обязан направленности

собственной души в соответствие с эфирным телом маленького Тео, эфирным телом, действующим в атмосфере здания. Вот какие связи имеются в мире. То, что является собственной индивидуальностью этого человеческого существа, ушло далеко, но позади осталось эфирное тело, которое могло бы ещё в течение многих десятилетий обеспечивать человеческую жизнь.

Представьте себе число неизрасходованных эфирных тел, которые парят в духовной атмосфере над нами и над теми, которые будут жить после нас! Те эфирные тела, которые остались от тех, кто в наше судьбоносное время прошёл через врата смерти. Мы говорим не о пути, который проходит индивидуальность, но говорим о том, что благодаря этим оставленным эфирным телам создается особенная духовная атмосфера. Люди, которые будут жить здесь, будут жить в этой атмосфере. Они будут погружены в духовную атмосферу, которая будет наполнена эфирными телами тех, кто пожертвовал своей жизнью, и вследствие этого именно в наше время человечество может пройти вперед через такие события. Однако необходимо, чтобы ощутили то, что хотят эти эфирные тела, тела, которые станут лучшими инспираторами будущего человечества. Может пробудиться прекрасное время спиритуализма, если люди понесут своё понимание, сердечное понимание навстречу тому, что захотят сказать им эти эфирные тела. Все эти эфирные тела станут помощниками при спиритуальном пробуждении будущего. Поэтому столь важно, чтобы имелись души, которые были бы в состоянии чувствовать то, что войдёт в атмосферу будущего благодаря этим эфирным телам.

Вы могли бы изучать природу эфирных тел не только рассказывая: человек состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела и «я», — но, зная и такие тайны активной духовности эфирных тел, какая будет проявляться в будущем.

Тем, кто уже сейчас имеет склонность к признанию духовной науки, надо готовиться стать восприимчивым к тому, что хотят сказать эти эфирные тела. Поэтому, направляя наши души к духовному миру, мы будем подготавливать себя и тех, кто пойдёт с нами; подготавливать к ощущению того, чего хотят эти завеща-

ния, эфирные заветы умерших от человечества будущего. Если человеческие души будут оживлены духовной наукой так, что смогут направить свои духовные чувства в духовные миры, тогда нечто великое и мощное взрастет, как следствие, из крови и мужества, из страданий и жертв. Вот почему мне хотелось бы в завершении нашего сегодняшнего рассмотрения в нескольких словах обобщить то, что может воодушевить, оживить нас, если мы как последователи духовной науки направим наши чувства на великие судьбоносные события нашего времени.

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных деяний народа,
Взрастет духовный плод —
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

Восьмая лекция

Война как болезненный процесс – Средняя Европа и славянский Восток – Умершие как помощники прогресса человечества

Вена, воскресенье, 9 мая 1915 года

Наше духовнонаучное мировоззрение может быть обращено не только на развитие и восхождение отдельной души, но оно должно, прежде всего, действительно помогать нам достигать более широкой точки зрения при рассмотрении жизни. И в наше время нам должно быть особенно близко — достичь такой, более широкой точки зрения при суждении о жизни. Конечно, это большая, исполненная значения задача для отдельного человека — посредством того, чего он смог достичь в результате духовнонаучного самовоспитания, продвигать самого себя дальше. И только благодаря тому, что отдельные люди действительно продвигают себя дальше, они вообще могут сотрудничать в деле развития человечества. Однако наш взгляд должен быть направлен не только на это; мы должны, как последователи антропософского мировоззрения, с высокой точки зрения, поистине духовной точки зрения уметь чувствовать также и великие события эпохи. Мы должны действительно уметь поставить себя на более высокую позицию, точку зрения, при суждении о происходящем. И некоторые из этих точек зрения именно в отношении великих событий нашего времени можно было бы дать сегодня, так как наша нынешняя встреча проходит в такое судьбоносное время.

Будем исходить из того, что нам, как людям может быть близко. Люди в определённое время подвержены болезням. Болезни обычно рассматривают как то, что вредит нашему организму, что как враг проникает в наш организм. Однако такая всеобщая точка зрения далеко не всегда оправдана. Конечно, есть болезнен-

ные проявления, которые следует рассматривать с той точки зрения, что болезнь в некотором смысле как враг проникает в наш организм. Но так бывает не всегда. В большинстве случаев это не так. Болезнь в большинстве случаев представляет собой нечто совершенно иное. В большинстве случаев болезнь является не врагом, а именно другом организма. То, что является врагом организма в большинстве случаев предшествует болезни, развивается в человеке перед тем, как начинается внешне видимая болезнь. В этом участвуют в организме силы противостоящие друг другу, и болезнь, возникающая в какое-то время, является попыткой организма спасти себя от противостоящих друг другу сил, которые прежде не были заметны. Болезнь есть зачастую начало работы организма, которая приводит как раз к выздоровлению. Болезнь это то, что предпринимает организм, чтобы преодолеть предшествовавшие болезни враждебные влияния. Болезнь является последней формой процесса, но она означает борьбу добрых соков организма против того, что подстерегает тут внизу. Она появляется здесь, чтобы изгнать из человека то, что подстерегает тут внизу. Только, если мы рассмотрим с этой точки зрения большое число болезней, мы придём к правильному пониманию болезненного процесса. Итак, болезнь указывает на нечто предшествовавшее наступлению болезни; именно оно должно быть изгнано из организма посредством болезни. Если в правильном свете рассматривать некоторые явления жизни, можно довольно легко придти к тому, что было сказано только что. Причины могут лежать в самых разных областях. Я только что указал откуда это приходит: мы рассматриваем болезнь как самозащиту организма против тех вещей, которые должны быть изгнаны.

Я не думаю, что есть сравнение, которое могло быть более подходящим, чем сравнение суммы тех значительных, глубоко вторгнувшихся событий, которые мы переживаем теперь на большей части Земли с начала августа 1914 г. с болезненным процессом в становлении человечества. Нам должно броситься в глаза именно то, что эти военные события действительно являются болезненным процессом. Но было бы неправильно верить в

то, что мы справимся с ним, если будем понимать этот болезненный процесс в неверном смысле, как сейчас понимают некоторые болезненные процессы: как если бы этот процесс был врагом организма. То, что являлось причиной, предвляло этот процесс болезни. Именно в наше время мы могли бы совершенно особо заметить, как мало людей в современности склонны принимать к сведению, уважать такие истины, которые должны непосредственно просвещать тех, кто принял духовнонаучное мировоззрение не только рассудком, но и чувством.

Бесконечно болезненное пришлось нам переживать в ходе последних, скажем, девяти месяцев — нечто болезненное пришлось пережить в связи со способностью людей выносить суждения. Разве это не так? Стоит только прочесть, что, в конце концов, читается и распространяется в самых разных странах Земли в литературе, разве это не так, что люди, вынося суждение о нынешних событиях, судят так, как будто бы история началась в июле 1914 года? Наиболее печальным опытом, помимо всего того болезненного, что довелось нам пережить, было обнаружение того, что именно задающие тон или, скорее, пишущие статьи люди, люди, делающие общественное мнение, ничего в сущности не знают о развитии, о предыстории событий и смотрят только на то, что ближе всего. Отсюда возникают бесконечные дискуссии, совершенно нестойательные дискуссии. Где заложены причины современного военного конфликта? Всё снова и снова задаётся вопрос: виноват ли тот? виноват ли этот? — и так далее. При этом возвращаются не дальше, чем до июля, в лучшем случае до июня 1914 г. Я упоминаю об этом, поскольку то, что я говорю, является действительной характеристикой нашего материалистического времени. Обычно полагают, что материализм несёт всего лишь материалистический образ мыслей, материалистическое мировоззрение. Это не так. Материализм осуществляет не только это, он несёт близорукость, недалёковидность; материализм несёт лень мышления, отсутствие проницательности. То, чем является материалистический образ мыслей, ведёт к тому, что, в конце концов, всё доказывают и всему могут верить. То самовос-

питание, которое и вправду может дать нам общая антропософия, позволяет нам увидеть, что человек, оставаясь исключительно в области материализма, может всё доказать и всему поверить.

Давайте возьмём простой пример. Когда в последние годы там или тут продвигали духовнонаучное мировоззрение, и тот или иной должен был обосновать свой взгляд на это духовнонаучное мировоззрение, часто можно было услышать: но ведь Кант своей философией уже доказал, что для человека есть границы познания, и что человек не может заходить туда, куда при познании хочет зайти духовнонаучное мировоззрение. — Затем приводились несомненно очень интересные вещи, вследствие чего Кант должен был доказывать, что проникнуть в духовный мир посредством человеческого познания нельзя. Когда представляешь духовную науку, приходят люди, которые считают: он отрицает всё, что доказал Кант! И, само собой разумеется, застревают на утверждении: следовательно этот человек особенно глуп, ведь он отрицает то, что строго доказано.

Это совсем не так. Исследователь духовной науки совсем не отрицает того, что доказанное Кантом абсолютно правильно; и ясно, что это доказано очень хорошо. Но давайте допустим, что какие-то люди, ещё в то время, когда не был открыт микроскоп, строго доказали бы, что если бы в растениях и были маленькие клеточки, то обнаружить их нельзя, поскольку человеческий глаз для этого не приспособлен. Это было бы доказано строго, доказательство было бы абсолютно правильным, ибо человеческий глаз устроен так, что никогда не смог бы проникнуть в организм растения до этих маленьких клеточек. Абсолютно правильное доказательство, которое никто не смог бы опровергнуть. И всё же жизнь развивается так, что для человеческого глаза открыли микроскоп, так что, несмотря на строгое доказательство тех людей, приходят к познанию этих маленьких клеточек. Только когда увидят, что для достижения истины доказательства совершенно бесполезны, что доказательства могут быть правильными, но, в сущности, не значат ничего особенного для прогресса в познании истины, — только тогда встанут на надежную почву. То-

гда будут знать: доказательство может быть, конечно, хорошим, но доказательство совсем не ставит перед собой задачу действительно вести к истине. Задумайтесь над сравнением, которое я дал, и вы увидите следующее: точно так же, как может быть строго доказано, что способности человеческого зрения не позволяют видеть клетку, столь же точно можно доказать, что человеческое познание, — как это говорит Кант, — не может проникнуть в сверхчувственный мир. Доказательства были совершенно правильными, но жизнь переступила через доказательства. На пути духовных исследований случается так, что расширяя свой кругозор, действительно приходят к тому, чтобы апеллировать к чему-то иному, нежели человеческий рассудок и его доказательства. Но тот, кто ограничен материалистическими представлениями, фактически приводится к необузданной вере в доказательства. Если доказательство у него в кармане, он убежден как бы самой истиной. Духовный исследователь показывает нам, что человек, в сущности, может достаточно хорошо доказать то или иное, но что для достижения действительной истины рассудочные доказательства не имеют значения. Явление, сопровождающее наше материалистическое время, состоит в том, что люди впадают в рассудочную близорукость, недалёковидность. К тому же эта рассудочная недалёковидность пронизывается страстями; это приводит к тому, что мы сегодня видим не только ведущие между собой вооружённую борьбу европейские народы, но мы видим также обоюдные нападки этих европейских народов друг на друга, когда один говорит о другом всё, что только можно и, в сущности, отсутствует перспектива, — причём не только во время войны, — чтобы один мог убедить другого. Кто верит, что нейтральное государство могло бы произвести выбор между утверждениями двух враждующих государств, тот верит по наивности. Само собой разумеется то, что говорится на одной почве, может быть столь же хорошо представлено, подкреплено всевозможными доказательствами, как и то, что говорится на другой почве. Прозрение человек получает, только проникая в глубину основ всей человеческой эволюции.

За несколько лет до того, как разразилась эта война, я уже пытался — в цикле об отдельных Народных Душах и их воздействии на отдельного человека — пролить свет на то, как противостоят друг другу отдельные нации, на то, что у разных народов господствуют действительно разные силы. Давайте сегодня дополним с других точек зрения то, что было сказано тогда.

Наша материалистическая эпоха мыслит всецело абстрактно. Прежде всего в наш материалистический век совсем не обращают внимания на то, что в жизни существует реальное развитие, что в человеке должно дозреть то, что в нём есть, чтобы мало помалу стать зрелым для вынесения действительного суждения. Человек — это мы знаем, и это достаточно подробно изложено в книге «Воспитание ребенка с точки зрения духовной науки» — продельывает своё развитие так, что примерно в первые семь лет особенным образом развивается его физическое тело, от семи до четырнадцати лет — его эфирное тело, и так далее. Если на эти поступательные шаги в развитии отдельного человека обращают мало внимания, то ещё меньше внимания уделяют параллельным равнозначным явлениям. Процессы, протекающие внутри отдельных народных образований, ведутся и направляются существами высших Иерархий — это все мы уже знаем из духовной науки. Мы в полном смысле слова говорим о Народных Душах, о Народных Духах. И мы знаем, что, например, Народный Дух итальянского народа инспирирует то, что мы называем душой ощущающей, что французский Народный Дух инспирирует то, что мы называем душой рассудочной или душой характера, что жители острова Британии инспирируются через душу сознательную; в Средней Европе инспирируется то, что мы называем человеческим «я». Тем самым не высказывается никакого оценочного суждения об отдельных нациях, сказано только то, что есть. Что, например, инспирация народа, который населяет британский остров, основана на том, чтобы он, как народ, вносил в мир всё то, чему способствует инспирация сознательной души со стороны Народного Духа. Достоинно внимания то, насколько нервными становятся люди в этой области. Когда там или здесь во

время военных событий мне снова приходилось озвучивать то, что уже было высказано раньше в упомянутом цикле, нашлись люди, которые восприняли как поругание британского народа, когда говорилось о том, что их задачей является быть инспирированными в душе сознательной, в то время как немецкая Народная Душа должна инспирировать человеческое «я». Это равнозначно тому, как если бы человек воспринял как поругание, если говорят: соль белая, паприка красная. — Это простая характеристика, изображение некой истины, которая существует, и, как таковая, эта истина должна быть принята. Можно было бы гораздо лучше ориентироваться в том, что правит между отдельными членами человечества, если смотреть на отличительные признаки, которые имеют отдельные народы, а не путать всё, как это делает нынешнее материалистическое воззрение. Само собой разумеется, отдельный человек возвышает себя благодаря тому, что приходит к нему через его Народную Душу, и прямой задачей нашего Антропософского Общества является, чтобы оно возвысило отдельного человека над групповой душевностью, возвысило до общечеловеческого. Но при этом всё же стоит констатировать, что отдельный человек, насколько он связан со своей народностью, инспирируется этой народностью в том направлении, что, например, итальянский Народный Дух говорит к душе осязающей, французский Народный Дух — к душе рассудочной или душе характера, британский Народный Дух — к душе сознательной. Следовательно, мы должны представить себе, что над тем, к чему приступает отдельный человек в отдельной нации, парит Народный Дух. Но, как мы видим, человек развивается, и об отдельном человеке можно было сказать: это «я» некоторым образом приходит к развитию, к особому развитию в определённый промежуток жизни; так же и в связи с отношением Народной Души к её народу можно с правом говорить о некоем развитии. Только это развитие иное, нежели у обычного человека.

Возьмём в качестве первого попавшегося примера итальянский народ. Итак, вот тут мы имеем этот народ, а затем принадлежащую к этому народу Народную Душу. Народная Душа есть су-

щество из сверхчувственного мира и принадлежит миру высших Иерархий. Она инспирирует душу ощущающую, и это происходит всегда, пока живёт народ, итальянский народ, — поскольку мы говорим об этом народе, — но Народная Душа инспирирует душу ощущающую в разное время по-разному. Есть время, в которое Народная Душа инспирирует принадлежащих к отдельной нации так, что эти инспирации происходят как бы на душевном уровне. Тогда Народная Душа парит в высоких регионах духа, и её инспирации происходят так, что она инспирирует только душевные свойства. Затем наступает время, когда Народная Душа дальше спускается в своём парении и сильнее обращается к отдельным людям, принадлежащим этой нации, тогда она инспирирует их настолько сильно, что не только душевные качества, свойства человека оказываются под её влиянием, но сила её воздействия такова, что человек становится зависимым от Народной Души вплоть до своих телесных качеств. Пока народ находится под таким влиянием Народной Души, что она инспирирует только душевно-духовные качества, тип народа ещё не запечатлевается. Ибо силы Народной Души не таковы, чтобы охватить всего человека вплоть до крови. Затем наступает время, когда даже по взгляду человека, по выражению его лица можно заключить, как воздействует Народный Дух. То, что Народная Душа погрузилась глубоко, проявляется, отчеканивается в этом; она сильно и интенсивно обращается ко всему человеку в целом.

У итальянского народа дело обстояло так, что момент времени, о котором я говорю, когда Народный Дух погрузился столь глубоко, где он действует так, что можно найти его отпечаток в отдельном человеке, приходился примерно на середину XVI столетия, примерно на 1550 г. Затем снова Народная Душа как бы отпарила, отлетела назад, и с этого времени это посредством наследственности передавалось потомкам. Итак, можно сказать: наиболее интенсивное совместное бытие итальянского народа со своей Народной Душой происходило в 1550 году. Тогда итальянская Народная Душа погрузилась глубже всего, тогда народ итальянского полуострова получил свой наиболее точный, ярко

выраженный характер. Если мы вернемся во время до 1550 года, то увидим, что ещё не запечатлелись те характерные черты, которые могли так сильно выступить кому-либо навстречу, как выступали они с 1550 г. Тут, в сущности, и начинается то характерное, что мы знаем как итальянский элемент, как италийство. Только тогда был заключен сущностный брак между итальянской Народной Душой и душой ощущающей отдельного человека, принадлежащего итальянской народности.

Для французского народа — итак, я говорю не об отдельных людях, которые могут возвыситься над народом — подобный временной пункт, когда Народный Дух погружается глубже всего и совершенно пронизывает народ, наступил примерно в 1600 году, в начале XVII столетия. Тогда Народный Дух целиком захватил душу рассудочную или характера.

Для британского народа этот временной пункт наступил в середине XVII столетия, примерно в 1650 г. Тогда британский народ получил своё внешнее британское выражение.

Если вы знаете такие вещи, кое-что вам станет яснее, ибо вы можете теперь совершенно иным образом задать, например, вопрос: как обстоит в Англии дело с Шекспиром? — Шекспир действовал в Англии ещё перед тем, как британский Народный Дух наиболее интенсивно воздействовал на английский народ. Вот почему в Англии Шекспира недостаточно понимают. Признанными там оказываются только те издания, в которых искоренено всё, что не соответствует вкусам гувернеров. Шекспир очень сильно морализирует в самом внешнем смысле. И мы знаем, что глубочайшее понимание Шекспира проявилось не в Англии, но в средневропейском духовном развитии.

Вы спросите: а когда же состоялось это соприкосновение Народного Духа с теми, кто принадлежит народу Средней Европы? Дело обстояло так: вследствие того, что в Средней Европе «я» доминирует, задает тон, имеет место своего рода то спуск Народного Духа при парении, то его возвращение, затем новый спуск при парении, затем новое возвращение. Так примерно в то время, когда возник прекрасный сказочный мир легенд о Пар-

сифале, о Граале, мы имели такое нисхождение Народного Духа, соединение его с отдельными душами, возвращение обратно, и ближайший спуск в парении вниз примерно между 1750 г. и 1830 г. Тогда те, кто живёт в Средней Европе были наиболее глубоко проникнуты тем, чем является средневропейский Народный Дух. С тех пор происходит возвращение, обратное движение Народного Духа. Вы видите, как оказывается вполне понятным то, что, скажем, Якоб Бёме⁶⁷ жил в такое время, в которое он мог мало получить от Народного Духа. Это было не то время, когда Народный Дух связывал себя с отдельной душой из народа. Поэтому Якоб Бёме, несмотря на то, что его называют «тевтонским философом» был человеком, который во времени не зависел от того, чем был его Народный Дух; он стоит как явление, лишённое корней, как вечное явление своего времени. Если же мы рассмотрим Лессинга, Шиллера, Гёте — то это немецкие философы, которые целиком коренятся в немецком Народном Духе. Характерным является то, что эти философы, живущие в период между 1750 г. и 1830 г. целиком коренятся в Народном Духе. Итак, вы видите, что дело не только в том, чтобы знать: у итальянского народа Народный Дух действует через душу ощущающую, у французского народа Народный Дух действует через душу рассудочную, у британского народа Народный Дух действует через душу сознательную, у народа Средней Европы Народный Дух действует через «я», — но надо также знать и то, что это происходит в известные моменты времени. И события, которые разыгрываются, можно будет разъяснить на историческом уровне только, если действительно знать о таких вещах. То безобразия, которое развивают как науку, когда берут документы, перечисляют друг за другом события и говорят, что одно должно следовать из другого, — это бесчинство исследователей истории ведёт не к настоящей истории, не к пониманию человеческого становления, но всего лишь, — можно сказать, — к фальсификации того, что правит и действует в человеческой истории.

Если человек видит, как совершенно различным образом в отдельных народностях, — это можно было бы характеризовать и

иначе, — действует то, что как сила приводит в движение эти народности, тогда он видит антагонизм этих вещей, который налицо. Он видит, как то, что происходит сегодня, совершалось не только в последние годы, но готовилось на протяжении столетий.

Теперь давайте посмотрим на Восток, на ту область, в которой развивается русская культура. Вся особенность русской культуры состоит в том, что эта русская культура может достичь расцвета только тогда, когда наступит тот временной пункт, в котором русская Народная Душа соединится с Самодухом — это тоже было высказано в названном цикле. Это означает, что должен наступить более поздний промежуток времени, в котором то, что может соответствовать характеристике этого свойства европейского Востока, будет впервые запечатлено. И это будет тогда полностью отличаться от того, что развивается на Западе Европы или в середине Европы. Но предварительно совершенно ясно: то, что предназначено русской культуре, вообще ещё не здесь, но русская культура — как отдельный человек — стоит в таком отношении к Самодуху, что она всегда обращена вверх. Отдельные люди, принадлежащие русскому народу, и даже глубокомысленные русские философы, говорят не так, как говорят величайшие люди Средней Европы, они говорят совершенно иным образом.

Здесь мы обнаруживаем нечто в высшей степени характерное. В чём, собственно, состоят отличительные особенности средне-европейской духовной жизни? Все вы знаете, что было время великих мистиков, когда действовали Мейстер Экхарт, Иоганн Таулер и другие. Все они искали в человеческой душе то, что в самой этой человеческой душе сохранялось как Божественное. Они пытались найти Бога в собственной груди, в собственной душе, найти «искру в душе» как это выразил Экхарт. Там, внутри, как говорили они, должно быть нечто, где непосредственно присутствует Бог. И так возникло такое стремление, когда «я» хотело слиться со своим Божеством в себе самом. Это Божество хотело быть завоёванным: в становлении Божество хотело быть завоёванным. Это проходит как основная черта через всю средне-европейскую сущность. Представьте себе, насколько беско-

нечно душевно и глубоко, когда тот, кто, я бы сказал, совершенно интернационально стоял на почве средневропейской культуры и средневропейской духовной жизни, — Ангел Силезский,⁶⁸ — когда он в одном своём прекрасном изречении в «Херувимском вестнике» говорит: «Если я умираю, то умираю не я, но Бог умирает во мне». — Представьте себе, насколько это бесконечно глубоко! Ибо это говорит тот, кто живо понял идею бессмертия, ведь он чувствует: если смерть вступает в отдельного человека, то это, — поскольку человек пронизан Богом, — это явление смерти не есть явление человека, но Бога, а Бог не может умереть, так что смерть — всего лишь обман. Итак, смерть не может быть разрушителем жизни. Он знает, что существует бессмертная душа, и он говорит: если я умираю, то умираю не я, но Бог умирает во мне. — Таково необычайно глубокое ощущение, в котором жил Ангел Силезский. И это является следствием того обстоятельства, что инспирация здесь действует в «я».

Если инспирация происходит в душе ощущающей, может выступить то, что выступило, например в Джордано Бруно.⁶⁹ Этот монах со всей страстностью переживал своё единство с тем, что открыл Коперник, он чувствовал весь мир живым. Прочтите строки Джордано Бруно, и вы удостоверитесь в том, что он, поскольку он вырос из итальянского народа, являет собой доказательство того, что Народная Душа инспирировала душу ощущающую.

Картезий (Декарт)⁷⁰ родился как раз в том характерном пункте французского развития, когда французский Народный Дух соединился с французским народом. Прочтите одну страницу Декарта, французского философа, и вы найдёте, что каждая его страница свидетельствует о том, что обнаруживает духовная наука: что тут инспирация Народного Духа действует на душу рассудочную.

Прочтите Локка⁷¹ или Юма,⁷² или других английских философов до Милля⁷³ и Спенсера,⁷⁴ — всюду инспирация души сознательной.

Прочтите Фихте⁷⁵ в его борьбе в самом «я», тогда вы имеете инспирацию «я» Народной Душой. В том то и состоит особенное свойство, что эта средневропейская Народная Душа переживается в «я», и поэтому «я» постоянно стремится; «я», как мне хочется сказать, со всей своей силой и со всеми своими заблуждениями, со всеми своими ошибочными путями, а также со всеми своими усилиями. Если этот средневропейский человек должен найти путь ко Христу, он хочет родить его в своей собственной душе.

Вы только попытайтесь поискать, — если только это не пережато от западноевропейской культуры, — поискать в русской духовной жизни эту идею — переживать Христа или Бога во внутреннем мире. Вы не сможете её найти. Здесь повсюду ожидают, как то, что вступает в историю, действительно вступает так — как говорит Соловьёв,⁷⁶ — как будто это вступает «чудо». Русская духовная жизнь очень склонна созерцать Воскресение Христа в сверхчувственном, оказывать внешнее почитание проявлению инспирирующей силы, но эта сила говорит так, как если бы человек находился внизу, как если бы инспирирующее начало подобно облаку двигалось над человечеством, а не так, как если бы оно входило в человеческое «я». Это интимное совместное пребывание «я» со своим Богом или, если речь идёт о Христе, со Христом, это требование, чтобы Христос был рождён в собственном сердце — всё это можно найти только в Средней Европе. И если когда-либо восточно-европейская культура придёт к подобающему её развитию, то вследствие этого обнаружится, что эта культура, которую предстоит основать в будущем, будет как бы парить над человеком и будет снова представлять собой некий вид групповой душевности, лишь на более высокой ступени, нежели была древняя групповая душевность. Предварительно, как нечто вполне естественное мы обнаруживаем, что та форма, в которой высказываются русские философы, всюду говорит о чём-то, что как духовный мир парит над миром людей, однако к нему они не могут приблизиться так интимно, как хочет приблизиться средневропейский человек со своим «я», что яв-

ляется Божественным, тем, что как Божественное начало ткёт и действует в мире.

И если я часто говорил о том, что Божественное ткёт, волнуется и колеблется, проходя через мир, то это взято из ощущающего мира средневропейского человека; и со стороны каких-либо других народов Европы это не может быть воспринято таким же образом, как может быть оно воспринято средневропейской душой. Такова характерная особенность, характерное свойство народа Средней Европы.

Силы, которые живут в отдельных народах и противостоят друг другу, должны всё снова и снова вступать в сопернический спор, который мощно разряжается, как разряжаются облака, создавая молнии и грозу.

Но разве мы не видим, — сейчас уже можно об этом говорить, — как на Востоке Европы звучит слово, которое является лозунгом и должно действовать так, как будто культура Восточной Европы должна начаться уже сейчас, распространиться на малоценную западную культуру, затопить её? Разве мы не видим, как выступают славянофилы, панслависты, панславизм, особенно в таких мыслителях как Достоевский⁷⁷ и ему подобные, как он выступает с особыми пунктами своей программы, где говорится: вы, западные европейцы вместе взятые, вы имеете загнивающую культуру, которая должна быть заменена с Востока Европы. — Затем строится целая теория, — теория, которая, прежде всего, увенчивается тем, что говорят: на Западе все загнило, это надо заменить благодаря свежим силам Востока. У нас есть хорошая православная религия, с которой мы не боролись, но приняли её как некое облако Народного Духа, парящее над людьми, и так далее. Затем тут строится одухотворенная, полностью одухотворенная теория, как то, что уже сейчас может быть основными положениями, интенциями древнего славянства, должно было бы в качестве истины с Востока распространиться над Средней и Западной Европой.

Я говорил, что отдельный человек может подняться над своей народностью. Таким отдельным человеком был также в опреде-

ленной области Соловьёв, великий русский философ. Несмотря на то, что у него в каждой строчке заметно, что он пишет как русский человек, он, тем не менее, стоит над своей народностью. В первое время своей жизни Соловьёв был панславистом. Но он точно разобрался в том, что выдвигают панслависты и славянофилы⁷⁸ в качестве своего рода народной философии, народного мировоззрения. И что же открыл Соловьёв, русский? Он спросил себя: действительно ли то, что является русизмом, имеет место в настоящее время? Может быть это сохранилось от того, что представляли панслависты, что выдвигало славянофильство? — И смотрите, он не успокоился, пока не пришел к правильному выводу.⁷⁹ Что же он обнаружил? Утверждения славянофилов, к которым он прежде прислушивался, проверял, принимал близко к сердцу, — как он обнаружил, — в своей большей части и по форме мышления, и по содержанию, по интенции взяты у дружественного иезуитам французского философа де Местра,⁸⁰ именно он был великим учителем славянофилов в области мировоззрения. Соловьёв даже доказал, что славянофильство выросло не на собственной почве, но происходит от де Местра. Он доказал ещё больше. Он разыскал давно забытую немецкую книгу⁸¹ XIX столетия, о которой в Германии никто не знает. Все её части списали в своей литературе славянофилы. Что за странное явление выступает таким образом? Считают, что нечто, приходящее с Востока, имеет восточное происхождение, а это — чисто западный импорт. Это перенесено с Запада и затем снова посылается западным людям. Западные люди будут знакомиться со своими собственными мыслеформами, поскольку собственных мыслеформ на Востоке ещё не существует.

Именно в том случае, если точно добиваются до истины, удостоверяются в том, что говорит духовная наука. В том, что хочет накатиться с Востока мы имеем дело с тем, что ещё элементарно, что найдёт своё развитие только тогда, когда точно также с любовью примет то, что развилось в Средней Европе, как эта Средняя Европа когда-то с любовью принимала то, что приходило с Юга как сущность эллинизма и латинства. Ибо развитие

человечества происходит так, что позднейшее воспринимает предыдущее. И то, что я в открытой лекции⁸² мог характеризовать как фаустовский образ мыслей Средней Европы, выражено в словах: это был 1770 год — Гёте ощущал это как фаустовское стремление, когда говорил:

Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом,
Увы! С усердьем и трудом
И в богословье я проник.
Но не умней я стал, в конце концов,
Кем раньше был — глупец я из глупцов!

Тем самым пришла необычайно богатая, немецкая духовная жизнь, необычайно интенсивное, мощное стремление в немецкой духовной жизни. Но если бы Гёте написал своего «Фауста» на сорок лет позднее, он бы, конечно, не начал: «Я философию постиг...», изучал дальнейшее, и стал мудрейшим человеком на все времена, — нет! Он начал бы писать своего «Фауста» точно так же, как и в 1770 г. Это живое стремление происходит от инспирации Народной Души в «я», от интимного совместного бытия «я» с Народным Духом. В этом состоит основная отличительная особенность, основное свойство средневропейской культуры. С ней должна с любовью соединиться восточноевропейская культура, она должна её воспринять. То, что должно было влиться в Среднюю Европу, было когда-то воспринято, принято от южной культуры. Но теперь, когда с Востока накатываются основные волны развития, дело обстоит не иначе, как если бы ученик разгневался на своего учителя, поскольку тот обязан его чему-то там учить, и поэтому хочет отколотить учителя. Это хотя и тривиальное сравнение, но, тем не менее, точно отражающее суть дела. Массы людей, с совершенно различными внутренними эволюционными силами, совместно населяют Европу. Эти различные эволюционные силы должны взаимно конкурировать друг с другом, должны различным образом самоутверждаться. То, что проявляется в противодействующих силах, которые приходят в

противоборство, развивалось с давних пор. Именно вникая в тонкости, обнаруживают, как всюду высказывается то, о чём ведёт речь духовная наука.

Разве это недостаточно красноречиво выражено, разве не сталкиваются волны европейского развития, чтобы словно символически представить перед всем человечеством то, как в Средней Европе должны чувствовать интимную совместную жизнь «я» с духовным миром; как в «искорке души» должен переживаться Бог, как в «искорке души» должен переживаться Христос! Сам Христос должен быть живым и деятельным в человеческом «я». Вот почему в Средней Европе, как ни в каком ином европейском языке, развитие постепенно склонилось к тому, чтобы обозначить «я» (ICH). И «я» стало ИХЬ (I-C-H). Как мощный символ в тонком взаимодействии того, что может быть наиболее святым в душе, поставлено здесь, в Средней Европе: Ich = I-CH — Jesus Christus! Иисус Христос и одновременно человеческое «я». Так действует Народный Дух, инспирируя народ, чтобы в характерных словах выразить то, чем являются лежащие в основе факты. Я хорошо знаю, что люди смеются, если им говорят нечто подобное; если говорится, что на протяжении столетий Народный Дух работал над тем, чтобы ввести в жизнь название для «я» (Ich), которое получило столь символическое обозначение. Но пусть эти люди смеются! Пройдёт ещё несколько десятилетий, и они уже не будут больше смеяться, но будут называть это более значительным, чем то, что сегодня люди называют законами природы.

То, что действовало так как волна развития, действовало весьма характерно. Сознание порой сообщает лишь самую малую часть истины; но то, что действует в подсознательной глубине, говорит больше и более правдиво. Например, мы ведем речь о германцах. Слова образуются с помощью активного Гения речи. Часть жителей Средней Европы называют себя немцами (Deutsche). Если же говорят о германцах, то имеют в виду Германию, Австрию, Голландию, скандинавские народы, но также и жителей британского острова. Слово «германцы» распростране-

но на дальние области. Но житель британского острова отказывается от этого. Он называет «германцами» исключительно немцев «German» — германцы. На себя он это слово не распространяет. Немецкий язык охватывает этим словом гораздо больший круг. Немецкий язык, как таковой, имеет склонность поставить это слово на службу бессамостности, самоотверженности; он не только себя называет германцем, немцем, он охватывает и других. Другие — британцы — отказываются от этого. Найдите подход к чудесам словообразующего Гения, и вы тогда увидите, что в этом есть нечто поистине чудесное. В отношении того, что люди имеют в сознании, возникает майя, великое заблуждение. То, что правит в подсознательных глубинах, действует гораздо, гораздо правдивее. В нём высказывает себя нечто необычайно значительное и глубокое.

А теперь сравните с той формой, в которой человек должен предпринимать тонкие, интимные усилия, чтобы понять игру европейских сил, сравните с этой тонкой, интимной формой ту грубую, топорную форму, в которой сегодня рассматривают отношения европейских народов друг к другу. Вы сможете увидеть, какое опустошение в человеческие способности суждения принесла материалистическая эпоха. То, что стали думать, будто бы материя всё несёт и все сохраняет — это ещё не самое худшее; нет, самое худшее состоит в том, что люди стали близоруки, недальновидны, что они не могут увидеть главного, не делают ни шага за тот покров, который, как майя, ткётся над истиной.

Материализм хорошо подготовил то, чего он хотел. Тут тоже действовал гений, только гением, содействовавшим материализму в качестве его высшего предводителя является Ариман. Он имел мощное влияние в последнем столетии, поистине мощное влияние. И мне хотелось бы ещё кратко указать на одну тему, на которую сегодня указывают неохотно. Если же это происходит, то это рассматривают как особенное безумие. Подступить к человеку легче всего, если ему, пока он ещё юн, в его способность представления, в его душу по каплям вливать то, что затем должно будет в нём разрастись. В более поздней жизни только

очень немногим людям можно основательно привить что-либо. Поэтому Ариман никогда не имел бы лучшей перспективы, препарировать душу в материалистическом духе, как только если он стал бы по каплям вливать в юношеские, детские души то, что затем само действовало бы дальше в подсознании. Если в период, когда человек ещё не мыслит посредством сил рассудка, он будет воспринимать материалистические мыслеформы, тогда люди основательно обучаются мыслить материалистически; ведь материализм уже был насаждён в их детские души! Ариман делает это в таких формах, что писателя материалистической эпохи он инспирирует идеей «Робинзона Крузо». ⁸³ Если действительно видящий даст на себя подействовать духу этого «Робинзона», то увидит, как основательно действуют в «Робинзоне» материалистические представления. Это не выглядит так, однако в целом — как построен «Робинзон», к чему он устремлён в этой приключенческой жизни, сколь внешне он переживает всё, вплоть до того, что, в конце концов, сам возвращает религию подобно кочану капусты на грядке — всё это очень успешно препарирует детскую душу в направлении к материалистическому мышлению. И если вспомнить, что в известное время — в XVI, XVII, XVIII столетиях — имелись чешские, португальские, венгерские и так далее Робинзоны, как подражание «Робинзону Крузо», то можно сказать: была проделана основательная работа, так что доля, которую имел учебный курс по «Робинзону» в деле образования материализма, просто огромна.

По отношению к таким явлениям необходимо указывать, что иные результаты приносит то, что в жизни предлагается пониманию детей до более зрелого возраста: это сказки, которые живут в Средней Европе, и особенно сказки, которые собрали братья Гримм. ⁸⁴ Эта литература для детей гораздо лучше, чем «Робинзон». И если в наше время то, что столь страшным, тяжким, судьбоносным образом происходит между европейскими народами, будет понято как предостережение, напоминание о том, что надо более точно вглядываться, каким образом развилось в подосновах событий то, что ворвалось в современность, тогда, в

первую очередь поймут, что дело, в конце концов, совсем не в том, послала ли пара немецких учёных свои награды и дипломы обратно в Англию! Если знамения времени столь сильно указывают, что следует вникнуть в материалистически инспирированную душу сознательную британского народа во всём её значении, и будет рассмотрено и значение «курса обучения по «Робинзону», то весь «Робинзон» будет забракован. Гораздо основательней, гораздо радикальней будут подходить к произведению, если смогут в правильном смысле принять к сведению предостережения нашего настоящего времени.

Прошло тридцать пять лет с тех пор,⁸⁵ когда я начал в смысле духовнонаучных задач интерпретировать Гёте. Я пытался показать, как в эволюционном учении Гёте действительно дана великая одухотворённая теория эволюции. Должно придти время, когда это увидят в широких кругах. Ибо Гёте дал великую, мощную эволюционную теорию, которая исполнена духа. Людям было трудно это понять. Затем в материалистическую эпоху много лучше мог воздействовать Дарвин, который вульгарным материалистическим образом дал то, что дал в тонкой одухотворённой форме Гёте как своё эволюционное учение. Это была основательная «англиканизация», которая захватила Европу. Представьте себе трагедию, которая заключалась в том, что наиболее близкий к английскому, «англиканизированный» естествоиспытатель⁸⁶ в Германии, Эрнст Геккель, который молился на Дарвина, вынужден был выступить с лютой ненавистью против англиканства, и когда разразилась эта война, был одним из первых, кто отослал обратно в Англию свои награды и дипломы. Он был уже слишком стар, чтобы отослать обратно окрашенный по-английски дарвинизм, хотя это было бы более важно и существенно.

Вещи, о которых здесь идёт речь, заложены несравненно глубже, они неизмеримо исполнены значения, они связаны с потребностью духовного углубления в наше время. Если когда-нибудь поймут, насколько неизмеримо глубже учение Гёте о цвете, хроматика, нежели учение Ньютона о цвете, поймут, что эво-

люционная теория Гёте бесконечно глубже, чем эволюционное учение Дарвина, только тогда осознают и то, что скрыто в средневропейской духовной жизни, также и в отношении таких высоких областей.

Всем этим я всего лишь хочу вызвать в вашей душе чувство того, каким предостережением должны стать для нас современные тяжкие, судьбоносные события. Надо работать над предостережением, которое должно вести нас к размышлению о том, что заключено в средневропейской духовной жизни: обязанность состоит в том, чтобы это выявить, вывести вовне. Я считаю, как я это уже говорил вчера в открытой лекции, что эта средневропейская жизнь содержит в себе зерна, содержит зародыши, которые должны быть доведены до стадии цветения и плода.

И если мы снова и снова подтверждаем: сознательная душевная жизнь происходит на поверхности, внизу же заложено всё то, о чём говорилось в эти дни, — тогда мы сможем направить наши мысли на то, что в импульсах множества людей в настоящее время живёт нечто совершенно иное, чем то, что они осознают. Ведь мы не считаем, что люди на востоке и западе, защищающие великую средневропейскую цитадель, ведут борьбу лишь за то, что они осознают на своем верхнем уровне сознания. Взгляните, прежде всего, на те импульсы, многие из которых неосознанны, импульсы, которые проходят сегодня через кровь и смерть, но находятся здесь, эти импульсы существуют. И мы должны на основе духовной науки ощутить, как при взгляде на Восток и Запад в импульсах тех, которые там были принесены в жертву, живёт то, что только в будущем должно быть рождено для внешнего переживания, то, о чём те, кто сражается, не имеют в своём сознании никакого понятия. Только в том случае, если мы рассмотрим это, происходящее пронизет нас верным чувством, верным ощущением.

Но давайте вспомним, как много душ участвует в этих событиях, которые по размаху военных действий несравнимы ни с чем, что когда-либо происходило в осознанной истории человечества, давайте вспомним, как много душ проходят через кровь и

смерть, вспомним, что эти души будут смотреть сверху вниз на ту смерть, к которой приговорили их великие события времени. Давайте вспомним, что, — в смысле сказанного вчера, — юношеские эфирные тела втягиваются в духовную атмосферу. Вспомним, что в духовном мире должны находиться не только души, индивидуальности, но что в духовную атмосферу втягивается из юношеских эфирных тел то, что ещё пригодно, что ещё может быть использовано. Попробуем, исходя отсюда, взглянуть на те предостережения, напоминания, которые должны получать люди, оставшиеся здесь, на Земле. Да, отдельный человек, прошедший через врата смерти напоминает о великих задачах, которые должны быть выполнены в европейской культуре. И эти предостережения, напоминания должны быть услышаны. Люди должны стремиться к тому, чтобы из глубины духовной жизни создавать себе чувство, познающее чувство, познавательное ощущение того, как, в сущности, складывается то, в чём мы живём. Если когда-нибудь в этом смысле ощутят: в каждом, кто в расцвете своих лет погибает сегодня на поле битвы, предстаёт тот, кто предостерегает, напоминает, призывает к спиритуализации человечества в европейской культуре, — если это ощутят, тогда этот призыв поймут правильно. Хотелось бы, чтобы с того места, где мы находимся, исходили не только абстрактные познания: человек состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела и «я», человек проходит через много инкарнаций, человек имеет карму, и так далее, — но хотелось бы, чтобы души, принимающие участие в нашей духовнонаучной жизни, в самых своих внутренних глубинах встряхнулись, собрались с духом, ради той жизни чувства, на которую было только что указано, ради сопереживания того, что станет в ближайшем будущем предостерегающим призывом рано умерших. Наиболее прекрасное из того, чем мы могли бы овладеть как последователи духовной науки, — это некая оживлённая жизнь, которая должна как дыхание проходить через ряды тех, кто причисляет себя к нам. Не знание, не одно только познание, но эта жизнь, осуществление этой жизни.

В последнее время весьма многие наши сочлены оставили физический план. Также и наш молодой сотрудник, наш дорогой Фриц Митчер. На меня, вследствие кармы, была возложена задача, говорить при кремации в Базеле. Я должен был сказать несколько надгробных слов этой безвременно ушедшей душе. Среди всего прочего, эти слова, обращённые к этой душе, говорили о том, что мы сознаём, что она остаётся сотрудником, даже после того, как прошла через врата смерти. Я должен был сказать это исходя из сознания, что переживаемое нами не является всего лишь теорией, но то, что мы высказываем как теорию, должно наполнять всю душу полной жизнью. Но тогда мы должны относиться к тем, кто прошёл через врата смерти, как к тем, кто ещё жив. Мы должны без колебаний говорить себе: те, кто живёт в физическом теле вследствие разнообразных обстоятельств испытывают препятствия, чтобы полностью вжиться в духовную жизнь, полностью реализовать её. Но что могут значить все заметные препятствия в этой земной жизни у человека, если речь идёт о том, чтобы познать, а затем выполнить поистине великие задачи эволюции! Но на умерших мы могли бы полагаться много больше. Это ощущение того, что они находятся в наших рядах, это перенесение особой миссии, позволило мне в соответствующей форме произнести надгробную речь для нашего друга Фрица Митчера, который как безвременно умерший прошёл через врата смерти. И то, что было сказано для него, относится ко многим другим, прошедшим через врата смерти. Мы видим в нём нашего важнейшего сотрудника, и да не будет неправильно понято, если я скажу: в нашей духовной работе мы можем полагаться на умерших гораздо больше, чем на живых.

Но для того, чтобы высказывать нечто подобное, мы должны исключительно живо участвовать в том, что может дать нам наше спиритуальное движение. Я основываюсь на том, что даже на внешнем поле для спиритуализации человеческой культуры будущего наиболее важными сотрудниками в наше судьбоносное время являются прошедшие через врата смерти. Ибо такая смерть, на которую оглядываются те, кто прошёл через врата

смерти, становится великим учителем. А некоторые сейчас нуждаются в более сильном учителе, нежели может предоставить жизнь. Это можно увидеть на некоторых примерах.

Я хочу привести один пример — можно было бы привести и другие: одна сенсационная, привлекавшая внимание статья,⁸⁷ направленная против представляемой мною духовной науки, много лет назад появилась в одном журнале, выходившем в Южной Германии, под названием «Хохланд». Эта статья наделала очень много шума. Она оказалась убедительной для многих, поскольку была написана весьма известным философом. Издатель этого журнала «Хохланд» принял эту статью. Итак, он, в сущности, вёл, как ему казалось, пропаганду одного очень популярного воззрения на эту сложную духовную науку. — Видите ли, дело действительно было не в том, чтобы бороться с этим внешними средствами. Ведь было понятно, что весьма рассудительные люди современности считали духовную науку глупостью. Но после того, как разразилась война, случилось нечто другое. Издатель названного журнала — добрый немец, человек, чувствующий по-немецки. Человек, чью статью принял издатель в прошлом, теперь написал издателю письма, и издатель, якобы, в своей достопочтенной «невинности» опубликовал их в «Южнонемецком ежемесячнике». Как-нибудь попытайтесь прочесть их, и вы увидите, что тот же самый философ, написавший письма издателю «Хохланда», изливает всевозможные яд и желчь против средневропейской культуры, так что тот человек, то есть издатель, почувствовал себя вынужденным сказать: тот, кто так думает, тому в Средней Европе место только в сумасшедшем доме. — Представьте себе, эту бесконечно значительную критику! Есть издатель южно-немецкого журнала. Этот издатель принимает статью, которую он рассматривает как подходящую, чтобы уничтожить духовную науку, статью, о которой он говорит: вот хорошая статья о духовной науке от одного знаменитого философа! Через некоторое время издатель получает письма от этого человека и расценивает их как письма сумасшедшего. Разве, следуя логике вещей не надо было продолжить и сказать: ес-

ли этот человек теперь оказался дураком, то он был дураком и раньше, но только добрый издатель в прошлом не понял, что он имеет дело с дураком, когда тот писал против духовной науки. — Такова логика жизни. Иногда не удается дождаться, пока такая логика подействует, но она правит в нашей жизни, и иногда приходится переживать нечто по её рецепту. Тогда статья появилась и была направлена именно против моей антропософии. Её читали. Говорили: да, это знаменитый философ, платоник, он особенно сведущ. — Издатель сказал себе: если некто, кто столь умён и сведущ, пишет статью о духовной науке, это значительная статья. Проходит время, и тот же самый издатель говорит: этот человек — дурак. — Но издателю потребовалось сначала доказательство в только что приведенном смысле. Да, вот как обстоит дело среди живущих. Людям, которые не имеют твёрдой почвы под ногами, как этот издатель южно-немецкого журнала, необходимо учиться на событиях, которые в гораздо более глубоком, нежели желательном, смысле даны в жизни в последнее время духовным миром.

Вы поймёте, если я вернусь к сказанному прежде: наше время собрало много противодействующих сил, и если мы назовём войну болезнью, — а мы можем это сделать, — то это такая болезнь, которая проявилась вследствие того, что разыгрывалось задолго до этого, война ведёт к выздоровлению, для того, чтобы искоренить то, что мало помалу должно было бы нанести ущерб жизни всей культуры. И если мы в этом смысле обозначаем войну как болезнь, но в то же время рассматриваем болезнь как самооборону, тогда мы понимаем эту войну и судьбоносные события современности, понимаем её в её значительных сигналах и предостережениях. Тогда мы переживаем всеми внутренними силами нашей души, что надо быть внимательными по отношению к тем, кто прошёл через врата смерти и взирает на ближайшее будущее, а нам надо учиться тому, что прошедшие через смерть могут инспирировать те души, которые захотят их услышать: что спиритуальное углубление, которое в ближайшее время необходимо для блага и успеха человечества, должно войти в них.

И если ваши души смогут правильно принять то, что я хотел бы сказать этими словами, только тогда вы можете в полном смысле слова считаться последователями нашего духовнонаучного мировоззрения. Если ваши души смогут принять решение стать такими душами, которые будут обращать внимание на то, что нашептывается нам сверху вниз теми, кто вследствие наших судьбоносных событий прошёл через врата смерти.

Именно ради ближайшего времени должен быть построен благодаря духовной науке связующий мост между живущими и умершими, линия связи, посредством которой инспирирующие элементарные силы тех, кто принёс в наше время великую жертву, могли бы найти дорогу оттуда сюда.

Поэтому я хотел в эти дни, говорить к вашим душам обучая их, вызывая ощущения. Эти ощущения должны стать ощущениями ожидания того, что будет сказано душам посредством воздействия нашего судьбоносного времени.

В этом смысле пусть и сегодня мы завершим словами, которые я уже произносил здесь позавчера, которые должны действовать в наших душах как мантрам, для того, чтобы наши души были ждущими, ждущими инспирации, которая приходит от умерших, которые в духе стали в высшей степени живыми:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных деяний народа,
Взрастёт духовный плод —
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

Девятая лекция

Отношение человека к царствам природы и к Иерархиям

Духи Времени и Духи Народов

Предостерегающие голоса умерших

Прага, четверг, 13 мая 1915 года

Тяжелое время, в которое мы живём, это с одной стороны время поистине мужественных деяний и высоких жертв, а с другой стороны — время тяжелых жестоких испытаний для человеческих душ. Пробудить некоторые чувства в отношении нашего судьбоносного времени — вот что могло бы быть моей задачей по завершении данных рассматриваний. Поскольку мы посмели собраться вместе в такое время, давайте и чувства наши, — в конце этих рассматриваний, — возвысим до уровня этого времени. Давайте будем исходить из того, что могло бы пролить свет на многое из того, что самым значительным образом может говорить нашим душам в наше время.

С тех пор как мы начали духовнонаучно рассматривать мир, мы называли четыре члена человеческой природы: физическое тело, эфирное тело, астральное тело и «я». Мы знаем, что «я», или в большей степени то в человеческом существе, что мы называем «я», то, посредством чего мы выражаем это «я», является наиболее юным, но также и наиболее значительным членом человеческого существа. Ибо если бы человек в результате сатурнического, солнечного, и лунного времени состоял всего лишь из физического тела, эфирного тела и астрального тела, он не был бы человеком. Человек является человеком благодаря тому, что в течение земного времени он, благодаря духам высших Иерархий, получил своё «я», и что он в земной период развивает и дальше это «я» в ходе следующих друг за другом инкарнаций, развивает благодаря различным сообществам людей, благодаря

народам и эпохам, вплоть до того, когда Земля достигнет цели своего развития, и когда человек, полностью развив своё «я», достигнет своей земной цели. Но мы также знаем и то, что имеются высшие духовные существа, — мы употребляем для этого слово «высшие», — которые принадлежат высшим Иерархиям, стоящим в известном смысле выше человека. Мы говорим об иерархиях Ангелов, — Ангелы, об Иерархии Архангелов, — Архангелы, Архаев или Духов Времени и так далее, поднимаясь вверх. Мы обозначаем их с помощью данных имён, мы точно также могли бы использовать иные имена, но эти имена были когда-то приняты в странах Запада.

Давайте проведем перед душой, как могли бы мы представить эти духовные Иерархии в их отношении к тому, чем является здесь на Земле человек. Мы исходим из того, что имеет человек здесь на Земле в качестве своего окружения, окружающей среды. Мы знаем, что это окружение составляют минеральное царство, растительное царство, животное царство, и что человек, судя по всему наблюдаемому им, включая самого себя, должен рассматривать человеческое царство как высшее из царств. Так что мы можем сказать: если мы возьмём царства видимые, воспринимаемые здесь на Земле, то как таковые мы имеем минеральное царство, растительное царство, животное царство и человеческое царство. Над этими царствами, как своего рода продолжение вверх открывается царство Ангелов, Архангелов, Архаев и так далее. Мы можем просто представить себе, что человеческим царством царства не кончаются, но они простираются всё дальше вверх, только высшие царства нельзя увидеть с помощью тех чувств, которые являются внешними органами чувств.

Это может показаться необычным, что если мы поднимаемся от минерального, растительного, животного и человеческого царств, то над человеческим царством сразу же начинается невидимое, не воспринимаемое. Однако это кажется необычным лишь до тех пор, пока не вспомнят о том, что животные видят человека не так, как человек видит других людей; это особенно ясно тому, кто может полностью вникнуть в возможности восприятия у животного. Если бы животные могли говорить, они,

имея в виду видимые царства, говорили бы только о минеральном, растительном и животном царствах; самих себя они рассматривали бы как высшее видимое царство. То, что животные видят человека так, как человек видит других людей, всего лишь предрассудок. Для животных мы, люди действительно представляем собой сверхчувственное, призрачное бытие; и если бы животные обладали лишь такими возможностями воспринимать, какие имеем мы, то они бы не видели людей; но люди были бы для них так же не воспринимаемы, как не воспринимаемо для нас царство Ангелов. Но поскольку животные имеют своего рода грезящее ясновидение, они видят людей как призраков, как сверхчувственных существ. О том образе, представлении, которое получают животные о человеке, человек как таковой не может составить себе непосредственного представления. Зато животные видят нечто на более низком уровне, или, лучше сказать, воспринимают нечто такое, что человек на этом нижнем уровне не воспринимает. А именно, животные воспринимают минеральный мир не только так, как воспринимает его человек, но они — особенно сильно низшие животные — воспринимают нечто совершенно иное. Если улитка ползёт по почве, она воспринимает все особенные свойства почвы. Для человека было бы постоянной помехой, если бы он, передвигаясь по земной почве, стал бы воспринимать её как улитка или, скажем, черепаха. С высшими животными, теплокровными, дело обстоит несколько иначе, но именно низшие животные действительно воспринимают все особенности, все свойства почвы, по которой они ползают. Они воспринимают все отличительные свойства воздуха, они воспринимают всё, что находится вокруг них совершенно иначе, нежели человек. Животное знает, движется ли оно по болотистой почве или по песчаной почве, ибо оно в себе воспринимает все свойства почвы. Это даже похоже на то, как мы слышим вещи в нашем окружении. Весь минеральный мир пронизан тонким дрожанием сил, которое человек не воспринимает. Это тонкое дрожание, эти силы животное воспринимает так, что одни оно ощущает как привлекательные, симпатичные, другие — нет. Если, например, животное меняет почву одного вида на почву другого вида, то

происходит это не потому, что животное как человек видит, но потому, что оно чувствует боль, ибо те тонкие движения (почвы) откликаются в нём, поскольку оно чувствует себя принадлежащим им. Таков один вид инстинктивного слуха, как бы подслушивание того, что происходит в почве, или нечто подобное обонянию. Так что можно сказать: животное воспринимает элементарное царство, а человека расценивает как высшую Иерархию. Итак, мы поставлены в середину между миром, который мы знаем как внешне чувственный мир, как внешние царства чувственно-воспринимаемого мира и миром высших Иерархий. Низшие, видимые иерархии мы называем царствами природы; невидимыми мы называем высшие Иерархии.

Мы также знаем, что такое существо высших Иерархий, как, например, Ангел, также когда-то проходил человеческую ступень. Это было тогда, когда Земля проходила древнее лунное время — стадию Древней Луны. Тогда человек ещё не был человеком; ибо он ещё не имел «я». Он был тогда на подготовительной ступени человечества и в качестве высшего члена своего существа имел астральное тело. Существа, принадлежавшие к Иерархии Ангелов, проходили во время лунного времени свою человеческую ступень. И те духи, к которым мы обращаемся теперь как к Духам-Хранителям отдельного человека, это и есть существа из Иерархии Ангелов, каждому из которых выделен один человек. «Духи ваших душ» — это те, которые принадлежат Иерархии, стоящей непосредственно над человеком, которые, говоря символически, действительно простирают свои крылья над человеком, те, которые действуют над отдельной человеческой индивидуальностью.

Затем мы приходим к Иерархии Архангелов. Они тоже были когда-то людьми. Во время древнего солнечного времени существа, которых мы теперь называем Архангелами находились на человеческой ступени. Они не были сформированы так, как построен сегодня человек, разумеется нет, они были сформированы совершенно иначе, но они тогда находились на своей человеческой ступени. И точно так же Духи Личности или Духи Времени

(Архаи) находились на своей человеческой ступени в течение древнего сатурнического времени.

Давайте теперь остановимся на Духах, которых мы обозначаем как Архангелов. В качестве Архангелов мы имеем таких Духов, которые в течение древнего солнечного времени прошли свою человеческую стадию, ступень; которые поднялись к ступени Ангелов в течение лунного времени, и которые сегодня поднимаются на ступень Архангелов.

Этих духовных Существ, которые стоят на две ступени над нами, мы как бы представим перед нашей душой: позднее мы ещё вернемся к этому. Затем мы имеем духовных Существ, которые были людьми в течение древнего сатурнического времени: сегодня они являются Духами Времени, они стоят на три ступени выше нас. Давайте снова представим их себе. А теперь рассмотрим наше отношение именно к этим двум видам духовных Существ.

Если человек проходит инкарнацию — итак допустим, что сегодня в нашей земной жизни мы живем в одной инкарнации — тогда над нами стоят Духи, которых мы причисляем к Иерархии Ангелов, затем Духи, которых мы причисляем к Иерархии Архангелов, и те, кого мы причисляем к Иерархии Архаев, Духов Времени или Духов Личности. Но и они со своей стороны совершают развитие. Давайте возьмём Архаев, Духов Личности или Духов Времени. Итак, мы проходим нашу инкарнацию, проходим через врата смерти, входим после смерти в духовный мир, проделываем между смертью и новым рождением некоторую чисто духовную эволюцию, и затем посредством нового рождения опять приходим в земное бытие. Мы могли бы спросить: отчего зависит то, что мы через некоторое число лет снова спускаемся вниз на Землю? На открытых лекциях часто задавали этот вопрос. Тогда уже можно было с известной точки зрения дать ответ, но в наших ветвях, где мы говорим на более интимном уровне, мы можем дать более конкретный, в большей степени указывающий на реальность ответ.

В то время, когда мы живём здесь в физическом теле, Дух Времени имеет вполне определённую ступень развития, эволюционную ступень. Он делает нечто, связанное с развитием чело-

века на Земле, и в свою очередь развивается. Если этот Дух Времени в ходе эволюции заходит настолько далеко, что все мы дали влиться в нас всему тому, что он со своей стороны испытал и проделал там наверху, тогда мы становимся зрелыми для того, чтобы спуститься к земной инкарнации. Если он со своей стороны взошел на следующую ступень, и мы благодаря духовному миру развились до известной ступени, мы можем снова вступить в земное развитие. Нам надо хорошо понять это соотношение. Отвлечёмся сначала от нашего собственного развития. Посмотрим как Дух Времени в течение очень долгого временного периода проделывает своё развитие.

Я хочу сказать следующее: если мы рассмотрим развитие земного человечества так, что вернемся до основания древнего Рима, примерно за восемьсот лет до Мистерии Голгофы, — итак, если мы вернемся к основанию Рима, — мы найдём, что тогда выступал со своим развитием один определенный Дух Времени. Прежде руководил и направлял историю Земли другой Дух Времени. Дух Времени, взявший тогда на себя в качестве Духа Времени водительство Землей как своё духовное развитие, был ведущим вплоть до шестнадцатого столетия. Так долго ведёт Дух Времени судьбы Земли, земной рок. С того времени, то есть с шестнадцатого столетия, здесь находится другой Дух Времени. Итак, мы имеем тут дело с двумя Духами Времени. Человек, который, например был в какой-либо инкарнации на Земле в третьем столетии до Мистерии Голгофы, испытывал то, чему содействовал на Земле этот Дух Времени. За время после своей смерти, если этот человек умер в третьем веке, или даже во втором веке (до Р.Х.) Дух Времени дать ему ничего не мог. Что он мог дать ему, он ему уже дал. Теперь Дух Времени со своей стороны должен был пройти через ряд лет, прежде чем он смог бы дать этому человеку что-то новое. Затем этот человек, который пребывал между смертью и новым рождением в духовном мире, снова спускается на Землю, когда Дух (Времени) может дать ему нечто новое. Всё это устроено так, что в среднем человек приходит много раз, ибо Дух Времени не в состоянии всегда давать человеку всё, что он мог бы дать ему из-за несовершен-

ства человека. Вследствие этого человек неоднократно приходит в то время, когда развивается Дух Времени. Но существенным образом это всё же зависит от того, что Дух Времени регулирует следующие друг за другом инкарнации человека. Но Духи Времени со своей стороны регулирует весь этот ход человеческой судьбы, человеческого рока, благодаря тому, что у них есть подчинённые. Это Архангелы. Такие Архангелы правят, будучи в подчинённом положении, гораздо более короткое время, нежели Духи Времени. В то время как Дух Времени правит так долго, как я только что сообщил, — итак, одного Духа Времени мы можем считать правящим от основания Рима до шестнадцатого века, — Духи, которых мы причисляем к Иерархии Архангелов правят всего лишь около трёх, четырёх столетий. Они сменяются так, чтобы могли придти друг за другом шесть или семь, в то время, пока правит один Дух Времени. Так что для времени, когда произошла Мистерия Голгофы мы имеем в качестве управителя духовным развитием того Архангела, которого именуем Орифиил. Затем приходит править Анаил, затем идут правления Захариила, Рафаила, Самуила и Гавриила; и теперь с 1879 года мы имеем правление того Архангела, которого мы называем Михаилом. Итак, созерцая духовные миры, мы имеем одновременно высшее правление Духа Времени и низестоящие, следующие друг за другом в чередё времени правления Архангелов. Поскольку человек может принять не всё, что дал бы ему Дух Времени, он получает это не прямо из рук Духа Времени, но из рук Архангела, который обладает менее высокой властью. Итак, мы констатируем: наши непосредственные Хранители, защитники, принадлежат Иерархии Ангелов. Выше стоят те, которые больше регулируют связи человека с человеком. И над ними стоят Архаи или Духи Личности, или Духи Времени.

Когда я говорю так, речь идёт всегда о тех Существах, которые действительно правомерно прошли своё развитие. Но не все духи проходят своё развитие правильным упорядоченным образом. Есть реальные духовные существа, которые уже в течение сатурнического времени были Архаями, но которые так и остались на ступени Архаев, то есть на тогдашней ступени. Итак, они и те-

перь во время развития Земли не поднялись выше их сатурнической ступени. Они в действительности не поднялись к ступени правомерного, правильного развития. Они сохранили свой человеческий характер и хотя являются с одной стороны сверхчувственными сатурническими существами, однако стоят на человеческой ступени. Точно так же есть существа из Иерархии Архаев, которые на (древнем) Солнце остановились на человеческой ступени и ещё теперь пребывают в сверхчувственном мире как люди. Этих отставших существ мы называем собирательным именем люциферических существ или же ариманическими существами. Сегодня мы не можем вдаваться в различие между люциферическими и ариманическими существами. Это отставшие духи.

Мы должны ответить себе на вопрос: как воспринимает человек, находящийся здесь в своей земной инкарнации, влияния тех Духов, которые двигались вперед правильным, регулярным образом, Духов Времени, Архаев и Архангелов, которые являются их слугами? Это сверхчувственные Существа и человек не может вступить с ними в такие же отношения как с чувственным миром. Поэтому человек, как правило, не знает, если он полагается только на чувственный мир, что он вовлечен в развитие, которое, будучи над ним, направляют Архавы и Архангелы. Он этого не знает: но во всё то, чем является его существо, вмешиваются сверхчувственные существа. Те духовные Существа, которых мы называем Народными Духами, то есть тех, кто руководит целыми народами, принадлежат к ряду Архангелов, это Архангелы. И насколько мы обязаны тем, чем мы являемся, народу, к которому мы принадлежим, мы должны то, что дает нам народное существо рассматривать как дар соответствующих Существ из Иерархии Архангелов. Инспирация Архангелов — вот то, что приходит к нам благодаря нашей принадлежности к какому-либо народу. Нам только надо вспомнить, что значит для человека, что он принадлежит какому-то народу. С принадлежностью к народу втекают духовные свойства, но также и привычки, обычаи; в человека втекает совершенно определенная конфигурация существа. Нельзя даже представить себе, чтобы то, чем является человек в какой-то инкарнации было бы иным, нежели тем, чем

становится человек благодаря дарам Народного Духа — итак в реальности благодаря дарам этого Архангельского Существа.

Кроме того, что мы принадлежим к определённой народности и, следовательно, будучи инспирированы Архангельским Существом, принимаем определённую конфигурацию всего нашего бытия, мы включены в общечеловеческую эволюцию. И тут мы подчинены тем интуициям, в которые вводит нас Дух Времени из Иерархии Архаев. При этом вы должны вспомнить, что в настоящее время мы в нашей духовной культуре принимаем нечто такое, что носит интернациональный характер, проявляется над всеми народными различиями; то, чем мы обладаем вследствие того, во что мы вживаемся, начиная с XIX века и в XX веке, и чего мы не имели, когда жили в период романской или греческой культур. Этим мы обязаны Духу Времени. И надо строго различать дары Духа Времени и дары Народного Духа. Но если бы существовало только то, что является регулярным, правомерным развитием человека, правомерным, регулярным развитием Ангела, Архангела, правильным развитием Духа Времени, то мы, каждый в отдельности постоянно получали бы дары от нашего Духа Времени и от нашего соответствующего Народного Духа: мы стали бы развиваться благодаря принятию этих даров. Люди на Земле стали бы развиваться наряду друг с другом, параллельно друг другу. Все, принадлежащие разным народам на Земле, стали бы на Земле принимать дары Народного Духа так, как если бы в одной зале было вывешено пять совершенно разных картин, на которых изображено разное, но одна картина нисколько не мешала бы другой. Отдельные люди стали бы тогда на Земле принимать дары своих Народных Духов параллельно, наряду друг с другом. Они не стали бы мешать друг другу, если бы всё развитие протекало правильно, регулярно. Но ведь есть и отставшие существа. Среди руководящих Архангельских Существ есть такие, которые правильным образом начали своё развитие на (древнем) Солнце и вплоть до земного времени стали правомерными, регулярными Архангелами; но есть и такие, которые остановились на (древнем) Солнце, которые, в сущности, так и остались на ступени человека. То есть,

эти существа стоят на той же самой ступени, что и Народные Духи, но всё же являются отставшими от них, они всего лишь имеют свойства невидимых, сверхчувственных людей, а не Архангелов. Они являются отставшими, эти существа. Но в мире они в некоторой степени предъявляют те же самые запросы, как и Архангелы, хотя они не достигли на Земле ступени Архангелов. Вот почему они вынуждены действовать — в каком-то смысле — теми же силами, как и на (древнем) Солнце. Следствием этого является то, что они не как Архангелы, а как люди захватывают людей, как невидимые люди, которые проникают в человеческую природу, которые управляют людьми не сверху, а вторгаясь в человеческую природу. И от этих духов, которые известным образом вступают в конкуренцию с действительно ведущими Народными Духами, происходит то, что народы враждуют друг с другом, нападают друг на друга, не живут на Земле в мире друг с другом. Человек никогда не пытался бы идентифицировать свою личность, своё человеческое начало со своим народом, но стал бы рассматривать свою народность как нечто духовно питающее его. Человек не стал бы задиристо заступаться за свою народность, не стал бы идентифицировать с ней свою личность. Человек не стал бы говорить, я по национальности тот-то или тот-то, но: национальность существует, и я должен, поскольку был в ней рождён, на окольном пути благодаря ей, получать мою духовную пищу. — Однако в то время как Архангел побуждает человека думать так, подступает другой, в сущности стоящий на ступени человека и являющийся, по существу люциферическим духом, и вводит человека в национальный элемент. Вследствие этого в качестве дара для человека нисходит не то, что носит архангелический характер, но то, что ведёт человека к идентификации со своей народностью, как с исключительно личным делом, и из-за этого то и происходит борьба национальностей на Земле. Относительно этого мы должны иметь полную ясность: поскольку мы, так сказать, находимся не только под влиянием ведущих Архангелов, но и под влиянием отставших, остановившихся архангелов, мы идентифицируем себя по виду национальности — вот что мы делаем тут на Земле. Духов-

нонаучная установка состоит именно в том ощущении, что мы понимаем как вывести себя, как человека, из чисто национального, для того, чтобы найти доступ к общечеловеческому. Тогда мы можем вполне пребывать в национальном элементе. Поскольку отдельный человек, один и другой, в области искусства развивают нечто различное, и один, развивая своё искусство не нуждается в том, чтобы быть противником другого, так одна национальность не нуждается в том, чтобы быть противником другой национальности, в том случае, если в её развитии не имеют места отставшие архангелические существа, которые содействуют идентификации. Это всецело должен иметь в качестве предпосылки тот, кто вообще желает говорить о том, что лежит в основе человеческого развития в связи с национальным или подобным ему разделением.

В отношении Духа Времени вы более точно вникните в то, как тут люциферический элемент воздействует на нормальный, правомерный элемент, если мы рассмотрим следующее. Дух Времени действует на протяжении определённого времени. С шестнадцатого века здесь находится новый Дух Времени. Этот Дух Времени имеет совершенно определённую задачу. Он имеет задачу добавить в мире к более ранним импульсам развития исключительно материалистические навыки и понимание. Вот почему материалистическое имеет такой большой успех в мире с шестнадцатого века. Поэтому мы не должны расценивать материалистическое понимание как менее ценное, нежели более ранние способы понимания, если только мы не идентифицируемся односторонне с этим материалистическим пониманием. Что будет говорить о правлении разных Духов Времени тот, кто рассматривает вещи таким образом? Он скажет: теперь нами управляет определённый Дух Времени; раньше мы находились под управлением другого Духа Времени, и тогда люди имели иные представления, иные импульсы. Если бы человек находился под влиянием только правомерно, нормально развивающихся Духов Времени, он мог бы сказать: теперь мы должны принаравливаться именно к данному Духу Времени, мы должны проникать в законы становления мира, в соответствие с материалистическим

мышлением. Затем, через некоторое время придёт другой Дух Времени; он внесёт в человеческое мышление иной дух.

Я уже часто подчёркивал то, что мы должны сказать именно как представители духовной науки: сегодня мы сообщаем о духовной науке посредством вполне определённых слов, представлений и понятий, но мы вовсе не считаем, будто бы то, что мы говорим сегодня будет ценно для всего будущего Земли, нет, всё это претерпит изменения. Когда пройдёт более двух тысяч лет, то, что мы сегодня называем познаниями духовной науки будет возвещаться другими словами, точно так же, как мы сегодня говорим другими словами, нежели в древнегреческую эпоху; от формы наших слов ничего не останется. Мы строим не на том, что сохраняется внешне, но мы знаем, что один Дух Времени приходит на смену другому, и что все равным образом правомерно стоят рядом друг с другом.

Однако тот, кто подвергается влиянию вследствие того, что в нём действует дух времени, отставший на Сатурне, и кто из-за этого идентифицирует себя с этим влиянием, скажет: раньше все другие люди были просто глупы, это был детский сад человечества. Сегодня мы зашли несравненно дальше; мы сегодня открыли безусловно настоящие истины на все будущие времена! Гораздо скромнее, смиреннее ведет себя человек в области духовной науки. Тот, кто идентифицирует себя с Духом Времени, говорит: Коперник открыл конечную истину; раньше верили во что-то другое. Такие люди говорят как бы навечно: Земля и планеты движутся по эллипсу вокруг Солнца. Солнце стоит в середине! — Сегодня духовная наука уже знает, что это одностороннее учение. Оно очень хорошо подходит для нашего материалистического времени, чтобы представить себе мир, но оно абсолютно фальшиво, ложно. Неверно, что Солнце стоит в одном из фокусов эллипса, а Земля движется вокруг. В действительности всё это материалистически исчисленное кажущееся движение. В действительности дело обстоит так, что Солнце само движется, а Земля и другие планеты движутся ему вслед по винтовой линии. И вследствие того, что когда она идет вокруг по винтовой линии возникают определенные положения, земля располагается то так,

то так. Из-за этого возникает видимость эллипса. В действительности это другая линия. Пройдёт время и внешняя наука тоже будет знать об этом.

Человек будет скромнее, если знает, что истины, высказанные в определённой форме имеют цену лишь в течение некоторого времени. И мы как настоящие последователи духовной науки никогда не будем утверждать: отныне и на все будущие времена все люди будут говорить, что человек состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела и «я», но в будущем будут говорить совершенно иначе. Дело в том, что всё находится в развитии; что вчерашние идеи столь же правомерны как и нынешние идеи; что мы не позволим господствовать над собой тому Духу Времени, который ложно уверяет нас, что всё более раннее было лишь самонадеянным обманом и заблуждением, тогда как мы чудесно далеко продвинулись. По отношению к Духу Времени взгляните на людей, одержимых люциферическим духом, которые говорят: насколько далеко продвинулись мы сами! (слова Вагнера из «Фауста Гёте — прим. перев.) Как же несовершенно было всё то, что думали и говорили люди о мире прежде! Зато то, что открыли мы останется. Как вечные истины останется то, что было открыто начиная с шестнадцатого века.

То, что в общем называют Народным Духом, уже является неким сложным Существом. Есть регулярный, правомерный Народный Дух, который в некотором смысле парит над нами, и которому мы, если мы только следуем за ним, должны следовать так, чтобы принимать его дары, поскольку мы включены в его сферу. Но он испытывает постоянные помехи в своей деятельности из-за своего люциферического товарища, который вторгается в нас, который предрасполагает нас, себя как отдельного человека идентифицировать со всей народностью. Но всё же, отдельный человек делает это разным образом; и тут исключительно важно, по настоящему понять, что в Средней Европе должна развиваться народность, которая по отношению ко всему своему существу Народного Духа занимает иное положение, нежели народности, находящиеся на периферии Европы. Этот взгляд нам следует усвоить. В высшей степени значительно то, что про-

исходит под поверхностью человеческого сознания, и что действительно зависит от духовных существ высших Иерархий. Сегодня материалистически мыслящий человек объявит безумием, если скажут, что от духовных существ исходят такие импульсы, которые я только что называл. Также безумным почитает он и то, что в Средней Европе — без того, чтобы люди знали об этом — народный элемент устремлён к такой форме ощущения Божественного, или, — поскольку в Средней Европе действует Христос, — к такому переживанию христианского начала, что среднеевропеец учится ощущать Христа так, как будто Он говорит в самой внутренней глубине души. На какой-либо иной почве это не происходит так, как в Средней Европе. Например, ещё в течении римской эпохи христианского развития, Христа несомненно понимали как Существо, Которое пришло на Землю, Которое действовало ради людей. Конечно, продвинутые и частично те, кто вообще уже мыслил так, как мыслим мы сегодня, то есть как те, кто овладевает духовной наукой, ощущали, как мыслил ап. Павел: «Не я, но Христос во мне!». И всё же это ещё отличается от того ощущения, которое мы находим у Мейстера Экхарта, у Таулера, у Ангела Силезского и других мыслителей. Как воспринимали эти мыслители, эти мыслящие духи Мистерию Голгофы! Нам достаточно спросить лишь Ангела Силезского, и он ответит нам прекрасным изречением:

Хоть тыщу раз Христос родился б в Вифлееме,
Но не в тебе, то ты навек погиб!¹⁸⁸

Сопереживание Мистерии Голгофы в собственной душе, — вот о чём идёт тут речь. Эти люди из Средней Европы пытались внутренне пережить нечто из того, что является внутренним образом, внутренним выражением Мистерии Голгофы. И насколько прекрасно то, что Ангел Силезский высказывает о смерти, говоря: все происходит во мне, происходит в конце концов потому, что во мне есть Бог, и он исполняет во мне всё. И если я умираю, так умираю не я, но Бог умирает во мне! — Однако, Бог бессмертен. Если Бог умирает во мне, значит смерть есть всего лишь видимость; тут человек ощущает так, как ощущал Ангел

Силезский: лишь кажется, что Бог умирает во мне, ибо Бог умереть не может. Итак, то, что кажется с внешней стороны, не есть умирание, это лишь факт для живущего. И поскольку Бог не может умереть, но всё же умирает в ком-то, — тем самым уже ощущается бессмертие.

Эта самая внутренняя, самая интимная связь с Богом, — ощущает ли это человек как связь с Божеством, или как связь в христианском смысле, — есть то, что долго подготавливалось в ходе средневропейского развития. И тут средневропейский Народный Дух действовал так, что внешнее символическое выражение, обрело реальное символическое выражение. Нигде, кроме Средней Европы не говорят «ИХЬ» (ICH), если подразумевают собственное «я», своё собственное существо. Благодаря Народному Духу, проявляющему себя как Дух Речи, вся эволюция направлялась так, что постепенно пришли к тому, чтобы собственное существо выражать словом «Ich». Но «ИХЬ», «I-CH» — есть Иисус Христос! Здесь в основе Иисус Христос. Благодаря тому, что в «ИХЬ» произносится Иисус Христос в своих начальных буквах, символически выражено заложенное в средневропейском духовном Существо, насколько оно тонко связано с самым внутренним переживанием. Каждый раз, когда человек говорит «ИХЬ», он произносит начальные буквы (имени) Иисуса Христа. Если человек хотя бы однажды просмотрел духовным взором на такие вещи, которые сегодня ещё рассматривают как фантазии, он бы обнаружил, как, не будучи осознаны, Духи высших Иерархий всегда воздействуют на человеческую эволюцию; он бы обнаружил значительность тех вещей, которые теперь принимают лишь за фантазии.

Я хочу упомянуть лишь один действительно значительный факт. Некоторые группы европейцев обозначают как германцев. Когда в Средней Европе говорят о германцах, имеют в виду Англию, Голландию, Норвегию, Швецию, а также других. Понятие германцев распространено широко. Я говорю не об агитации, но о том что имеет место в речи, в языках. Если говорит англичанин, то самого себя он обозначает не как германца, ибо англичане называют германцами только немцев. Немец называет себя

«Deutscher» (корень «дойт» восходит к слову смысл: «deutbar» — понятный, «deuten» — толковать, объяснять, «bedeuten» — значить, означать, «Deutlichkeit» — ясность, вразумительность, четкость и т.д. — примеч. перев.), и если он говорит о германцах, он подразумевает большую группу людей. Англичанин использует наименование «германцы», «германы» только относительно немцев, к которым он не относится. Это исключительно значимый факт. Это нечто в глубочайшем смысле указывающее на тот способ, которым с одной и с другой стороны действует Народный Дух; как он в Средней Европе действует в том направлении, чтобы объять нечто большое, тогда как Народный Дух английского народа прилагает усилия к тому, чтобы удалить от себя то, что охватило дали, и использовать лишь нечто иное.

Постепенно для людей будет действительно раскрываться то, чему учит речь, как изливание истинно народной духовности. Теперь ещё мало понимают, если кто-то говорит о различных европейских народах, как я за несколько лет до этой войны, — не имея ввиду эту войну. — попытался говорить в цикле «Миссия отдельных Народных Душ в связи с северогерманской мифологией». Это было понято так, как если бы при этом расставлялись оценочные суждения. Но не было никакого желания высказывать оценочных суждений, речь шла всего лишь о характеристике. И именно западноевропейские народы мы можем охарактеризовать так, чтобы метко и точно отметить при этом то, что отметил я в этом цикле лекций.

Мы знаем, что человеческая душа состоит из души ощущающей, души рассудочной или души характера, и души сознательной, и что внутри этих трех душевных нюансов действует «я». Если мы рассмотрим итальянский народ с его Народной Душой, мы обнаружим свойство, что тут Народная Душа инспирирует в душе ощущающей. Наиболее характерным в итальянском народе является то, что Народная Душа инспиративно действует в душе ощущающей. Если нечто оказывается одержимым со стороны люциферического Народного Духа, также обстоит дело и с Народной Душой. Подумайте о том, что с одной стороны величие итальянского народа состоит в том, что была инспирирована

душа ощущающая. Подумайте о Данте, обо всех великих итальянских художниках! Но подумайте также и об отождествлении, идентификации — с тем сверхчеловеческим, которое является люциферически отставшим началом во всех многострадальных импульсах развития, которые выступают в итальянском народе! Тем самым не даётся оценочное суждение, это всего лишь характеристика.

У французского народа мы можем повсюду увидеть, как душа рассудочная или душа характера инспирируется Народной Душой, именно душа рассудочная или душа характера.

У британского народа это душа сознательная. Для современного цикла развития человечества душа сознательная является тем, что в наибольшей степени связывает человека с внешним физическим миром. Вот почему той народности, которая инспирируется душой сознательной, доверена миссия продвигать и опекать материалистическую культуру. Тем самым опять-таки не высказывается оценочное суждение, но лишь характеризуется то, что британская нация призвана к тому, чтобы быть инспирированной со стороны души сознательной. Насколько отдельный человек принадлежит своему народу, то есть насколько он инспирирован люциферическим Народным Духом, настолько он идентифицирует себя с чисто материалистической культурой современности. Это мы действительно обнаруживаем в британской культуре. Так как ставит себя отдельный человек в британской нации — выявляется, что именно материалистический дух является Духом британской нации, тот своеобразный Дух, который с 1856 по 1900 годы провёл тридцать четыре захватнических войны и сделал новыми британскими подданными пятьдесят семь миллионов человек на Земле; Дух, который затем, в наше время необоснованно выступает за свободу отдельных человеческих групп.

Рассматривая такое время как наше, нам должно быть совершенно ясно, что именно в наше время людям следует научиться ощущать предостережение, призыв, который теперь выставляется как противоположность отдельным народным группам Европы или вообще большей части мира. Войну между собой ведут те, кто принадлежит к тридцати четырем национальностям, не

говоря уже о малых племенных различиях. Это следует рассматривать как предостережение, призыв игнорировать то, что до сих пор называли историей. Но такая форма рассмотрения именно в наше время доводится до безобразия и бесчинства. Мы видим, как действительно доведено до безобразия, абсурда все то, в чем отдельные нации Европы упрекают себя сегодня; мы видим, как оцениваются, взвешиваются отдельные внешние факты, чтобы найти причины этой страшной современной войны. Но именно эта война научит людей, что в её внешних причинах нельзя найти ничего, в лучшем случае внешние симптомы того, что, будучи глубоко скрыто внутри человеческих групп, осуществляется посредством водительства продвинутых и отставших духовных существ. И до некоторой степени препятствовать тому, что разыгрывается в настоящее время как испытание, можно будет, апеллируя к тем спиритуальным подосновам, в которых заложены причины того, что сегодня внешне происходит в мире.

С самых разных сторон можно показать, как в подосновах сознания действует то, что проявляется внешне. Я хочу, несмотря на то, что большинство друзей уже знакомы с этим примером, ещё раз указать на то, как вся географическая карта Европы в истекшем средневековье была определена тем, что Орлеанская Дева вмешалась в войну между Англией и Францией. Каждый, кто разумным образом рассмотрит нашу внешнюю историю, должен будет признать, что географическая карта Европы была бы построена совершенно иначе, если бы тогда Франция не одержала победу над Англией, благодаря вмешательству Орлеанской Девы в эту борьбу. Но ведь Орлеанская Дева не была обученным стратегом, она не была человеком, стоящем на вершине образованности того времени. Она была простым ребенком, человеческим ребенком, деревенской девушкой. Но благодаря ей, Духи высших Иерархий действовали в том виде, как должны были они действовать в то время. Вплоть до нашего времени является необходимым, чтобы эти Духи действовали в подсознании, поскольку человек ещё не в состоянии понять то, что должно быть понято посредством духовной науки. В легендах мы часто встречаем прекрасное выражение того, как высшие

духовные Иерархии вторгаются в подсознание. И не вследствие суеверия, но по праву, — ибо это соответствует фактам, — времени, когда внешний мир больше всего отступает назад, времени от Рождества до 6 января, приписывается особенное значение. Если духопознания хотят сегодня достичь не так, как это описано в «Как достигнуть познания высших миров?», но другим, более элементарным способом, человек в эти тринадцать ночей может быть инспирирован. Это, например, прекрасно выражено в норвежской легенде об Олафе Эстесоне. В этой легенде нам рассказывают, как Олаф Эстесон перед наступлением Рождества шел в церковь; как он перед церковью впал в сон и в течение тринадцати ночей спал; как он затем проснулся и смог рассказать всё то, что он пережил. И то, что он рассказывает в картинах, образах, хотя и примитивных, но наглядных, соответствует тому, что мы называем прохождением через душевный мир и прохождением через страну духов. Всё это Олаф Эстесон испытал в то время, в которое вполне правомерно был учреждён праздник Рождества. Это должно указать нам на то, что природное, детское ясновидение может быть лучше всего развито в эти тринадцать ночей от праздника Рождества до праздника трёх царей.

Так как Орлеанская Дева была такое дитя природы, можно предположить, что она в эти тринадцать ночей, благодаря своего рода сновидческому состоянию, пережила тот мир, о котором она говорила, когда она вела французские войска против англичан; можно считать, что она в эти тринадцать ночей была инспирирована. Каждый человек находится в состоянии сна, том состоянии, когда его органы чувств ещё не заговорили; также и в теле матери, перед тем, как он увидел земной свет. Это действительно ещё своего рода сонное состояние, и наиболее зрелое состояние приходится, конечно, на последние тринадцать дней перед рождением. Весьма величественно, мощно то, что наполняет наши души удивлением: Орлеанская Дева родилась 6 января. Итак, она действительно была инспирирована в течение этих тринадцати ночей, но ещё перед тем, как её глаза раскрылись для земного света. То, что Орлеанская Дева родилась 6 января, намеренно было означено в нашем календаре. Это нечто такое, что мы

должны понять во всей его великой всемирно исторической взаимосвязи; ибо это может подсказать нам, сколь таинственны связи в мире, и сколь таинственные власти действуют в мире. Так действовали таинственные власти и тогда, 6 января, когда люди в маленькой деревушке, где родилась Орлеанская Дева, сбежались утром; когда даже животные вели себя чудесным образом. 6 января инспирация могла завершиться. В течение тринадцати ночей могло быть инспирировано существо, которое было предрасположено к этому своей кармой. Само собой разумеется, — не каждый, кто родился 6 января, предрасположен к этому, но карма должна совпасть с другими условиями.

Этот пример с Орлеанской Девой я хотел привести в качестве такого, что по настоящему показывает нам, как подземные власти (*unterirdische Maechte*) входят в историческое становление и развитие. Конечно, затем в последующие столетия развитие приняло материалистический характер. Вполне согласуясь с рассудком, оно должно было рассматривать такие указания на подосновы истории как безумие. Однако это не вредно; как не вредно и то, если сегодня люди вовне рассматривают духовную науку как безумие. Эта наука уже побеждает.

Но такие значительные события, как те, при которых живут в настоящее время люди, события, в которые были полностью инкарнированы эти люди, чтобы в той или иной форме принять в них участие, эти события не всегда означают одно и то же в историческом развитии. Сегодня эти судьбоносные события означают предостережение для людей. Целый поток литературы уже написан об этой войне, но во всём этом, что появляется как книги, брошюры и так далее, мы ещё не находим ничего, что было бы предпосылкой для того, что должно быть раскрыто постепенно. Часто слышишь: о причинах можно, собственно, и не говорить, возможно после войны, возможно через десятилетия люди из документов найдут истинные причины этой войны и узнают, кто в ней виноват. — На каждой третьей газетной странице вы можете это прочесть. Но речь идёт тут не об этом, но о том, чтобы пришли к тому, — именно благодаря настоящему времени, — что в этих внешних предпосылках нельзя увидеть настоящих причин,

но что причины надо искать в духовном мире. Будет найдено, что эта война действительно разразилась как значительная карма материализма, которую надо пережить, чтобы люди приняли сумму убеждений, которые могли бы привести их от материализма к спиритуализму. Эти испытания люди должны пережить.

Что же происходит теперь вокруг нас таким потрясающим образом? — Ведь мы знаем, что когда человек проходит через врата смерти, он в физическом мире в первую очередь сбрасывает своё физическое тело. Вначале он вступает в духовный мир вместе со своим эфирным телом, астральным телом и «я». Эфирное тело он вскоре сбрасывает; оно становится причастным остальному миру. С астральным телом и «я» он идет дальше через страну душ, через страну духов. Но давайте вспомним, что сегодня большое количество людей в относительно короткое время и с определённым сознанием проходит через врата смерти; что они сбрасывают свои эфирные тела, которые, так сказать, могли бы ещё долгие годы нормальным образом обеспечивать человеческую жизнь. Если человек между двадцатым и тридцатым годом жизни умирает, он сбрасывает эфирное тело, которое могло бы ещё шестьдесят или семьдесят лет обеспечивать его физическое тело. В эфирном теле находятся силы, но они не теряются в духовном. Все люди, которые сегодня в расцвете своих лет проходят через врата смерти, отдают миру эфирное тело, которое могло бы ещё долгие годы поддерживать эту жизнь. Все эти силы находятся теперь в духовном мире. Как обстоит дело с ними, этими силами? — Я хотел бы на наглядном примере, взятом из нашего круга, показать вам, какое значение имеют такие явления.

Это было истекшей осенью, когда одна семья, принадлежавшая к нашему антропософскому кругу, потеряла маленького сына, которому было семь лет, потеряла дорогого мальчика. Внешние обстоятельства были поистине чрезвычайно трагичны. Отец был призван на фронт как гражданин Германии, он заболел и находился в лазарете. Однажды вечером, как раз когда в Дорнахе, там, где сооружалось наше здание, была лекция, обнаружилось, что маленький семилетний мальчик пропал. Он вечером не пришел домой. Я не забываю и о том, что эта семья была зареги-

стрирована в Дорнахе как семья садовника. Сам я незадолго до этого приехал из Германии в Швейцарию. Мальчик подошел ко мне перед зданием и протянул мне руку; это был очень милый солнечный ребенок. В тот вечер нам сообщили, что мальчик пропал. Нельзя было предположить ничего иного как то, что мебельный фургон, перевозивший мебель одному из членов и перевернувшийся около здания, упал на ребенка. Ко всему этому вы должны предпослать и то, что много лет никакой мебельный фургон тут не проезжал, да и потом тоже. Далее вы должны представить себе: мальчик жил со своей матерью, которая занималась садоводством. Он был милым ребенком, и когда отца забрали, сказал матери, что теперь он будет усердно помогать ей, поскольку отца тут больше нет. Его каждый вечер посылали в так называемую столовую, кантину, чтобы что-нибудь принести своей матери. Это было совсем недалеко, лишь краткий путь лежал между столовой и квартирой матери. На этом пути был один перекрёсток, так что мебельный фургон должен был сделать поворот. Мальчик хотел, собственно, выйти десятью минутами раньше, но был задержан тем, кто хотел пойти вместе с ним. Если бы он вышел раньше и через другие двери, через которые он обыкновенно выходил, он бы прошёл мимо фургона раньше и слева от него, он же пошёл справа. Из-за того, что он вышел позднее, через другие двери и шёл справа от мебельного фургона, вагон, опрокинувшись, упал прямо на мальчика. Люди видели опрокинувшийся фургон, также и те, кто был при лошадях. Но никто не имел понятия о том, что мальчик попал под фургон. Тогда сказали: фургон слишком тяжёлый, вечером нам его не поднять, давайте сделаем это утром. — Это произошло между пятью и шестью часами. И вот в четверть одиннадцатого мы оказались в ситуации, когда надо было безусловно поднять этот фургон. Мы его поднимали до двенадцати часов; и мы подняли оттуда мертвого мальчика.

Первое, что мне хотелось бы упомянуть, это то, что, будучи правильно усвоены, такие примеры должны показать, как превратно думают люди по отношению к жизни. Я хотел бы привести ещё одно маленькое, часто используемое сравнение для тако-

го неверного мышления. Допустим, вы на некотором удалении видите человека, который идёт по берегу реки. Вдруг вы видите, что человек падает в реку. Вы подбегаете и видите на этом месте камень. Конечно, скажите вы, человек споткнулся о камень, упал в воду и вследствие этого умер. Но дело может происходить совершенно иначе, всё может происходить совсем наоборот. У человека мог быть сердечный приступ, удар. Он упал в воду, потому что уже был мертв; но умер он не потому, что упал в воду. Эта ошибка делается каждый момент, особенно в естествознании. Этого не замечают, когда она тонко замаскирована.

Так было и в отношении этого ребенка. Карма этого ребенка истекла, завершилась. Мебельный фургон проезжал там ради этого ребенка. Духовные существа, которые правят за этой тайной, аранжировали дело так, что ребенок смог найти свою смерть. Мальчику было семь лет. Действительно юное эфирное тело могло бы обеспечивать жизнь в течение долгих десятилетий, эти силы находились здесь. И я всегда буду сообщать, что означает, что с некоторого времени наше Дорнахское здание погружено в увеличенное эфирное тело маленького мальчика Теодора Файсса. Эфирное тело действительно увеличено, — оно увеличивается после смерти, — и с тех пор эфирное тело этого маленького семилетнего мальчика Тео образует своего рода ауру здания. И если кто-то имеет дело со зданием, если у человека есть необходимость найти идеи здания, которые могли бы правильным образом поставить его в духовном мире, то после смерти этого мальчика надо знать, что такого человека будут инспирировать посредством эфирного тела, которое сформировано с аурой здания, посредством эфирного тела маленького Тео Файсса. Само собой разумеется, не может быть никакого желания показаться оригинальным и соблазнять меня отрицать то, что многое из того, что возникло как помощь зданию, было инспирировано совместно, благодаря тому обстоятельству, что аура этого эфирного тела находится вокруг здания и человек в здании имеет некоторым образом помощь вследствие того, что неизрасходованные эфирные силы действуют на благо зданию. Представьте себе, насколько значительные внутренние факты стоят за внеш-

ними фактами: одна семья устраивается на жительство вблизи здания. В ней есть мальчик, особенно предрасположенный благодаря своему душевному существу; он жертвует своё эфирное тело для того, чтобы здание было облачено силой этого эфирного тела. Тут мы имеем такой пример, на котором мы видим, как неиспользованные эфирные силы, принесённые в жертву, имеют свою задачу в мире.

Тут, в сущности, начинается то, что должно втекать в эмоциональное содержание из нашей духовной науки. Ведь то, что известно человеку — что человек состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела и «я», что он переживает различные земные жизни — это человек знает теоретически, а дело поистине не в этом. Но дело в том, что вливается в наши настоящие переживания посредством этих воззрений. Жизнь в наше движение тоже пытаются внести не только теоретически с помощью учения, но посредством самой жизни пытаюсь преодолеть различие между умершими и живыми. Когда недавно наш дорогой сотрудник, Фриц Митчер, на своём тридцатом году был оторван от нас, и я произносил поминальную речь при кремации в Базеле, важнейшее слово состояло в том, что я обращался к этой душе, чтобы дать ей, — мне хотелось бы сказать, — поручение также и после смерти работать среди нас. Ибо нам необходимы не только так называемые живые, но мы нуждаемся в сотрудничестве тех, кто прошёл через врата смерти. Они будут сотрудничать двояким образом. С одной стороны в ближайшее время будет сотрудничать большое число эфирных тел, которые сложили с себя люди, прошедшие через врата смерти, переживая тяжёлую судьбу. Юношеские неизрасходованные эфирные тела представляют собой сейчас великую, мощную ауру, в которой мы живём. Затем, с другой стороны находятся сами индивидуальности, которые действуют дальше (лишившись) своих эфирных тел. Посмотреть на неизрасходованное эфирное тело мы можем на примере маленького Тео Файсса, когда эфирное тело стало инспиратором некоторых вещей, реализованных в здании. Взглянуть на индивидуальность я хотел в моей поминальной речи для Фрица Митчера. Полностью ощутить, почувствовать,

как заполнить пропасть между живыми и умершими, — вот то, что относится к нашей духовной науке. Ибо не только знать теоретически, но совершенно живо вникнуть в то, что мертвые для нас являются живыми, что умершие дают нечто такое, как юношеские неиспользованные эфирные тела, должно стать для нас осознанным содержанием земной эпохи. И в этих эфирных телах, принадлежавших тем людям, которые теперь вследствие великих судьбоносных событий нашли смерть, живут отголоски всего того, что ощущают, если — более или менее осознанно — видят перед собой смерть как жертву событий, востребованных временем. Это попало в их эфирные тела. Искать смерти или, лучше сказать, предвидеть смерть и всё же знать, что эта смерть имеет значение — вот что имеет место в случае множества людей, которые в настоящее время идут через врата смерти. Можно быть материалистом; если человек ведет такое бездумное существование, он может сказать: Народные Души, Народные Духи — всего лишь имена для абстрактно объединенных групп людей по признаку одного и того же языка и одних и тех же отличительных свойств. Говорить о Народных Духах как о действительных существах — это сумасбродство, вздор. — Разве могли бы те, кто сейчас идёт через врата смерти, говорить в соответствие с этими словами? Вследствие того, что они идут через смерть, они бессознательно соглашаются с тем, что должна сказать духовная наука: что Народный Дух, Народная Душа является реальным Существом. Ибо, что означало бы, если бы Народные Духи, Народные Души не были реальными Существом и не стояли бы вокруг людей, ведущих кровавую войну? Предпосылки материалистического мировоззрения не позволяют так мыслить. Но если отдельный человек жертвует собой ради Народного Духа, если Народный Дух является для него реальным Существом, тогда имеет глубочайший смысл то, что такие события происходят с людьми. Так мы почувствуем грядущее время, когда многие, многие неизрасходованные эфирные тела парят в духовной атмосфере, предупреждая, возвещая о том, что духовное существует. Эти эфирные тела станут в будущем добрыми помощниками в деле углубления спиритуального мировоз-

зрения у людей. Люди только должны почувствовать в своих душах призыв умерших. Если на тех полях, где развиваются ныне страшные события, снова будет господствовать мир, люди, оставшиеся в живых будут действовать лучше, если они услышат голоса умерших. Не что-то только символическое имеется здесь в виду. Здесь будут присутствовать неиспользованные эфирные тела и дадут возможность услышать этот призыв. Мир не сможет существовать без того, чтобы почувствовали и ощутили, осязали свою связь с духовным миром. Человечество оказалось бы глухим по отношению к будущему, если оно не сможет услышать призывы умерших. — В физике каждый согласен с тем, что никакая сила не теряется бесследно; говорят о преобразовании сил. На духовной почве дело обстоит точно также. Те силы, которые неиспользованные эфирные тела проносят через врата смерти, не исчезают; они будут находиться здесь. Они снова могут быть восприняты душами в будущем; и эти души, благодаря связи с этими душевными останками, оставшимися от неизрасходованных эфирных тел, получают силу и глубокую уверенность для своих спиритуальных деяний.

Помимо прочего, что может сказать нам эта война, первоочередным для нас, как последователей духовной науки, является то, чтобы мы созерцали в духе вверху, в той атмосфере, которая становится атмосферой неиспользованных эфирных тел, что может реализоваться здесь среди тех душ, которые ощущают призывы и предупреждения умерших. В достижении этого и состоит наша задача, как правомерных последователей духовной науки. Нам надо по отношению к событиям эпохи найти соответствующую духу точку зрения, а не ту, которую даёт абстрактное мышление. Но мы должны действительно представлять будущее население Земли так, что внизу находятся души, обитающие в физическом теле, а сверху вниз действуют неиспользованные силы эфирных тел; так что эти души внизу могут сказать: мы не сомневаемся в том, что для спиритуальных познаний наступят лучшие времена, ибо неиспользованные эфирные тела помогают нам своими силами. — Если мы примем это конкретно, а не абстрактно, значит, мы поняли кое-что из тех призывов, предосте-

режений, которые может дать нам это время тяжелой судьбы, нам, как последователям духовной науки. Это должно пойти именно так, ибо уже необходимо реальное воздействие на человеческое развитие. Мы должны были бы ещё долго продолжать свою деятельность, если бы мы посредством рассудочных рассуждений стали вызывать то, что может дать спиритуальное мировоззрение. В случае Орлеанской Девы имела место подсознательная инициация. В будущем спиритуальное воздействие на эволюцию человечества примет иной характер. Неизрасходованные эфирные силы станут тем, что помогая нам, будет стоять рядом, помогая нам и тем, кто в качестве индивидуальности захочет воздействовать на физический план.

В отношении того, что могут понять люди, сегодня выявляются иногда весьма странные вещи. На вышеприведенном примере вам уже показано, что во времена Орлеанской Девы стратеги, полководцы не могли добиться того, что было достигнуто. Я часто приводил и другой пример: в решающий момент армия Константина наступала на Рим, и там тоже не полководцы одержали победу и разбили в пять раз сильнейшее войско Максенция, который вывел своё войско за ворота Рима навстречу Константину. Не своим полководцам следовал Константин, но сну, где ему было сказано, что он должен позволить нести перед своими войсками монограмму Христа. Сны и оракул сивилл привели тогда войска в определённое место, и всё решилось. Но вследствие победы Константина географическая карта Европы получила соответствующий вид. Так кто же тогда под порогом сознания направлял события? Это был импульс Христа, но тот импульс Христа, каков он в реальности, а не такой, как его понимали люди. Мы не познакомимся с импульсом Христа, если будем прислушиваться к перебранке теологов. Не в том, что выполняли люди сознательно, что понимали люди, действовал импульс Христа; но он действовал в совокупности событий при Константине и Максенции, и позднее снова при Орлеанской Деве. Также и в наше нынешнее время человек переживает нечто такое, пусть даже порой в мелких фактах. Иногда можно сравнить великое и малое. Один преуспевающий философ несколько лет то-

му назад написал в одном южно-немецком ежемесячном журнале⁸⁹ длинную статью о духовнонаучном мировоззрении, которое я представляю. Эта статья оказалась весьма действенной; она была написана целиком враждебно, наполнена некоторыми благосклонными суждениями о теософии вообще и иными похвалами. Мне, например, был дан совет, вместо этого дела лучше использовать свои дарования, чтобы, наконец установить, действительно ли Мицкевич был перевоплощением Орлеанской Девы, и так далее. Но в целом эта статья, оценивая наше духовнонаучное мировоззрение, изображала его так, что это вызывало неадекватное впечатление. Философ, написавший статью, считался крупным платоником, крупным логиком. Он сам говорил, что посвятил себя не какой-либо иной задаче, как только возвещать истину, и поэтому он может знать эту истину. Издатель журнала, казалось, был вполне удовлетворён, публикуя такую длинную авторитетную статью о духовной науке. Это было несколько лет тому назад. Затем началась война. Вышеназванный (философ) не придерживался воззрений, симпатизирующих Средней Европе, он решительно симпатизировал Англии и Франции, и даже тем, кто воевал, будучи прислужником Англии и Франции. Что же произошло? Он пишет несколько писем тому самому человеку, который был издателем журнала. Этот издатель упомянутого журнала публикует также и эти письма, поскольку они слишком уж характерны, но в другом журнале «Южно-германский ежемесячник». Издатель даже напоминает о том, что он — тот же самый человек — Карл Муф, — который издавал журнал «Холланд» и который, как он выразился, тиснул статью «О теософии Штейнера». Письма эти были таковы, что можно сказать: они содержали всю желчь, которая могла быть излита в отношении средневропейского населения со стороны человека западноевропейской ориентации. Помимо прочего, этот человек заявлял: «по сравнению с людьми, которые не знают, за что воюют, черные люди являются свободными и благородными людьми. Вопреки Средней Европе надо поддерживать лишь английскую всемирную Империю, которая, подобно католической церкви

учреждена от Бога, и никогда не совершала ничего, что не соответствовало бы божественному миропорядку».

Напечатать такое письмо — нечто само собой разумеющееся! Названный издатель пишет при этом: «Во всей Средней Европе, кроме как в сумасшедших домах не найдётся никого, кто мог бы выступить так!» — Итак, теперь этот добрый господин Муф согласен, что человек, которого он избрал, чтобы натравить на наше духовнонаучное мировоззрение, в сущности, созрел для сумасшедшего дома. Вот как вообще обстоит дело с тем, что выдвигается по отношению к нашему духовнонаучному мировоззрению. Господину Муфу следовало бы и раньше знать, что тот человек созрел для сумасшедшего дома. Но только война напомнила ему об этом. Его прозрение возникло только благодаря тому, что было легко разглядеть. А сколько созревших для сумасшедшего дома бродит кругом и критикует мировоззрение, которое мы представляем, лишь проявляются они не столь гротескным образом.

Я говорил, чтобы показать на этом примере, что рассудок, который сегодня имеют люди, будет ещё долго прихрамывать, заводя речь о духовнонаучном мировоззрении. Надо сказать: не только живые необходимы для того, чтобы в полной мере ввести спиритуальность, которая должна придти в мир, но и умершие! И к наилучшим помощникам будут относиться те, кто с душой и жизнью влился в течение наших судьбоносных, тяжких событий современности. Сегодня так хочется, чтобы такие рассмотрение оставались в душах не просто как теоретические, но становились глубоким, честным чувством, становилось ощущением, чтобы мы были в состоянии признать духовную науку, чтобы наша душа внимательно познавала то, что здесь в духовном мире существуют предостерегающие голоса. Они говорят нам: позвольте нам, умершим быть знаменем того, что в людях должно наступить спиритуальное углубление, ибо мы сознательно претерпели эту смерть не ради своих душ, но ради того, что независимо от нас, удостоверив тем самым исповедание, выходящее за пределы отдельной человеческой жизни!

Если среди последователей духовной науки будут те, кто будет предчувствовать, ощущать, познавать тот строгий шепот, который доходит сквозь врата смерти, тогда будет реально достигнуто то, что благодаря духовной науке должно быть достигнуто в ощущениях человеческих душ. Иными словами, если благодаря духовной науке здесь будут души, которые сумеют направлять свои чувства в царство духа, ибо из царства духа людям в грядущее время может быть сказано многое.

Вот то, на что я хотел указать ради ваших ощущений, чувств, ибо обстоятельства сложились так, что мы именно в это время можем быть вместе на этом собрании ветви. Хочется, чтобы на таких собраниях закладывались зародыши не только знания, но чтобы то, что говорится на таких собраниях, действовало как живое семя, погружаемое в почву чувствительных душ. Главным делом будет то, что вы благодаря таким рассмотрениям понесете дальше на эмоциональном уровне, уровне чувства.

Поэтому давайте завершим это рассмотрение, думая о том, что должно возникнуть для нас из судьбоносных событий времени:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных деяний народа,
Взрастёт духовный плод —
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

Десятая лекция

Значение Средней Европы,
поставленной между Востоком и Западом – Арима-
нические инспирации и спиритуальные импульсы –
Символ Розенкрейцерства

Прага, суббота, 15 мая 1915 года

Мы собираемся при таких обстоятельствах, вследствие того, что мы посвятили нашим стремлениям собственное пространство, которому мы можем дать духовный отпечаток, соответствующий нашим духовнонаучным ощущениям и чувствам. Было бы хорошо обдумать основательную точку зрения, которую мы, как последователи духовной науки могли бы принять по отношению к миру и его явлениям, его задачам и его загадкам. Разве наше время, наше богатое испытаниями, вызывающее боль время не должно подтолкнуть наши души к тому, чтобы достичь перспективной точки зрения, точки опоры? Особенно в наше время должно существовать стремление найти такую точку зрения, точку опоры, которая более перспективна, нежели та, которую можно наметить посредством внешней жизни и внешних человеческих стремлений.

В связи с задачами и устремлениями нашего духовнонаучного мировоззрения важное место в нашем Дорнахском здании занимает скульптурная группа. Эта скульптурная группа должна отображать то, что, как исходящее из нашего движения, в интимнейшем и глубочайшем смысле должны чувствовать наши души. У этой группы будет центральная фигура. Можно назвать эту центральную фигуру Христом, можно обозначить её как то, что правильным образом стремится поставить себя в мире как Божественное в человеке, как живущее в человеке Божественное. Эту центральную фигуру можно было бы обозначить как

«Человека», космического Человека, выраженного в земной личности, как Христос обрёл выражение в земной личности во временно-исторической жизни благодаря Иисусу из Назарета.

Но по сторонам этой центральной фигуры должны находиться ещё две фигуры, одна — как бы вверху на скале, окрылённая, но низвергающаяся со скалы. Благодаря своеобразному, пронизанному не ненавистью или силой, но пронизанному внутренней крепостью положению рук центральной фигуры создаётся сила, благодаря которой фигура наверху на скале, окрылённая фигура, ломает крылья и низвергается в пропасть, в глубину. Этот надлом крыльев — это должно быть хорошо выражено в скульптурном построении — происходит не от того, что Человек, стоящий в середине, Человек-Христос ломает эти крылья, но оттого, что Он в своей спиритуальности простирает руку, чего не выносит другая, окрылённая фигура, и вследствие того, что в ней самой происходит, — поскольку для её существа невыносимо то, что живёт ниже, — она сама своей внутренней силой ломает себе крылья и обрушивается вниз. Итак, надо подтвердить, что это существо само обрушивается вниз, что оно не падает вниз вследствие какой-либо враждебности.

А внизу в скалах мы видим лежащей другую скованную фигуру, она лежит в цепях. Она стремится снизу вверх взбудоражить, взорвать, земное царство. Но в этом стремлении она не в состоянии идти против того, что струится от направленной вниз руки средней фигуры. Она извивается и изгибается вследствие заложенного в её собственной сущности отбрасывания назад, отталкивания от силы центральной фигуры.

Вы предчувствуете, как в этой группе в центральной фигуре выражено то, что мы называем принципом Христа в нашем Космосе, в Ангеле, низвергающемся со скалы — люциферический принцип, а в образе, который внизу в пещере стремится снизу вверх — ариманический принцип. Я попытался у этих трёх образов — в таком интимном кругу мы можем высказывать нечто подобное — достичь портретного сходства, насколько возможно, так что человек действительно получит впечатление от

той формы, которую принимает Ариман, когда он является в своей связи с человеком, и от физиономии Люцифера, которую он имеет, когда является человеку. То, чего недоставало западному религиозному мировоззрению до сих пор, может быть внесено в него только благодаря нашему духовнонаучному мировоззрению; это знание о том, что во всех мировых связях правят Люцифер и Ариман. Открыто можно лишь намекнуть на эти вещи, поскольку сегодня люди останавливаются в страхе перед точным высказыванием таких вещей. Но вспомним о том, что было сказано во вчерашней открытой лекции, что человек посредством медитации может быть с одной стороны приведён вверх, в тот регион, где он в своём самом внутреннем существе почувствует себя обессиленным и одиноким; с другой стороны он может быть приведён в область, где он в своём существе будет проникнут страхом и бессилием. То, что нам угрожает, если мы односторонне стремимся лишь к свободе от материального, если мы абстрактно стремимся к духовному — это одержимость люциферическим принципом. То, что угрожает нам, если мы стремимся только вниз, в материальное, если мы живём в потребностях материального, где мы становимся как бы окаменелыми, — как я вчера сообщал в открытой лекции,⁹⁰ — это ариманический принцип. И человек находится между люциферическим и ариманическим принципами. Это надо знать. Однако надо правильным образом познать и то, что нам недостаточно просто сказать: мы должны отбросить от себя люциферическое и ариманическое. — Такие чувства, которые мы направляем против люциферического и ариманического, как ненависть и страх — не приносят пользы нашей человеческой природе. Мы должны знать, что наличие Аримана и Люцифера во всём Космосе оправдано. Вот почему в скульптурной группе указывается на то, что не Христос хочет преодолеть Люцифера и Аримана внутренней ненавистью или распространяющимся от него порывом, но Люцифер сам и Ариман сам преодолевают себя. Было бы совсем неверно, если бы мы развили в себе чувство, что Аримана и Люцифера надо отталкивать от себя, как если бы мы должны были вести с ними

борьбу напрямую. Даже простирающиеся сквозь мир нормальные Божества не направляют своё мудрое мировое руководство на то, чтобы в мировом правлении не было ариманического и люциферического. Это так.

Если мы спросим себя, где находится люциферический принцип в становлении человечества сегодня, то нам следует взглянуть на Восток. На Востоке, в Азии и в европейской России через культуру действует Люцифер. И несмотря на то, — как я это говорил в цикле о миссии отдельных Народных Душ, — что русский элемент призван в ходе дальнейшего развития выработать Самодух, тем не менее, для русской культуры существует опасность попасть в плен к Люциферу. Она на пути к этому. Люциферический принцип состоит в том, что хорошие духи отстают. В греческой ортодоксальной Церкви до VI-VII столетий был добрый Дух, но то, что тогда было добрым Духом, преобразилось в люциферический дух в течение дальнейшего времени. Фиксация ортодоксальной религии означает — «быть в когтях Люцифера». И гораздо интенсивнее происходит это в случае тех духовных форм, которые развиваются на Востоке и которые были бы оправданы лишь во времена глубокой древности. Вследствие того, что они были законсервированы, они приобрели люциферический элемент. На Востоке мы повсюду находим очень много людей, которые инкарнированы там, чтобы испытать в мире нечто люциферическое. А на Западе мы, в соответствии с мудрым мировым водительством, всюду находим души, погружённые в ариманический элемент. Наиболее сильно это выявляется в Америке. В Америке существует тенденция, развивать культуру, чересчур погружённую в материалистический, ариманический элемент, она насквозь пронизана — даже там, где стремятся к спиритуализму — чисто материальными воззрениями. Даже там, где стремятся к духовному, хотят держать дух в своих руках, осязать посредством спиритизма. Это становится всё сильнее. Это страстное стремление к осязательности становится всё сильнее. Оно постепенно захватывает и Запад Европы. Тем самым выполняется миссия внести в культуру ариманический элемент.

Крупной исходной точкой зрения я считаю следующее: чтобы мы увидели, как мы в Средней Европе втиснуты между люциферическим принципом Востока и ариманическим принципом Запада, но мы призваны к тому, чтобы вознестись к тем силам, которые отображает принцип Христа. Этот принцип с одной стороны приводит Люцифера к слову крыльев, посредством преодоления чувства бессилия, а с другой стороны развивает излучающиеся против Аримана силы, отстраняющие весь страх перед знанием о духовном мире. Ибо в действительности ариманический элемент, который пульсирует в мире, не должен быть удержан, скрыт, он находится здесь. Среднеевропейское начало тоже охвачено этим ариманическим элементом. Но следует знать, как надо поставить себя по отношению к нему, ибо путь ариманического элемента лежит через материализм. И этот путь через материализм должен иметь место; существует глубокая, исполненная мудрости связь, почему этот путь проложен через материализм.

Представьте себе, как то, что является односторонним религиозным движением, — я говорю определенно «односторонним» религиозным движением, — это имеет место также в христианстве, и сильнее всего запечатлено в элементе иезуитизма. Вспомните, что последний был всегда обращён против действительного научного прогресса. Католическая Церковь только в 19 веке официально признала мировоззрение Коперника.⁹¹ То, что является внешней наукой, само собой разумеется, встречает сопротивление со стороны односторонней религии, это не может быть иначе. В этой борьбе религии с внешней наукой заложены два импульса. Первый импульс состоит в том, что односторонняя религия хорошо чувствует: в науке, которая развивается, обращая внимание только на внешний мир, возвещает о себе Ариман. Ариман остаётся не изгнанным из внешней науки, если она не обращает взор на спиритуальное мировоззрение; это оправдано, это правомерно. Но с другой стороны, неправомерный импульс имеет место, если односторонняя религия обращается против науки. Это одностороннее религиозное мировоззрение само

одушевлено, оно насквозь одушевлено, — можно сказать, особенно проникнуто люциферическим элементом. Ибо стремиться к религиозному углублению и одновременно ненавидеть научное проникновение в духовные миры, — это то, что хочет от человека Люцифер. Люцифер не мог бы достигнуть своей цели наилучшим образом, как если бы все люди стали лишь религиозны. Эта религиозность имеет исключительно сильный эгоистический элемент. Вы только представьте себе, как люди, которые никогда не стремились к духовному знанию, понимают свою религию. Из эгоизма они хотят стать блаженными, из эгоизма вести жизнь после смерти, как они себе её рисуют! Из эгоизма они хотят только один раз быть воплощённым в этом мире! В односторонней религии эгоизм возводится на самые высокие вершины: эгоизм души, а не только тела. Лучшие религиозные претензии, стремления, окружающие нас, наполнены эгоизмом. И действительно, благочестивые люди, которые затрагивают нас своим благочестием, — это Люцифер, управляющий их религиозными чувствами. Люциферу гораздо милее, если он получает благочестивую душу, чувства которой настроены на духовное, на добро, к которым она стремится ради эгоизма. Ведь он не хочет исключительно преступные души, именно благочестивую душу хотел бы он увести в свою стихию.

Так, с одной стороны стоит правомерный научный элемент, который на пороге стал бы двигаться в ариманическую сторону, если он не обращает взор на духовный мир; а с другой стороны люциферический элемент, который впал бы в эгоистическую религию также в Средней Европе, если бы спиритуальное мировоззрение не внесло туда духовное знание. Это стало бы прогрессом в христианстве. Для нашей души было бы бесконечно значительной ценностью, если бы она прониклась познанием того, что мы, зная, стоим между тем, что должно существовать, между ариманическим и люциферическим, чего не следует избегать: оно теряет власть, если о нём знают. В этом состоит особенность духовного мира: если о чём-то знают, оно теряет силу, посредством которой оно могло бы сделать людей одержимыми.

Люцифер и Ариман невидимы. Если же мы получаем представление о них во времени и пространстве, они теряют свою власть над нами.

Вы не должны считать, что если человек предчувствует злого духа посредством силы ясновидения, но не созерцает его, человек совершает нечто дурное, если он изображает этого духа или делает его скульптуру. Верным является то, что, будучи чувственно воспринят, этот дух теряет свою мощь. Люди не становятся более нервными из-за духовного изображения некой фигуры, но вследствие этого этот дух теряет своё значение в качестве невидимой силы, мы предстаем перед ней уже осознанно. Люцифер и Ариман необходимы, как и само Божество, чтобы вести Восток и Запад по верному пути; для того, чтобы мир не развивался неупорядоченно, но двигался поступательно посредством колебательных движений, должно действовать мировое правление — люциферическое с Востока и ариманическое с Запада. Однако они ставят перед нами в Средней Европе трудную, большую задачу — правильным образом рассматривать эти колебательные движения маятника. Этот маятник, в сущности, является лодкой, челном, как если бы лодка была в зависимости от маятника часов. И в этой лодке сидят души, которые в Средней Европе устремлены правильным образом. Они, эти души, действительно должны погружаться (в суть дела) и должны знать, что им следует удерживать точку равновесия. Они должны познавать то, что находится за порогом обычного сознания, они должны принять это в своё сознание. И эти сегодняшние тяжкие дни являются предостережением, прежде всего, для тех, кто уже кое-что предчувствует из того, что предстоит миру в будущем. Дело не только в том, кто с той или иной стороны одержит победу во внешней войне, но дело в том, как будут жить после этой победы. Представьте себе, если бы дело пошло так, что победили средневропейские народы, но на поле этой победы распространилось бы чисто материалистическое, ариманическое мировоззрение, которое было бы укреплено люциферическим элементом, тогда, — если бы Восток со своей стороны, и Запад со своей

вторглись бы в средневропейскую духовность — даже внешняя победа не пошла бы на благо Средней Европе. Уже на протяжении столетий, незаметно для людей, очень сильно вторгается ариманически-люциферический элемент. Вы только представьте себе, как было бы необходимо в нашем средневропейском теософском движении отказаться от восточного люциферического элемента. Ибо то, что мы получили с Востока как теософию, было пронизано Люцифером, и в своей экстремальной форме вело к признанию внешнего идолопоклонства — физически перевоплощённого Христа. Это была борьба, которую мы должны были вести против неправомерного истолкования теософского мировоззрения.

Однако нам должно быть ясно и то, что мы в Средней Европе должны правильным образом познавать, как мы должны включиться в то, что предстоит человечеству в будущем. Благодаря тому, чем может быть для нас духовная наука, надо увидеть, что материализм, материалистическое мировоззрение не должно распространяться в области, уготованной для Средней Европы. Надо стремиться к тому, чтобы препятствовать этому, причём предвидеть, что духовное мировоззрение, устремляясь от Средней Европы, излучаясь оттуда, должно действительно распространяться по всей Земле. Ведь вполне мыслимо, вполне допустимо, — допустимо внешне как гипотеза, — что Средняя Европа после победы станет служить материалистической культуре. Тогда плоды этой победы присвоил бы себе Ариман. И этому надо препятствовать.

Только представьте себе такую трагическую фигуру как Эрнст Геккель!⁹² Гёте создал эволюционное учение. С 1884 года я стараюсь сделать понятным для людей, что это эволюционное учение в высшем смысле одухотворено. Однако, в случае Гёте, люди не могут глубоким образом понять это учение, понять в том смысле, в котором оно было дано. Когда же эволюционное учение тривиальным образом было дано Дарвиным, люди поняли его, и это учение смогло влиться в сердца и души этих людей: тут учение получило материалистическую окраску! Возьмите такую

трагическую фигуру как Эрнст Геккель: все мысли, все фибры его научной жизни он соотносил с Англией. Гексли, Локк, Дарвин были его учителями. А сегодня Эрнст Геккель — один из тех, кто больше всех выступает против Англии, он — один из яростных борцов, насколько это позволяет ему его почтенный возраст; он стал во главе тех, кто отослал обратно в Англию все свои ордена, дипломы и прочие отличия. Но так ли уж это важно — отсылать назад ордена и награды, если не отослали назад по-английски окрашенный дарвинизм.

Здесь имеет место и кое-что другое. Наилучшим образом души подготавливаются для материализма, когда они по отношению к внешней жизни находятся — я бы сказал — в полусне, когда это ещё детские души. Не замечают, что именно тут можно наилучшим образом погрузить в душу те представления, которые её позднее духовно препарируют, чтобы они приняла материализм как нечто само собой разумеющееся. Ариман сделал так, что в британском народе появился один весьма деятельный мыслитель, благодаря которому незаметно, без того, чтобы люди подозревали об этом, в детские души насаждалась склонность к материализму. Это чрезвычайно гениальный автор «Робинзона Крузо». Когда представления, которыми проникнут Робинзон, погружают в детскую душу, она получает склонность к материализму. В книге даже религия возникает сама собой, как растет кочан капусты. Там нет ничего, что отражало бы то, что должно изливаться из спиритуального мира. Вы только посмотрите, как идет по миру Робинзон! В литературном развитии Средней Европы было время, когда на всех языках появлялись подражания Робинзону. Даже не счесть всех этих Робинзонов, появившихся у разных народов! Это было заложено глубоко внутри. Однако благодаря величю и значительности средневропейской культуры, направленной к спиритуальному, надо было снова указать на духовный путь. Благодаря высокому водительству здесь появились братья Гримм, заново собравшие немецкие сказки. И если мы нашей молодёжи вместо ариманического Робинзона дадим

немецкие сказки, мы тем самым пробуем у них склонность к спиритуальному.

Приходишь в глубокое уныние, — а всё это симптоматично, — переживая следующее: очень известный австрийский философ, профессор, доктор Эрнст Мах написал книгу, которая имела глубокое решающее значение для многих, кто сегодня хочет мыслить философски, — «Анализ ощущений». На третьей странице вы найдёте следующее. Он говорит о самопознании. Мы знаем, что самопознание чрезвычайно важно, я часто говорил об этом. Эрнст Мах служит доказательством тому, что для внешнего мира самопознание поистине трудно. Он рассказывает: я проходил мимо зеркальной витрины, где я увидел мой собственный образ, мою собственную фигуру, идущую мне навстречу. Я подумал: какой несимпатичный противный человек идёт мне навстречу! Это был я сам. — Так говорит он. Итак, это был он сам, который знал себя столь мало, что сказал о своем собственном отражении в зеркале: что за несимпатичный, противный человек! И чтобы сделать ясным всё в целом, он добавляет: когда он уже был профессором, он однажды ночью путешествовал и поднялся в омнибус. Поднимаясь туда он увидел в зеркале, как поднимается человек, и снова спросил себя: что это за истощенный школьный учитель поднимается там? И он добавляет: так мой родовой внешний вид оказался лучше известен мне, чем мой индивидуальный внешний вид. — Ну, если уж для человека, который не часто видит себя в зеркале, — в случае Эрнста Мах это само говорит за себя, — оказалось столь трудным признать свой внешний облик, то можно представить себе, насколько трудно достичь в душе самопознания. Но ведь это именно то, что необходимо: овладеть в душе самопознанием. Мне хотелось бы сказать, почти трагически звучит, когда, читая дальше, в той же самой книге Эрнст Мах говорит о воспитании собственного сына и со всей серьезностью души заявляет: слава Богу, — он говорит не точно это, но то, что по смыслу этому соответствует, — слава Богу, что мои дети никогда не читали никаких сказок. — То есть эти дети никогда не вводились в духовный мир посредством фан-

тастических представлений, вследствие чтения сказок. Тут мы видим, как в современные души внедряется то, что хочет привести средневропейскую культуру к Ариману. Итак, надо сказать: дело не в том, чтобы победить, но в том, чтобы на основе победы победила истина.

Даже при победе, тяжёлая ноша достанется Средней Европе. Ведь мы тоже сильно связаны с тем, что мощно пронизано люциферическим. Когда-то благословением для Европы было распространение из Южной Европы арабской мавританской культуры. Для того времени было полностью правомерным то, что стало ариманическим сегодня. Мы отягощены тяжкой ношей союза с Османами. Здесь мы должны найти правильную позицию, а не считать, будто можно приспособлять наши ощущения в соответствие с внешней политической ориентацией. То, что живёт во внешнем мире, поистине не пригодно для сдерживания ариманического. Внешняя журнальная литература направлена в прямом соответствии с ариманическим принципом, она топит в издевательстве и высокомерии всё то, что стремится ясно увидеть силы, разыгрывающиеся в наше время. Вот почему то, что проявляется в наше время под знаком крови и страдания, проявляется как великое предостережение, зовущее души принять то, что может влиться в современность из духовной жизни. Наши души должны склоняться к тому, что особенным образом подготавливается в средневропейской культуре в том виде, который является выражением нашей позиции между двумя силовыми элементами, подобно маятнику пронизывающими мир; мы должны найти равновесие между ними. Нам должно быть ясно, что с одной стороны мир стремится к ариманическому ужесточению, стремится к тому, чтобы закалиться в огне чисто материального; с другой стороны он стремится эгоистическим образом подняться к абстрактной духовности. Следовать в одну и другую стороны было бы вредно для средневропейского человека. Следование исключительно за наукой, привязанной к внешним чувствам, привело бы нас к тому, что мы сорвали бы розы с креста и взирали лишь на то, что застыло. Мы стали бы постепенно прихо-

доть к мировоззрению, которое совершенно отвлекло бы человека от всякого взгляда в сторону духовного; оно позволило бы человеку смотреть лишь на то, что ариманически застыло. Попробуйте представить себе идеалы ариманической науки: это мир колеблющихся друг возле друга атомов, это чисто материальная картина мира. Из этой картины мира хотели бы выбросить все духовное. Хотят представить себе и уже учат этому детей в школе, что когда-то имело место вращение друг возле друга газообразных мировых масс, что из-за этого возникло Солнце, и затем отделились планеты. Детям объясняют это в школе, когда помещают в воду каплю масла, пристраивают на месте экватора маленький круглый листок бумаги, протыкают его в середине иглой и вращают эту иголку. Вследствие этого капля распадается и возникает маленькая планетная система. Само собой разумеется, это доказывает то, что хотят показать, но самое важное забывают: ведь все это должен вращать учитель. Так что если хотят честно вникнуть во всё это, надо и вправду представить себе великого господина Учителя, который всё это вращает в мировом пространстве. Однако устремлённые к Ариману мысли, ощущения и чувства таковы, что возникновение Солнца и планет представляют себе вышеописанным образом. И в этом опять-таки заложено то, что вело к пониманию истории. Герман Гримм сказал однажды: кусок кости от падали, вокруг которой крутится голодный пёс, представляет собой более аппетитную картину, нежели это мировоззрение, которое опирается единственно на мировоззрение Коперника.

Есть одна опасность: сорвать с креста розы и оставить только чёрный обугленный крест. Другая опасность — оторвать крест от роз и желать стремиться только к духу, пренебрегая тем, что Божество само включено в мировое развитие, нежелание с любовью погрузиться в мысль о том, что чувственный мир является выражением Божественного. Таково одностороннее религиозное мировоззрение, презиращее науку, желающее только роз, бессознательно устремленное за люциферическим элементом Востока — тогда как наука хочет сорвать розы с креста, хочет держать

обугленный крест, устремляясь на Запад. Но мы в Средней Европе призваны к тому, чтобы иметь розы на кресте, иметь то, что может быть выражено только посредством связи роз и креста, роз на кресте. И мы ощущаем, когда глядим на застывший крест, что застывшее материальное, пришедшее в мир, вступило в него из Божественного. Это как если бы духовность сама себе создала крест в материальном: *Ex deo nascimur* — Из Бога рождается.

Мы также чувствуем, что если мы это понимаем правильно, то мы смеем входить в духовный мир не только с Люцифером, но что мы умираем, когда связываем себя с тем, что от высшего Божественного «Я» спустилось в мир: *In Christo morimur* — Во Христе умираем.

В связи креста с розами, материального мировоззрения со спиритуальным мировоззрением мы чувствуем, как человеческая душа может пробудиться в Духе: *Per spiritum sanctum reviviscimus* — Во Святом Духе воскресаем.

Вот почему крест, обвитый розами, был символом того, кто глубочайшим образом включил себя в средневропейскую культуру, включил себя в спиритуальность: это Гёте. Поэтому он должен быть и нашим символом. Поэтому мы, собравшись в этом помещении, хотим, насколько мы можем быть причастны будущему, помнить о том, что, исходя их великих задач земной эволюции, должно стать нашим идеалом: крест, увитый розами; не оторвать розы от креста и держать в руках только крест, но и не одни только розы ценить и благодаря одним только розам в духовно расцветающей, растущей жизни в абстракциях торопиться наверх. Вот то, что выражено для нас в нашем символе, в кресте с розами, который мы хотим всё больше и больше вбирать в нашу душу, в наши чувства, когда мы собираемся в пространстве, освященном нашими стремлениями. Тогда мы можем быть уверены, что духи, которые в добром смысле руководят земным развитием, невидимо будут править среди нас; что наши слова, как всё то, что мы думаем и чувствуем, когда следуем нашим духовнонаучным стремлениям, как всё это в таком пространстве

находит поддержку со стороны духовных сил и властей, направляющих наши стремления. И мы можем чувствовать себя, как если бы мы, будучи побуждаемы к нашим духовнонаучным воззрениям, непрерывно инспирировались этими невидимыми духами, правящими в таком пространстве, в таком помещении. Эти духовные силы мне хотелось бы призвать, чтобы они всегда были с теми душами, которые в этом помещении проявляют свои стремления серьезным отношением к истине, честно и с любовью! Тогда, если это будет исполнено, тогда мы можем быть уверены, что это духовнонаучное мировоззрение станет тем, где находят путь Богов, как находили его всегда.

В таком помещении собрались мы сегодня. Вы обособлены от того, что стремится наружу в мир. То, что стремится наружу, в мир, видит в нашем помещении нечто сектантское, суеверное. Мы по отношению к духовной культуре современности собираемся как бы под землёй. Над землёй находится та, нынешняя духовная культура, которая глубоко проникнута Люцифером на Востоке и Ариманом на Западе. Тут мы всё снова и снова вспоминаем о том, — чтобы укрепить наши сердца, оживить наши души, — как на другом этапе мировоззрение западных стран поднималось от подземного, катакомбного состояния на поверхность земли. Тогда существовало мировоззрение Римской Империи, мировоззрение, которое переняло благородную философию и художественное мировоззрение греков. Блестящие мыслители были среди тех, кто жил в этом древнем Риме и в его окружении, имея это древнее мировоззрение. И глубоко презираемыми были те, кто под землёй в катакомбах возвращал совершенно новое учение. Однако те, кто в катакомбах, изолированно от того, что тогда поверх земли расценивалось как правомерное мировоззрение, возвращали новое учение, знали, что они должны придерживаться исключительно этого стремления, что они должны укрепляться в том, что вошло в мир через импульс Христа. Они стремились в катакомбы и знали: там, наверху живут те, кто покушался на их жизнь, кто их преследовал, кто их не понимал. — А теперь, после того, как мы провели перед глазами

это состояние древней Римской Империи, рассмотрим эволюцию человечества на пару столетий позднее. То, что было наверху, исчезло. То, что жило внизу в катакомбах, поднялось наверх и победоносно шествовало по странам запада. Оно уже жило в душах тех, кто там внизу в катакомбах, несмотря на гонения, презрение и насмешки стремился к тому, что затем должно было завоевать мир. Так и нам, мои дорогие друзья, приходится себя чувствовать как бы духовно гонимыми, презираемыми и преследуемыми со стороны тех, кто сегодня возвращает так называемое правомерное мировоззрение. Но как обстояло дело на первом этапе западного христианского развития, так будет оно идти и дальше. То, что так страстно стремятся уничтожить, — уничтожить не так, как в первый раз, когда людей окунали в смолу и сжигали, но путём издевательств и насмешек, — будет успешно развиваться. То, что тут насмехается и выказывает презрение, то, что исключительно на земной почве стремится взять верх с помощью ариманического и люциферического мировоззрения, будет исчезать, подобно тому, как в некотором смысле исчезла древняя римская культура, древнее мировоззрение, исчезать таким же образом, как это было когда-то. Но то, что мы возвращаем в наших катакомбах, — это духовные катакомбы, ведь мир всё же продвинулся вперёд, — то, о чём размышляют, намереваются, чувствуют, то, чем пронизывают себя души: это будет подниматься вверх и победным шагом вступит в новую культуру. Это нам следует помнить в каждый момент, когда мы переступаем порог этого помещения. И находясь в нём, пусть мы будем помнить, что мы ещё подобны подводной лодке в море, которая, однако, должна взять курс на всплытие — и мы наверняка возьмём его, если более сильно, более мощно погрузимся в то, что соединяет наши души. Торжественно обещая стремиться сильнее пронизать себя духовным импульсом Христа, Который хочет в своём развитии сделать ещё один шаг, — с этим торжественным обетом, с этим умонастроением мы хотим входить в это помещение; входить, ощущая, что всё освящается, по мере того, как это оценят духовные власти, спиритуальные индивидуальности, ко-

торые, как нам может быть известно, властно ткнут с помощью нашего движения, которые, благословляя и защищая, простирают над нами свои руки. О них хотим мы помнить, собираясь здесь в будущем.

Одиннадцатая лекция

Христос по отношению к Люциферу и Ариману – Троякое образование существ

Линц, вторник, 18 мая 1915 года

Если когда-нибудь наше посвящённое духовной науке здание в Дорнахе будет достроено, то самое достойное место там будет занимать скульптурная группа, которая будет, главным образом, изображать три фигуры. В середине этой группы будет стоять фигура, я бы сказал, Представителя высшего человеческого начала, которое может раскрыться на Земле. Поэтому эту фигуру высшего человеческого начала в земном развитии можно ощущать как Христа, Который в теле Иисуса из Назарета в течение трёх лет жил в земном развитии. Особенная задача будет состоять в том, чтобы сформировать этот облик Христа так, чтобы человек с одной стороны мог увидеть, как Существо — о Котором здесь идёт речь — живёт в человеческом теле, но как Оно в этом человеческом теле всей мимикой, всем, что в Нём есть, пронизано Духом Того, Кто как Христос из космических, из духовных высот сошел в земное тело, когда оно достигло тридцати лет. Затем здесь находятся две другие фигуры, одна справа, другая слева от образа Христа, если этот облик, на который я только что указал двумя словами, можно назвать образом Христа. Этот образ Христа стоит как бы перед скалой, которая, особенно с левой стороны от фигуры Христа, поднимается как башня, вершина которой находится над головой фигуры Христа. Там вверху на скале есть другой образ, окрыленный образ; но крылья его сломаны, и из-за сломанных крыльев образ этот падает в пропасть. Особенно четко должен быть художественно проработан образ, способ, как у фигуры Христа поднята левая рука. Ибо благодаря этому поднятию левой руки у фигуры Христа проис-

ходит то, что низвергающееся существо ломает крылья. Однако это не должно выглядеть так, как если бы Христос ломал крылья этому существу; в целом всё построение должно быть художественно сформировано так, что в том, как Христос поднимает руку, уже в самом движении руки заложено то, что и по отношению к этому существу Он испытывает лишь бесконечное сострадание. Однако это существо не выносит того, что струится вверх через руки и кисти рук; это должно стать видимым, благодаря имеющемуся в скале углублению от пальцев поднятой вверх руки. Что ощущает это существо в себе самом, находясь вблизи с другим Существом, Которое предстоит как Существо Христа, так это то, что можно было бы облечь в слова: я не могу вынести, когда нечто столь чистое излучается на меня.

Вот то, что живёт в этом существе, причём живёт в нём так действительно, что крылья этого существа ломаются, и оно вследствие этого обрушивается в пропасть. Это особо значительная художественная задача. Вы замечаете, что было бы неправильно, если бы Христос скульптурно предстоял так, что простым поднятием руки излучал бы такую силу, что ломал бы крылья этому существу, вследствие чего оно низвергалось бы в пропасть. Тогда Христос оказался бы тем, кто излучает ненависть к этому существу, и приводит его к низвержению. Но изображать такое было бы неправильно: существо само должно приводить себя к падению. Ведь это существо, низвергающееся и ломающее крылья — Люцифер.

А с другой стороны, справа от фигуры Христа, где скала имеет выступ, у скалы будет полость. В этой полости тоже находится фигура, у которой есть крылья. Эта фигура, имеющая крылья, обращена с органами, подобными поднятым рукам в направлении полости в скале. Итак, вы должны представить себе: справа полость в скале и в этой пещере окрылённая фигура, крылья которой устроены совершенно иначе, чем у фигуры над скалой. Фигура сверху на скале имеет крылья больше подобные орлиным; фигура в полости скалы имеет крылья как у летучей мыши. Фигура в пещере совершенно прикреплена к пещере, она видна в

скале, мы видим, как она работает внизу, ослабляя, разъедая земное царство.

У образа, стоящего в середине, образа Христа, правая рука опущена вниз. В то время как левая рука направлена вверх, правая рука направлена вниз. И опять-таки это будет немалой художественной задачей, изобразить это не так, как если бы Христос желал загнать в скалы эту фигуру, которая является Ариманом; нет, Христос бесконечно сострадает Ариману. Но Ариман не может вынести этого, он извивается от боли из-за того, что излучается через руку Христа. То, что здесь излучается, действует так, что золотые жилы, находящиеся внизу в полости в скале, как шнуры обвиваются вокруг тела Аримана и сковывают его. То же самое, как то, что происходит в случае Люцифера, происходит из-за него самого, происходит и в случае Аримана. Затем мы попытаемся, чтобы эта интерпретация, в виде скульптурного произведения искусства помещенная в самом многозначительном месте здания, была дополнена тем же самым мотивом в живописном исполнении, которое должно быть совершенно иным. Так, чтобы внизу располагалась эта группа из трёх фигур: Христос, Люцифер, Ариман — как скульптурная группа, а над ней был нарисован тот же самый мотив.

Мы представляем в нашем Дорнахском здании эти отношения между Христом, Люцифером и Ариманом, поскольку духовная наука в некотором смысле показывает нам, что ближайшая задача, касающаяся понимания импульса Христа состоит в том, чтобы человек, наконец, научился узнавать, в каких отношениях в мире находятся эти три силы: Христос, Люцифер и Ариман. Ибо до сих пор хотя и много говорили о христианстве и об импульсе Христа, но у людей не было полной ясности в том, что же, собственно, пришло в мир благодаря импульсу Христа и благодаря Мистерии Голгофы. Ведь сколько говорят о том, что есть Люцифер, что есть Ариман, но очень часто говорят так, как если бы хотели убежать от них, как если бы должны были постоянно говорить: я не желаю ничего, совсем ничего знать о Люцифере и Аримане! — Если бы Божественно-духовные власти, которые

обретаются на пути, который я описывал вчера в открытой лекции,⁹³ тоже не хотели бы ничего знать о Люцифере и Аримане, мир не смог бы существовать. Человек ставит себя в правильное отношение к ним не тем, что говорит: Люцифер! я убегу от него, Ариман! я убегу от него, — но благодаря тому, что он рассматривает то, к чему должен стремиться человек вследствие импульса Христа, как положение равновесия у маятника. Маятник в середине находится в равновесии, он там уравновешен, но ему приходится отклоняться, то в одну, то в другую сторону. Также обстоит дело и с земным развитием, земной эволюцией человека. Человеку приходится то отклоняться в сторону люциферического принципа, то отклоняться в другую сторону, в сторону ариманического принципа, но он должен крепко стоять, вырабатывая в себе то, что апостол Павел называл: «Не я, но Христос во мне».

Христа в Его активности мы должны целиком и полностью понимать как реальность, как действительность. Это значит, нам должно быть ясно, что всё влившееся в наше земное развитие через Мистерию Голгофы, поистине присутствует здесь. Дело не в том, хорошо или плохо понимали это люди до сих пор, дело в том, что всё это присутствовало здесь, всё это действовало в человеческом развитии. Многое можно сказать в связи с тем, что люди до сих пор не поняли импульс Христа. И небольшую часть должна привнести духовная наука к пониманию того, что из духовных высот через Мистерию Голгофы втекло в земное развитие как импульс Христа. Чтобы представить себе, как действовал импульс Христа, давайте проведём перед нашими глазами два момента земного развития, — нечто подобное происходило и в других местах, — два момента, которые столь важны во всем развитии западных стран.

Вы знаете из истории сколь важен был момент, когда Константин, сын Констанция Хлора, победил Максенция, и благодаря Константину христианство внешним образом было введено в дальнейшее развитие западных стран. Чтобы это могло свершиться, Константин должен был провести важную битву против Максенция, вследствие которой Константин сделал затем хри-

стианство государственной религией в своей Империи. Вся карта Европы стала бы иной, если бы тогда не состоялась эта битва между Константином и Максенцием. Но не военное искусство, которое в то время люди вели рассудочным образом, было решающим в этой битве, а нечто совершенно иное. Максенций обратился к так называемым Сивилиным книгам, пророческим книгам Рима, и был ими наставлен так, что своё войско, которое было бы хорошо защищено в стенах Рима, он вывел за стены Рима и поставил в открытом поле против войска Константина. Но Константин перед битвой видел сон, в котором ему было указано: если ты пойдёшь против Максенция под знаком Мистерии Голгофы, ты достигнешь великой цели. — И неся впереди знак Мистерии Голгофы — крест, Константин вступил в битву, имея войск на три четверти меньше, чем у Максенция. И вот, одухотворённый властью, пришедшей от Мистерии Голгофы, Константин одержал победу в той значительнейшей битве, благодаря которой христианство было внешним образом введено в Европу. Если мы вспомним, что тогда рассудочным образом понимали люди об импульсе Христа, мы найдём бесконечные теологические перебранки. Эти люди спорили о том, равен ли Христос из вечности Отцу, и другом подобном. Можно сказать: дело не в том, что тогда сознавали люди относительно импульса Христа, но в том, что он был здесь, этот импульс Христа, что Он был здесь, что Он руководил через Константина, посредством сна Константина тем, что должно было произойти. Дело в действительном существовании Христа, в реальной, действительной силе Христа. Понимать, что такое Христов импульс, мы начинаем только в духовной науке.

Другим моментом был тот, когда в борьбе между Францией и Англией Европа была сформирована так, что можно сказать: если бы тогда Франция не одержала победу над Англией, все отношения, условия стали бы иными. Но как это произошло? — Импульс Христа воздействовал на души из подсознания вплоть до нашего времени, когда Он должен становиться всё более и более осознанным. И тут в духовном развитии Запада мы ви-

дим, как импульс Христа избирает себе в душах людей то состояние, посредством которого Он может проявлять активность в отдельном человеке. Легенды сохранили для нас тот способ, посредством которого импульс Христа мог выявлять себя в духовном развитии западных стран. Эти легенды частично указывают нам на древние языческие времена, когда в язычестве подготавливалось понимание христианства.

Если душа не стремится сознательно достичь инициации на пути, описанном в книге «Как достигают познания высших миров?», но естественным, природным образом получает природную инициацию от импульса Христа, то наиболее благоприятным временем, когда импульс Христа может инспирироваться в душу, является время от Рождества до дня трех Королей, от 25 декабря до 6 января. Мы можем понять это, уяснив себе следующее: для оккультного познания вполне очевидно, что наша Земля — есть не только то, о чём говорят геологи. То, о чём говорят геологи, является по отношению к Земле тем же, чем является скелет у человека. Но наша Земля имеет ещё и духовное начало, связанное с ней. В земную ауру вошёл Христос. Эта Земля то спит, то бодрствует, как и мы в течение двадцати четырёх часов то спим, то бодрствуем. Мы должны познакомиться с тем, что сонное состояние Земли наступает в течение лета, а бодрственное состояние — в течение зимы. И сильнее всего бодрствует Дух Земли в эти двенадцать или тринадцать ночей от Рождества до дня трех Королей. В древности, в то время, когда, как вы знаете из многочисленных описаний в моих циклах лекций, люди поднимались к духовному принципу мира в состоянии своего рода сновидческого ясновидения, наиболее благоприятным временем было лето. Вполне естественно, что для тех, кто в состоянии сновидческого, грезящего ясновидения хотел подняться к духовному началу, легче всего это было во время сонного состояния Земли, во время лета. Поэтому существовал Иоаннов День, когда в древности время было наиболее благоприятно для того, чтобы возвысить силу души до духовного. Вместо старого способа воздействия духовного на Землю, выступил новый, бо-

лее осознанный способ; тут наилучшим стало время, когда Земля бодрствует.

Вот почему легенды рассказывают нам, что есть особенно благодатные люди, люди особенно подготовленные своей кармой для того, чтобы в рождественское время приходиться в особое состояние сознания, которое лишь внешне похоже на сон, но которое является внутренне таким, что в нём может быть получена инспирация. Вследствие чего люди могут подниматься в духовный мир, который мы обозначаем как страну духов. Есть одна прекрасная легенда, норвежская легенда об Олафе Эстесоне,⁹⁴ о котором рассказывается, как он пошел в церковь в рождественский вечер, и впал в состояние похожее на сон, как он затем проснулся 6 января и смог рассказать, что он переживал в этом сонном состоянии. Норвежская легенда действительно рассказывает нам, как Олаф Эстесон переживал нечто такое, что человек ощущает сначала как душевный мир, а затем как духовный мир, хотя всё только в образах, в имагинациях.

Это время было наиболее благоприятным в ту эпоху, когда человек ещё не был настолько развит, как в наше время. Сегодня уже миновало то время, когда импульс Христа мог струиться в душу таким образом, посредством природного посвящения, природной инициации. Сегодня люди должны сознательно, как это предписано в книге «Как достигнуть познания высших миров?»⁹⁵ возвышать себя до инициации. Мы живём в то время, когда природная инициация будет становиться редкой и, наконец, исчезнет вообще, так что мы не должны будем полагаться на неё. Однако это, — в сущности, названное природной инициацией, — посвящение было тем, посредством чего Христов импульс действовал в душе простой деревенской девушки, в душе Орлеанской Девы, предопределив тем самым победу французов над англичанами, победу, которая столь величественным образом преобразила географическую карту Европы. И опять-таки это не было делом человеческого рассудка, но тем, чем тогда, помимо всякого искусства военачальников руководствовалась Орлеанская Дева, благодаря чему Европа получила новый облик — то

есть благодаря импульсу Христа, Который работал в подсознании отдельной личности, причём работал так, что от этой личности излучалось то, что подействовало на всю историю.

Мы должны обратить внимание на то, что в случае Орлеанской Девы, могло произойти нечто похожее на природное посвящение, как если бы душа Орлеанской Девы была инспирирована в ночи с 25 декабря по 6 января. В биографии не указывается на то, что Орлеанская Дева когда-либо в эти двенадцать или тринадцать дней с 25 декабря по 6 января впадала в состояние подобное сну, в котором Христов импульс мог бы особенно воздействовать на неё, так, чтобы она затем действовала бы на полях сражений во Франции в качестве человека — оболочки Христова импульса. И всё же было именно так. Было время, когда такое подобное сну состояние действительно могло иметь место, если карма данной индивидуальности делала это возможным у человека. Это было время в течение тех последних дней, когда человек перед физическим рождением ещё живёт в теле матери. Там человек живёт в грезящем подобном сну состоянии. Он ещё не видит с помощью органов чувств того, что происходит вовне в мире. Если человек особо подготовлен своей кармой, в эти последние дни, когда он ещё живёт в теле матери, воспринять Христов импульс, то эти дни могут стать днями природного посвящения, природной инициации. Тогда такой человек, став сильнее и крепче, благодаря заложенному в него импульсу Христа, впервые открыл бы глаза после инициации; в данном случае это значит — после рождения. И такой человек должен был бы родиться 6 января. Орлеанская Дева родилась 6 января. Это тайна Орлеанской Девы, то, что она родилась именно 6 января, что она время от Рождества до дня трёх Королей провела в необычном, подобном сну состоянии в теле матери, и там получила свою природную инициацию. Вспомните о глубоких связях, которые стоят за тем внешним развитием, которое обычно называют историей. То, что внешне отражается в истории на основе документов, бывает, как правило, наименее важным. Простая дата, стоящая в нашем календаре, — то, что Орлеанская Дева была

послана в мир 6 января, имеет преимущественное историческое значение. Так силы из сверхчувственного действуют в чувственном. И мы должны читать эти оккультные письма, посредством которых отображается для нас это воздействие сверхчувственного в чувственном. Итак, в случае Орлеанской Девы, вхождение Христова импульса как природной инициации, происходило ещё перед физическим рождением.

Я хочу изложить вам эти вещи для того, чтобы вызвать в ваших душах чувство, как за тем, что обычно называют историей, действуют связи и силы, неизвестные внешнему наблюдению. Однако, Христов импульс, начиная от Мистерии Голгофы, руководил историей именно европейского человечества. На Востоке, в Азии миропонимание отстало, о нём можно сказать: оно в своих ощущениях ещё не дошло до импульса Христа. Конечно, европеец может позволить ввести себя в заблуждение, и то, что ощущается как индуизм, называть чрезвычайно глубоким. Но для этого индуизма, — вообще для всего азиатского религиозного чувства, — характерно, что, стоя перед импульсом Христа со всеми своими чувствами, он сохраняет то состояние, которое, как религиозное ощущение, земное человечество имело ещё до импульса Христа. Отстать в развитии всегда означает, принять в себя нечто люциферическое. Вот почему азиатское религиозное развитие несёт в себе люциферический элемент. И если мы посмотрим на азиатское религиозное развитие, мы убедимся: конечно, мы можем в нём увидеть многое, что когда-то уже имело человечество, но от чего оно должно было отстраниться, что уже вышло из употребления. Однако всё это мы в западной культуре должны частично очистить от люциферического элемента, а частично возвысить так, чтобы туда мог влиться принцип Христа.

Если же мы перейдём из Азии в Европу, то на Востоке Европы мы найдём распространившееся в русской культуре ортодоксальное христианство, остановившееся на более ранней ступени христианского развития, не пожелавшее идти вместе и хотевшее удержать нечто люциферическое. Короче, взглянув на Восток, мы имеем то, что, я бы сказал, мудрое мировое водительство во

всём развитии человечества оставило после себя как люциферический элемент.

Если же мы посмотрим на Запад, в особенности на американскую культуру, то мы имеем там другое отличительное свойство. Характерным для этой американской культуры является то, что всё направлено на внешнее. Тем самым, конечно, достигается и нечто великое, нечто значительное: но все ищется во внешнем. Приведём пример. Если в Европе, а именно в Средней Европе мы видим, что человек, который в своей жизни прежде не имел возможностей настроить свою душу по отношению к духовным мировым властям, ко Христу, и вдруг, вследствие чего-то в его жизни происходит поворот, мы интересуемся, что же произошло в его душе. Не то, что он пережил скачок в своём развитии, интересуется нас, это встречается повсеместно. Ибо самое неправильное — это тезис внешней науки: природа не делает скачков.⁹⁵ — От зелёного листа к красному цветочному лепестку ведёт мощный скачок, от цветочного лепестка к чашечке — снова мощный скачок. Этот тезис поистине неверен, и правда относительно развития основывается на том, что скачки делаются повсюду. Итак, если человек какое-то время живёт чисто внешним, но вдруг, благодаря чему-то получает склонность к духовности, — в этом нет ничего особенного, что бы интересовало нас. Но вот внутренняя сила, власть, которая содействует тому, что можно назвать обращением к духовности — это интересуется нас. Давайте заглянем в душу такому человеку, давайте узнаем, что привело его к такому обращению? Нас интересуется то, что внутри души. Как это делает американец? — Он делает нечто весьма своеобразное, странное. В Америке можно наблюдать многократно, как совершаются такие обращения. Американец может переписываться с теми, с кем произошло такое обращение. Затем он складывает все эти письма в стопку и говорит: я получил письма от некоторого числа людей, примерно двести человек написали письма. Четырнадцать процентов от всех этих душ, переживших такое обращение, написали из-за страха, который вдруг находил на них, страха перед смертью или перед адом; из

альтруистических мотивов — пять процентов; ради стремления к нравственным идеалам — семнадцать процентов; из-за угрызений совести — пятнадцать процентов; ради следования учению, которое им было дано — десять процентов, вследствие того, что они видели как обратились другие, то есть из подражания, — тринадцать процентов; вследствие того, что их заставили, когда в соответствующем возрасте отлупили — девятнадцать процентов, и так далее. Так берут эти исключительные души, сортируют их и получают результат, построенный на «надёжных данных». Затем это публикуется в книгах, которые распространяются среди людей как некое «учение о душе», «душеведение». Все основания иного рода для этих людей ненадёжны, так как построены только на субъективном опыте, как они говорят. Вот вам пример поверхностного суждения о самом, что ни на есть, внутреннем. И так обстоит во многих, многих отношениях в Америке. В то время, когда требуется особое спиритуальное углубление, в Америке распространяется поверхностный спиритизм! Там всё хотят держать в руках.

Это материалистическое понимание духовной жизни. Мы могли бы привести ещё много подобных примеров, на которых вы увидели бы, что западная культура получила американскую упаковку. Это движение маятника в другую сторону. Взглянув на Восток, мы имеем люциферический элемент, взглянув на Запад, мы имеем ариманический элемент. И бесконечно значительна задача, которую имеем мы между Востоком и Западом в Средней Европе; эта задача — найти равновесие. Вот почему мы хотели бы установить в нашем Дорнахском здании скульптурную группу, как выражение величайшего требования нашего времени: найти равновесие между отношением к Люциферу и отношением к Ариману. Только тогда узнают, что хотел импульс Христа от земного развития, если не просто поставят (скульптуру) Христа, но будут правильным образом знать, что Христос является той силой, которая наглядно предстаёт перед нами в отношении к Люциферу и Ариману.

В том, что касается отношения человека и Христа к Люциферу и Ариману, ещё нет никакой ясности: это вам может наглядно показать следующий факт. Даже величайшее, то, что в этой связи содержат величайшие произведения, не всегда свободно от той односторонности, которая господствовала в то время. Не следует переоценивать ту картину, которую Микеланджело выставил в Сикстинской капелле в Риме, картину «Страшный Суд», эту достойную удивления картину. Триумфирующий Христос, посылающий добрых в одну сторону, а злых — в другую. Вспомните в этого Христа. В Его чертах нет того, чего хотели бы достичь мы в образе Христа, который должен будет стоять в нашем Дорнахском здании. Там должно быть видно, что Христос поднимает руку с состраданием, несмотря на то, что вверху находится Люцифер. Люцифер должен обрушиваться вниз не из-за силы Христа, но он сам обрушивает себя, так как не может перенести того, что вблизи от него излучает Христос. Христос поднимает свои глаза, морщит лоб, поднимая сморщенный лоб к Люциферу. И Ариман тоже преодолевается не вследствие ненависти Христа, но он чувствует, что не может вынести того, что излучается от Христа. Христос стоит в середине как тот, Кто приносит в новое время элемент Парсифаля, который должен не своей силой, а своим бытием, присутствием, приводить других к самопреодолению, так что другие преодолевают себя сами, а не Он преодолевает их. У Микеланджело мы ещё видим, как Христос своей властью посылает одних на небо, других — в ад. Но в будущем такой Христос не был бы настоящим, такой Христос был бы ещё очень люциферичен. Но это, конечно, не умаляет эту картину. Всё величие этой картины признано, но надо признать и то, что Микеланджело ещё не мог нарисовать Христа, поскольку мировое развитие ещё не продвинулось столь далеко. Необходимо учитывать то, что надо направлять свой взгляд не только на Христа; надо направлять взгляд на тройственное построение существ: Христос, Люцифер, Ариман. Я могу лишь намекнуть на это. Духовная наука впервые раскрыла

всё то, что заложено в этой тайне: Христос по отношению к Люциферу и Ариману.

Однако вспомните следующее: если мы посмотрим на Восток, то даже на близком (к нам) Востоке мы увидим люциферические силы. На Западе мы видим ариманические силы. Поистине, это должно стать нашим образом действия, при духовнонаучном исследовании не рассматривать ничего с симпатией или антипатией, не рассматривать также народ или народность с симпатией или антипатией. Надо рассматривать это так, как являются они в своём своеобразии, в собственном виде. То, что называют национальными особенностями отдельного человека, принадлежащего своему народу, зависит прежде всего от того, что находится в физическом и эфирном теле. Когда мы от засыпания до пробуждения живём с нашим душевно-духовным началом, как с астральным телом и «я», то мы живём вне обычного национального. Лишь от пробуждения до засыпания, будучи погружены в тело, мы живём в национальном элементе. Вот почему национальное тоже представляет собой нечто такое, что человек в течение своего пребывания в Кама-Локе мало помалу преодолевает. Человек стремится к общечеловеческому началу, когда он в Кама-Локе преодолевает национальное, для того, чтобы большую часть времени между смертью и новым рождением жить в общечеловеческом. К свойствам, которые отбрасываются в Кама-Локе относятся и те, что придают нам национальную специфику.

Но в этом отношении отдельные национальности очень отличаются друг от друга. Сравним человека французского и человека русского. Французский человек обладает тем свойством, что он особенно сильно удерживает всё, что в течение жизни между рождением и смертью Народная Душа внесла в его физическое и эфирное тело; он целиком и полностью живёт в этом. Это выражается в том, что француз — не как отдельный человек, а как француз — имеет представление о том, что такое француз: он выставляет на первый план, что же это такое — француз. Однако эти мысли, которые имеют французы по поводу своей национальности, которые имеют вообще романские народы о своей

национальности, содействуют тому, что в эфирное тело остро впечатываются представления, которые имеет француз о национальном. Проходя через врата смерти, он уже через несколько дней отделяет эфирное тело; это эфирное тело тогда является твердым, замкнутым образованием, которое ещё долгое время продолжает существовать в эфирном мире. Это эфирное тело долгое время не может раствориться, поскольку в нём прочно запечатлены представления о его национальности; эти представления спланивают, скрепляют это эфирное тело. И если мы посмотрим на Запад, то мы увидим, что поля смерти заполнены затвердевшими эфирными телами.

Теперь посмотрим ближе, на Восток, на русского человека; отличительным свойством этих русских людей является то, что они, когда их души проходят через врата смерти, несут на себе такие эфирные тела, что они по отношению к другим растворяются очень быстро. В этом состоит различие между Западом и Востоком. Эфирные тела, отделённые после смерти западноевропейских людей, обладают тем свойством, что они хотят стать застывшими. То, что француз называет «Глорией», славой, прочно впечатывается в его эфирное тело как национальная слава, так что он принуждён ещё долго, долго после своей смерти направлять свой духовный взгляд на это эфирное тело и рассматривать самого себя после смерти. Напротив, русский человек недолго рассматривает самого себя после смерти. Вследствие всего этого западноевропейский человек подвергается ариманическому влиянию; эта материализация эфирного тела подвержена ариманическому принципу. Расплавление эфирного тела, скорое восхождение эфирного тела сопровождается чувством блаженства, сладострастия; это отличительное свойство — проявления инстинктивного сладострастного чувства в национальном. Как это выражается на Востоке? — Средняя Европа этого не понимает, так как здесь этого не чувствуют. Если исследовать Достоевского и даже Толстого, или других, задающих тон, то они всегда говорят о «русском человеке»: здесь в национальном выявляется сладострастное чувство, определить которое сами они не

могут. Даже у Соловьёва мы ещё находим в его философии нечто сладострастное, знойное, что человек Средней Европы не может соединить с той ясностью и чистотой, которую он ищет. То, что в Европе действительно как духовная сила, связано со всем этим. В Средней Европе существует другое, среднее состояние, а именно то, о котором можно было бы сообщать далее, как это было возможно во вчерашней открытой лекции. Я сказал: в Средней Европе существует нечто, что является внутренне стремящейся природой. Гёте на сороковом году очень точно написал в своём «Фаусте»: «всегда стремиться, всегда стремиться!» — Но это стремление является самой внутренней природой. В Средней Европе, когда выступали мистики, Божественно-духовное не хотели только познавать, но хотели переживать собственной душой. Событие Христа мистики хотели переживать внутренне. Если взять Соловьёва, то мы найдём, что он, прежде всего, исходит из следующего: Христос когда-то исторически умер для человечества. Это совершенно правильно, но у Соловьёва речь идёт о душе, которая видит духовную жизнь как облако, вне себя, о душе, которая видит, что всё уже как бы произошло, в то время как средневропейский человек требует, чтобы каждый заново испытывал в себе переживание Христа. Самому Соловьёву Мейстер Экхарт возразил бы следующим образом. Если Соловьёв всё снова и снова подчеркивает, что Христос должен был пройти через смерть, для того, чтобы человек мог стать человеком, то Мейстер Экхарт сказал бы: Вы смотрите на Христа, рассматривая как бы нечто внешнее. Дело не в том, что мы всё время смотрим лишь на исторические события, но мы должны переживать самого Христа во внутреннем мире, мы должны открыть во внутреннем мире нечто такое, что имеет такое же состояние, как и Христос, по крайней мере, духовно, так, что снова духовно, спиритуально испытать переживание Христа.

Конечно, покажется странным и фантастическим, если современный человек скажет: всё развитие, включая и развитие речи, Народный Дух направлял в Средней Европе так, что даже в его речи напечатлелась связь «я» с принципом Христа: I-CH =

Jesus Christus; «я» = Иисус Христос. I-СН связано так, что получилось «Ich», «я». И когда в Средней Европе выговаривают «я», «Ich», выговаривают имя Иисуса Христа. Так близко «я» хочет чувствовать себя с Христом, так внутренне быть связанным с Ним. Эта интимная совместная жизнь с духовным миром, к которой в Средней Европе должны стремиться во всех духовных областях, неизвестна ни на Западе, ни на Востоке. Вот почему в XX столетии должно произойти нечто для того, чтобы постепенно по всему европейскому континенту соответствующим образом распространился принцип Христа. В различных циклах лекций⁹⁶ я часто подчёркивал, что в ноябре 1879 года то духовное Существо, которого мы обозначаем как Архангела Михаила, достигло особой ступени развития. Михаил стал, так сказать, ведущим Духом. Этот ведущий Дух подготавливает событие, на которое указано в моей первой Дrame-Мистерии⁹⁷ как на Пришествие эфирного Христа на Землю, событие, которое должно наступить в двадцатом веке. Затем придёт и то, что сначала отдельные души, потом всё больше и больше душ будут знать: Христос действительно здесь, Христос снова странствует по Земле, но в эфирном облике, не в физическом облике. — Это должно быть подготовлено. Если в течение этого XX столетия у некоторых душ ясновидчески откроются духовные очи, — а это будет происходить, — для того, что живёт в эфирном мире, они будут испытывать помехи из-за тех эфирных тел, которые распространяются из Западной Европы. Духовный взор стал бы направляться сначала на них, а образ Христа стали бы видеть неправильно. Вот почему Михаил должен вести битву в Европе. Он должен содействовать тому, чтобы эти западноевропейские застывшие эфирные тела растворились в эфирном мире. Для этого Он должен взять те эфирные тела, которые охотно растворяются, эфирные тела с Востока, и с ними Он должен бороться против Запада. Это содействует тому, что, начиная с 1879 г. в астральном мире подготавливалась грандиозная битва между русскими и западноевропейскими эфирными телами, и эта борьба бушует во всём астральном мире. Действительно, в астраль-

ном мире идёт сильная борьба, предводительствуемая Михаилом, борьба между Россией и Францией. Это то, что в астральном мире лежит в основе той борьбы, которая бушует тут в Европе. Мы часто бываем поражены, понимая, что нечто, происходящее здесь на физическом плане, в духовном мире является как противоположное, так обстоит дело и в данном случае. Франко-русский союз,⁹⁸ заключённый вследствие ариманического соблазна, соблазна Аримана, опирающийся на преимущественно ариманический элемент, а именно на двадцать миллиардов, которые передала России Франция, является физическим выражением той борьбы, которая бушует между французскими и русскими душами, борьбы, в которую вовлечена Средняя Европа со своим стремлением в самом внутреннем душевном элементе, стремлением к встрече со Христом. И Европа подпала той карме, что именно в Средней Европе трагическим образом приходится переживать то, что происходит между Востоком и Западом и между Западом и Востоком. Вещи, которые внешне вынуждают немецкий элемент разбираться с французским элементом, понимают только так, что немцы находятся в середине между Востоком и Западом, и с обеих сторон используются в качестве наковальни. Ибо то, что с обеих сторон сталкивается в Германии, в действительности согласовано между этими сторонами. Такова духовная действительность, которая совсем иная, нежели разыгрывающаяся внешне в физическом мире. Подумайте о том, как отличается духовная истина от того, что разыгрывается внешне в физическом мире! Конечно, всё это для современного человека звучит гротескно, но это правда. И эта правда должна ошеломлять нас.

Но ещё и другая вещь является чрезвычайно значительной. Она противоречит всему, что может показать нам история; Англия, после того, как она объединилась с турками против России, вдруг должна была вместе с Россией бороться против турок. Это противоречие станет понятно только, если сделать следующее оккультное наблюдение. Если в отношении этой борьбы провести оккультное наблюдение и как бы снизу вверх посмотреть на

физический план, а затем на астральный план, то предстаёт следующее: на севере Россия кажется соединённой с Англией, а на юго-востоке Турция кажется соединённой с Англией. Это происходит оттого, что союз России с Англией имеет значение только на физическом плане, но не имеет отражения в духовном мире, ибо он построен всецело на материальных интересах. Снизу видно только как на физическом плане на севере Россия и Англия объединены. На юго-востоке, глядя через физический план на астральный план, англичане, будучи душевно объединены с турками, борются против России. Так Англия на физическом плане с одной стороны борется вместе с Россией, а с другой стороны Англия атакует Россию. Так должны мы рассматривать вещи, которые разыгрываются внешне, поскольку они раскрываются как внешняя история. Ибо то, что стоит за ними, представляет собой нечто совершенно иное.

Придёт время, когда люди будут говорить о нынешних событиях совершенно иначе, нежели это происходит теперь, в настоящее время. Надо сказать, что вся литература о войне представляет собой нечто поистине безрадостное. Порой говорят кое-что красивое, но очень много безрадостного. И, прежде всего, безрадостным является следующее. Всегда говорят: сегодня ещё нельзя сказать о том, кто виноват в войне, и так далее. — По поводу этих вещей утешают себя. Говорят: в будущем из архивных документов откроется, кто виноват в войне! — В отношении внешних событий обнаружить эти вещи не так уж трудно, если судить беспристрастно. Чемберлен⁹⁹ в своих сочинениях о войне, хотя он допускает ошибки в отдельных местах, прав, когда говорит, что именно об этой войне можно узнать все самое достоверное. Это правильно, в этом нет сомнений, но надо только правильно ставить вопросы. Есть, например вопрос, на который, если он поставлен правильно, может быть только один ответ. Вопрос: кто мог предотвратить эту войну? — Всегда повторяющийся вопрос: кто виноват в этой войне? И многие другие вопросы — неправомерны. Кто мог предотвратить эту войну? Никакого иного ответа не может быть, кроме одного: русское пра-

вительство могло предотвратить эту войну! — Только так могут быть найдены определения для побуждений, которые действовали в отдельных случаях. Само собой разумеется война, в течение десятилетий желаемая на Востоке, не могла бы состояться сегодня, если бы Англия, Франция и Россия не имели между собой известных отношений, так что, если хотят, Англии тоже можно приписать большую вину. Но все эти вещи не учитывают того, что стоит за всем этим как причины, которые сделали всю мировую войну необходимой. Наивно полагать, что войну можно было остановить. Теперь люди говорят, как если бы у этой войны не было необходимости придти. Конечно, она заложена в европейской карме.

Мне хотелось бы указать кое-что, посредством духовного противоречия между Востоком и Западом. Дело не в том, что мы, так сказать, особенным образом запрашиваем о внешних причинах, ибо это как раз не важно. Мы только должны знать, что эта война является исторической необходимостью. Отдельные причины тут не важны.

Однако важны все разнородные следствия, по отношению к которым мы должны поставить себя правильным образом. И тут перед нашей душой как нечто весьма значительное, может выступить одно следствие. Это то величественное, характерное явление, что вследствие такой войны возникло много неизрасходованных эфирных тел. И поскольку эта война — самая большая среди тех, которые вело человечество на протяжении своей осознанной истории, то и это отличительное явление выступает в высшей мере. Появились неиспользованные эфирные тела. Видите ли, эфирное тело, которое человек несет в себе, могло бы обеспечивать его долгое время, пока человеку не стало бы семьдесят, восемьдесят, девяносто лет. Но в войну люди становятся жертвами в расцвете лет. Когда человек проходит через врата смерти, то, как вы знаете, эфирное тело через короткий срок сбрасывается; но у павших во время войны сбрасывается такое эфирное тело, которое могло бы ещё долго, в течение десятилетий находится в физическом теле и обеспечивать эту челове-

скую жизнь. В физике известно, что никакая сила не исчезает. В духовном деле обстоит точно так же. Эти эфирные тела, которые преждевременно вышли в эфирный мир, продолжают существовать со своими силами. Представьте себе, что здесь находится бесчисленное количество неиспользованных эфирных тел тех, кто, будучи молодым человеком, прошёл через врата смерти. С этими эфирными телами дело обстоит особенным образом. Это я хотел бы пояснить на одном примере, близко касающемся нашего движения, чтобы затем перейти к эфирным телам бойцов, прошедших через смерть, эфирным телам, которые в ближайшем будущем будут сохраняться в эфирном мире.

Этой осенью в Дорнахе мы пережили смерть маленького сына из одной семьи, работающей вокруг здания нашего Антропософского Общества, смерть маленького семилетнего Теодора Файсса. Отец раньше жил в Штутгарте, затем он приехал в Дорнах, чтобы работать садовником около здания; там он и жил со своей семьёй. Вскоре он был призван на начавшуюся войну, и во время события, о котором я хочу сообщить, был в лазарете. Маленький семилетний Теодор был поистине солнечным ребёнком, это был чудесный любимый мальчик. Но однажды произошло следующее. Была одна из лекций, которые я читал в Дорнахе, в связи с тем, что происходит при строительстве здания. После лекции пришел один человек и сказал, что маленький Теодор Файсс поздно вечером не вернулся к своей матери. Было десять часов вечера, не оставалось думать ничего иного, как то, что произошло большое несчастье. Именно в эту среду прибыл мебельный фургон, он ехал по дороге вблизи так называемой кантины, столовой, и должен был повернуть. Этот фургон появился тогда в том месте, на котором, можно сказать с уверенностью, за много десятков предшествующих лет не было никаких больших фургонов, вообще, может быть, никаких мебельных фургонов не было как до того, так и после. Маленький Теодор, перед тем как этот фургон поворачивал, находился в кантине, в столовой. Он там немного задержался, иначе он бы раньше пришел домой с тем, что он приносил из кухни кантины к ужину. Он возвращался по

дороге домой — это очень короткий путь — и оказался именно в том месте, где фургон перевернулся и упал на этого маленького Теодора. Никто этого не заметил, даже сам кучер. Он спасал только своих лошадей, когда перевернулся фургон, и не знал, что внизу ребенок. Когда нам доложили о пропаже ребёнка, мы должны были попытаться поднять фургон. Друзья принесли инструменты; при этом помогли мобилизованные швейцарские солдаты. Конечно, ребенок примерно с половины шестого вечера был уже мертв. Мебельный фургон сразу придавил его, и он умер от удушья.

Здесь мы имеем дело с таким случаем, к которому применимо то, что я уже часто пытался пояснить с помощью сравнения; тут причину и следствие поменяли местами. Я уже часто приводил следующее сравнение: допустим, мы видим, как по берегу реки идёт человек. Человек падает в реку. Бегут и находят камень на том месте, где человек упал в реку, и думают при этом, что человек споткнулся, упал в реку и от этого умер. И так, говорят, что человек умер оттого, что упал в реку. Но если бы он подвергся вскрытию, может быть обнаружили бы, что с ним случился сердечный удар, и вследствие этого он мёртвый упал в воду. И так, он умер не потому, что упал в воду, но упал в воду, потому, что умер. Такие перемены местами причины и следствия вы часто найдете в бытовых, жизненных суждениях, а в современной науке — ещё больше.

В случае маленького Тео было так, что карма его истекла, так что действительно можно сказать: он сам доставил туда фургон. Я упоминаю весь этот случай, который внешне выглядит чрезвычайно трагично по той причине, что мы тут должны иметь дело с эфирным телом этого ребенка, которое ещё в течение десятилетий могло бы обеспечивать жизнь этого ребёнка. Это эфирное тело со всеми неиспользованными силами находится в духовном мире, оно перешло в эфирный мир. Где же оно? Что оно делает? — Тот, кому приходилось с тех пор работать в Дорнахском здании с художественными интенциями, и вообще развивать мысли по благоустройству здания, тот знает, если только в то

самое время имел оккультное зрение: всё это эфирное тело с его силами увеличилось до ауры Дорнахского здания. Мы должны различать: индивидуальность находится в другом месте, она идёт своим собственным путём, но эфирное тело через несколько дней было отделено, отброшено, и теперь оно существует в здании. И я без колебаний скажу, что среди сил, которые ведут к интуиции, находятся силы этого эфирного тела, которые были пожертвованы для здания. За кулисами жизни связи часто оказываются совершенно иными, нежели можно себе представить. Это эфирное тело стало защитными силами здания. В такой связи есть нечто величественное, мощное.

Вспомним теперь, какая большая сумма сил восходит в духовный мир в неиспользованных эфирных телах тех, кто проходит сейчас через врата смерти вследствие военных событий.

Вещи связаны между собой иначе, нежели могут себе это представить люди; карма в мире исполняется иначе. Духовная наука должна существовать для того, чтобы на место фантастических представлений поставить истинные духовные представления. Приведем лишь в качестве примера следующее: мы едва ли сможем представить себе нечто со спиритуальной точки зрения более фантастическое и неправдивое, чем происходившее в последние десятилетия. Что происходило вследствие того, что было основано особенное «Общество мира»,¹⁰⁰ чтобы на место войны поставить право, — как говорят, — «международное право»! — Ещё не было такого времени, в которое человечество вело бы такую страшную войну, как с тех пор, когда было основано это «Общество мира». В последние десятилетия это движение за мир попало под особое покровительство, защиту со стороны тех монархов, которые ведут эту войну, наиболее кровавую и наиболее ужасную из всех которые когда-либо велись в мировой истории. Так что возникновение движения за мир со стороны царя надо рассматривать как величайшую комедию, которая когда-либо разыгрывалась в мировой истории, величайшую комедию, и в то же самое время самую отвратительную комедию! Это и есть то, что выше было названо люциферическим соблазном. Это

может быть хорошо прослежено в подробностях. Можно сказать, что это производит на душу потрясающее впечатление, когда видят — в ином случае человек может смотреть на вещи как хочет, — как в начале, когда эти военные импульсы проникли в Европу, в Среднюю Европу, даже туда, где собирался в Берлине немецкий Рейхстаг, все эти люди почти ничего не сказали. Было сказано мало, но вещи говорили сами за себя. Зато бесконечно много было высказано как на Западе, так и на Востоке. Но, в некотором смысле самое потрясающее впечатление получаешь оттого, что говорилось со стороны различных партий в Петербургской Думе. На разные лады представители Думы не произносили ничего, как только — с большим огнём и воодушевлением, — пошлые «соломенные» фразы. Это было потрясающе. Это и есть люциферический соблазн. Всё это показывает нам, что огонь, горящий в этой войне — это предупредительный, предостерегающий огонь, и что люди должны быть внимательны.

Всё, что вообще сейчас происходит, указывает на то, что, по крайней мере, некоторые души должны сказать себе: так как идут дела в мире дальше продолжаться не может, в человеческое развитие должно втекать спиритуальное начало! В этой страшнейшей войне материализм обрёл свою карму. В некотором отношении эта война — есть карма материализма. Чем больше человеческих душ увидит это, тем больше будут они выходить из дискуссии на тему, тот или этот виноват в войне, и будут говорить себе: эта война послана нам в мировую историю, чтобы стать предостережением, предупреждением, что мы должны обратиться к спиритуальному пониманию всей человеческой жизни.

Материализм не только делает души материалистически мыслящими, он портит логику и притупляет чувства. В пределах Средней Европы, тоже надо увидеть нечто, связанное с тем, что я говорил: что именно в Средней Европе человек наиболее интимным образом должен быть охвачен поступательным развитием импульса Христа. Но к этому относится то, что человек должен начать понимать тех мыслителей, которые уже заложили семя для этого. Только один пример: Гёте создал учение о цвете,

хроматику. Физики смотрят на неё как на нечто такое, о чём они говорят, сострадательно смеясь: да что может поэт понимать в цвете? Ведь он был дилетант! Начиная с восьмидесятых годов я стараюсь противопоставить современной физике учение Гёте о цвете, дать ему пробиться. Этому не могут понять. Почему этого не могут понять? Потому что этот материалистический принцип, исходящий от британской Народной Души, вступил в Среднюю Европу. Ньютон, с которым Гёте вынужден был бороться, одержал победу над тем, что проистекало из духа у Гёте. Гёте основал также эволюционную теорию, учение об эволюции, в котором было показано, как, подчиняясь духовным законам, существа движутся вперед от наиболее несовершенного к более совершенному. Понять это людям было трудно. Когда же Дарвин преподнес своё эволюционное учение в более легкой форме, люди его приняли. Материалистические мыслители, инспирированные британской Народной Душой, победили Гёте, который извлекал всё из интимнейшего диалога с немецкой Народной Душой.

Эрнст Геккель¹⁰¹ пережил трагедию. В течение всей жизни он духовно питался тем, что давали ему Гексли и Дарвин. Материализм Эрнста Геккеля является, в сущности, чисто английским продуктом. Но когда разразилась война, Геккель был возмущен тем, что исходило с британских островов. Он был одним из первых, кто отослал обратно английские ордена, дипломы и отличия. Но следовало бы отослать назад не ордена, дипломы и отличия, но по-английски окрашенный дарвинизм и по-английски окрашенную физику. К такому образу мыслей должен придти человек для того, чтобы увидеть то, к чему следует стремиться в средневропейской области — к интимному внутреннему совместному бытию с мировыми законами.

В наибольшей степени человеку можно навредить, если в его детскую душу вливают то, что развивается далее, имея сугубо материалистическую окраску. Это разрабатывалось в течение столетий. Ариман даже инспирировал на эту тему у британцев одного крупного писателя, так что этот писатель написал книгу, рассчитанную на то, чтобы ещё в детском возрасте влить в душу

нечто материалистическое, чтобы это не было заметно, поскольку человек не рассматривает всё это как материалистическую подготовку. Это «Робинзон Крузо». Форма, в которой написан Робинзон, столь рафинирована, что эти робинзоновские представления, будучи восприняты, так препарируют дух, что позднее он может мыслить только материалистически. Человечество ещё не излечилось от открытий робинзонады, они всегда давались и даются до сих пор. Тут можно было бы привести многое. Эти вещи высказываются не ради того, чтобы сказать нечто отрицательное по отношению к народам Запада, которые должны быть такими, какие они есть, но чтобы указать на то, как в Средней Европе люди должны находить связь с великими ценностями, которые, однако, находятся ещё в зачаточном состоянии, по отношению к их будущему развитию. В этом отношении особенно значительную позицию занимает, в сущности, Австрия. В последние десятилетия можно было видеть, как осуществлялось стремление к высшему благодаря таким мыслителям как Гамерлинг¹⁰² в области поэзии, как Карнери,¹⁰³ который хотел углубить дарвинизм с моральной стороны, как Брукнер¹⁰⁴ в области искусства, благодаря другим, действовавшим в иных возможных областях. Осознание народного начала посредством этих вещей — вот то, о чем идет речь.

А теперь вспомним о неизрасходованных эфирных телах, которые существуют здесь. Эти эфирные тела сброшены теми людьми, которые в этих великих событиях научились жертвовать ради того, что как таковое не было дано им, во всяком случае, на чувственном уровне: ради народного начала. Когда сегодня человек, будучи духовным исследователем, говорит о том, что Народная Душа существует как Архангел, и т. д., над ним смеются. То, что в материализме называют Народной Душой — есть лишь абстрактная совокупность свойств, которые имеют люди одного народа. То, что материалист называет народом, есть только сумма людей, похожих друг на друга и живущих вместе на одном пространстве. Мы же говорим о народном начале так, что мы знаем: Народный Дух действительно существует

как реальное существо в ранге Архангела. Даже если тот, кто жертвует собой, проходя через смерть за свой народ, на поле событий не имеет полного сознания о реальном Народном Духе, он, тем не менее, укрепляет себя благодаря форме своего прохождения через смерть, так что может верить в продолжение своей активности после этой смерти, верить в то, что народное начало — это нечто большее, нежели видно глазами: это его связь, его совместная принадлежность к сверхчувственному. Итак, все те, кто проходит через такую смерть, как если бы они более или менее знали об этом, идут через эту смерть, утверждая, что сверхчувственный мир есть; это напечатлевается их эфирному телу. Так что в будущем кроме тех, кто будет жить на физическом земном шаре, когда снова наступит мир, будут жить и неизрасходованные эфирные тела, посылая свои тоны, голоса в музыку сфер: в мире есть больше, чем можно увидеть только физическими глазами! Спиритуальная истина будет звучать в музыке сфер посредством того, что в своих эфирных телах оставили умершие, совершенно независимо от того, что они взяли с их индивидуальностью, которую они проносят через жизнь между смертью и новым рождением. Однако те, кто будет жить, должны будут слышать то, что звучит сверху вниз из этих эфирных тел, поскольку эти эфирные тела были отложены людьми, которые, подтверждая истину духовного мира, прошли через врата смерти. Было бы большим грехом человечества, если оно не прислушается к тому, к чему призывают его умершие люди посредством своих предостерегающих эфирных тел. Сколь бесконечно будет оживляться то, что хотят созерцать, вглядываясь в духовные миры, если будут думать о том, что отцы и матери, сестры и братья должны говорить себе: то, чем пожертвовали здесь, живёт для всего человечества, возвещая о том, что должно придти!

Если же захотят строить только на том, что разыгрывается здесь, в физическом мире, надежд на успешный прогресс спиритуального движения будет немного, движения, которое должно опекаться посредством нашего духовнонаучного мировоззрения. Когда у нас недавно умер добрый, верный сотрудник, примерно

на тридцатом году своей жизни, в моих словах, которые я направил к его душе, прошедшей через врата смерти, заключалась просьба, чтобы эта душа верно и смело хотела бы сотрудничать на нашем духовнонаучном поприще, как верно и самоотверженно сотрудничала она здесь, используя всё, что знала. Этот сотрудник прилежно сотрудничал здесь, на физическом плане. Я передал ему как известие в его жизнь между смертью и новым рождением, чтобы он мог сотрудничать и после смерти, так же, как он это делал перед смертью, ибо мы относимся к этим так называемым умершим, как к живым. Духовнонаучное мировоззрение должно быть столь живо для нас, чтобы преодолеть пропасть между так называемыми умершими и живыми, чтобы мы умерших чувствовали среди нас как живых. Мы хотим не только теории, но жизни. Так мы хотим также указать на то, что существует живая связь между теми, кто живёт на Земле, когда снова будет мир, и теми, кто прошёл через врата смерти. Люди смогут учиться у умерших, они должны будут учиться тому, как эти умершие указанным образом содействуют великому спиритуальному прогрессу, который должен захватить Землю.

В жизни порой происходит так, что видят, как человеческая логика оказывается недостаточной. Я хотел бы вам привести пример, не из личных мотивов, но чтобы характеризовать тот род, тот способ, каким люди относятся к нашему движению. Несколько лет тому назад в одном южно-немецком журнале¹⁰⁵ можно было прочесть статью, которую очень серьёзно написал один знаменитый современный философ о нашей духовной науке. Духовная наука была там показана так, что это могло произвести известное впечатление на людей, поскольку статью написал крупный философ. Издатель ставил себе в особую заслугу, что опубликовал эту статью столь знаменитого человека о духовной науке. Конечно, всё было описано плохо и фальшиво, лживо: давался фальшивый образ духовной науки. Но что понадобилось издателю, чтобы увидеть, какого рода суждению о нашем движении позволил он выйти в свет в своём ежемесячном журнале? Пришла война. Человек, написавший статью, послал

издателю несколько писем. В письмах этих содержалось самое отталкивающее из всего, что вообще могло быть сказано о средневропейской культуре. В них средневропейская культура подвергалась страшному поруганию и издевательствам. Издатель опубликовал эти письма, как пример того, сколь глупо можно мыслить об этой культуре. И теперь он сказал: так, как пишет этот человек, может писать только тот, кто сидит в сумасшедшем доме. — Вот какой факт потребовался для этого доброго издателя, чтобы увидеть, что человек, который несколько лет тому назад написал о духовной науке статью, принесшую немало вреда, достоин сумасшедшего дома. Но если этот человек удостоился сумасшедшего дома только теперь, то он был достоин его и тогда. Но тогда он писал статью о духовной науке!

Вот как обстоит дело в мире! Необходима другая помощь, нежели та, которую имеет сегодня человек при вынесении суждения. Во всяком случае, духовная наука прочно стоит на почве, которая ясно показывает, что истина найдёт свою дорогу. Но духовная наука должна действовать в развитии человечества, чтобы происходило то, что необходимо. И так, как в то время, когда Император Константин должен был исполнить свою задачу, импульс Христа из духовного мира должен был подействовать через подсознание, также как в случае Орлеанской Девы действовал импульс Христа, чтобы произошло то, что должно было произойти, так должен импульс Христа действовать и дальше, но уже в большей степени через сознание. В будущем должны быть души, которые будут знать: там наверху, в духовном мире те, кто пожертвовал своей индивидуальностью, призывают нас последовать им в их вере в реальность духовного, достигнутой вследствие их смерти. Но также и силы из неизрасходованных эфирных тел зовут в будущее, которое только надо понять, чтобы принять его в собственные души. Но внизу должны быть души, которые подготовили себя к этому посредством правильного, живого понимания нашей духовной науки. Наша духовная наука должна здесь, внизу, создавать души, которые в состоянии предчувствовать то, что там, вверху будут говорить в

будущем эфирные тела умерших. Души, которые знают: там, вверху, находятся силы, которые могли бы наставлять людей, которые на Земле должны были бы быть предоставлены сами себе. И если здесь, внизу души, сознающие дух, направят свои чувства к скрытым звукам духовного мира, тогда из всего, что пролито как кровь, что было принесено в жертву, перенесено как страдание, возникнет настоящий плод. Взирая на высказываемую надежду, надежду на то, что благодаря духовной науке могло бы найтись много, поистине много душ, которые могли бы слышать эти голоса, вследствие войны особенным образом звучащие из духовного мира, мне хотелось бы, обобщая заключительные слова сегодняшнего рассмотрения, произнести слова, которые должны эмоционально выразить то, что хотел бы я пробудить в ваших душах:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных деяний народа,
Взрастёт духовный плод —
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

С такими чувствами в сердце давайте навсегда проникнемся смыслом розенкрейцёрства, для того, чтобы это розенкрейцёрство в правильном смысле рассматривалось нами как девиз наших действий, стремлений и чувств. Не один чёрный крест. Кто стал бы срывать розы с чёрного креста, кто имел бы один чёрный крест, подпал бы Ариману. Чёрный крест есть живое, стремящееся только к материи. Также и тот, кто, сорвав с креста розы, хотел бы удержать только розы, не мог бы обрести правильного. Ибо розы, отделённые от креста, хотя и желают под-

нять нас над жизнью, но такая жизнь стала бы только эгоистическим стремлением вверх к духовному, а не к открытию духа в материальном. Не один крест, не одни розы, но розы на кресте, крест, несущий розы, оба в гармоническом взаимодействии: вот то, что является нашим истинным символом.

Двенадцатая лекция

Духовная наука как образ мыслей Эфирное тело как отражение Вселенной

Эльберфельд, воскресенье, 13 июня 1915 года

Настоящее время, в котором мы находимся, относится к эре событий, которые должны в самом глубоком, значительном смысле, затрагивать все чувства человеческой души. Мы поставлены посреди событий, когда то, что наша духовная наука всегда рассматривала как загадку — смерть — в относительно короткое время многократно допущена на Земле. Мы поставлены в то время, которое распространило боль и страдание над бесчисленным количеством душ, в то время, относительно которого мы хотим надеяться, что оно в своём лоне принесёт значительные силы для расцвета будущей эволюции человечества. Если столь многое должно родиться из боли и страдания, и если духовная наука учит нас, что многое должно родиться из страдания и боли, то именно духовнонаучное рассмотрение также и в это судьбоносное время может быть готово к тому, чтобы пробудить в нас некоторые силы уверенности, силы надежды. Пусть же сегодня перед вашими душами будет развито рассмотрение, которое, хотя и не прямо, но косвенно связано с тем, какие чувства, какие ощущения могут пробудиться в нас в наше несущее боль, бурное время.

То, что так разносторонне приходится нам видеть и чувствовать в наше время, это то, что люди покидают физический план в относительно раннем возрасте своего физического бытия. Именно это является отличительным признаком таких событий, которые происходят сегодня: они отзывают молодые жизни с физического плана. Мы знаем, что человек, когда он проходит через врата смерти, передает всё физическое тело элементам Земли, что он, проходя через врата смерти, вначале ещё соединен со

своим эфирным телом, с астральным телом и «я». Мы знаем, что через сравнительно короткий срок, это эфирное тело отделяется от человека, и что затем человек свое дальнейшее странствие, которое он проделывает между смертью и новым рождением, совершает в «я» и в астральном теле, будучи соединён с теми членами своей духовной природы, которыми он овладевает только в духовном мире. Однако затем в его дальнейшем странствии во время между смертью и новым рождением эфирное тело отделяется от человеческой индивидуальности и проделывает свой собственный путь. Мы должны заметить, что в случае юношеской смерти эфирное тело должно иметь совершенно иное строение, состояние, нежели когда умирает человек, достигший нормальной возрастной ступени. Мы знаем, как внешняя естественная наука говорит о том, что силы могут преобразовываться, но что они не могут исчезнуть. Для внешнего мира физического бытия, естественная наука всецело признаёт ту истину, что силы никогда не исчезают, но только преобразуются. Духовная наука учит, что это следует признавать и в отношении духовного мира. Если эфирное тело отделяется от какого-то человека, который прошел через врата смерти в юношеском возрасте, то это эфирное тело таково, что ещё в течение многих десятилетий могло бы поддерживать жизнь этого человека на физическом плане. Эфирное тело устроено так, что оно может отдавать все те жизненные силы, которые требуются человеку до глубокой старости. Если человек, скажем, на двадцать пятом, двадцать шестом, тридцатом году жизни проходит через врата смерти, его эфирное тело отделяется от него, но это эфирное тело ещё имеет силы, посредством которых оно могло бы, возможно, до шестидесятого, семидесятого, восьмидесятого года сохранять физическую жизнь человека. Эти силы находятся в эфирном теле, эти силы не теряются. И мы должны — особенно в такое время, как наше, когда столь много эфирных тел вверяются духовному миру — заняться вопросом: что происходит с эфирными телами тех людей, которые в ранней юности проходят через врата смерти? — Было бы хорошо, если мы, для того, чтобы достаточно основа-

тельно ответить на этот вопрос, познакомились с тем, какой путь, в сущности, проделывает эфирное тело человека в то время, когда человек живет между смертью и новым рождением.

Внешнее физическое тело человека становится все старше. С эфирным телом этого не происходит. Возможно это трудно понять, но у эфирного тела этого ни в коем случае не бывает, чтобы оно становилось старше; наоборот, эфирное в той самой мере, в которой становится старше физическое тело, становится всё моложе и моложе; оно достигает некоторой, можно сказать, детской ступени эфирного бытия в то время, когда человек в нормальном возрасте жизни проходит через врата смерти. Так что мы можем сказать: если мы через рождение вступаем в физическое земное бытие, тогда то, что соединено с нашим физическим телом как эфирное тело — мы можем говорить сравнительным образом — является, в сущности, старым, а во время жизни становится всё моложе и моложе, и достигает своей детской ступени тогда, когда мы идём через врата смерти. Итак, мы можем сказать: если человек умирает в молодом возрасте, его эфирное тело ещё недостаточно молодо, но находится на некоторой ступени старости. — Но что это означает в действительности? То, что это означает, можно узнать из примера, который уже известен некоторому числу из вас, но который я должен упомянуть снова, как конкретный пример из нашего времени, который некоторые из наших друзей могли пережить.

Этот конкретный пример относится к очень юному мальчику, маленькому сынишке одного из наших членов. Это произошло в один из лекционных вечеров в Дорнахе, когда мы после лекции узнали, что мальчик семи лет, сын нашего друга Файсса, пропал. Скоро стало ясно, что случилось большое несчастье. Вблизи Дорнахского здания после обеда проезжал мебельный фургон, причём курьез в том, что в этой местности задолго до этого, вообще не проезжало никаких мебельных фургонов, да и после — тоже нет. В одном месте этот фургон опрокинулся. Случилось это вечером и ничего не заметили: но мальчик пропал. И когда затем, соединившись с другими, наши друзья между десятью и

двенадцатью часами вечера приложили все усилия, чтобы поднять этот мебельный фургон, который не могли поднять те люди, которым он принадлежал, — они намечали это на следующий день, поскольку фургон упал неудачно и был очень тяжёл, — когда же фургон подняли, обнаружилось, что на самом деле ребёнок, маленький Теодор Фейс, проходил мимо именно в тот момент, когда этот фургон опрокинулся, так что фургон упал на ребёнка. Этот ребенок, которому было всего семь лет, был любимым ребенком и имел прекрасные качества.

Мне хотелось бы, чтобы представить такой факт в свете нашей духовной науки, вспомнить о логических умозаключениях, которые я часто приводил в нашем кругу. Я часто говорил, как вследствие необученного мышления, вследствие поверхностного мышления причину и следствие могут поменять местами, и что такая перемена мест причины и следствия происходит чрезвычайно часто. Я пытался демонстрировать вам это на одном примере, примере, который является только сравнением. Допустим, что видят как вдалеке человек идёт по берегу ручья. Видят, как он падает в ручей, и приблизившись к нему замечают, что именно на том месте, где человек упал в воду, лежит камень. Пытаются вытащить человека из ручья, но он мертв. Проще всего сказать: человек споткнулся о камень, упал в ручей и затем утонул. Однако это могло быть совершенно не так; простое физическое исследование могло бы научить нас, что в тот момент, когда человек подошёл к этому месту, без того, чтобы его судьба была как-либо связана с тем камнем или чем-либо ещё, у него случился сердечный удар, паралич сердца, вследствие чего он и упал в воду — так что причиной падения человека в воду был паралич сердца, — в то время как тот, кто не потрудился добраться до сути дела, мог бы сказать, что причиной смерти стало падение в воду. Итак, можно было бы допустить прямо обратное тому, что было на самом деле.

Ещё труднее рассматривать такие вещи в отношении причины и следствия, если мы имеем дело с вещами, связанными с духовным миром. Так мы должны сказать: в таком случае, как случай с этим ребенком, который из-за действительно исключительных

обстоятельств — которые стали исключительными из-за ряда других вещей, — нашел свою смерть, с высшей точки зрения не следовало бы думать так, что это будто бы произошло следующим образом: пришел мебельный фургон, опрокинулся, и ребенок случайно попал под фургон; то есть причиной смерти ребенка, якобы, стал фургон. В таком случае гораздо скорее следовало бы в духовнонаучном смысле думать правильным образом, — что карма ребёнка истекла, и что, в сущности, фургон пришёл на это место, поскольку ребёнок должен был найти свою смерть; так что фургон лишь привнёс внешнее условие для того, чтобы предписанная кармой смерть нашла ребёнка. Тривиально можно сказать: то, что является высшим «Я» ребёнка, хотело пройти через врата смерти, и устроило себе всю эту ситуацию, все эти события. Конечно, для людей, мыслящих в смысле нашего времени, было бы полным безумием, слышать о такой идее. Духовная наука как раз и должна показать нам, как многое из того, что материалистически мыслящие люди современности считают безумием, именно соответствует истине.

Но значительным является то, что в данном случае эфирное тело семилетнего ребёнка отделилось от индивидуальности ребёнка, от того, что затем, будучи связано с «я» и астральным телом, пошло дальше через духовные миры. В мою задачу теперь не входит говорить о том, какое дальнейшее продолжение жизни имела индивидуальность маленького Теодора Файсса. В большей степени моей задачей является обратить внимание на то, что в данном случае эфирное тело всего семь лет обеспечивало жизненными силами физическое тело; оно имело в себе силы для поддержания всей долгой жизни между смертью и новым рождением. Эти силы остались в эфирном теле. Наиболее значительным является то, что те, кто после смерти маленького Тео имел какое-либо духовное отношение к зданию, которое мы должны были создать в Дорнахе для духовной науки, могли теперь знать, что стало с эфирным телом маленького Теодора Файсса. Многие надлежало выполнить в связи с этим зданием. Мы ещё будем кое-что говорить о том, что сегодня спускается из духовного мира

как инспирации. Нужны вспомогательные силы, когда из духовного мира бывает нужно получить всё то, что действительно должно придти вниз, спуститься. И тут обнаруживается, что в самом деле после смерти маленького Теодора Файсса от увеличившегося эфирного тела этого ребёнка — до дальнего окружения, — наше Дорнахское здание как бы облеклось аурой. Можно реально определить, насколько далеко простирается эта оболочка.

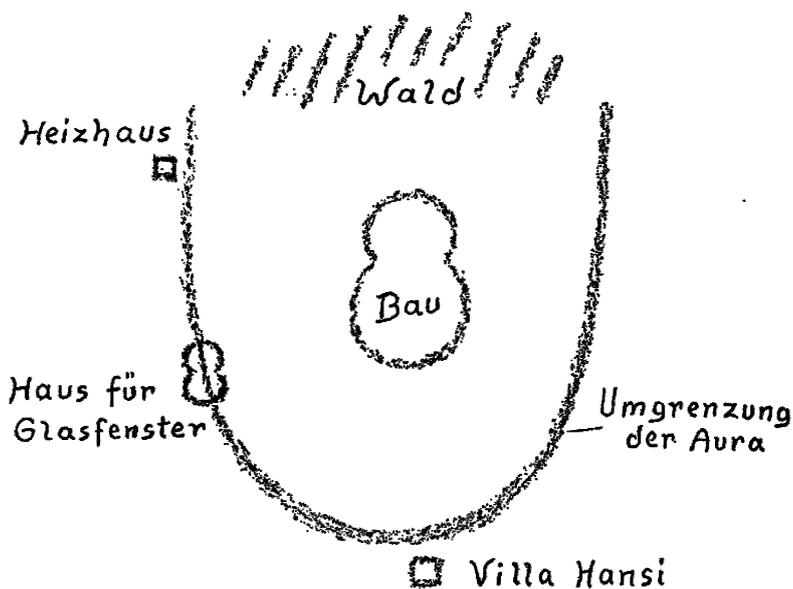

Рисунок 1

Wald — лес; Heizhaus — котельная; Bau — здание;

Haus fuer Glasfenster — Гласхаус;

Umgrenzung der Aura — граница ауры;

Villa Hansi — вилла Ганзи

Если вы увидите Дорнахское здание, — те, кто его уже видел, знают, — это здание с двумя окружностями (см. рисунок 1). Здесь у нас котельная особого вида, построенная на основе духовной науки, а здесь заложен другой дом, где шлифуются оконные стёкла для здания. Я только хочу упомянуть, что примерно

здесь находится так называемый «дом Ганзи», это дом, в котором живём мы. Достоин внимания то, что до этих пор, наверху, напротив леса, затем непосредственно мимо котельной, разрезая посередине строение, в котором шлифуются стёкла (Гласхаус) и здесь, мимо этого дома, дома Ганзи, не включая его в себя, эта аура маленького Теодора Файсса облекла, окутала всё здание. Так что на самом деле, если вступают в здание, то вступают в эту ауру.

Я часто обращал внимание на то, что эфирное тело увеличивается, когда становится свободным от физического тела. Поэтому не надо удивляться тому, что это эфирное тело проявляется для нас в таком увеличенном виде. В этом эфирном теле находятся посреднические силы, благодаря которым человек получает некоторые впечатления из духовного мира, которые необходимы для того, чтобы использовать их в формах и художественном оформлении здания. И тот, кто должен был работать для здания, знает, что он обязан этой ауре. Без сомнения я признаюсь в том, что со смерти маленького Теодора Файсса выполнять эту работу было возможным для меня потому, что в этом распространившемся над зданием эфирном теле мальчика имелись посреднические силы для получения инспираций. Было бы много легче вообще не упоминать о таких вещах. Можно было бы щеголять тем, что в таких посреднических силах нет надобности. Но речь тут идёт не об этом, а о том, чтобы знать правду.

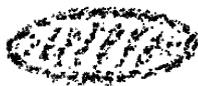
Если мы проведём перед глазами только что описанные факты, мы получим впечатление о том, как обстоит дело с эфирным телом, которое должно было отделиться от жизни человека, когда эта жизнь в юношеском возрасте завершилась смертью. Важно обратить внимание на то, что для нас эфирное тело какого-то человека не остается просто туманным образованием, в котором располагается физическое тело. Ведь мы познаём физическое человеческое тело не посредством того, что описываем его как массу мускулов и костей, но узнавая, что оно существует как своего рода храм Божества, как микрокосм. Что находится в физическом теле, мы в правильном смысле познаем только тогда,

когда осознаем, что напечатленные в нём формы поистине восприняты из всей Вселенной, что человек в отношении своего физического тела является чудесным образованием. Кто может испытать чувство, которое было выражено в первом разговоре во второй Дrame-Мистерии «Испытание души», тот может составить себе представление о том, как отдельный человек в отношении своего физического тела поставлен в это физическое бытие благодаря всем Иерархиям; как весь Божественный мир рассматривает это как свою цель — поставить человека в физическое бытие. Мы научимся правильным образом познавать, какое значение имеет это физическое тело, если хоть немного примем к сведению наблюдения ясновидческого познания.

Ясновидческое познание является таким познанием, которое осуществляется благодаря тому, что человек извлекает свое душевно-духовное начало из своей физической телесности, и затем может, становясь сознательным и воспринимающим, находится вне своего тела в духовно-душевном. В сущности, по отношению ко всему внешнему нет разницы между человеком, который воспринимает ясновидчески и спящим человеком, который тоже выделил свое душевно-духовное из физически-телесного. Благодаря тому, что ясновидческое сознание может воспринимать вне физического тела, оно может составить себе представление о том, что происходит с человеком, когда он находится в спящем состоянии. Для облегчения понимания пусть послужит этот схематический рисунок. Допустим, что это — физически телесное, а это — духовно-душевное спящего человека. У бодрствующего человека, конечно, духовно-душевное находится внутри физически-телесного; теперь представим себе человека в спящем состоянии.

Das Geistig-Seelische
духовно-душевное

Das Physisch-Leibliche
физически-телесное

Тут, в постели лежит физическое тело и эфирное тело, они не содержат астрального тела и «я», как содержат они их при бодрствовании. Но хотелось бы сказать, то, что астральное тело и «я» выполняют в физическом теле во время бодрствования, не совсем прекращается во сне. Для всего того, что человек незадолго до этого мог воспринять, лежащий в постели человек является как бы обездушенным. Для ясновидческого сознания, однако, этот физический человек и эфирное тело, лежащие в постели, не являются обездушенными. Об этом спящем физическом и эфирном человеке ясновидец должен сказать нечто совершенно иное. Он должен сказать: в течение всего дня та область Земли, в которой теперь спит этот человек, была освещена Солнцем. Сейчас ночь. Я говорю о нормальных отношениях, когда человек ночью спит, а днём бодрствует, а не об отношениях в больших или крупнейших городах. Мрак распространяется над той областью, над которой днём светило Солнце. Поразительно то, что замечают при этом: Земля как существо начинает мыслить, и органами, посредством которых Земля мыслит, являются эти спящие человеческие тела.

Как сами люди думают своим головным мозгом, так Земля думает посредством этих спящих человеческих тел. Она всегда воспринимает в течение дня, — и восприятие заключается в том, чтобы становиться освещённой Солнцем из мирового пространства, это и есть восприятие Земли, — а ночью она перерабатывает в мыслях то, что она восприняла. Земля мыслит, говорит ясновидец, и мыслит она благодаря тому, что она использует спящие человеческие тела. Каждый спящий человек становится в некотором смысле мозговой частицей, мозговой молекулой Земли. Наше физическое тело устроено так, что оно, когда мы сами не используем его, может служить для того, чтобы Земля с его помощью могла думать.

Но так как Земля думает, мыслит посредством физического тела, так она имагинирует, — вы знаете, есть имажинативное познание, — так она имагинирует всё то, что на самой Земле не является земным, что принадлежит Земле из всего Космоса. Она

имагинирует это в эфирном теле. В спящем физическом теле человека узнают мозговые частицы, частицы мозга Земли, а в эфирном теле человека, когда он спит, узнают имагинированную картину, имагинирование того Космоса, той Вселенной, которая прежде всего принадлежит Земле, относятся к ней. При этом в эфирном теле в удивительных картинах, образах разыгрывается все то, что должно притекать к Земле из эфирного мира как силы, для того, чтобы могли на Земле разыгрываться земные события. Так человек как физический человек поистине принадлежит Земле, так поистине принадлежит он небу как эфирный человек. И мы можем использовать наше физическое тело как мыслящий орган для себя самих поскольку он создан для мышления, поскольку Земля, так сказать, отдаёт его на время бодрствования. Также лишь поэтому мы можем использовать своё эфирное тело так, что оно даёт нам жизненные силы, поскольку небо отдаёт его нам на время бодрствования, и поскольку силы имагинаций неба во время бодрствования превращаются в нас в жизненные силы. Так что давайте говорить о нашем эфирном теле не только как о некоем туманном образовании, но о том, что оно является отражённым микрокосмическим образом отображением неба.

Как особо совершенный образ наше эфирное тело передаётся нам при рождении. При нашем рождении эфирное тело таково, что оно внутренне блестит и сияет от чистых имагинаций, входящих к нему из великой Вселенной, из Космоса. Оно является великолепным отражением Космоса. И то, чем удастся овладеть человеку в течение своей жизни, благодаря воспитанию, благодаря знанию, волевым и эмоциональным силам, когда он между рождением и смертью стареет, всё это выводится, извлекается из эфирного тела. Космические небесные силы передают нам то, что они должны передать нам, во время между рождением и смертью. Поэтому мы как эфирные люди снова являемся юными, когда мы провели совершенно нормальную жизнь между рождением и смертью, поскольку мы тогда, как бы выкачали, выпитали всё из этого эфирного тела. Но если через врата смерти

идёт такое эфирное тело, которое принадлежало телу молодого человека, тогда в нём находится ещё много, много неизрасходованного небесного света. Поэтому оно и становится посредником таких сил, как я рассказывал. Совершенно независимо от того, чем становится индивидуальность такой человеческой души, как та, о которых только что шла речь, из этого эфирного тела возникает нечто, подобное дару неба, дару духовного мира. Вот почему это эфирное тело может в описанном смысле содействовать инспирации, действовать инспирирующим образом.

Мы зашли бы слишком далеко, говоря о своеобразной карме, которую имеет такая душа, которая в состоянии принести такую жертву. Ибо придти к этому искусственно нельзя, но это должно быть связано со всей кармой такого человека, который должен принести жертву, должен сделать нечто такое, что призвано играть роль в духовном мировом процессе человечества, как и то, что можно пожелать для нашего Дорнахского здания, которое должно стать обличем наших духовнонаучных устремлений.

Вспомните о том, что мы идём навстречу тому времени, когда многие, многие эфирные тела, хотя и не столь юного человеческого возраста, но всё же из молодых человеческих жизней, должны находиться в духовной атмосфере. Те, кто прошёл через врата смерти на кровавых полях сражений, проходят через врата смерти другим образом, нежели те, кто проходит через врата смерти в постели или вследствие обычного несчастного случая. Они проходят через врата смерти некоторым образом так, что они принимают в расчет, предвидят, ожидают свою смерть, даже если и более или менее бессознательно — астральное тело в некотором смысле ожидает, предвидит смерть. Так что в случае такой смерти всегда можно говорить о жертве. Все эти эфирные тела, которые таким образом от молодых людей поднимаются в духовный мир, будут иметь неиспользованные силы. Нам предстоит такой период человеческой эволюции, в который человеческие души смогут сознательно смотреть вверх в духовный мир и говорить себе: прошло время, когда много, много неиспользованных эфирных тел было послано вверх в духовный мир. И в этих

неизрасходованных эфирных телах содержатся силы, силы, о которых духовная наука уже сегодня может сказать, какое значение будут иметь для развития человечества.

Когда сегодня обсуждают это, надо настоятельно обращать внимание как то, что необходимо сказать об этих вещах, имеет отношение не к каждой войне, состоявшейся по ходу развития человечества на Земле. То, что происходит духовно и что должно рассматриваться благодаря духовной науке, отнюдь не так просто, как представляет это себе естественная наука. Относительно войн, происходивших в более ранние времена, надо было бы говорить иначе. То, что я должен был сказать, относится к современным судьбоносным временам. Представьте себе следующее: по различному поводу, при разных обстоятельствах надо было подчёркивать то, что не из произвола мы развиваем сегодня духовную науку, но в процессе развития человечества действительно заложено то, что люди должны постепенно знакомиться с духовной наукой. Мы знаем, что каждая эпоха земного развития человечества имеет одну определённую задачу. Мы можем извлечь это из разных циклов. Мы можем знать, что благо будущего, ближайшего будущего развития человечества может расцвести только, если то, что может быть раскрыто благодаря духовной науке, будет становиться достоянием всё большего и большего числа душ.

Но вспомните-ка однажды, вы, те, кто по большей части приносил весь свой сердечный энтузиазм для духовной науки, вспомните, какие трудности преобладали в отношении распространения духовнонаучных истин в современности. Вспомните, как люди вовне, в мире противодействовали этим духовнонаучным истинам. Вспомните, какой клевете подвергались эти истины, как люди рассматривали их как сумасшествие, фальсификацию, безумие, как фантазию. Можно было бы привести действительно проникновенные примеры этого, но все эти примеры составили бы всего лишь малую часть того, что, в сущности, может ощутить каждый, если он воодушевлён духовной наукой и видит, — ему противостоит мир, относительно которого хотелось, чтобы

этот мир принял духовную науку, но мир сегодня так мало принимает её. Сам духовный исследователь смеет сказать себе следующее: то, чего должно будет достигнуть человечество с исключительно земными силами, кажется слабым, поистине слабым в сравнении с тем, что имеет своей задачей духовная наука. Однако в ближайшую эпоху тут будут находиться неиспользованные эфирные тела тех, кто должен был пронести душу и жизнь через врата смерти на полях сражений в наше время; эти эфирные тела с их неизрасходованными силами, могут стать инспирирующими силами, силами которые помогут в ближайшем будущем. Нам надо только, — теперь не рассудочно-теоретически, но душевно-сердечно, — усвоить образ мыслей, чтобы взирать наверх к небесным эфирным телам тех, кто в раннем, юном возрасте прошёл через врата смерти в наше судьбоносное время, и кто нуждается лишь в молитвенном настроении наших душ, обращённом к этим эфирным телам. И тем, кто воодушевлён духовной наукой надо лишь направить свои души вверх к этим силам — и они будут получать помощь от этих эфирных тел. Так что, если ревностная, духовная совместная жизнь с этими эфирными телами станет возможной благодаря честной самоотдаче духовнонаучному образу мыслей, среди прочих плодов, которые покоятся в лоне нашего судьбоносного времени, должно быть обретено и то, что в души людей, одухотворённых духовной наукой в будущем станет втекать то, что заложено в силах молодых эфирных тел, принесённых в жертву в наше судьбоносное время. Через души тех, кто будет жить в физическом теле в ближайшем будущем, — если только эти души проникнутся истинным образом мыслей, — смогут втекать силы пожертвованных эфирных тел. Небесные силы, то есть силы духовного мира будут здесь! И все иные силы смогут тогда править в мире так, чтобы то, что должно придти в этот мир — как духовнонаучный образ мыслей, — этот мир смог принять. Мы только должны находить возможность в смысле только что вышеизложенного осознавать себя в том, что происходит сейчас; тогда эти судьбо-

носные дни также и для тех, кто причастен к духовной науке, будут иметь глубокое, очень глубокое значение.

Величественны, как мы говорили, те имажинативные картины, которые находятся в эфирном теле человека. И всё же они иные, нежели бы они были в том случае, если не должны были бы проходить через эфирное тело человека. В этом отношении актуальна фраза: из ничего не выйдем ничего! — Этот тезис не абсолютен, но в данном случае он подходит. То, что приходит к человеческой душе, когда она через рождение вступает в физическое бытие, приходит как эфирное тело, собирает силы духовного мира, которые используются в течение физической жизни. Эти силы происходят не из ничего, они находятся в духовном мире. Конечно, их можно найти также и в духовном мире, но если бы человек захотел брать их непосредственно из духовного мира, это было бы трудно. Приходилось бы использовать гораздо более сильные средства. Но если они однажды вошли через физического человека, который затем рано умер, и предстал бы перед кем-либо с тем, что эти силы имели в себе, проходя через этого человека, то было бы легче взять их на помощь. Все силы, которые находились в эфирном теле маленького Теодора Файсса, тоже, конечно, должны были бы в ином случае находиться в духовном мире, но была поставлена духовная геркулесова задача, приложить их иным образом. Благодаря тому, что они на окольном пути через мальчика пришли сюда, из-за них существенно облегчилась возможность получать инспирации, она стала иной. Затем представьте себе, насколько огромное значение для всего поступательного развития человечества имеет то, что этому человечеству в самом ближайшем будущем будет дано великое множество эфирных тел, силы которых ещё неиспользованы! Но вследствие этих обстоятельств, вследствие факта, что эти, — я бы хотел опять повторить, — небесные силы прошли сквозь человека, они, эти силы, освободились до некоторой степени от тех законов, которым они были подчинены в Космосе. И невозможно, чтобы в Космосе эти силы использовались в ином смысле, то есть как силы, приходящие из Космоса непосредственно. Давай-

те допустим, что все те люди, которые сейчас вследствие военных событий или вследствие других обстоятельств идут через врата смерти, в случае, если бы война не возникла, не предоставили бы такую сумму эфирных тел. Конечно, все эти силы тоже находились бы в Космосе; но тогда люди не смогли бы использовать их, поскольку использовать их было бы трудно. Они не могли бы быть использованы, поскольку они были бы употреблены в жизни людей, достигших нормального возраста. Весьма значительно то, что эти небесные силы прошли через человеческие тела. Благодаря этому они в некотором смысле освободились от обычного поступательного хода развития. Но эта свобода даёт возможность использовать эти силы иным образом, нежели на благо человечества.

Они могут быть использованы также и иным способом. Человеческая жизнь должна развиваться в свете свободы. Допустим, что Ариману удалось бы настолько затемнить мысли и разум людей, что все они отрицали бы всю духовную науку. Тогда эти эфирные тела были бы всё же здесь, но не было бы духовнонаучно одухотворённых душ, которые поставили бы эти силы на службу прогрессу Земли. Тогда Люцифер или Ариман могли бы вмешаться; они могли бы использовать эти силы или в том мире, который строит себе Люцифер, или в том мире, который строит себе Ариман. Подумайте, сколь велико значение того, что высказывается! Это высказывается потому, что в руки людей вложено то, каким образом будут присоединены к земному процессу те силы, которыми наделен мир вследствие жертвенных смертей. Чтобы они имели возможность инспирировать то, что возжигается духовной наукой, то, что поставит эти силы на службу прогрессу в земном развитии. В ином случае может произойти так, — если бы материализм захватил все умы, или если национализм распространился бы чисто эмоционально-неистовым образом, — произошло бы так, что Люцифер или Ариман поставили бы эти силы себе на службу; тогда земной прогресс ничего бы не получил от этих сил. Так для того, кто помнит об этих связях, выступает всё глубокое значение духовной науки для земного развития

человечества. Тогда человек впервые учится говорить себе: как же необходимо, чтобы жертвенные силы были внедрены в земное развитие правильным образом, как же необходимо, чтобы отдельные люди, кто способен на это, проникались тем, что как образ мыслей может произойти из духовной науки! — Чем-то необычайно целительным станет эта духовная наука, если будут рассматривать её в связи с ходом духовного становления, как оно выражает себя даже в наши судьбоносные дни. Образ мыслей, который возникает из духовной науки, станет благодаря этому молитвенным настроением, которое можно резюмировать в словах: о, Мировой Дух, позволь нам правильно проникнуться духовнонаучным образом мыслей, и не допустить, чтобы то, что могло бы служить на благо Земли и для её прогресса, в буквальном смысле вырвали Люцифер и Ариман!

Наше здание должно служить истинным знаком того, чем должна стать духовная наука в качестве мировоззрения человечества. Поэтому оно построено так, что в его формах находит художественное выражение то, что, исходя из самой себя, может дать духовная наука. Мне пришлось бы сказать вам многое, если бы я захотел изложить вам то, что заложено во всех отдельных частях этого здания. Всё это вы узнаете, если в течение лет будете посещать это здание и принимать участие в том, что должно там разыгрываться. Лишь об одном хочу я говорить сегодня в связи с тем, что я только что излагал.

На самом значительном месте здания, там, где оно обращено к Востоку будет находиться скульптурная группа. В этой скульптурной группе должно быть особенно выражено то, чем должно быть в достаточной степени проникнуто сознание нашего времени. Эта группа, — отвлекаясь от того, что будет там дополнительно, — будет, в сущности, состоять из трёх фигур. Три существа найдут выражение в этой скульптуре. Это будет своего рода скала. Впереди у скалы будет выступ, а в этом выступе полость. На выступе скалы стоит главная фигура. Эту главную фигуру вы можете называть как хотите, но в ней следует видеть Представителя земного человечества в высшем смысле этого слова. И если

хотят видеть идеал земного человечества в том Человеке, Который в течение трёх лет своей жизни носил в себе Существо Христа, то в этой главной фигуре могут видеть Христа. Но не должно происходить так, чтобы предстояли перед этой группой с сознанием, что это должен быть Христос, — всё должно переживаться на художественном уровне. Это значит, что нельзя истолковывать это внешне символически, но всё должно вытекать из самих форм.

Здесь наверху находится другое существо. Это существо имеет человекоподобную, — я могу сказать лишь, — человекоподобную голову. Эта голова действительно такая, что можно сказать, человеческая голова напоминает эту голову. Ибо эта голова построена так, что мощно образована часть черепа, а именно часть лба. В то время как у человека эта часть тут вверху относительно неподвижна, у этого существа подвижно всё. Всё является душевным выражением. Как человек может двигать пальцами своей руки, но не этой частью здесь, так это существо может здесь вверху двигать всем. И при взгляде на эту скульптурную работу видно, что вверху всё подвижно. У этого существа нижняя часть лица очень отступает назад. Мощная форма черепа скругляется над отступающим назад лицом. Я могу обсуждать только отдельные части, поскольку каждый отдельный штрих в этой фигуре имеет большое значение. Но особенным свойством является то, что существует связь между тем, что у человека атрофируется по направлению к гортани и ухом этой фигуры. То, что находится внутри как доли гортани, закругляется кверху, и образуют нижнюю часть уха. Верхняя часть построена посредством лобной части. На другой стороне присоединены два образования, напоминающие птичьи крылья, между которыми помещается тело; оно такое, как если бы в целом это было видоизмененное человеческое лицо. Крылья, гортань и уши объединены, так что можно узнать: посредством крыльев это существо живёт в гармонии сфер, летая в пространстве, сквозь волны гармонии сфер; это локализовано в ушах. У человека все это атрофировано. Вследствие того, что Представитель человечества поднимает здесь

вверх левую руку, у этой фигуры на скале ломаются крылья, поэтому она падает вниз со скалы. — Вы предчувствуете: под этой фигурой, которая со своими сломанными крыльями падает со скалы, подразумевается Люцифер.

Здесь внизу, в полости, в пещере, находится другая фигура. У неё нет похожих на птичьи крыльев, но есть крылья, похожие на крылья летучей мыши, драконо или червеобразное тело и голова, которая опять-таки напоминает человеческую голову. Однако всё то, что у Люцифера представляет собой мощную форму лба, у этой нижней фигуры отступает назад, редуцируется. Напротив, нижняя часть у рта сильно сформирована у этой фигуры. Эта фигура обвита тем, что как золото находится в земле. Золото земли становится путами, которыми скована эта фигура. Эта фигура изгибается под действием, исходящим от опущенной вниз руки Представителя человечества, Христа. Этот образ внизу — Ариман, Ариман, скованный земным золотом.

Посредством того, о чём я только что сказал, даётся, в некотором смысле, идея в целом. Но этой идеей всего лишь указывается на то, о чём тут идёт речь. У нас речь никогда не шла о том, чтобы развивать здесь дурные привычки старой теософии, которая всегда работала с символами, но здесь речь идёт о том, чтобы преобразовать в художественную форму всё то, что духовная наука могла бы довести до человеческого чувства. Поэтому не следовало бы говорить: эти фигуры выражают то или иное, — но они должны, будучи художественным произведением, посредством того, что можно видеть в них, стать тем, что отображает отношения человека или также Христа к Люциферу и Ариману. Вот почему они не могут быть выражены с помощью старых художественных средств. Каждое движение пальца на руках, та манера, как сложены руки, имеет значение, ибо в этом должно выражаться нечто значительное. Сначала могут подумать, что Христос поднимает левую руку и по Его желанию из неё струятся силы, ломающие крылья Люциферу, так что тот падает вниз. И через правую опущенную руку опять струятся силы, которые

сковывают Аримана. Но если бы представляли себе нечто подобное, это было бы ложное представление.

Для того, чтобы сообщить всю значительность, заключающуюся здесь, мне хотелось бы напомнить о том, что относится к истине величайшему из всего, что до сих пор предоставляло искусство; это «Страшный Суд» Микеланджело в Сикстинской капелле в Риме. Тут мы видим Христа, отправляющего добрых на небо, а злых в ад. Видим Христа, как Он одних отправляет в хороший мир, а других — в плохой. Этот Христос, как Он изображен здесь, впредь уже не является тем Христом, Которого мы впервые посредством духовной науки должны познать в Его истинном Существо. Христос, истинный Христос, не проклинает и не хвалит, будучи гневен или в обычном смысле любя; Он действует посредством того, что Он есть. Люциферу не ломают крылья, но он сам ломает их себе из-за своего душевного состояния, когда он приближается к Христу. И Ариман заковывает сам себя вследствие того, что происходит в его душе, когда он приближается к Христу. Поэтому поднятая вверх и опущенная вниз рука Христа не должны иметь ничего, кроме чистого сочувствия с миром. Люцифер там наверху не может перенести, — сам по себе не может вынести того, — что вблизи находится рука Христа. И посредством того, что он из-за этого переживает в себе, ломает себе крылья; не Христос ломает ему их, но он сам их себе ломает. И точно также обстоит дело с Ариманом. Изображая Христа, Микеланджело ещё не понимал, кем в действительности является Христос. Существо Христа столь значительно, а понимание Существа Христа столь трудно, что могло быть достигнуто лишь в ходе времени. Правильно понимается Христос, Который посредством того, что Он есть, приводит существ к тому, что они сами проклинают или освобождают себя. Христос на картине Микеланджело ещё имеет в себе нечто люциферическо-ариманическое, ибо Он своим гневом направляет злых в ад, а добрых на небо: при этом Он ангажирован своими страстями. В скульптурной группе Христос выглядит безлично, и эти существа, находясь вблизи Него, сами осуждают себя.

Отсюда вы видите, что позиция человека в мире, в котором присутствуют люциферические и ариманические силы, должна найти своё выражение в самом значительном месте нашего здания; должны найти своё выражение существа, которых можно найти только в духовном мире. Всякий натурализм в искусстве, всё то, к чему стремится искусство именно в последнее время, когда люди охвачены материализмом, — всё это должно быть преодолено именно тем искусством, которое культивируется здесь. Благодаря духовной науке в мир должно вступить нечто совершенно новое, также и в художественной форме, что преодолевает даже величайшее из всего, что было возможно до сих пор: образ Христа у Микеланджело в картине «Страшный Суд».

Высказывать такие вещи позволительно в том случае, если с другой стороны подчёркивают то, чего не следует забывать: само собой разумеется, что при всём этом наше здание может быть лишь примитивным началом. Всё несовершенно, всё элементарно, всё — всего лишь начало, но оно должно быть началом уже чего-то совершенно нового. Конечно известно, что всё несовершенно, но оно должно указывать на то, что как импульс должно войти во всю человеческую жизнь. Только вспомните, насколько это близко, — равнодушно пройти мимо дара, данного космическим бытием, который состоит из неиспользованных сил эфирных тел. Вспомните, что эти неиспользованные эфирные тела могут стать добычей Люцифера и Аримана, если человек не найдёт возможности направить их на благо земного развития. Тут мы коснулись необычной тайны нашей земной эволюции человечества: тайны об отношении импульса Христа к импульсу Люцифера и импульсу Аримана. И это отношение импульса Христа к импульсу Люцифера и импульсу Аримана может стать всё более и более понятным для человечества в ближайшем будущем. Силы Люцифера и силы Аримана пронизывают мир, и человек должен благодаря своему осознанию Христа стать существом, как бы сидящем в лодке, которая хотя и должна всегда раскачиваться в бурях, поднимаемых Люцифером и Ариманом, однако находит свой путь через море, чья живая субстанция со-

стоит из Люцифера и Аримана, море, через которое человек, тем не менее, ведет свою Христову лодку.

Мы встречаемся в наших ветвях не для того, чтобы теоретически изучать то или иное, что может нам приоткрыть духовная наука; но мы сходимся потому, что все, живущее в нашей душе, заполнено тем образом мыслей, тем умонастроением, которое может проистекать из этой духовной науки. Дело не в том, что мы думаем, исходя из духовной науки, но в том, что мы думаем, ощущаем, чувствуем и волим. И будь это самое малое или будь это самое великое из всего, что мы можем наблюдать в земном развитии человечества, перед нашей душой выступает то, как необходимо для людей будущего познакомиться именно с тем, что означает троичность Христа, Люцифера и Аримана. Ни Микеланджело, ни времена, которые уже истекли, не могли увидеть в правильном свете, каким образом существует в мире эта троичность. Но Христа в Его Существовании поймут правильно только, если увидят Его в отношении к тому, что действует в мире как северный и южный полюс: Люцифер и Ариман.

Кое-что из этих вещей с теми, кто сможет присутствовать, мы ещё будем обсуждать в ближайшие дни. Сегодня я хотел возложить на ваши души то, что может быть, как нечто важное, явлено нам благодаря духовнонаучному образу мыслей относительно столь значительных вещей, которые в духовном мире в ближайшем будущем могут показать, как то, что происходит физически, можно созерцать также духовно.

О, как бы хотелось вымолить для Земли и человечества защиту добрых Богов и Духов, чтобы они дали людям силу, для того, чтобы могло наступить то, что пошло бы на благо человечества!

Они будут находиться там, вверху, неиспользованные эфирные силы людей, прошедших в молодости врата смерти. Но здесь на Земле должны быть такие человеческие сердца и человеческие души, которые взирали бы наверх к этим силам, чтобы эти силы, благодаря им, были бы направлены в правильное русло развития. Дело не только в том, что там вверху есть силы, которые могут стать добычей Люцифера и Аримана, но дело в том,

что среди физических тел должны быть человеческие души, которые могли бы посылать наверх своё благоговейное настроение к этим жертвенным эфирным телам. От этого будет зависеть то, каким образом в человеческую эволюцию втекут силы, созданные на полях, где текла кровь, где приносились жертвы, где страдали от боли.

Вот в чем, примерно, может состоять участие духовной науки в будущем ходе эволюции человечества, если то, что может стать известно только из духовной науки, действительно будет понято некоторым числом людей.

То, что может возникнуть из современных судьбоносных дней, мне хотелось бы в заключении ещё один раз высказать перед вашими душами в нескольких прагматических словах:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных деяний народа,
Взрастёт духовный плод —
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

Тринадцатая лекция

Общность – над нами, Христос – в нас

Дюссельдорф, вторник, 15 июня 1915 года

Мы собрались здесь сегодня, мои дорогие друзья, прежде всего для того, чтобы отметить праздник учреждения той ветви, которая была основана нашим дорогим другом, профессором Кремером, и которая, принятым в нашем духовнонаучном движении образом, хотела бы посвятить свои силы духовной жизни настоящего и будущего. По такому случаю всегда хорошо вспомнить истинный смысл нашего объединения в отдельных ветвях и спросить себя: почему мы соединяемся в рабочие группы, и почему мы культивируем в таких рабочих группах духовное достоинство, которому мы хотим посвятить наши способности? Если мы хотим в верном смысле дать себе ответ на этот вопрос, нам должно быть ясно, что нашу работу, которую мы здесь ведем, мы в некотором смысле отделяем, — пусть даже только мысленно отделяем, — от той формы, в которой мы ведем нашу остальную работу.

Современный человек, вообще не стремящийся точно ознакомиться с определенными интимными истинами духовного прогресса человечества, мог бы спросить; почему, не соединяясь в отдельные замкнутые группы, вы не можете заниматься этой духовной наукой просто благодаря тому, что найдутся лекторы для этих групп, и вы совершенно свободным образом дадите сойтись людям не особенно и знакомым, соедините их, созовете их вместе, чтобы дать дойти к их душам духовному благу, о котором вы говорите? Разумеется, мы могли бы поступить и так. Но пока для нас каким-либо образом возможно устанавливать в более широком и более узком смысле связи людей, знающих друг друга в определенном отношении дружески, братски соединенных в этих рабочих группах, до тех пор мы будем делать это, исходя из полного сознания нашего образа мыслей, связанного с духовной

наукой. Ибо совсем не зря люди встречаются у нас, чтобы заниматься более интимными разделами нашего духовного достояния, твердо решив быть вместе в братской любви и согласии. То, что мы можем говорить иначе, когда мы знаем, что говорим с родственными нам, сознательно связанными с нами душами, имеет определенное значение не только для того, как мы относимся друг к другу, как мы общаемся друг с другом, но имеет значение и для кое-чего другого. Таким соединением в отдельных ветвях мы действительно совершаем нечто, что глубоко связано со всем воззрением, которое мы должны иметь на наше духовное движение, если мы понимаем его в глубинах душ. Ведь наше духовное движение должно проникать всех нас сознанием, что оно имеет значение не только для того бытия, которое могут охватить внешние чувства, и бытия, которое может охватить направленный на внешнее человеческий рассудок; наше духовное движение должно отдавать себе отчет в том, что наши души ищут через него подлинного истинного соединения с духовными мирами. Мы должны все снова и снова сознательно как бы говорить себе: занимаясь духовной наукой мы в определенном смысле переносим наши души в те миры, которые населяют не только земные существа, но которые в качестве места их обитания населяют существа Высших Иерархий, существа незримых миров. То, что мы до известной степени, находимся в них, и что наша работа имеет значение для этих незримых миров, что мы действительно находимся в этих незримых мирах, — это есть то, что у нас должно доходить до полного осознания при нашей работе. Это действительно так, что духовная работа, которую мы исполняем, работая вместе в отдельных рабочих группах, где мы знаем друг друга, имеет совсем иное значение в духовном мире, чем если бы мы осуществляли подобную работу не в таких рабочих группах, а вне их, рассеянные в мире. Следовательно, для духовных миров совершенно иное значение имеет работа, которую мы в братском согласии осуществляем вместе в наших группах, нежели работа, которую мы могли бы осуществлять иначе. Чтобы в полном смысле понять это, мы должны вспомнить о том знаменатель-

ном, что различным образом могло пройти у нас перед душой при нашей духовнонаучной работе последних лет.

Вспомним о том, что наше земное развитие совершалось для нас людей так, что в послеатлантический период это земное развитие было несомненно сперва той культурной общностью, которую мы называем древнеиндийским культурным периодом. Что затем этот культурный период был продолжен тем, что мы именуем с помощью более или менее подходящего выражения — дело сейчас не в этом — древнеперсидским культурным периодом. Затем наступил египетско-халдео-вавилонский культурный период, затем — греко-латинский, затем — наш пятый послеатлантический культурный период. Каждый такой культурный период должен, с одной стороны особенно лелеять в культуре и духовной жизни то, что назначено ему прежде всего для внешнего зримого мира. Но каждый такой культурный период должен одновременно подготовить, как бы нести, подготавливая, в своем лоне то, что должно придти в ближайшем культурном периоде.

Первый послеатлантический культурный период, древнеиндийский, должен был подготовить в своем лоне древнеперсидский, древнеперсидский опять-таки — древнеегипетский и т. д. И наш пятый послеатлантический культурный период должен подготовить шестой культурный период — ближайший по времени. Часто говорилось, что наша духовнонаучная задача состоит в том, чтобы посредством того, что мы усваиваем, не только — что вполне правильно, но не является единственным — приобрести духовное достояние для наших душ в отдельности, но наша задача — также подготовить то, что шестой культурный период должен иметь затем своим содержанием, своей особой внешней работой. Так было в каждом из отдельных послеатлантических культурных периодов. И теми местами, в которых всегда подготавливалось то, что было важно во внешнем отношении для ближайшего культурного периода, были места мистерий. Это были те объединения людей, в которых работали иначе, чем работают во внешнем мире.

Вы знаете также, что в первом послеатлантическом культурном периоде, в древнеиндийском культурном периоде, дело за-

ключалось преимущественно в том, чтобы посредством этой древнеиндийской культуры было выработано эфирное тело человека, у древнеперсидского — тело астральное, посредством египетско-халдейского — душа ощущающая, посредством греко-латинского — душа рассудка или характера. Наш культурный период нарабатывает и к своему концу сформирует то, что называют душой сознательной. Подготовлено же должно быть то, что в шестом культурном периоде придаст до известной степени содержание, характер внешней культуре. О, этот шестой культурный период, он будет нести в себе всевозможные черты, всевозможные характерные черты, весьма отличающиеся от характерных черт нашего времени. Прежде всего, мы можем подчеркнуть три характерные черты, о которых мы должны знать, уже должны нести их в сердце как наши идеалы для шестого послеплатонического культурного периода, должны подготовить их для этого шестого культурного периода.

В сообществе людей ещё не существует сейчас того, что будет существовать в шестом культурном периоде у тех людей, которые будут считаться достигнувшими цели шестого культурного периода, которые не останутся позади этой цели: то есть, не среди тех, кто будет дикарями или варварами в шестом культурном периоде. У этих обитателей Земли в шестом культурном периоде — у тех, следовательно, кто будет стоять тогда на вершине культуры — одной из важнейших характерных черт будет одна характерная моральная черта. Сейчас в человечестве ещё мало можно заметить от этой характерной черты. Уже сегодня человек должен быть организован тоньше, если ему больно в душе оттого, что он должен смотреть, наблюдать, видеть в мире за пределами своей жизни людей, которым живется хуже, чем ему. Конечно, более тонко организованные натуры и сегодня уже ощущают страдание от страданий, изливающихся над многими людьми в мире, но это должны быть именно более тонко организованные натуры. В шестом культурном периоде у людей, которые будут стоять на вершинах этой культуры, будет не только то чувство, которое мы испытываем сегодня как боль за бедность, страдание и нужду, распространенные в мире, но тогда на вершине культуры шестого

послеатлантического культурного периода человек всякое чужое страдание будет ощущать как свое собственное страдание. Видя голодного, он столь живо, физически будет ощущать голод, что этот голод другого будет непереносим для него. Этим указывается на то, что в шестом культурном периоде уже не будет так, как ещё в пятом; в шестом культурном периоде, напротив, благополучие отдельного человека будет полностью зависеть от благополучия целого — это характерная моральная черта. Подобно тому, как теперь благополучие отдельного члена человеческого тела зависит от здоровья всего тела, и если весь человек нездоров, то и отдельный член его организма на способен выполнять ту или иную функцию, — так в шестом культурном периоде общая жизнь охватит цивилизованное развитое человечество и отдельный человек в гораздо более высокой степени, подобно члену целого, будет сопереживать страдание, всю нужду, всю бедность или богатство других. Такова первая, преимущественно моральная существенная черта, которая будет характеризовать цивилизованное человечество шестого культурного периода.

Вторая основная черта будет тогда та, что все то, что мы называем сегодня духовными ценностями, будет зависеть от индивидуальности отдельного человека в гораздо большей мере, нежели это имеет место сегодня. Духовная наука выражает это так, что в шестом культурном периоде людей во всякой религиозной области охватит свобода мысли и потребность в свободе мысли, так что все то, во что человек хочет верить, в чем человек хочет быть убежденным именно в религиозном отношении, будет предоставлено его индивидуальности. Связь людей по вере, так часто существующая ещё сегодня, связь по вере, различнейшим образом господствующая среди отдельных человеческих сообществ, уже не будет господствовать в той части человечества в шестом культурном периоде, которая будет цивилизованной в то время. Как необходимое свойство человека каждый будет ощущать то, что в религиозной области полностью господствует свобода мысли.

А третьим будет то, что люди в шестом культурном периоде будут считать, что они имеют знания только тогда, когда они познают духовное, когда они познают, что в мире распростерто ду-

ховное, и что души людей должны соединиться с духовным. То, что сегодня называет наукой и что, будучи наукой, носит материалистическую окраску, в шестом культурном периоде совсем не будет называться наукой. На неё будут смотреть как на предассудок, свойственный лишь людям, отставшим на ступени пятого, к тому времени пройденного послеатлантического культурного периода. Сегодня мы считаем древним суеверием, когда, скажем, негр думает, что ни один член его тела нельзя отделять от его тела после смерти, потому что тогда бы он не мог вступить целостным человеком в духовный мир. Негр ещё связывает сегодня идею бессмертия с чистым материализмом, то есть с верой, что какой-то отпечаток всей его телесной формы должен войти в духовный мир. Он думает, в сущности, материалистически, но верует в бессмертие, тогда как мы сегодня — поскольку из нашей духовной науки мы знаем, что мы должны отделить духовное от тела, и что лишь духовное входит в сверхчувственный мир, — должны смотреть на такую материалистическую веру в бессмертие как на суеверие, так и вся материалистическая вера, также и в науке, будет старым суеверием в шестом послеатлантическом культурном периоде. А в качестве науки для людей вполне естественно будет иметь значение лишь то, что, как говорит духовная наука, имеет основой пневматологию, духовное.

Вы видите, наша духовная наука полностью нацелена на то, чтобы подготовить для шестого культурного периода вещи, которые только что были названы. Мы пытаемся заниматься духовной наукой, чтобы преодолеть материализм, чтобы подготовить то, что должно быть наукой в шестом культурном периоде. Мы основываем сообщества людей, где не может господствовать что-либо от какой-нибудь веры в авторитет, от признания учения лишь потому, что оно дано тем или иным лицом. Мы основываем сообщества людей, в которых всё, всё должно строиться на свободном согласии душ с учением. Тем самым мы подготавливаем то, что духовная наука называет свободой мыслей. И соединяясь, объединяясь в братские союзы, чтобы заниматься нашей духовной наукой, мы подготавливаем то, что как культура, как

цивилизация должно пронизать шестой послееатлантический культурный период.

Но ещё глубже должны мы взглянуться в ход развития человечества, если мы вполне хотим понять, о чем, в сущности, идет речь в наших братских союзах. В первом послееатлантическом культурном периоде в сообществах, имевших в то время свой мистериальный характер, занимались также и тем, что воцарилось затем во втором культурном периоде. То есть, в особых объединениях первого послееатлантического, древнеиндийского культурного периода уже возвращали то, что должно было царить затем как попечение об астральном теле. Это завело бы слишком далеко, если бы мы захотели сегодня описать, что возвращалось в этих особых объединениях древней Индии в отличие от того, что было внешней древнеиндийской культурой, чтобы подготовить древнеперсидскую культурную эпоху. Но надо сказать, что когда эти люди древнеиндийского культурного периода соединялись, чтобы подготавливать то, что должно было быть подготовлено для второго культурного периода, они чувствовали: это ещё не достигнуто, у нас нет ещё того, что у нас будет, когда наши души перевоплотятся в следующем культурном периоде; оно еще словно парит над нами. — И это действительно так. То, что во втором культурном периоде должно было, я бы сказал, низойти с Неба на землю, — ещё парило над душами в этом первом культурном периоде. И работа строилась так, что благодаря работе, исполняемой людьми в тесных союзах на Земле, Духи Высших Иерархий получали восходящие вверх силы, посредством которых они могли развить то, что как содержание астрального тела должно было втекать в души людей во втором, древнеперсидском культурном периоде. Как малые дети, я бы сказал, были они ещё эти силы, которые затем, несколько подросшими, нисходили в души, воплощенные в древнеперсидских телах. Вверху, в духовном мире они воспринимали силы от человеческой работы, притекавшие снизу, подготавливая следующий культурный период, и, благодаря этим силам, возвращали уже те силы, которые затем должны были истечь вниз. И так должно быть в каждом последующем культурном периоде.

В нашем культурном периоде мы должны осознавать то, что выработалось в нас путем обычной цивилизации, путем обычной культуры, это должна быть душа сознательная; это — то, что с XIV, XV, XVI столетий стало как наука, как внешнее материалистическое сознание охватывать людей, и что будет продвигаться все дальше и дальше, и что целиком и полностью будет развито по истечении пятого культурного периода, к концу пятого культурного периода. То же, что должно охватить шестой культурный период, — это Самодух. Самодух должен будет тогда самостоятельно вырабатываться в душах, как теперь вырабатывается душа сознательная. Особенность же Самодуха в том, что он предполагает наличие в душах людей трех характерных черт, о которых говорит духовная наука: братство в социальной совместной жизни, свобода мысли и пневматология. Сообщество людей, внутри которого Самодух вырабатывается так же, как благодаря внешней культуре душа сознательная — в наших душах пятого послееатлантического культурного периода, нуждается именно в этих характерных чертах. Поэтому мы можем представлять себе, что благодаря тому, что мы братски соединяемся в рабочих группах, над нашей работой незримо парит как бы дитя тех сил, которые суть силы Самодуха, лелеемого Существами Высших Иерархий, чтобы он мог истечь затем в наши души, когда они снова будут здесь в шестом культурном периоде. Мы совершаем в наших братских рабочих группах работу, текущую вверх к силам, подготавливающим Самодух.

Таким образом, вы видите, что, в сущности, только из достояния мудрости нашей духовной науки мы можем понять, что, собственно, делаем мы в отношении нашей взаимосвязи с высшими духовными мирами, соединяясь в таких рабочих группах. И та мысль, что мы делаем такое дело, что работу, которую мы исполняем в наших рабочих группах, мы исполняем не только ради нашего эго, но что мы исполняем её для того, чтобы она текла вверх в духовные миры, мысль об этой работе во взаимосвязи с духовными мирами дает рабочей ветви истинное освящение. И питая такую мысль, мы проникаемся освячительной мыслью, основывающей такую рабочую группу внутри нашего духовного

движения. Особое значение имеет поэтому, чтобы мы как следует осмыслили духовно этот факт. Мы сходимся в рабочих группах, которые наряду с тем, что изучают духовную науку, пневматологическую науку, наряду с тем, что хотят строиться на основе свободы мысли и не хотят знать ничего от догмы, ничего от религиозного принуждения, которые наряду с этим погружают свою работу в братское сотрудничество. Дело в том, чтобы мы правильным образом действительно восприняли в наше сознание эту идею общности, чтобы мы как бы сказали себе: помимо того, что, будучи современными людьми, мы принадлежим пятому послееатлантическому культурному периоду и вполне индивидуально развиваемся в нем, все больше и больше извлекая отдельно-личное из коллективной жизни, мы должны как волшебное веяние, которое мы вдыхаем в наших рабочих группах, ощущать опять-таки более высокую общность, которую мы основываем на свободной братской любви.

В этом особенно глубокое значение западноевропейской культуры — в том, что в пятой послееатлантической культуре должно искать душу сознательную. В том и состоит задача западноевропейской, и совсем особо — средневропейской культуры, чтобы люди все больше и больше развивали в своей душе индивидуальную культуру, индивидуальное сознание. Мы можем сравнить этот наш культурный период с греческим, римским. В греческом культурном периоде особенно бросается в глаза: именно у цивилизованных греков совсем особенно царствует ещё групповая душевность, сознание групповой душевности. Тот, кто жил и родился в Афинах, чувствовал себя прежде всего афинянином. Это единение города с тем, кто принадлежит ему, имело для отдельных людей иное значение, нежели имеет сегодня для них человеческое сообщество. Сегодня человек хочет вырасти из общности, и это составляет правильную задачу пятого послееатлантического культурного периода. В Риме человек был прежде всего не чем иным, как римским гражданином; это было то, чем он был в первую очередь. Но наступил пятый послееатлантический культурный период, когда мы хотим прежде всего быть человеком, человеком и ничем иным в нашем наивнутреннейшем существе.

То, что столь болезненно переживается нами сегодня, когда люди сталкиваются друг с другом на земле, это ведь лишь реакция на непрестанное стремление пятого культурного периода к свободной выработке общечеловеческого. Благодаря неприязненному замыканию в себе отдельных стран и народов сегодня должно быть развито в сопротивлении ему тем больше силы, позволяющей человеку быть прежде всего всецело человеком, сил, позволяющих человеку вырасти из всякого рода общности. Но для этого он должен опять-таки подготавливать сообщества, построенные на полном сознании, в которые он свободно вступит в шестом культурном периоде, и вхождение в которые он всецело сам возложит на себя. Как высокий идеал витает перед нами это сообщество, которое охватит шестой культурный период так, что цивилизованные люди, исходя из своих душ, естественно будут относиться друг к другу как братья и сестры,

И вот, из многочисленных лекций, прочитанных в истекшие года, мы знаем, что на Востоке Европы живет народ, который в особенности будет призван к тому, чтобы привести к особому выявлению в шестом культурном периоде того, что есть в нем из элементарных сил. Мы знаем, что русский народ лишь в шестом культурном периоде созреет, чтобы выявить силы, элементарно существующие в нем сегодня. Западная и Средняя Европа призваны к тому, чтобы внести в человеческие души то, что может быть внесено душой сознательной. Восток не призван к этому. Восток Европы должен будет ждать, пока Самодух не сойдет на Землю и не сможет пронизать человеческие души. Это часто упоминалось, мы должны понять это в правильном смысле. Понятое в неправильном смысле это весьма легко может повести к высокомерию и гордыне именно на Востоке. Вершина послееатлантической культуры должна быть достигнута уже в пятом послееатлантическом культурном периоде. То, что последует в шестом и седьмом культурном периодах, будет нисходящим развитием. Тем не менее будет так, что это нисходящее культурное развитие будет инспирировано, будет проникнуто в шестом культурном периоде Самодухом. Инстинктивно, но часто, можно сказать, инстинктивно довольно превратно чувствует сегодня

человек Востока, тот, кто в лице восточных умов сам именуется себя «русским человеком», — чувствует, что с ним обстоит так; только большей частью он имеет крайне неясное сознание этого. Характерно уже то, что это выражение — «русский человек» — могло так часто всплывать. В языке царит Гений, когда из языка извлекается нечто такое, и не говорят, как на Западе: «британец», «француз», «итальянец», «немец», а — «русский человек». И многие русские интеллигенты придают значение тому, чтобы всегда говорить «русский человек». Это заложено глубоко во всем Гении соответствующей культуры. Имеют в виду уже то, что как человечность, как братство простирается над всей общностью людей. На это хотят указать тем, что пользуются в выражении именно понятием человека. Но одновременно показывают, что ещё не находятся на всей той высоте, которая должна быть достигнута в далеком будущем, добавляя то, что, по существу, резко противоречит существительному. «Русский» человек: в прилагательном как бы забирают назад то, что высказывают в существительном. Ибо, если человечность будет достигнута, она не сможет иметь такого прилагательного, делающего эту человечность снова чем-то исключаящим.

Но именно в представителях русской интеллигенции много, много глубже уже заложено в настоящее время то, что должна царить определенная, достижимая в будущем идея общественности, идея братства. В этом отношении русская душа уже чувствует: однажды должен сойти Самодух, но он может войти лишь в сообщество людей, пронизанное братством. Никогда не сможет он распространиться в сообществе людей, не пронизанных братством. Поэтому русские интеллигенты, как они себя называют, делают Западной Европе и также Средней Европе следующий упрек. Они говорят: «Вы вовсе не считаетесь с тем, что является подлинной общественной жизнью, вы возвращаете лишь индивидуализм. Каждый хочет быть собственником, каждый хочет быть лишь индивидуальностью. Вы доводите до крайности личное, благодаря которому всякий отдельный человек чувствует себя Я, индивидуальностью». — Это то, что раздается с Востока во множестве упреков в отношении варварства и т. д.

Средней и Западной Европы. И те, кто хочет осознать, что же, в сущности, есть в наличии, говорят: „Вся эта Средняя и Западная Европа утратила уже всякое чувство человеческих взаимосвязей”. И путая настоящее и будущее, говорят: „Действительно человеческие взаимосвязи, где каждый чувствует себя братом другого, где тот, кто стоит над другим, чувствует себя его «бабушкой» или «мамушкой», действительная человеческая общественная жизнь есть лишь в России”. Так говорит русская интеллигенция. И поэтому, говорит она, западноевропейское христианство не исполнило того, чтобы взрастить действительную человеческую общность. Русский — так говорят они — ещё знает общность. И такой выдающийся русский интеллигент, как живший в XIX столетии Александр Герцен,¹⁰⁶ пришёл как бы к последнему выводу сказав: „В Западной Европе никогда не наступит счастье. Какие бы попытки ни делали в западноевропейской культуре и цивилизации, счастье там никогда не наступит. Люди никогда не будут довольны. Там может царить лишь хаос. Единственная благодать пребывает в русском народе, где люди ещё не отделились от общности, где в своих деревенских общинах они имеют ещё что-то от групповой душевности, которой они придерживаются”.

То, что мы называем групповой душой, из которой человечество высвобождалось постепенно с таким трудом и внутри которой ещё всецело живет животность, именно это русские интеллигенты чтят за что-то особенно великое и значительное у своего народа. Они не могут подняться к мысли, что человеческая общность будущего является высоким идеалом, — идеалом, который сперва должен стать действительно признанным людьми. Они держатся мысли: „Посмотрим, что осталось вам в Европе! Там выделались уже из групповой душевности, мы сохранили её ещё; мы должны беречь её”. — В действительности эта групповая душевность совсем не нужна будущему, ибо это старая групповая душевность. Она была бы лишь люциферической групповой душевностью, групповой душевностью, отставшей на ранней ступени, тогда как истинная групповая душевность, к которой нужно стремиться, это та, которую мы ищем в нашей духовной

науке. Но как раз на порыве и томлении русских людей, особенно интеллигенции, можно узнать, насколько необходим для нисхождения Самодуха дух общности. Насколько там он ищется на ложном пути, настолько в нашем духовнонаучном течении он должен искаться на верном пути. И мы хотели бы крикнуть им, на Восток: «Вплоть до самого внешнего мы должны преодолевать именно то, что вы пытаетесь сохранить внешним образом — старую люциферически-ариманическую общность». — Общность люциферического и ариманического рода, будет обладать столь сильным религиозным принуждением, какое должна была учредить ортодоксально отставшая католическая церковь в России. Эта общность не поймет, что значит свобода мысли, и она меньше всего сможет возвыситься к полной индивидуальности и тем более к социальной братской совместной жизни. Поэтому она хотела бы сохранить то, что осталось в кровном братстве, в простой взаимной принадлежности людей через кровь. Общность, основывающаяся не на крови, а на духе, на общности душ, — это то, к чему нужно стремиться на духовнонаучном пути. И к этому мы стремимся, говоря себе: мы должны стремиться к общностям, в которых уже не говорит кровь. Кровное начало, разумеется, будет продолжать существовать, оно будет изживаться в семейных узах — то, что должно оставаться, не искореняется, но должно возникнуть и нечто новое! То, что важно в ребёнке, будет сохранено в старческих силах, но человек должен дополучить новое в более позднем возрасте.

То, что приносит кровь, нельзя перетолковывать так, как если бы оно охватывало большие человеческие сообщества будущего. Это великое заблуждение Востока, разыгрывающееся в нынешних кровавых событиях, — что развязали войну под лозунгом общности крови славянских народов. В нашем роковом времени разыгрывается все только что изложенное, но что, в сущности, опять-таки содержит в себе верное зерно, а именно — инстинктивное чувство: Самодух может явиться лишь в братском сообществе. Но это не может быть общность крови, а должно быть общностью душ. То, что должно произрасти как общность душ, что должно становится ею, это в его детскости мы лелеем в наших

рабочих сообществах, в наших ветвях. То же, чего придерживается в групповой душевности европейский Восток, обозначая, например, славянскую групповую душу как нечто, чего он не хочет покинуть, что в противоположность всеобъемлющему принципу он хочет считать принципом всего своего государственного образования, это есть то, что должно быть, как раз преодолено.

Подобно великому символу, подобно ужасающему символу предстает то, что оба государства, которыми была начата война, указывают, с одной стороны, на кровное братство как причину войны — Россия со всем славянством, а другое государство, противостоящее ей, имеет официально тринадцать народностей и тринадцать государственных языков. Приказ о мобилизации должен был быть отдан в Австрии на тринадцати языках, поскольку в Австрии объединено тринадцать народностей — немцы, чехи, поляки, русины, румыны, венгры, словаки, сербы, хорваты, словенцы — к тому же ещё особые словенские наречия, — боснийцы, далматы и итальянцы. — Таким образом — отвлекаясь от всех мелких различий — в Австрии объединено тринадцать разных народностей. Замечают это или нет, это показывает, что Австрия состоит из взаимосвязи людей, где общность отнюдь не может быть основана на кровном братстве, ибо то, что царит в пределах этой своеобразной границы, происходит из тринадцати различных кровей. Хотелось бы сказать: наиболее составное, сложное государство Европы противостоит государству, стремящемуся сильнее всего к групповой душевности или к единообразию.

Но это стремление к групповой душевности влечет за собой ещё многое иное. И тут мы приходим ещё к следующему, о чем мы многозначительно вспомним сегодня. Я упомянул уже вчера в открытой лекции, как одного из наиболее значительных умов всей России — великого философа Соловьева. Соловьев — действительно выдающийся ум, но совершенно русский ум.¹⁰⁷ Ум, который чрезвычайно трудно понять с западноевропейской точки зрения. Но антропософы должны были бы познакомиться с ним. Они должны были бы суметь подняться к определенному пониманию Соловьева. Я хочу теперь провести перед вашими

душами с нашей интимной точки зрения главную и центральную идею Соловьева. Соловьев слишком философ, чтобы так просто действительно принять для себя групповую душевность. Все это создает для него затруднения, и он впадает в различные противоречия. Но одной идеей он охвачен не вполне сознательно, охвачен так, что нужно сказать: ах, если бы только этот Соловьев был вполне ясновидящим, чтобы упредить то, что его душа поймет на Земле лишь, когда она будет инкарнирована в шестом культурном периоде.

Идея, которая в своем исходном пункте поистине трудно понятна для западноевропейца, а также, разумеется, и для средне-европейца, стала главной и центральной идеей у Соловьева. Эта идея следующая. Именно в том, что мы осуществляем в порядке подготовки для шестого культурного периода, мы в Западной Европе пытаемся среди многого другого постичь смерть в её значении для жизни. Мы стараемся понять смерть как проявление формы бытия, понять, каким образом душа преобразуется в смерти в иную форму бытия. Мы описываем, как человек живет в своем теле, и что за жизнь ведет он между смертью и новым рождением, мы пытаемся понять смерть. Мы пытаемся преодолеть смерть, поняв её, показав, что она только видимость, что душа поистине живет, проходя через смерть. Но для нас главное в том, что мы пытаемся преодолеть смерть посредством понимания.

Но здесь мы находимся, к примеру, в таком пункте, причем именно в наисущественном пункте, где духовнонаучное стремление целиком и полностью отлично от того, что имеет в качестве своей идеи Соловьев, великий русский ум: „В мире есть зло; зло существует в мире. Посмотрим на зло нашими органами восприятия, мы не сможем отрицать, что мир полон зла. Это говорит против того, что мир божествен, — говорит Соловьев. — Ибо как можно, глядя на мир своими органами восприятия, верить в божественный мир, так как божественный мир не может быть злым! Но чувства видят зло всюду, и худшее зло — это смерть. Оттого, что в мире есть смерть, мир являет себя во всей своей злости, во всем своем зле. Смерть — изначальное зло”.

Такова соловьевская характеристика мира. Он говорит — я цитирую почти дословно: „Посмотрите на мир лишь одними вашими органами восприятия! Попытайтесь постичь мир только одним вашим рассудком. Тогда вы не сможете отрицать зло в мире. И хотеть понять смерть было бы абсурдно! Смерть существует. Она являет себя. Чувственное познание никогда не сможет познать смерть. Поэтому чувственное познание обнаруживает злой мир, мир зла. Можем ли мы верить тогда, — говорит Соловьев, — что этот мир божествен, если он являет нам, что он полон зла? Если он на каждом шагу являет нам смерть? Никогда уже не сможем мы веровать, что божествен мир, являющий нам смерть. Ибо в Боге не может быть смерти. Значит, если бы Бог пришёл в мир — я повторяю почти дословно то, что говорит Соловьев, — если бы Бог пришёл в мир, если бы Он появился в мире, могли бы мы так просто поверить, что он Бог? Нет, мы бы не могли так просто поверить Богу, что Он есть Бог! Он должен был бы сначала удостоверить Себя! Если бы пришло какое-нибудь существо и утверждало бы, что оно есть Бог, мы не поверили бы ему. Оно должно было бы тогда сначала удостоверить себя. Оно должно было бы сперва предъявить что-либо, — так говорит Соловьев, — вроде мирового документа, чего-то, благодаря чему мы можем узнать: это Бог! А чего-либо такого мы не можем найти в мире. Бог не может удостоверить Себя посредством того, что есть в мире, что несовместимо с божественным. Через что тогда может Он удостоверить Себя? Он может удостоверить Себя через одно то, что, придя в мир, Он явит, что Он есть победитель смерти, что смерть не в состоянии повредить Ему. Мы бы никогда не уверовали, что Христос — это Бог, если бы Он не удостоверил Себя. И Он сделал это, воскреснув, показав, что изначального зла, смерти в Нем нет. — Мы имеем здесь, стало быть, богосознание, строящееся только на действительном, историческом Воскресении Христа, удостоверении Бога как Бога. Ничто в мире, кроме Воскресения не позволяет нам узнать, что Бог есть. Если бы Христос не воскрес — это изречение Павла¹⁰⁸ есть то, что Соловьев все снова приводит главным

образом, — то тщетна была бы и вся вера наша. И тщетно было бы все, что мы можем сказать о Божественном в мире”.

Отсюда положение Соловьева: если мы смотрим на мир, то повсюду в мире мы видим только зло, тление и безумие. Если бы Христос не воскрес, мир был бы лишен смысла. Следовательно, Христос воскрес! — запомните хорошенько это положение! Ибо это положение есть кардинальное положение одного из величайших умов Востока. Если бы Христос не воскрес, мир был бы лишен смысла. Следовательно, Христос воскрес! — Соловьев сказал: найдутся люди, которые подумают, что это нелогично, когда я говорю: „Если бы Христос не воскрес, то мир был бы лишен смысла; следовательно, Он воскрес! — Но это гораздо лучшая логика, — считает Соловьев, — чем вся логика, какую вы можете противопоставить мне!”

Я показал вам на конкретном примере, именно на примере этого своеобразного требования документа о божественности Бога, сколь своеобразны мысли на Востоке; сколь своеобразно мысли выются вверх, чтобы схватить то, через что Бог непосредственно являет, что Он есть Бог. Насколько иначе это на Западе, насколько иначе это в Средней Европе! На что употребляем мы духовнонаучное стремление? Попытайтесь сравнить и окинуть взглядом все то, чем мы занимаемся в духовной науке! Что же это за цель, в которую мы метим? Из знания, из познания, так, что мы можем понимать, мы хотим познавать в мире, что мир имеет смысл, что мир имеет значение, что не только зло и тление есть в нем. Мы хотим непосредственно через познание постичь, что мир имеет смысл. И именно благодаря тому, что мы постигаем, что мир обладает смыслом, мы хотим подготовить себя к сопереживанию Христова Существа, мы хотим охватить живого Христа. Все это мы хотим принять как дар, как благодать Христа. Мы знаем, что это то, что может быть дано нам по словам: „Я с вами во все дни до скончания мира”.¹⁰⁹ Мы хотим принять все то, что Христос постоянно обещает нам. Ибо Он говорит не только через Евангелие, но и в наших душах. Это подразумевает Он словами: „Я с вами во все дни до скончания мира”. Он всегда может быть найден как живой Христос. Мы

хотим жить в Нем, воспринять Его в нас: „Не я, но Христос во мне!” Это наше главное изречение у Павла.¹¹⁰ „Не я, но Христос во мне!” Тем самым мы видим благодаря Ему: всюду, куда мы ни приходим, есть смысл! Уже Фауст хотел сказать это, выражая все свое мировоззрение в словах:

Пресветлый́ Дух, ты дал мне, дал мне все,
 О чем просил я. Ты не понапрасну
 Лицом к лицу явился мне в огне.
 Ты отдал в пользование мне природу.
 Дал силу восхищаться ей. Мой глаз
 Не гостя дружелюбный взгляд без страсти. —
 Но я могу до самого нутра
 Заглядывать в неё как в сердце друга.
 Ты предо мной проводишь череду
 Живых существ и учишь видеть братьев
 Во всем: в зверях, в кустарнике, в траве.
 Когда ж бушует буря в темной чаще
 И, рушась наземь, вековая ель
 Ломает по пути стволы и сучья,
 И грохоту паденья вторит даль,
 Подводишь ты меня к лесной пещере
 И там, в уединенной тишине,
 Дашь мне внутрь себя взглянуть, как в книгу,
 И тайны увидеть и тьмы чудес.

Духовно охватить внешнее и внутреннее, всюду постигать смысл, постичь в самой смерти, что она есть переход от одной формы жизни к другой форме жизни! И тем, что мы, стало быть, ищем живого Христа, мы следуем — ища живого Христа — за Ним и через Смерть и через Воскресение. Мы не исходим из Воскресения, как восточноевропейский человек. Мы следуем Христу, Которому мы даем инспирировать нас, Христу, Которого мы берем в наши имажинации. Мы следуем за Христом вплоть до смерти. Мы следуем Ему не только, говоря: Ex Deo

Nascimur, но говоря: In Christo morimur. Мы наблюдаем мир и знаем, что мир — это документ, через который Бог высказывает Свою Божественность. Стремясь пережить и понять духовное действие и правление, мы на Западе не можем сказать: «Нам нужен документ, когда Бог приходит в мир и должен удостоверить Свою Личность», — но мы ищем Бога всюду. В природе и в человеческих душах мы ищем Бога.

Но потому и эта пятая послееатлантическая культурная эпоха также нуждается в том, чем мы заняты в наших братских объединениях и ветвях. Она нуждается в сознательном уходе, как бы в той духовной ауре, которая ещё парит над нами, которая лелеется Духами Высших Иерархий и которая волеется в души людей, когда они будут жить в шестом культурном периоде. Мы не хотим обращаться к мертвому, как Восток — к групповой душевности, к отставшей общности. Мы хотим выращивать живое с детства, и это есть дух общности наших ветвей. Мы не хотим искать того, что шумит внизу, в крови, чтобы созвать вместе просто тех, у которых в крови шумит нечто общее, и лелеять это в каком-нибудь сообществе. Мы хотим созвать людей, решивших быть братьями и сестрами и имеющих парящим над собой то, что они хотят взрастить, занимаясь духовной наукой и чувством парящим над собой доброго духа братства.

Это то, что как освятельную идею мы принимаем в нас при начальном развертывании нашей ветви. Тем самым мы освящаем ветвь, основывая её. Общность и оживленность! Общность мы ищем над нами, живого Христа — в нас. Его, для Которого не нужно документа, Которого не нужно удостоверить сперва посредством Воскресения, Который удостоверяется, потому что мы переживаем Его в нас самих. Общность над нами, Христос в нас — основывая ветвь, сделаем это нашим девизом, нашим освятельным девизом. И мы знаем, если двое или трое, семеро или многие, многие собрались в этом смысле во Имя Христа, в них живой Христос. И все те, кто признают Христа в этом смысле своим Братом, суть сами братья и сестры. А Христос того хочет признать Своим братом, кто признает своим братом другого человека.

Если мы в состоянии принять в нас такой освячительный девиз, исполнить нашу работу с таким настроением, тогда истинный дух нашего духовнонаучного движения будет царить в этой нашей работе. В это трудное время наши духовнонаучные друзья в иных краях также соединяются с теми, кто основал здесь свою ветвь. Это всегда будет прекрасным обычаем. Ибо благодаря этому освячительную идею, освячительный девиз несут также и другие, работающие в других ветвях. И они дают обет себе все вновь думать о тех, кто в одной ветви, обещает работать вместе друг с другом в смысле нашего движения. И таким образом будет расти и расти то, что как нашу незримую общность мы хотим основать родом нашей работы. Если же такой мысленный настрой будет все более распространяться, соединяясь с нашей работой, тогда мы удовлетворим требованиям, предъявляемым нам духовной наукой ради прогресса человечества. И тогда мы будем сметь думать, что те, кто как Великие Учителя Мудрости руководят человеческим прогрессом и человеческим знанием, будут среди нас при нашей работе. И поскольку вы, работающие здесь, работаете в этом нашем духовнонаучном настроении, в этом же смысле я знаю, что Высокие Учителя, которые действительно ведут наше движение из духовных миров, будут находиться и среди нашей работы.

С этой точки зрения я призываю сегодня Силу, и Благословение, и Любовь этих Учителей Мудрости, ведущих и направляющих то, чем мы заняты как работой в братских объединениях в наших ветвях, я призываю Благословение, я призываю Силу, я призываю Любовь этих Учителей Мудрости, стоящих в непосредственной связи с силами высших Иерархий низойти на работу в этой ветви. Пусть добрый Дух, исходящий от Вас, Великие Учителя, и пусть добрый Дух нашего духовнонаучного движения пребудет с этой ветвью. Да царят они и действуют в ней!

Четырнадцатая лекция

Переживания человека после прохождения через врата смерти

Дюссельдорф, четверг, 17 июня 1915 года

В связи с некоторыми духовнонаучными рассмотрениями часто говорилось, что в нашем духовнонаучном движении, в его устремлениях дело, прежде всего, не в том, чтобы теоретически воспринимать те понятия и идеи, которые могут быть усвоены благодаря духовной науке, но в том, что духовнонаучные результаты должны входить в самые внутренние движения, в самые внутренние импульсы нашей душевной жизни. Конечно, мы должны исходить из результатов духовнонаучного познания, а такие познания можно усвоить только, если их изучают, если ими занимаются. Духовная наука не должна восприниматься так, как другая наука, когда задним числом знают, что прослушано то-то и то-то, что то или иное правильно относительно того или иного в мире; но духовная наука должна действовать на душу так, чтобы эта душа становилась иной в той или другой области ощущений, чтобы она становилась иной благодаря принятию того, что может излиться из духовной науки. Понятия, идеи и представления, которые мы принимаем, благодаря духовной науке должны внутренне потрясать нашу душу, должны соединяться с нашим ощущением, так, чтобы мы посредством духовной науки научились не только иначе рассматривать мир, но и иначе ощущать его, нежели ощущали бы без неё. Входить в известные жизненные ситуации совершенно иначе, чем было бы возможно без духовной науки — вот что должен, по сути, последователь духовной науки. И когда он сможет это, тогда он, в сущности, впервые достигнет того, что должно изливаться в нас из духовной науки.

Мы сегодня живём в трудное время, когда самый важный вопрос духовной науки, вопрос о смерти в бесчисленном множестве случаев выступает перед глазами, перед нашими душами, перед сердцем, для одного ближе, для другого дальше. Духоиспытатель даже в это тяжелое время должен суметь подтвердить духовную науку на эмоциональном уровне. Он должен суметь стоять иначе по отношению к событиям времени, даже тогда, когда они не касаются его так близко, как других. Конечно, один нуждается в утешении, другой в ободрении; но оба должны найти это в духовной науке. И только тогда, когда это произойдёт, мы станем правильно понимать духовную науку и её намерения.

С помощью представлений духовной науки и благодаря им мы должны испытать в нашей душе некоторое потрясение, ибо мы учимся чувствовать некоторые вещи иначе, нежели могли бы их чувствовать в мире без духовной науки. Подытожьте многое из того, что уже было сказано о загадке смерти в рамках нашей духовной науки, и вы сможете понять, что я сегодня хотел бы сообщить нечто не как повторение, но как дополнение к более ранним рассмотрениям. Нам следует учиться не только думать о смерти иначе, но мы должны учиться иначе чувствовать смерть. Ведь загадка смерти, в самом деле, связана с глубочайшей мировой загадкой. Только пусть нам станет совершенно ясно то, что мы, проходя через врата смерти, слагаем с себя всё то, благодаря чему мы в физическом мире черпаем восприятия и познания и нечто переживаем во внешнем мире. В физическом мире мы получаем с помощью наших органов чувств впечатления о мире. Эти органы чувств мы слагаем, вступая в духовный мир. Тогда у нас больше нет органов чувств. Уже это должно служить нам доказательством того, что мы, думая о сверхчувственном мире, должны потрудиться, чтобы думать иначе, чем мы научились думать при наличии органов чувств.

Конечно, у нас есть своего рода отправная точка, когда даже в обычную жизнь, которую мы проводим между рождением и смертью, внедряется нечто аналогичное, нечто подобное переживаниям в духовном мире. Таковыми являются внедряющиеся в

обычную жизнь сновидческие переживания. Сновидческие переживания мы имеем не благодаря нашим органам чувств; к этим сновидческим переживаниям эти органы чувств действительно не имеют отношения. Но всё же они состоят из образов, которые вспоминаются порой в жизни посредством органов чувств. В этих сновидческих образах мы имеем пусть даже слабый отблеск, но всё же именно отблеск того, как духовное бытие как имажинативный мир выступает нам навстречу между смертью и рождением. Несомненно то, что после смерти мы имеем имажинативное восприятие; переживание внезапно появляется, всплывает в образах. Только если вы в чувственном мире видите красный цвет и вынашиваете мысль: что находится за этим красным цветом? — тогда вы говорите себе: тут есть нечто такое, что наполняет пространство, за этим стоит нечто материальное. — Красный цвет является вам также и в духовном мире, но за ним нет ничего материального, ничего такого, что могло бы в обычном смысле оказать материальное впечатление. За красным цветом находится духовно-душевное существо; за красным находится то же самое, что вы в вашем душевном ощущаете как ваш мир. Можно сказать: от чувственного впечатления цвета мы внешне в физическом спускаемся вниз — к материальному миру; от имажинации мы всё больше и больше поднимаемся вверх в духовную сферу, в духовный мир. И нам должно быть ясно, — это особенно подчёркивается в новом издании моей «Теософии», — что эти имажинации выступают нам навстречу не так, как чувственные впечатления физического мира. Они, конечно, имеются там, эти имажинации, но они выступают как переживания: красное, синее являются там переживаниями. Эти имажинации можно по праву назвать красным или синим, но там они всё же являются чем-то иным, нежели чувственные впечатления физического мира. Они более внутренние, мы более внутренним образом связаны с ними. Вы сами находитесь вне красного цвета розы; в красном цвете духовного мира вы чувствуете себя внутри, вы связаны с красным цветом. В том, что вы воспринимаете красное в духовном мире, развивается воля, очень активная воля некоего

духовного существа. И эта воля излучает, и то, что она излучает, есть красное. Но вы чувствуете себя внутри этой воли, и это бытие внутри, чувство внутри, это переживание вы тогда, само собой разумеется, обозначаете как красное. Я бы хотел сказать, что физический цвет является как бы, замерзшим духовным переживанием, как бы застывшим духовным переживанием. Так мы должны в разных областях усваивать способность мыслить иначе, придавать своим представлениям иное значение, иную ценность, если мы действительно хотим подняться к понятиям духовного мира.

Мы должны уяснить себе, что наверху в духовном мире то, что мы называем имагинациями, иначе относится к духовным существам, чьими выражениями являются, например, цвета, нежели цвет относится к чувственно-воспринимаемым существам. Роза красная, это качество розы. Но если вблизи проходит дух, и мы после того, что сейчас говорилось, имели бы в сознании: дух излучает красное, — то это красное не означало бы подобным образом качество, свойство этого духа, как означает красное у розы некое качество. Нет, это красное в большей степени является проявлением внутреннего мира этого духа, является в большей степени шрифтовым знаком, буквой того, что насаждает этот дух в духовном мире. Созерцать это можно только посредством имагинации. Деятельность, которую при этом развивают, можно в физическом мире сравнить с её ариманическим отображением, а именно с чтением. Мы видим красное на розе и знаем: красное — есть свойство, качество розы. Красное в духовном мире мы не просто видим, но истолковываем его, не мудрствуя при этом, — от этого я должен снова предостеречь, — но наша душа сама находит, что тем самым дается некий текст, буква, нечто подлежащее расшифровке, то, что должно быть прочтено, вследствие чего человек узнаёт, что имелось в виду. Дух имеет нечто в виду, когда он раскрывается как красное, синее или зелёное, или как до диез или соль диез. Дух при этом нечто имеет в виду, подразумевает; человек начинает говорить с духом, человек начинает читать его письма. Внешняя

культура базируется на том, что такие вещи, имеющие свою глубокую мудрость в духовном мире, насаждаются также и во внешнем мире. Мы с правом говорим об оккультном чтении, так как тот, кто усвоил ясновидческое сознание, кто вступил в духовный мир, тот просматривает имажинации и в них читает, с их помощью смотрит в основу душ, которые живут в духовном мире, причём не только посредством цветов, красок, но и посредством других впечатлений, таких впечатлений, которые напоминают чувственные впечатления, и таких, которые заново выступают в духовном.

Эта деятельность, которая является чисто душевно-духовной деятельностью, в некотором смысле подчинена управлению правильно продвигающихся существ. Здесь, в физическом мире, Ариман создаёт отображение того, что я только что характеризовал. В физическом мире внешнее чтение посредством букв, шрифтовых знаков, является ариманическим отражением этого оккультного чтения. Ибо все чтение в физическом мире посредством знаков, изображенных искусственно — есть ариманическая деятельность. Не без оснований открытие искусства книгопечатания ощущалось как ариманическое искусство, как «чёрное искусство», как его тогда называли. Не следовало бы думать, что человек посредством каких-либо действий может уйти от когтей Люцифера и Аримана. Люцифер и Ариман должны присутствовать во внешней культуре. Речь идёт о том, чтобы найти точку равновесия, найти путь, когда жизнь постоянно отклоняется то в люциферическую, то в ариманическую сторону. Если кто-то хочет, чтобы Ариман совсем не касался его, то он никогда не должен учиться читать. Но дело тут совсем не в том, чтобы убежать от Люцифера и Аримана, но в том, чтобы мы поставили себя в правильное отношение к ним; чтобы мы, несмотря на то, что они как силы находятся вокруг нас, смогли поставить себя правильным образом по отношению к ним. Зная, что мы следуем тому, что часто описывали как импульс Христа, который живёт в нас, овладевая духовными ощущениями, которые каждую минуту нашей жизни побуждают нашу волю следовать за Христом,

мы тоже можем читать. Тогда мы можем испытать, — и это будет, если это соответствует нашей карме, — что Ариман учредил чтение, и мы будем видеть в правильном свете это ариманическое искусство. Если мы этого не знаем, то наши слова об ариманической культуре, о прогрессе, о славе ариманической культуры, например, культуре чтения, являются лишь декламацией, напыщенной болтовней.

Но все эти вещи возлагают на нас обязанности, и речь идёт о том, чтобы эти обязанности соблюдались. Именно в наше время может сообщаться многое, чтобы защитить или обвинить то или иное. Действительно, мы имеем то, что можно назвать наплывом военной литературы. Каждый день приносят не только брошюры, но книги и тому подобное. Часто вы можете прочесть следующее: в этой стране так много алфавитов, в этой стране можно читать и писать столь о многом, и тому подобное. Полагаться на это без дальнейшего исследования, не соответствовало бы тому, что, исходя из своей ответственности, должен говорить сведущий в духовной науке. Если бы я захотел, например, в числе того, что я приводил в отношении нашего времени, указывать на особенно плохие стороны у какого-либо народа, и указывая на них, стал бы говорить, что там много неграмотных, не умеющих ни читать, ни писать — то такие высказывания никоим образом не были бы духовнонаучными. Тут надо всегда приводить только те вещи, которые соответствуют ответственности перед оккультным долгом. Отсюда вы видите, — я это привожу лишь в качестве примера, — что духовная наука в самом глубоком смысле действительно должны переходить в жизнь и налагать обязанности. И если духовный исследователь говорит такие вещи, которые говорят также и другие, вы всегда можете проследить, что они говорятся в совершенно другой связи, а в этом всё дело. Само собой разумеется, что незнакомому с духовной наукой, может показаться странным то, что там говорится, поскольку он привык к другим представлениям, он может сказать: эта духовная наука называет чёрное белым, а белое чёрным! — Порой это оказывается действительно необходимым, ибо если с обычными поняти-

ями и представлениями, усвоенными в физическом мире, поднимаются в духовный мир, то дело действительно обстоит так, что некоторые понятия должны быть основательно изменены.

Возьмём с этой точки зрения одно из важнейших, загадочных понятий, которое мы должны были усвоить благодаря впечатлениям физического мира, понятие смерти. В физическом мире человек видит смерть всегда только с одной стороны; он видит, как человеческая жизнь развивается до определённого пункта, когда человек умирает, — это значит, что, прежде всего, физическое тело отпадает от более высоких членов человеческой природы, и затем растворяется в физическом мире. Действительно, можно сказать: то, что человек видит как смерть в физическом мире, означает: видеть смерть с одной стороны. Но видеть смерть с другой стороны означает видеть её в действительно противоположном свете, означает видеть её совершенно иначе.

Когда мы через рождение вступаем в физическую жизнь, мы в первую очередь испытываем, что наши переживания ещё далеко не полностью достигли высшего пункта физического сознания. Вы знаете, что в первые годы наши переживания таковы, что мы не в состоянии вспомнить их с помощью нашего обычного физического сознания. Никто не может посредством обычного физического сознания вспомнить о своём рождении. По крайней мере, в мире не выступил ни один человек, утверждающий, что он может благодаря своему физическому сознанию вспомнить, как он родился. Мы можем сказать: организация физического сознания такова, что оно должно забыть рождение человека. Рождение забывают, забывают ещё в первые годы жизни. Если мы в физической жизни между рождением и смертью оглянемся на нашу жизнь, мы вспомним её только до известного пункта. Затем воспоминания прерываются. Точка, где они прерываются — это не наше физическое рождение, переживания до него не доходят. Ни один человек не может посредством опыта знать, что он родился. Он может лишь умозаключать об этом. Мы благодаря тому заключаем, что мы родились, — и только благодаря этому, — что после нас рождались люди, чьё рождение мы воспринимаем

ли. Если естествоиспытатель утверждает, что хотел бы принять только то, что можно увидеть, то, желая остаться логичным в соответствие с этим тезисом, ни один человек не мог бы подтвердить факт своего рождения, ибо невозможно воспринять своё собственное рождение без помощи ясновидения: о рождении можно только умозаключать.

Прямо противоположное этому мы находим в отношении к смерти. В течение всей жизни между смертью и новым рождением предстаёт перед душевными очами человека, как наиболее живое, наиболее яркое впечатление, момент смерти, который он пережил прежде. Но не думайте, что вы можете сделать отсюда вывод, что это было бы болезненное впечатление. Тут вы могли бы подумать, что умерший оглядывается на то, что вы видите в физическом мире как смерть, — разрушение, гибель. Но умерший видит смерть с другой стороны; он видит в смерти нечто такое, что в духовном мире надо считать наиболее прекрасным. Ибо в том, что человек нормальным образом может пережить в духовном мире, нет ничего прекраснее, чем вид смерти. Увидеть эту победу духовного над материальным, это сияние духовного света души из мрака материального, вот величайшее, наиболее значительное из всего, что можно увидеть по ту сторону, в той жизни, которую человек ведет между смертью и новым рождением.

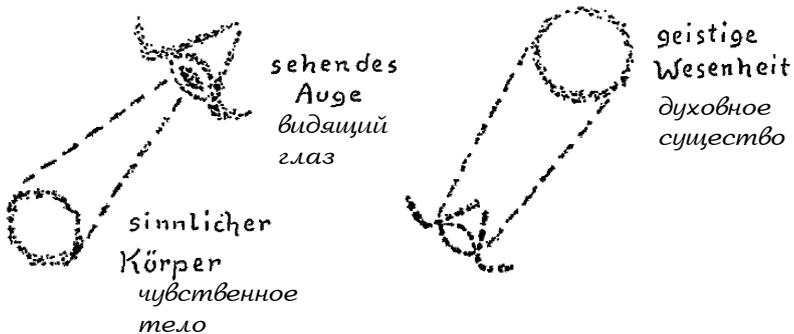
Когда человек слагает эфирное тело между смертью и новым рождением, и его сознание постепенно формируется полностью, что происходит вскоре после смерти, то это происходит так, что он занимает по отношению к себе не ту позицию, которую он занимал по отношению к себе в физическом мире. Если человек здесь, в физическом мире спит, это происходит бессознательно, когда же он просыпается, он осознает то, что он знает: у меня есть «я», «я» во мне. После смерти в духовном мире это обстоит несколько иначе — тут его самосознание находится на более высокой ступени, — оно не точно такое же. Я сразу скажу о том, каково оно. Но там есть нечто подобное размышлению о «я», воспоминанию о своём «я». Точно так же как здесь утром при пробуждении надо вспомнить о «я», опомниться, так и в духов-

ном мире. Но этим вспоминанием себя является обращение взора назад, на момент смерти. Это всегда происходит так, как если бы мы, чтобы воспринять наше «я» между смертью и новым рождением, говорили себе: ты действительно умер, итак, ты есть «я», ты являешься «я»!

Это самое значительное: человек смотрит назад на победу духа над телом, смотрит назад на момент смерти, который является наиболее прекрасным моментом в духовном мире, какой только можно пережить. И в этом оглядывании назад, обращенном назад взгляде, человек обретает своё «я» в духовном мире. Это всегда, нельзя сказать как пробуждение, — так как это понятие одностороннее, — это некое памятование о себе при обращении взгляда назад на свою смерть. Вот почему так важно, чтобы человек имел возможность с полным посмертным сознанием, — сознанием, выступающем после смерти, — действительно мог оглядываться на момент смерти, чтобы ему не только каким-либо образом грезилось то, что он видит, но чтобы он мог вполне понимать то, что он видит: это имеет огромную важность. И к этому мы можем подготовиться уже в течение жизни, если попытаемся практиковать самопознание. Начиная с нашего времени человечеству необходимо практиковать самопознание. В сущности, вся духовная наука дана затем, чтобы человек упражнялся в том самопознании, которое ему необходимо. Ибо духовная наука есть, собственно, введение в расширенное «я» человека, то «я», благодаря которому человек принадлежит всему миру. Я сказал, что сознание после смерти несколько иное, нежели здесь в физическом мире. Если бы я хотел изобразить вам схематически, графически, каково сознание после смерти, я мог бы это сделать следующим образом.

Допустим, что здесь у нас имеется глаз, а здесь предмет. Благодаря чему мы получаем сознание о том, что тут вне нас находится предмет? Благодаря тому, что предмет производит впечатление на наш глаз. Предмет производит впечатление на наш глаз, и мы учимся что-то познавать об этом предмете. Предмет находится вовне в мире, он производит впечатление на наши ор-

ганы чувств, и мы вбираем в себя, в нашу душу представление, которое мы смогли образовать от предмета. Предмет находится вне нас. Представление, которое мы затем для себя образуем, он передает нам. Иначе обстоит дело в духовном мире. И поскольку я не могу графически изобразить ничего иного, мне хотелось бы то, что я всегда называю душевным оком, нарисовать здесь как это душевное око, несмотря на то, что, строго говоря, это неправильно.

Это душевное око, которое человек имеет после смерти, предназначено к тому, чтобы человек после смерти видел, например, Ангела или другую человеческую душу, тоже находящуюся в духовном мире, но видел не так, как видит он цветок в физическом мире. Но этот душевный глаз предназначен для того, — пока мы не рассматриваем человеческую душу, а смотрим лишь на существо высших Иерархий, — что, если тут находится какое-то ангельское существо, архангельское существо, то он как глаз не имеет сознания: я вижу тут вне меня это ангельское существо, но имеет сознание: на меня смотрит ангельское существо, оно меня видит. — Это прямо обратно тому, что происходит в физическом мире. Так мы вживаемся в духовный мир, чтобы получить сознание о существах высших Иерархий, чтобы мы знали о них, что они мыслят нас. Мы чувствуем себя вросшими в них, мы чувствуем себя познаваемыми, охваченными Ангелами, Архангелами, Духами Личности, как минеральное царство, раститель-

ное царство, животное царство чувствуют себя охваченными, познаваемыми с нашей стороны.

Лишь в отношении человеческих душ дело обстоит так, что мы можем быть как видимыми ими и иметь чувство: они видят нас, — так и иметь чувство, что наше зрение проникает в них. У нас и у этих человеческих душ видение одно. По отношению ко всем другим существам высших Иерархий мы имеем чувство, что мы воспринимаемся, мыслимся, представляемся ими; и когда мы воспринимаемся, мыслимся, представляемся ими, с их стороны, мы находимся в духовном мире. Затем дело обстоит так: допустим, мы, как душа странствуем в духовном мире повсюду, как странствуем мы всюду в физическом мире. Происходит так, что мы везде имеем чувство, намерение, вступить в отношение с существами высших Иерархий, как здесь в физическом мире у нас есть намерение вступить в отношение с минеральным царством, растительным царством и животным царством. Только нам всё снова и снова требуется «памятование», осознание того, что мы имеем «я». И тогда мы оглядываемся на нашу смерть и говорим себе: это есть ты! — Это продолжительное, непрерывное сознание, продолжительное, непрерывное содержание сознания.

Сказанное сегодня добавляется к различным представлениям, которые вы могли получить из циклов и книг. Это высказано на более душевном уровне, нежели то, о чём, например, в книге «Теософия» говорится в большей степени с внешней точки зрения. Но только благодаря тому, что нечто рассматривают на душевном уровне, правильным образом приходят к ощущениям, которые имеет человек по отношению к этим вещам и вообще к духовному миру.

Поэтому самопознание является тем, что нам требуется, что делает нас сильными для жизни между смертью и новым рождением. Недавно это с особенной живостью выступило передо мной, когда у меня возникла задача, после ухода друзей нашего дела несколько раз говорить при кремации. Тут всегда возникала необходимость сказать нечто такое, что было бы внутренне связано с характером, с «я» того, кто прошёл через врата смерти.

Почему инспиративно или интуитивно в надгробной речи умершим посылают то, что связано с нами? Это выявляется из жизни умерших после смерти. Это даёт им помощь, укрепляет силы их самопознания. Если непосредственно после смерти, когда сознание умерших ещё не проснулось, говорят о тех свойствах, которые они чувствуют в себе самих, то тем самым позволяют влиться в них тем силам, в которых они нуждаются, чтобы постепенно обрести возможность, оглядываясь на момент смерти, когда всё их существо сконцентрировалось на том, как оно развивалось между рождением и смертью. Следовательно, приходят на помощь умершим, если вскоре после смерти позволяют влиться в них чему-то такому, что они вспоминают свойства, переживания и так далее, которые были у них. Тем самым пробуждают силу самопознания. И если у человека есть возможность ясновидчески отождествиться с душой такого умершего, он почувствует в его душе порыв, именно в это время услышать нечто о том, каким он был, о том или ином, что он сделал, или о его главных качествах. Вы можете понять: как здесь на Земле, жизнь одного человека не равна жизни другого, но все люди имеют жизни, отличающиеся друг о друга, так обстоит и с теми, кто прошёл через врата смерти. Между смертью и новым рождением ни одна душевная жизнь не одинакова с другой. Я хотел бы сказать: каждая душевная жизнь, которую можно тут наблюдать, является новым откровением, и всегда можно выделить лишь отдельные особые свойства. Я хочу сегодня и затем послезавтра в Кёльне говорить об этих вещах. В качестве примера я хочу говорить об одном конкретном случае.

Некоторое время назад мы в Дорнахе потеряли на физическом плане одного члена, которая была в весьма преклонных годах. Этот сочлен провела свою жизнь в усердной, прилежной работе, но в последние годы, долгое время она была всей глубиной души связан с нашим духовнонаучным мировоззрением, которое оставило глубокий след в ее сердце и в ее душе. Так что можно сказать: этот человек зашёл настолько далеко, что в последнее время своего физического бытия она составляла единство с нашим

мировоззрением, в ощущениях, чувствах, она была полностью едина с ним. Вы знаете, что человек, проходя через врата смерти, сначала слагает физическое тело, затем ещё некоторое время он несёт на себе эфирное тело, а затем слагает и эфирное тело. Тогда наступает время, когда человек постепенно может обрести сознание, которое должно быть присуще ему между смертью и новым рождением. Непосредственно после смерти человек находится в своём эфирном теле. В нём, как мы знаем, он переживает полный ретроспективный обзор своей жизни, подобно большой жизненной панораме. В это время в его душе возникают, — я бы сказал — как бы одним ударом, особенные, исполненные силы импульсы: так многое из того, что значительно в данном отношении, после смерти может выступать совершенно иначе, чем в течение жизни. В течение жизни человек гораздо сильнее скован границами, которые ставит ему его физическое тело. Непосредственно после смерти человек преодолевает тяжесть, давление, жесткость, ослабляющее отчетливость некоторых душевных импульсов действие физического. Человек ещё имеет при себе эфирное тело и поэтому не теряет воспоминаний о жизни. Это всецело имажинативный мир, тот, который вначале содержит картины прошедшей жизни, а затем сохраняет особенно сильные импульсы. Если душа в течение жизни весьма сильно пронизала себя импульсами духовной науки, если эта душа приняла эти импульсы в себя вплоть до самых внутренних чувств и ощущений, тогда она может после смерти раскрыть эти впечатления совсем иным образом, поскольку имеет в своём распоряжении эластичное, податливое эфирное тело, которое уже не сковано тем, что обусловлено физическим телом. Это особенно можно было увидеть у той личности, о которой я только что говорил, которая вскоре после смерти, после того, как удалось погрузиться в её душу, дала излиться из своей души тому, что жило в ней в связи с духовнонаучными импульсами. Само собой разумеется, что она, при её физической жизни, не запечатлевала это в таких словах. Но поскольку эфирное тело ещё было здесь, она смогла облечь это в физические слова. Она ещё не вышла из того эластич-

ного эфирного тела, где было запечатлено то, что было получено благодаря духовной науке, чтобы стать выражением её души. У меня была необходимость, чтобы я через два дня при кремации этого лица произнёс именно те слова, которые прозвучали из её существа, которые принадлежат ей, а не мне:

Я хочу нести в мировые дали
Моё чужащее сердце, чтоб оно потеплело
В святой действительной силе огня;

Я хочу ткать в мировых мыслях
Своё мышление, чтоб оно стало ясным
В свете вечного становленья жизни;

Я хочу погрузиться в основах души
В верные чувства, чтобы они стали сильнее
Ради истинных целей людских деяний;

Я стремлюсь к божественному покою
С борением жизни и с заботой
Моё «я» подготовить для высшего «Я»;

Я стремлюсь к радости мирно работать,
Чужа бытие мира в своем бытии,
Человеческий долг я хочу исполнить;

Я смею тогда жить в ожиданье
Навстречу звездам моей судьбы,
Что уделят мне место в обители Духа.

Можно сказать, что в этих словах, которые выражают ощущения после смерти, заложено то, чем стала душа благодаря духовной науке. Затем пришло время, которое в большей или меньшей степени переживает после смерти каждый, которое лишь иносказательно может быть названо временем сна, ведь если эфирное тело отделено, то человек сразу же оказывается внутри духовного мира; только он спит от полноты духовного мира. Человек не может обзирать всё это, он должен сначала

принесенные с собой силы приспособить к духовному миру, человек должен настроить себя. Человек слишком много видит после смерти; сознание присутствует, надо только редуцировать его в соответствие с силами, которыми обладает человек. Тогда он начинает ориентироваться и действительно жить в духовном мире. Это, собственно, было бы сказано не совсем правильно, если говорят, что человек через некоторое время пробуждается к сознанию; тут надо сказать, он имеет слишком много сознания, и должен уменьшить его до той степени, которую он может перенести. Тогда наступает пробуждение. Душа, о которой я говорил только что, когда эфирное тело отделилось, пришла потом в состояние невозможности вынести духовный свет. Но силы у неё было много; она вглядывалась в слова, которые я прочитал, и эта сила постепенно всецело проникалась тем, что может дать духовная наука для человеческого чувства и воли. Затем было так, что это существо, эта душа через некоторое время после смерти пришла в сознание, которое было переносимо для неё. Конечно, надо было бы описывать многое о том времени, которое наступило для этой души потом, если бы мы хотели описать всё, что переживала такая душа. Можно всегда описать только часть: само собой разумеется, если мы находимся в нашем движении, наиболее значительное из того, что наблюдается в душе, это то, что эта душа связана с нашим движением. Можно учиться тому, что вообще после смерти связывает человеческую душу со всем миром; но наилучшим образом в такой душе можно наблюдать то, чем является жизнь души после смерти, именно если она была близко связана с наблюдающим, как эта душа, о которой я сейчас здесь говорю. Происходит так, что именно в этой душе сначала можно было наблюдать то, как она пришла к ориентирующемуся сознанию, принимая участие в наших собраниях, действительно принимая участие в наших собраниях. И полностью проявилось это участие в Дорнахском праздновании Пасхи в этом году, том Празднике Пасхи, где была предпринята попытка как можно глубже изложить нашим дорогим друзьям мысли о Празднике Пасхи. Эта душа присутствовала там. Она участвовала; как и

раньше она принимала участие с внутренним теплом, так и теперь она участвовала как душа. Она хотела высказаться, как и многие в физическом теле имеют потребность высказаться после того, как ими было нечто воспринято. Она хотела высказать себя, и своеобразие состоит в том, что она снова запечатлела это в тех же словах, поскольку благодаря им возникала возможность понять себя. Она снова запечатлела в тех же словах то, как она живёт и живёт как раз в связи с тем, что она сопережила на этой нашей Пасхальной лекции. Это было вроде дополнения к тому, что пришло тогда, после смерти. Это дополнение, которое теперь выступает из сознания, следующее:

Я хочу направить в людские души
Духовное чувство, чтоб оно послушно
Будило Пасхальное слово в сердце;

Я хочу мыслить с духами людскими
О душевном тепле, чтоб они сильнее
Могли ощутить Воскресшего.

Видно, как она хочет работать дальше с теми, с кем она была связана в нашем духовнонаучном движении. Она хочет посвящать себя им, чтобы у них в сердце пробудилось Пасхальное слово, попытка к чему была предпринята посредством Пасхальной лекции, чтобы можно было правильно почувствовать Того, Кого мы в духовной науке называем Воскресшим. Но особо значительно было то, что исходило из нижеприведенных трёх строк. Это особенно прекрасно, и глубоко постигнуто.

Именно в той Пасхальной лекции и в некоторых других лекциях, которые тогда был прочитаны, моей задачей было всё снова и снова, — что я уже часто делал, — обращать внимание на то, какое значение имеет духовная наука не только здесь, для земной жизни, но и для мира в целом. Тот, кто проходит через врата смерти, может все же иметь в качестве сопереживания, и может познавать то, что развивается здесь в духовной науке. Вот почему я советовал многим, у кого есть любимые умершие, прошед-

шие через врата смерти, читать или рассказывать им о духовно-научных учениях, ибо то, что запечатлено в словах духовной науки, имеет значение не только для душ, живущих в физическом теле, но имеет полное значение и для душ, которые развоплощены. Это доходит до них как жизненный духовный воздух, как живая вода или, можно также сказать, они воспринимают свет благодаря нам, находящимся внизу. Этот свет для нас является, можно сказать, символическим, ибо мы слышим слова и как мысли принимаем их в наши души: но умершие действительно видят их как духовный свет.

Весьма значительно и то, что именно те души, которые часто слышат это, очень хотят сказать: я понял это, и это поистине так! — Ибо их слова в этом отношении таковы:

В виденьях смертных ярко светит
Земной огонь духопознания

Таково фактическое состояние души. Она хочет сказать: то, что вы говорите внизу, светит вверх как огонь. — И она выражает это, говоря о «земном огне». «В виденьях смертных ярко светит». Почему она говорит «в виденьях смертных»? Если вы продумаете это, то вы это откроете. Она говорила, поскольку мы всегда принадлежим к тому, что мы называем миром Майи: на Земле она находилась в кажущейся видимости, видениях чувств; теперь она тоже находится в видимости, в видениях сквозь которые она впервые видит сущность:

В виденьях смертных ярко светит
Земной огонь духопознания; —

и нечто, тоже укрепляющее её:

«Я» станет ухом и очами мировыми.

Она имеет в виду мировой слух, мировое ухо. Она считает, что всё «я» становится теперь мощным органом чувств, становится органом восприятия для всего мира. Вот прекрасная форма, в

которой умершие показывают, как они осознают, что сказанное духовной наукой истинно. Для этой души характерно, что она хочет высказываться сразу же после смерти и хочет сказать: да, теперь я нахожусь так далеко, и изученное мною на Земле, представляется мне как нечто верное.

Для меня самого эти слова были до известной степени важны, поскольку они через некоторое время, может быть, через пару недель пришли из духовного мира от той души, о которой я говорил потому, что перед этим, двумя неделями раньше, произошло другое, удовлетворившее меня событие.

Друзья нашего движения потеряли на нынешней войне ещё достаточно молодого сына, который добровольно пошёл на войну. Молодой человек погиб. Он, можно сказать, наполовину приблизился к духовной науке в последнее время, проведенное им на Земле. Ему было всего семнадцать или восемнадцать лет. Итак, он погиб, пал. Через некоторое время можно было увидеть, как душа этого молодого человека, — и со многими душами, которые теперь на войне проходят через врата смерти, происходит то же самое, они относительно быстро приходят в сознание, — итак, у этой души можно было увидеть, что он приближается к своим родителям, как он действительно подходит к своим родителям. Было так, — это можно было наверняка услышать, — как если бы он говорил им: я бы хотел, чтобы вы действительно поняли; мне стало ясно, что то, что я часто слышал в вашем доме о духовной науке, о духовном свете и духовных существах, является истиной, и мне помогает то, что я тогда услышал.

Я упоминаю об этом не потому, что это нечто особенное, но потому, что это прямо показывает, как осуществляется связь между земной жизнью и духовной жизнью. Одну замечательную особенность мне всё же хочется при этом упомянуть. После одной лекции, которую я затем прочел в одной ветви, — я тогда записал слова, которые пришли, — я пошёл к тем вышеназванным родителям молодого человека, рассказал им об этом, и указал ночь, когда случилось так, что молодой человек приблизился к своим родителям и как бы говорил, обращаясь к их душам. И

тут отец сказал: это удивительно, я очень редко вижу сны. Но в эту ночь, в эту самую ночь мне снился мой сын, что он появился передо мной и хотел что-то сказать мне, но я не понял что.

Сегодня людям, стоящим вне нашего духовного движения кажется странным, если им будут рассказывать такие вещи: поэтому мы по возможности удерживаем их среди нас. Но для нас самих должно быть важно конкретно входить в эти вещи, ибо наше знание складывается из этих отдельных строительных камней опыта. И мы получим конкретную картину только, если не захотим слишком ограничивать себя построением прекрасных теорий о духовном мире, но если мы сможем в наших душах довести духовную науку до такой живости, жизненности, что мы признаем, что о духовном мире можно действительно говорить так, как говорят разумные люди о том, что они пережили в чувственном мире. Духовная наука в правильном смысле полностью оживет в нас только благодаря тому, — а ведь она должна ожить, она должна стать живой в нас, — если мы не только учение, не только познание, но жизнь обретаем в ней и благодаря ей. И она для нас перекроет ту пропасть, которая вследствие материализма, — который без духовной науки может распространяться один и должен становиться всё больше и больше, — перекроет эту пропасть между физически-чувственным, которое мы переживаем между рождением и смертью, и духовным, в котором мы живём между смертью и новым рождением, в котором мы учимся постепенно становиться гражданами также и духовного мира. Дело состоит в том, чтобы мы учились ощущать: тот, кто прошёл через врата смерти, всего лишь принял новую жизненную форму и по отношению к нашим чувствам стоит после смерти так, как каждый, кто вследствие жизненных обстоятельств должен был переехать в далёкую страну, в которую мы несколько позднее последуем за ним, так что нам не приходится выносить ничего иного, кроме временной разлуки. Но это надо живо почувствовать, живо ощутить посредством духовной науки. Вы только позвольте из отдельных конкретных фактов составить картину, и вы увидите, что эти факты даже для тех, кто не созерцает духовный

мир, так согласуются, так преподносят себя, что вера, которую имеют перед тем как удастся заглянуть в духовный мир, есть поистине не слепая вера, но вера, которая принесена из более глубокого чувства, чем критическое знание, принесена из прирожденного для человеческой души, изначального чувства истины.

Мы живём в такое время, когда внешние судьбоносные события указывают нам, что человеческая жизнь нуждается в углублении. Было бы гораздо лучше, если бы люди, вместо того, чтобы дискутировать о том, кто виноват в этой войне, кто сделал то или иное, рассматривали бы эти военные события как предупреждение, призыв к большему углублению души, чем это происходило до сих пор у подавляющего большинства людей. Когда я обсуждал важнейшие вещи, касающиеся ваших сердец, я говорил: в отношении многого мы должны учиться у духовной науки тому, как трансформировать, изменить те представления и понятия, которые мы имеем. К этим понятиям мы можем, — пусть это дополнит сегодня наше рассмотрение, которое мы развиваем о таком несомненно значительном предмете, как смерть, — к этим понятиям, к этим представлениям мы может причислить также представление о войне. Даже с духовнонаучной точки зрения можно считать правильным, когда войну рассматривают как болезнь развития. Несомненно, это болезнь, но подумайте-ка о том, что вы лишаете болезнь права на существование, если окончательно осуждаете её как таковую. То, чем вызвано происходящее при болезни, во многом является тем, что в человеческом теле предшествует болезни: беспорядочность, дисгармония. Затем приходит болезнь, которая зачастую появляется для того, чтобы работать в направлении, противоположном телесной неупорядоченности. Это так, даже в том случае, если человек болеет перед смертью. Он несёт в себе дисгармонии, которые делают для него невозможным, вступить в духовный мир непосредственно. Возможно, духовный мир долго оставался бы для него в тумане, или имелись бы другие препятствия, ибо в нём есть дисгармонии, которые не могут быть просто так перенесены в духовный мир. Вот почему его перед смертью поражает бо-

лезнь. Только она делает его душу настолько свободной от дисгармонии, что он может вступить в духовный мир.

Если же это болезнь, ведущая к выздоровлению, то эта болезнь служит для того, чтобы уравновесить, компенсировать то, что предшествовало болезни, что обусловлено кармой более ранней жизни, может быть тысячелетней давности. Например, делают нехорошо, если говорят: у ребёнка корь, ах, если бы у него не было кори! — Не знают о том, что было бы с ребёнком, если бы он не повоевал с корью. Ибо тут выходит наружу то, что всегда глубоко сидело в ребёнке и пыталось найти себе компенсацию.

Было бы хорошо и рассматривать так, чтобы видеть в войне не только одно зло, не только то, что приходится теперь испытывать в крови и железе, но видеть также и то, что уже давным-давно, с отдаленных времен разыгрывалось в культурных потоках. Глубже вглядываться в связи — вот чему должны учиться люди! После этой войны придёт время, когда люди начнут размышлять об этой войне. Тогда они придут к тому, как много пустых слов было сказано, когда говорили: виноват этот, виноват тот. — Нечто может придти, если пройдёт достаточно долгое время после войны. Тогда люди будут говорить нечто совсем иное, чем сегодня. Найдутся люди, которые скажут: ах, если действительно изучать историю так, как изучали её до сих пор, то в одном дипломатическом акте нашли бы одно, в другом дипломатическом акте — другое; там и тут было бы документировано то или иное. Но если поступают так, как обходилась до сих пор со всем этим история, и хотят обо всём, как говорят, «судить объективно», никогда не обнаружат, почему возникла эта война. Тогда увидят, что необходимо поверх внешних причин смотреть в глубокие основы, которые должна будет объяснить духовная наука. К сожалению, сегодня можно только намекнуть на эти вещи. Найдут, что в некоторых местах именно при развязывании войны происходило то или иное, где наиболее значительную роль играло не сознание, но нечто подсознательное, лежащее под порогом внешних событий; так что происходящие вещи вовсе не исчерпываются тем, на что обычно смотрят историки как на

главное, чем определяется причинность. Именно этот пример учит: история, к которой мы привыкли до сих пор, ничего не объясняет. Она предостерегает, призывает искать более глубокие причины.

И поскольку я почти в каждой лекции, прочитанной мною в последнее время, в завершении должен был направлять своего рода предостережение, призыв к вашим душам, мне хочется сделать это и сегодня.

Известная ответственность для душ возникает из простого факта, что человек подступает к духовнонаучному мировоззрению. Надо быть способным, посредством духовнонаучного мировоззрения усвоить, по крайней мере, мысль о том, что те поверхностные суждения, которые сегодня из-за господства материализма во всём мире распространились всюду, не должны стать также и нашими суждениями, суждениями тех, кто следует за духовной наукой. То, что разыгрывается сегодня в мире, есть поистине поверхностная ненависть одной нации к другой. Я неоднократно говорил об этом в наших лекциях в ветвях. Мы не должны предаваться ненависти таким же образом, но поэтому мы не должны также становиться несправедливыми. Мы могли бы научиться у Теософского Общества, как стать несправедливым! Там в отношении религий людям внушают: все религии равны. — Это примерно так, как если бы человеку внушали, толковывали: на столе стоят специи — перец, соль, сахар, паприка, всё это специи и не надо одной отдавать предпочтения перед другими. Итак, если это кофе, я могу его поперчить, ведь все они равны! Та же логика заложена в том, когда говорят, что в основе всех религий заложено одно и то же истинное ядро. Уберечь от такой логики может изучение великой удивительной мировой эволюции в её подробностях, ибо тут применима фраза: в основе всего заложено ядро истины. Но мы в этом отношении давно освободились от поверхностных суждений. То, что мы по праву признаём, — с любовью и пониманием вникая в любые национальные качества, — не может помешать нам видеть того, где мы должны стоять с нашим познающим сердцем. Было бы

невозможно, чтобы в этом отношении все друзья были согласны. Но дело не в этом, а в том, чтобы наши души приложили усилия подняться над точкой зрения внешнего мира и вникнуть в особенности, в отличительные свойства различных Народных Душ. — Тогда мы увидим, что знакомство с духовнонаучным мировоззрением в некоторых отношениях налагает на нас известную ответственность, долг проявлять основательность, возможность которой дает духовная наука, и более глубоко вникать в вещи.

При этом испытывают порой болезненные вещи. Знают, что великое предупреждение, предстоящее перед нами в связи с нашими судьбоносными событиями, не предстоит перед всеми душами так, чтобы они почувствовали себя обязанными всем сердцем как можно глубже, основательней вникнуть в то, что проявляется как поверхностные суждения того, что мы хотим именно преодолеть — суждения внешнего материализма. В этом отношении хотелось бы сильно пожелать, чтобы души причастные к нашему движению, образовали бы сегодня своего рода отряд, который основательно взялся бы за глубоко актуальные для нас сегодня вопросы. В отношении многого необходима основательность. Мы совсем не считаем, что в наше время возможно всё.

О, я мог бы рассказать многое, многое о том, отчего у тех, кто с поистине человеческой любовью исследует наше время, сердце бы обливалось кровью. Сегодня, порой даже из доброй воли, будет распространяться много мыслей и мнений из нездорового, захваченного Ариманом мировоззрения. Но именно по отношению к наплыву военной литературы мы должны погрузиться в глубокие мысли о задачах культурного развития. Такая попытка предпринимается в наших лекциях, посредством указания на действительное место отдельных народов. Ибо раз за разом речь тут идет о защите основательности от поверхностности. В последние недели, например, можно было пережить нечто необычное. По понятным причинам мне не хотелось бы называть заглавие книги, которая появилась за рубежом,¹¹¹ причем на немецком языке, в которой утверждается, что она, должно быть, написана одним из немцев. Я хочу настоятельно подчеркнуть, что следует

достичь такого уровня, чтобы понимать какую угодно позицию. Можно понять самую, что ни на есть антигерманскую позицию, если её представляет тот или иной. Надо пытаться ее понять, нет нужды ее разделять, но понять её можно. Но книга, которую я имею в виду, несет признаки, в отношении которых дело не в том, что они представляют собой крайнюю антигерманскую позицию, где в каждой строчке изливается желчь по отношению к германскому началу и немецкой сущности; то, что это написано ядовито, само по себе может быть понятно. Но, всё же никто не смеет придти и говорить: если немец говорит об этой книге, что её можно понять, то он говорит против германского начала. — Дело тут несколько в ином. Книга написана так, что каждый, имеющий чувство внутренней объективности и внутренней основательности, кто хоть немного образован, должен найти: это наглядное подражание бульварной литературе, «литературе с черного хода». — Совершенно отвлекаясь от этой позиции, в литературном смысле это стоит невысоко, и то, что находится в книге, показывает, что в литературном смысле это произведение «с чёрного хода», невежественная халтура; я бы сказал, было бы явным проявлением отсталого невежества, воспринимать написанный труд как нечто такое, что можно принимать всерьёз. Так что дело не в позиции, но в той форме, как это написано, так как ни один человек, учившийся думать — хотя бы формально, — не стал бы так писать; по самой форме видно, что человек имеет дело с самым низкопробным книжным делячеством. Тем не менее, мне приходилось слышать суждения, что эта книга, заглавия которой я здесь не называю по особым причинам, воспринята серьёзно. Когда происходят такие вещи, то именно нам не следует пугаться судить об этом на основе некоторой всесторонности. Если кто-то может быть согласен по содержанию некоторыми тезисами, высказанными в этой книге, то он всё же не должен принимать такую книгу всерьёз, уже по той причине, что книга эта является очевидной подделкой, халтурой; поскольку халтуру не принимают всерьёз, поскольку не хотят, чтобы даже очевидная правда высказывалась с наихудшими аффектами и в неподо-

бающей форме. Я характеризовал этот пример по той причине, что хотел бы обратить внимание на то, что происходит многократно, как только духовная наука пытается сформировать для себя суждение о мире.

Если бы действительно было возможно, считать книгу хорошей, хотя стилистически она вгоняет в озноб, то человек доказал бы тем самым что в его душе и его сердце пробуждаемые духовной наукой чувства еще недостаточно ожили. Приведем один конкретный пример из этой области; не ради чего-то иного, а лишь, чтобы обратить внимание на те формы и способы, какими духовная наука должна действительно в решающем смысле живо проникнуть в наши чувства и мышление. Уже необходимо то, чтобы искать в нашей душе такие конкретные импульсы. Я должен констатировать, что один человек был бы особенно удовлетворен тем, если бы, путешествуя по Германии, даже после больших побед нельзя было бы заметить ужасного ликования. Заметно, что в каждой душе была боль вследствие чудовищных потерь. Я полагаю, что это так. Слышалось не одно только тщеславное победное ликование. Ибо эти наши тяжкие, судьбоносные дни требуют не только чудовищных жертв, они вскрывают многие раны, также и духовные раны, если обратить внимание на поступки многих людей. И поэтому необходимо, чтобы мы напоминали себе, особенно если мы рассматриваем нечто важное из области духовной науки, какая ответственность возложена на наши души, как мы должны стремиться приблизить времена, когда можно будет встретить действие тех юных неизрасходованных эфирных тел, и действие тех душ, которые ещё находятся внизу в телах людей и могут посылать вверх ощущения и способности души.

Придет время после этой войны, когда будут действовать неиспользованные эфирные тела тех, кто прошел через врата смерти и развил силы из жертв, принесенных ими; силы, которые они могут посылать вниз ради спиритуализации человечества. Но и внизу должны найтись души, которые могут это воспринять, которые с живой верой могут взирать на то, что поднялось наверх в

духовный мир от павших, преждевременно прошедших через смерть, чтобы излучать вниз силы для спиритуализации человечества.

Мне хотелось бы, чтобы это выступило перед нашими глазами в смысле тех слов, которые я в завершении этого рассмотрения, хотел бы произнести снова:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных деяний народа,
Взростёт духовный плод —
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

Пятнадцатая лекция

Познавательное преодоление смерти –

Переживания души

перед рождением и после смерти –

Наша связь с умершими

Кёльн, суббота, 19 июня 1915 года

Позавчера, благодаря нашим Дюссельдорфским рассмотрением мы на ветви немного взглянули на то, что в жизненных обстоятельствах называют переходом человека через порог смерти. Речь идёт о том, что западное духовное развитие постепенно прониклось познанием, которое некоторым образом преодолело смерть на познавательном уровне, преодолело посредством того, что познало её как метаморфозу, как превращение самой жизни.

Само собой разумеется, что именно в наше, проникнутое материалистическими воззрениями время, смерть всё больше и больше должна казаться границей мира, в котором живет человек. Мы можем легко представить себе, что в древности это было существенно иначе; само собой разумеется, было иначе, поскольку, как мы знаем, люди в те древние времена ещё обладали остатками древнего грезящего ясновидения. Это грезящее ясновидение было связано с нахождением в духовном мире. В те времена, когда наши души были воплощены в такие тела, благодаря которым ещё было возможно ясновидческое нахождение в духовном мире, наши души были связаны с духовным миром и смерть для них тогда не была чем-то очень значительным, не была заключительным феноменом, каким она является в наше время. И такое представление будет становиться всё более сильным, если в наше время не распространятся мало помалу те познания, которые должны быть раскрыты посредством духовной науки.

Однако не следует полагать, что духовная наука, которую мы усваиваем, духовная наука как таковая, не имеет величайшего значения для всех переживаний человека.

Конечно, многие из нас будут говорить: по нашему пути духовнонаучного движения мы стремимся двояким образом. Во-первых: на уровне разума, рассудка проникаясь тем, что даёт нам духовная наука. Во-вторых: благодаря тому, что мы применяем духовнонаучные методы к нашей душе, методы, которые вкратце описаны, например, в книге «Как достигнуть познания высших миров?»), мы сами стремимся проникнуть к восприятиям духовного мира в течение нашего физического воплощения. Но некоторые будут говорить: наверняка лишь единицам, лишь очень немногим благодаря их карме выпадет участь в этой инкарнации в полном сознании войти в духовный мир. Хотя придти мог бы, в некотором смысле каждый, и каждый приходит, если только применяет эти правила; но заметить то, что человек находится в нём, обратить на это внимание, труднее, чем войти самому. Если человек действительно поставлен внутрь духовного мира, находится в нём, неспособность отнестись к переживаемому с тонким, интимным вниманием, мешает ему осознать, что он уже находится там. Хотелось бы сказать, что для каждого, кто применяет правила данные в книге «Как достигнуть познания высших миров?» через относительно короткое время наступает то, что он со своим «я» оказывается в духовном мире, но — он не замечает этого. Именно по поводу таких соображений надо всё снова и снова подчёркивать, что разумное понимание того, что даётся в духовной науке, совсем не зависит от того, созерцает ли сам человек духовный мир. Мы часто говорили: для установления фактов духовного мира, конечно, необходимо духовнонаучное созерцание. Но если открытые факты даются, то каждый может понять их, если только он использует непредвзято свой здоровый рассудок, не замутнённый предрассудками внешнего материалистического мира. Нам должно быть ясно, что недостаточно того, если мы намечаем для себя или внушаем себе, что мы, как будто, совсем свободны от предрассудков материалисти-

ческого века. Конечно, в соответствии с нашей волей, нашим страстным стремлением мы остаемся вне предрассудков материалистического времени, если мы вообще серьёзно преданы духовнонаучному движению. Ибо, в сущности, никто не может быть честным, настоящим последователем духовнонаучного движения, если в глубине своего внутреннего мира он не проникся стремлением освободиться от материалистических предрассудков. Однако в привычках нашего мышления они, эти материалистические предрассудки держатся очень основательно, а особенно прочно держится то, что не является материалистическим предрассудком напрямую, но только связано с ними. С материалистическим предубеждением, со всем материалистическим мировоззрением в целом связано то, что человек в некотором смысле не в состоянии развить всеобъемлющего интегрального мышления. Насколько сильно нашему времени присущи рассудок и логика, настолько же мало в наше время острый рассудок и острая логика являются собственностью тех, кто хотел бы стоять на вершине научных или культурных устремлений нашего времени.

К полной ясности мышления в наше время совсем не стремятся. Если бы вполне стремились к ясности мышления, то и духовную науку тоже вполне могли бы понимать. Кто мыслит совершенно ясно, никогда не найдёт возражений против того, что изложила духовная наука, — конечно, в целом; ибо в отдельных случаях духовная наука может ошибаться, как вообще может ошибаться человек. Можно было бы привести бесчисленное количество примеров, которые показывают нам, сколь мало именно наше время склонно применять ясное, острое мышление.

Я хотел бы привести вам только один пример из наших дней. Об этом всегда можно прочесть, как об очень распространённом суждении одного действительно великого мужа, одного весьма значительного человека. Это суждение бездумно повторяется, и один из немецких публицистов сделался особенно известным, вследствие того, что всё снова и снова повторял это суждение. Итак, великий человек сказал однажды, что война — есть продолжение политики другими средствами.¹¹² И это кажется иному

мыслителю, мыслящему как раз сообразно нашему времени, таким бесконечно логичным: война есть продолжение политики. Само собой разумеется, что против великого человека, который это высказал, как-будто бы ничего не возразишь. Он подразумевает под этим, что народы ведут по отношению друг к другу определенную политику, посредством которой они приводят в порядок свои дела; если эта политика доходит до известной точки, где она, так сказать, не может быть дальше продолжена, тогда, — ну да, а что тогда? — тогда политику продолжает война. В этом смысле это суждение может быть справедливым для всех людей и может быть непосредственно признано. Но если человек немного подумает, он придет к тому, что это суждение по большей части односторонне. Ибо это суждение звучит подобно тому, как если бы кто-то, например, сказал: есть два человека, которые дружили или находились в иных отношениях друг с другом, они хорошо относились друг к другу, может быть даже безмерно любили друг друга, а затем они стали пререкаться, браниться. Тогда можно было бы также сказать: перебранка — есть продолжение любви. Внешне перебранка рассматривается как продолжение любви. Но о сути перебранки ничего особенного не высказывается, если известно, что эта перебранка есть продолжение любви. Таким образом, само собой разумеется, ничего не достигают, о войне не высказывают даже самой малости, если ее рассматривают так, что говорят: война — есть продолжение политики. Фактически дело обстоит так, что нашему времени представляются необычайно значительными такие суждения, которые по существу являются односторонними. Сегодня могут очень ценить такое суждение, которое о сути конкретного предмета не сообщает ничего особенного. Несмотря на это, такие суждения не всегда оказываются бесполезными. Они могут иметь даже весьма плодотворное значение. Однако те, кто признает наше мировоззрение, должны в отношении внешней жизни немного проникать за покров майи. Само собой разумеется, нельзя даже в малом возражать против суждения, стоящего теперь в каждом третьем газетном столбце, ибо это плодотворное суждение, но по

отношению к правильности такого суждения можно испытывать странные внутренние переживания, если хочешь проверить их с помощью ясного мышления. Так происходит и тогда, когда сегодня почти в каждом газетном столбце стоит: мы победим, потому что мы должны победить! — Как сказано, против справедливости этого суждения, против его плодотворности и ценности нельзя ничего возразить; но если каждый, кто стоит перед потоком и должен перебраться через него, скажет: я поплыву, потому что я должен плыть, — то правильность этого суждения зависит от того, а умеет ли он плавать? Ведь можно в этом случае с вполне ясным мышлением подтвердить суждение человека, не умеющего плавать: я хочу переплыть на ту сторону, так как я должен плыть. Какую цену имеет такое суждение? О, оно имеет большую цену, ибо даёт силы, даёт мужество и уверенность, проникает в волю: это суждение, прищпоривающее волю. Это суждение не ради познания, но оно закаляет волю. Вследствие этого это суждение значительно и важно. Нельзя понимать такие вещи неправильно. Они должны приводиться, чтобы показать, что ясное, проникающее в предмет мышление является чем-то иным, нежели то, что часто ценится. В наше время материалистические привычки мышления исключительно велики и сильны.

Но большей частью наши суждения помрачатся тогда, когда мы бываем должны проверить нашими суждениями то, что говорит духовная наука. Дело обстоит так, что всё то, что говорит духовная наука, даже если человек ни разу не заглянул в духовный мир, может быть понято, если он применяет действительно здоровое, правильное мышление. Нет ни одного человека, который, не будучи ясновидящим, должен был бы стать противником духовной науки, если только он обладает здоровой способностью суждения. Чтобы быть противником духовной науки, надо иметь фактически совершенно иные причины в природе человека, в душе человека. Одной из таких причин, прежде всего, является следующее.

Когда человек со своими восприятиями находится в физическом мире, то при этом восприятии в физическом мире ему на

помощь всегда приходит поддержка его физического тела, его эфирного тела, а также его астрального тела. Они — физическое тело, эфирное тело, астральное тело, — долгое время участвовали в ходе мирового развития через время Сатурна, Солнца, Луны, и создавались для человека из сил Божественных Иерархий. Сегодня они таковы, какими они стали в прошлом. Человек, если он вступает в физическое бытие в мире, становится включённым в то, что подготавливалось для него на протяжении долгого времени. Всё это поддерживает его, если он находится в области физических восприятий. Каждый раз, когда мы получаем восприятие, образуем для себя представление, делается оттиск в нашем физическом теле. Мы не знаем об этом ничего, но этот оттиск в физическом теле делается. И в том, что он производится, лежит причина того, почему мы в течение физической жизни имеем память. Надо только спокойно представить себе эту вещь. Давайте спросим: почему мы в физической жизни имеем память? Мы должны будем сказать: каждый раз, когда мы образуем представление, в физическом теле ставится печать, оттиск. Эта вмятина, этот отпечаток является даже более или менее человекоподобным, похожим на человека. Каждое представление, которое мы себе образуем, производит отпечаток не только, — как считают материалистически фантазирующие мыслители, — в головном мозгу, но каждое представление производит отпечаток во всём человеке. Некое подобие, некую копию формы головы и даже верхней части груди человека действительно оставляет как отпечаток каждое представление, которое мы образуем себе. Происходит действительно так: если сейчас я говорю вам в минуту, может быть сотни слогов, то в течение этой минуты вы быстро, друг за другом образовали в себе пятьдесят человек, и тут же быстро убрали пятьдесят человеческих образов, которые быстро заменились другими. Вы можете представить себе, как много таких человеческих образов вы образовали в себе, пока миновал лекционный час. Эти человеческие образы более или менее одинаковы по своему внешнему облику, и всё же не равны; ни один из них не является полным подобием другого. Каждый

чем-то отличается от другого, пусть даже отличается лишь немного. Это ребяческое представление, если кто-либо хочет верить, что, если он сейчас получил впечатление от внешнего мира, а завтра вспоминает об этом, это впечатление в какой-либо форме засело в нём. Засело совсем не оно, а тот образ, человекоподобный образ — вот что осталось в человеке. Действительно, от каждого впечатления внешнего мира остаётся образ, который подобен человеческому. И когда вы утром снова вспоминаете о том впечатлении, вы тогда погружаете свою душу в тот человеческий образ, который находится внутри вас. И причина, по которой вы утром видите не этот человеческий образ, но вспоминаете о том впечатлении, состоит в том, что вы читаете в вашем астральном теле. Это настоящее чтение, подсознательное чтение; точно так же, как вы что-то записываете и позднее хотите прочитать, вы ведь записываете не буквы, но то, что означают эти буквы, так обстоит дело и утром, когда вы сегодня вспоминаете пережитое. Вы видите не образ, который возникает в вас, не человеческий фантом, который в вас живет, но вы истолковываете его. Вы в душе перемещаетесь в этот человеческий фантом, но ваша душа переживает нечто совершенно иное, чем этот человеческий фантом. Она ещё раз переживает то, что переживала вчера. Не следовало бы слишком удивляться этому; ведь если вы читаете «Фауста» Гёте, то что вы имеете перед собой? Сколько-то простой бумаги и печатные чёрные значки какой-либо формы. Вот внешний материал всего «Фауста». И вы никогда не имели бы «Фауста» Гёте, если бы на душевном уровне не могли манипулировать тем, что вы как бумагу и печатные чёрные знаки имеете перед собой. В отношении внешнего мира материалисты постоянно ведут дебаты, будто бы того о чём говорит духовнонаучный исследователь, что оно существует, не может быть. Но такие материалисты столь же умны, как умен человек, который сказал бы: что ты здесь говоришь о гётевском «Фаусте», его тут нет, тут только бумага и чёрные печатные значки! — Такое суждение о «Фаусте» очень похоже на те суждения, которые материалисты выносят о мире сегодня. Но также обстоит дело и с нашим вос-

помином. Завтра в нашем человеческом существе ничего не останется от впечатлений сегодняшнего дня, кроме фантома, отображения, а всё остальное должно быть обусловлено работой души с этим фантомом. И как из бумаги и чёрных печатных знаков всплывает наверх вся ткань, содержание гётевского «Фауста», так всплывает наверх из того, что осталось в нас как фантом то, что является воссозданием, новым оживлением сегодняшнего впечатления, когда мы завтра будем вспоминать об этом.

Но ту деятельность, которую надо выполнить, чтобы мы могли вспоминать, выполняет для нас то, что подготавливалось в течение периодов Сатурна, Солнца, Луны, которые создали наше, столь удивительным образом построенное физическое тело и эфирное тело. Они образуют, они делают это для нас. И это чувствует, это ощущает материалистически мыслящий человек. Подумайте о том, что достигнутые духовные истины были достигнуты без этой помощи, так, что помощь внешнего физического тела не была востребована. Тут силы, которые в ином случае работали бы во внешнем теле, должны были придти изнутри души; тут работа должна была производиться из душевного. Если человек обладает духовным созерцанием, которое осуществляется без посредства внешнего мира, мы, желая вспомнить о нём, не можем переместиться в оставленный фантом; он находится в теле. Тут мы должны посредством гораздо более мощных сил, без этой поддержки, исходя из внутреннего мира, обрести всю вещь заново, правильным образом обрести её. Итак, даже здесь нет ничего особенно удивительного. Вы только представьте себе различие, как оно в вещах, которые я сейчас имею в виду, отражается в мелочах. Допустим, сегодня кто-то читает стихотворение, и это стихотворение, которое он сегодня прочёл, он в напечатанном виде сохранил до завтра. Тогда он может завтра и послезавтра прочитать его снова. Но допустим, что оно у него не сохранилось, и ему надо прочитать его по памяти. Вы видите различие: один раз мы делали нечто, где нам и делать то ничего не приходилось; что нам пришлось сделать, так это перенести из одного времени в другое внешний лист бумаги; бумага

служила нам поддержкой. Нам приходится напрягаться больше, если мы должны заново воспроизводить стихотворение из своей души. Также и тот, кто живёт в духовном мире, должен внутренне напрягать свою волю больше, чем тот, кто полагается на поддержку своего тела. Однако это связано с тем, что всё то, что достигнуто духовной наукой, даже для того, чтобы только быть понятым, вообще требует большого душевного напряжения. Являясь материалистом можно быть гораздо более вялым, ленивым, чем став последователем духовной науки. В этом причина, почему люди являются материалистами или, по крайней мере, одна из причин. Они являются материалистами не по той причине, что их к этому вынуждает логика, но являются материалистами из-за страха, но также и из-за лени, поскольку они хотят, чтобы всё то, что разыгрывается в душе, разыгрывалось бы не через внутренние силы души, но через то, что записано в теле, что там зарисовано. Это такие вещи, которые нам надо как следует обдумать, если мы хотим увидеть причины, почему некоторые становятся противниками духовной науки. Однако, главное, это то, что трудно вполне совладать с мышлением, если должно быть достигнуто то, что все же должно достигаться человеком, когда он прошёл врата смерти.

Уже позавчера я указывал на то, что является наиболее существенным при переходе врат смерти: это самопознание. Само собой разумеется, что это самопознание ни в коем случае не является чем-то совсем легким. Некоторые из вас слышали уже, как я говорил об этом; как даже в отношении собственного облика люди очень часто допускают большие ошибки, впадают в заблуждение. Есть один часто теперь упоминаемый философ, который живет в Вене, Мах, — я имею в виду не гамбургского критика Маака, ругающего теософию, но Эрнста Маха, серьезно воспринимаемого философа, написавшего книгу «Анализ ощущений». Там он весьма наивно говорит следующее: однажды я шёл по улице; внезапно мне пришлось остановиться, ибо мне навстречу попался какой-то человек, и я подумал: однако, лицо у этого человека крайне несимпатичное, невыносимое лицо. И

смотрите, я обнаружил, что я проходил мимо зеркальной витрины и зеркало висело так, что я увидел самого себя. Тут я обратил внимание, как мало я знал свой собственный облик. — Увидев самого себя, он счёл себя несимпатичным человеком с невыносимым лицом. А ведь это профессор философии, известнейший философ современности. А чтобы еще подкрепить то, что с ним произошло, он добавляет следующее: когда он уже был профессором, он ехал однажды по железной дороге, сильно устал, прибыл в город и там поднимался в омнибус. Тут он увидел, как по другую сторону тоже поднимается человек, и подумал: что за истощенный шульмейстер поднимается там! — Затем он увидел, что снова на противоположной стороне висит зеркало, и обнаружил, что истощенным шульмейстером он назвал самого себя. Он обращает внимание на то, что он, как он говорит, родовой тип знал лучше, чем свой индивидуальный облик.

Ну, если уж так трудно узнать самого себя, в смысле внешности человека, — у дам с этим делом обстоит, вероятно, легче, поскольку они чаще смотрятся в зеркало, — то дело обстоит существенно иначе, если речь идет о душевном. Едва ли есть другая возможность познать самого себя в нашу эпоху, как только развивая свои познавательные силы посредством того, что мы можем воспринять из духовной науки. Понятия, представления, воспринимаемые из духовной науки, лучше всего подходят для развития нашего самопознания. Вообще к самопознанию располагает всё то, что мы воспринимаем благодаря книге «Очерк тайноведения». Все представления, воспринятые посредством этой книги, направлены непосредственно на то, чтобы познавать себя самих, знать, чем, в сущности, является человек. Изучая, как человеческое физическое тело, эфирное тело, астральное тело постепенно создавались благодаря развитию Сатурна, Солнца, Луны, мы учимся познавать то, что находится в нас. Благодаря тому, что мы в общем знакомимся с тем, что находится в нас, наши силы представления обостряются так, что мы познаем также и специальные вещи гораздо лучше, чем это было бы возможно в ином случае.

Насколько велико значение этого самопознания для момента смерти? Пока мы пребываем здесь, в физическом теле, самопознание является именно познанием. Но если мы проходим через врата смерти, всё, что мы усвоили как самопознание, преобразуется в волевые силы. Чем лучше мы знаем самого себя, тем сильнее будет тип волевых сил именно тогда, когда мы отделим физическое тело. Допустим, например, что мы видели, как в отношении некоторых вещей мы были вспыльчивым, резким человеком. Вы знаете, как это трудно, целиком и полностью перестроить себя в физической жизни так, чтобы действительно устранить эту вспыльчивость, если мы её видим. Но в тот момент, когда мы слагаем физическое тело, и когда мы знаем: ты был вспыльчивым, — это становится волей. И эта воля направляется на то, чтобы исключить из нашего существа вспыльчивость, резкость. Всякое познавательное суждение, когда мы проходим через врата смерти, становится волевым суждением, становится волевой силой. И здесь потом выступает нечто очень значительное, что мы в некотором смысле можем назвать перевертыванием того, что было пережито перед рождением человека, но было забыто, поскольку человек не в состоянии оглянуться назад, на то время, которое он провел перед своим рождением. Но представим себе, что человек уже сейчас мог бы развивать то, что будет развиваться в бытии Юпитера: когда он будет постепенно выбираться из духовного мира, чтобы опять идти к инкарнации, он стал бы в высшей степени удивительным образом переживать нечто относящееся к его будущему облику, к его будущей жизни. Он стал бы действительно видеть нечто от своего физического образа. Но только в одно он не смог бы никогда проникнуть в этом физическом облике, в то, что представало бы перед ним как некие две точки. Представим себе, как если бы мы перед рождением имели бы перед собой наш собственный облик, как бы пропадающий в тумане. Мы видели бы его как свет, но в нём мы видели бы две непроницаемые тёмные точки, тёмные шары, — также и многое другое, — но особенно эти тёмные шары. Задолго до того, как человек переступает своё физическое рождение,

он, — как бы во времени, а не в пространстве, — видит перед собой: это будешь ты! И он в каком-то смысле уже видит, как, исходя из существа Духов Формы, формируется его физическое. Она является ему как более или менее световой облик, световой образ, но в него как бы вотканы два темных шара. Когда человек живёт, приближаясь к физической жизни, близится к рождению, он делает это частично уже в теле матери; тут он вбирает определенные силы из своего окружения, которое создаёт ему материнское тело. Он постепенно ощущает себя связанным с этим световым обликом, и затем он чувствует, как будто бы он особенным образом внедряется в эти два шара. Прежде они казались ему непроницаемыми, теперь же он сам находится в них и затем чувствует силы, которые со всех сторон подходят к нему и входят в него. Затем он пробивает насквозь, пронзает эти два шара, пространство этих двух шаров; это пространство теряет свою непроницаемость. Это те самые места, где позднее находятся глаза. Если человек, таким образом, приближается к своей физически-земной инкарнации, тогда именно то, что он сначала не видел, обуславливает то, что мы видим, становится глазами. Они являются непроницаемыми шарами, идя навстречу которым, мы живём. Затем человек проникает в них в последней фазе, перед тем как вступить в физический мир. Если бы человек жил сознательно, это было бы, в сущности, прекрасным явлением. Представьте себе, как человек, путешествуя из духовного мира в физический, говорит себе: теперь ты со своей душой идешь навстречу своему физическому облику. Ты найдешь там два темных шара. Ты сейчас не можешь проникать их своим нынешним душевным зрением; они полностью состоят из духовной субстанции! — Затем человек получает силу, которая сначала духовно непроницаемое делает прозрачным. И если человек затем, как говорится, «видит свет мира», то именно это пространство, которое прежде было непроницаемым, становится причиной, почему мы видим. Глаза не могут видеть самих себя; если бы они видели самих себя, то человек не мог бы видеть мир.

Когда человек проходит через врата смерти, тогда вслед за этим взгляд, вид смерти тоже становится чудесным явлением в духовной жизни человека после смерти, поскольку теперь со всем человеком происходит нечто подобное тому, что здесь происходило с глазами. Только то, что теперь происходит со всем человеком, испытывается сознательно, осознанно. После смерти во внутреннем переживании необходимо получить чувство: теперь ты есть ушедший из мира, теперь ты ушел из мира. До этого человек имел в глазах физический мир, как физическое переживание, как то, что ещё напоследок эфирное тело показывает ему как панораму. Если человек проходит через врата смерти с тем, что было завоёвано как самопознание, это становится затем волевыми силами. — Представьте себе, здесь находился бы умерший. Свои земные переживания он оставил позади. Он излучает свою волевою силу, ту силу воли, которой он овладел посредством самопознания. Эта излучающаяся сила воли, обретенная посредством самопознания, устраняет то, что мешает нам всмотреться в окружающий духовный мир. Как при вхождении в рождение мы устраняем непроницаемость, замутненность глаза, так, благодаря этой силе воли, устраняем мы то, что препятствует нам видеть в духовном мире. После смерти мы делаем себя прозрачными. Это значительное событие.

Aetherleib — эфирное тело
 Toter Mensch — умерший человек
 Willenskraft — сила воли

Если человек идёт через врата смерти, пока он ещё имеет в себе эфирное тело, дело обстоит так, что он как в мощной панораме обозревает всю свою жизнь. Она предстаёт перед ним. Но теперь же у него также возникает чувство: ты видишь тебя! Это есть ты, то, как жил ты между рождением и смертью, всё это есть ты сам! — Все силы самопознания пробуждаются в нём, силы, которыми он овладел, и как бы прорезают, пронзают это, как я это описывал; вследствие этого эфирное тело отделяется, уходит. Тогда происходит как бы падение покрыва, и то, что находилось за ним, является впервые: это и есть духовный мир. Это чрезвычайно необычное переживание, — идти через врата смерти и благодаря тому, что эфирное тело стало свободным, иметь перед собой всю свою последнюю жизнь и получать чувство: эта последняя жизнь есть покров, который скрывает от тебя необычайный мир, который ты в течение жизни не мог видеть. Борются с этим покровом, устраняя его, силы воли, порожденные самопознанием. И когда покров разрывается, за ним оказывается духовный мир.

Нельзя быть боязливым по той причине, что каждый мог бы сказать: в настоящее, в наше время столь много людей не делают ничего, чтобы придти к какому-либо самопознанию. Едва ли можно в соответствии с суждениями многих людей быть умнее и интеллигентнее, чем современный университетский профессор философии; ведь это всё же идеал интеллектуальности в настоящее время. Но человек может быть столь же мало расположен к самопознанию, как тот известный муж, да к тому же философ, Эрнст Мах, являющийся действительно значительным человеком! Итак, может найтись кто-нибудь малодушный и сказать: с самопознанием дело обстоит плохо. — Конечно, если бы людям приходилось иметь только силы воли из того самопознания, которое следует из современной жизни, дело у людей обстояло бы поистине плохо! Люди современности очень гордятся необычными познавательными успехами, прогрессом, достигнутым, в известном смысле по праву. Вы только представьте себе, как современный врач, которому известно всё, что теперь в моде в ме-

дицине, гордо смотрит на тех, кто был врачом не так уж давно. Само собой разумеется, он считает, что все они были дураками. В отношении внешнего познания люди в ходе последних столетий достигли очень многого, узнали о внешнем мире, узнали, как взаимосвязаны явления и так далее. Тем самым, был достигнут большой успех, прогресс. Но в отношении самопознания древние времена, которые мы проводили в прежних инкарнациях, намного опережали современность; опережали настолько далеко, что современный человек, мыслящий материалистически, не имеет понятия, что ему делать с тем, что происходит из древности. Ибо то, что люди сегодня рассматривают как древние предрассудки, всё, что переживалось в душах в древности, было, в сущности, самопознанием. А то, что было записано, являлось лишь последними остатками самопознания.

В земной жизни дело обстоит так, что человек в своём обычном внешнем сознании не знает о своих более ранних инкарнациях. Хотя мы и знаем, что между теософами есть люди, которые через относительно короткое время страшно много узнали о своих более ранних инкарнациях. В одном из городов Европы я познакомился с одним обществом, где за одним столом сидели Сенека, император Иосиф, герцог Рейхштадский, мадам Помпадур, Мария-Антуанетта и некоторые другие. Но, отвлекаясь от тех, кто так много узнал о своих прежних инкарнациях, после того как они так мало изучали теософию, люди, посредством обычной внешней жизни, знают не очень много или вообще ничего не знают о своих прежних инкарнациях. Ибо как правда то, что человек вследствие того, что даётся ему на современном этапе человечества, ничего не знает о предшествующих инкарнациях, так правда и то, что он после смерти имеет для раскрытия своей воли всё, что осталось ему из прежних жизней. Между смертью и новым рождением всё обстоит иначе. Тогда как здесь, во время между рождением и смертью, люди не знают о своих более ранних инкарнациях, в жизни между смертью и новым рождением они имеют в себе все силы своих более ранних инкарнаций, но также и те, которые всегда изживаются между смер-

тью и новым рождением. Итак, если человек проходит через врата смерти, он имеет не только те волевые силы, которые приходят из самопознания, но все волевые силы, которые пришли не из самопознания в этой жизни, а из самопознания, которое осуществлял человек в более ранние времена. Так что у человека, прошедшего через врата смерти, нет недостатка в волевых силах, устраняющих покров, сотканный вследствие собственной жизни. Но если бы человек в ходе ближайшего тысячелетия хотел овладеть новыми волевыми силами, для него в настоящем цикле времени приобретали бы всё большую цену силы самопознания из прошлых времен. Вот почему ради дальнейшего развития человечества должны была выступить духовная наука. Ибо ход человечества таков, что хотя сегодня человеку ещё хватает волевых сил, но наступает время, когда в течение земного развития эти волевые силы могут быть укреплены вследствие того, что человек знакомится с духовным миром.

В земном развитии человечества могла бы возникнуть одна опасность, если люди, начиная с этих пор, во всех отношениях стали бы противиться тому, чтобы хоть кое-что принять из духовной науки. Тогда человек всё больше и больше подходил бы к тому, чтобы всё меньше и меньше мочь воспринимать в духовном мире духовные явления и события. Его способность к этому становилась бы всё меньше и меньше. Он всё меньше стал бы способен пронизывать тот покров, о котором я говорю. Вы видите, какое значение имеет самопознание, превращённое в силу воли. Здесь это познание является самонаблюдением, самозерцанием; там, по ту сторону, оно является волей «я», самостной волей, которая направлена на то, чтобы снять покров с духовного мира. Именно в тех, кто прошёл через врата смерти, можно воспринять, как это для них важно — самим себе укрепить свою волевою силу, как она была только что характеризована; волевою силу, пришедшую из самопознания. Вот почему поистине значительно, чтобы человек, проходя через врата смерти, на различных стадиях занимался тем, что в нём есть, что есть в его «я», чем он был в течение земной жизни. И если кто-либо имеет об-

щение с умершим, то имело бы большое существенное значение, сделать такое общение гораздо более плодотворным посредством того, что умершему, ушедшему приходят на помощь в деле укрепления его самопознания, пополнения этого самопознания. Конкретно имеется в виду следующее: представьте себе, что кто-то, кто здесь в физической жизни был с нами, прошёл через врата смерти. Когда мы жили с ним, мы знали, каким он был, мы знали, что он делал особенно охотно и так далее. Если он прошёл через врата смерти, то ему необходимо, настоятельно необходимо всё то, что он хотел, — реализовать, мобилизовать посредством крепкой внутренней силы. Это должно изливаться из его ретроспективного обзора. И мы можем придти ему на помощь, если думаем о нём, каким он был для нас при жизни; если мы займёмся тем, чтобы посылать ему мысли, которые характеризуют его самого. Наряду с различными делами, о которых уже было сказано в связи с нашим общением с умершими, которые ушли от нас, мы можем также придти на помощь умершим посредством того, что мы как бы выносим им навстречу образ их существа. Тем самым мы устраняем некоторые трудности в раскрытии тех волевых сил, которые должны разорвать выше охарактеризованный покров. Вот почему мне было дано нечто иное, о чём я уже говорил вам позавчера. Поскольку я, незадолго до погребения друга, должен был говорить, ко мне пришло как данность, чувство необходимости высказать перед кремацией то, что жило в друге как его сущность. Это не было высказано из воспоминания; это было произнесено из моей собственной души, которая полностью вошла в другую душу, отождествилась с другой душой, после того, как эта душа прошла через врата смерти.

Если человек имеет дело с душой, которая уже прошла через врата смерти, то речь идет о том, чтобы войти, вселиться в эту душу. Здесь в физическом мире предметы таковы, что мы видим их извне. В духовном дело обстоит так, что человек всем своим существом находится в этом духовно-душевном. И в отдельных случаях, о которых я говорил позавчера, дело обстоит так, что можно вселиться, войти в душу личности, которая прошла через

врата смерти. Речь идёт о личности, охарактеризованной мною как такая, которая долгие годы до своей смерти была связана с нашим мировоззрением, всецело жила в нём, так что это мировоззрение стало её собственным содержанием; и вот то, чем она стала как сущность вследствие того, что вжилась в духовную науку и получила некоторые силы, это было охвачено в словах, пока она ещё была в своём эфирном теле. Их мне удалось уловить от умершего, прошедшего через врата смерти, и их я должен был произнести при кремации.

В других случаях дело обстоит иначе. Когда я должен был говорить при кремации нашего любимого друга Фрица Митчера, который должен быть особенно близок членам этой ветви, дело обстояло так, что я почувствовал необходимость полностью войти в эту душу, прошедшую через врата смерти. Но, как данность появилась необходимость всё, чем была эта душа в жизни для тех, кто был с нею дружен, кто окружал её как члена нашего антропософского движения, — появилась необходимость выразить всё это в словах, для того, чтобы вместе с этой душой после смерти промыслить и сообща прожить то, что стало бы стимулированием и усилением той воли, которая возникает из самопознания. Как данность возникла необходимость, именно при этом погребении, кремации, сказать о вещах, которые бы перекликались с тем, что испытал наш дорогой друг Фриц Митчер в течение своего развития после того, как он вступил в наше духовно-научное движение, которое он усвоил, насколько позволяла ему его внутренняя карма. И слова, которые были при этом произнесены мною, являются, как говорится, не моими словами, — они порождены силами его собственной души, но сформированы они были так, что в них было выражено всё, предшествовавшее его смерти. — Я должен был это сказать — нет: я хотел сказать то, что я сказал. Конечно, это не было тем, что было бы непосредственно его собственными словами; данная душа никогда не сказала бы этого от себя в жизни. Это то, что, тем не менее, ощущалось другой душой, которая связалась с душой покойника, так как можно ощутить душу, которая уже развоплотилась. И я хочу

вам сообщить те слова, которые я произнёс при погребении, при кремации:

Осчастливит нас надежда:
Вот вступаешь ты на поле,
Где расцвет земного духа
Силой бытия души
Путь к открытиям укажет.

К светлой истине с любовью
Твой порыв издревле сроден;
Сотворять из света духа —
Было строгой целью жизни,
И стремленьем неустанным.

Чудный свой талант взрастил ты,
Чтоб путём духовознания,
Одолев соблазны мира,
Истины слугою верным
Твердым шагом к Ней идти.

Развивал ты око духа,
Чтобы смело и упорно,
Чтоб в пути по оба края
От ошибок сберегало,
Место дав в тебе для правды.

«Я» твоё для откровенья
В чистом свете созидай ты,
Чтобы мощно сила Солнца
У тебя в душе светила
Радостью, заботой жизни.

Прочьи радости, заботы,
Миновали твою душу,
Ведь по жизни свет познания,
Тот, что смысл бытию дарует,
Как сокровище ценил ты.

Осчастливит нас надежда:
Вот вступаешь ты на поле,
Где расцвет земного духа
Силой бытия души
Путь к открытиям укажет.

Глубока нам боль потери,
Той, что ты покинул поле,
Где земной зародыш духа
В лоне бытия души
Чувство сфер в тебе растили.

Ощути как мы с любовью
Смотрим в выси, что тебя
Там зовут к иным деяньям.
Дай оставленным друзьям
Сил своих из сферы духа.

Просьбу наших душ услышь ты,
Ту, что шлём к тебе с доверьем:
Для трудов земных нужна нам
Сила из страны духовной,
И друзей сквозь смерть прошедших
За неё благодарим мы.

Осчастливит нас надежда,
Глубока нам боль потери;
Дай надежду, в дальней близи
Нам всегда светить по жизни
Звездною душой из царства духа.

Хотя это слова не появились, будучи произнесены самой этой душой, они были сказаны вследствие такого единения с этой душой, что после относительно короткого времени из этой души как откровение возникло нечто, что на этот раз исходило уже из самой души; то есть исходило совсем не из моей души, но от той души, которая прошла через врата смерти. Прежде это прозвуч-

чало так, а через некоторое время как повторение снова и снова стали звучать для меня такие слова:

«Я» моё для откровенья
В чистом свете созидаю,
Чтобы мощно сила Солнца
У меня в душе светила
Радостью, заботой жизни
Прочьи радости, заботы,
Миновали мою душу,
Ведь по жизни свет познанья,
Тот, что смысл бытию дарует,
Как сокровище ценил я.

Когда я в первый раз, — с тех пор это происходило чаще, — услышал такие слова от этой души, прошедшей через смерть, я впервые понял: возник диалог. Ведь то, что было произнесено мною, дословно повторяло то, что было услышано благодаря связи с другой душой. Только тут я понял, что удалось наладить диалог. Ведь при кремации было сказано:

«Я» твоё для откровенья
В чистом свете созидай ты...

«Ты» и «твоё», — вот что было в этих строфах. Но это никоим образом не было сделано мной. Ведь только тогда, когда слова, вернулись назад от души умершего, я заметил, что эти слова составлены так, что они были возвращены уже от первого лица:

«Я» моё для откровенья
В чистом свете созидаю...

Вы видите здесь установленный над могилой диалог, своего рода взаимопонимание.

Мне хотелось бы в добавление к этому немного поговорить о том, что многократно упоминается в нашем духовнонаучном

движении, но о чём не часто можно было поговорить. Вы видите в строфах, которые были произнесены для души, прошедшей через врата смерти, как бы отклик, в котором наиболее значительным из сказанного является место, где говорится:

Просьбу наших душ услышь ты,
Ту, что шлём к тебе с доверьем:
Для трудов земных нужна нам
Сила из страны духовной,
И друзей сквозь смерть прошедших
За неё благодарим мы.

Примите такие вещи не просто как слова. Это говорит о том, что в глубочайшем смысле связано со всей сущностью нашего духовнонаучного движения.

Если душа стремилась так, как та, о которой здесь идёт речь, желая усвоенное ею знание, опыт пронизать духовнонаучными импульсами, если она столь преждевременно прошла через врата смерти, такая душа действительно может остаться верным сотрудником. Когда я при похоронах послал этой душе эти слова, это было своего рода просьбой, чтобы она стала помощником для того, что мы должны волевым образом нести в земное будущее. Ибо мы должны рассматривать как нечто непреложное: пропасть между живыми и умершими в ходе земной эволюции должна быть перекрыта живым мостом благодаря нашей духовной науке. Мы должны учиться точно так же, как мы общаемся с живущими в физическом теле, рассматривать умерших не как мёртвых, но как живущих среди нас, как живущих и творящих с нами. Те, кто является так называемыми умершими, будут тогда действовать с нами теми силами, которые находятся в их распоряжении.

Нам надо живо, а не как теорию, продвигать понимание того, что создаёт в нас духовная наука в качестве импульсов, претворять это в живую жизнь, и этим мы хотим, исходя из духа, дополнять культурное развитие. Следует поистине сказать: в связи

с качеством нашей внешней культуры в будущем нам нужна помощь тех, кто находится наверху в духовном мире. Те, кто здесь на Земле получили действительный доступ к духовнонаучному движению, будут нуждаться в душах тех, кто умер. Поэтому и сказано, «для трудов земных нужна нам сила из страны духовной, и друзей сквозь смерть прошедших за неё благодарим мы». Это как бы некий выпрошенный вклад, то, что эти далее работающие души с силами, укрепленными тем, что они приняли здесь, и силами, проникнутыми тем, что они приняли в духовном мире, должны действовать с нами на Земле; они проникнуты тем, что однородно с нашими намерениями.

Порой в качестве симптомов выявляется, какие затруднения и препятствия встречает наш земной антропософский труд. Среди многого, что можно наблюдать всё снова и снова, обратимся хотя бы к следующему. Несколько лет тому назад в одном южно-немецком журнале появилась статья, вызвавшая сенсацию, поскольку сведения в ней сообщал очень значительный философ. Имя редактора журнала — Карл Муф. Этот Карл Муф принял тогда одну многоплановую статью; он взял эту статью в связи с появлением моей книги «Очерк тайноведения». Для меня не составило бы особого труда раскритиковать, по крайней мере, наихудшее в той статье, некоторые глупейшие утверждения. С истиной у этого крупного философа дело обстояло следующим образом: многие действительно ценили его как крупного философа. Но другие, кто сталкивался с ним в жизни, — у него не было особой нужды близко сходить с ними, разве что один раз посидеть с ними рядом, — им он казался вроде цепляющегося репейника. Таким показался он мне, и я не мог отделаться от него. Но после того, как он стал писать мне открытку за открыткой, письмо за письмом, он прислал мне также и манускрипт этой статьи. Я не мог решиться прочесть эту статью, поскольку она даже начиналась глупо. Вот, например: „Тайноведением Штейнер называет то, что он написал в своей книге. Но тайной науки дать он не может, ибо сущность науки такова, что она не тайная, а явная. — Итак, тайная наука противоречит самой сущности

науки!». Так он начал. Листая текст, я наталкивался на такие непростительные глупости, что для меня было бы нестерпимо, фатально читать это дальше, читать этот манускрипт. Она всё ещё где-то лежала, эта глупость о «тайноведении», чтобы почувствовать эту глупость, достаточно было бы знать немецкий язык. Не так ли, если кто-то говорит: науки о природе не существует. Но есть природоведение! Тайной науки, конечно, не существует, но есть тайноведение. Итак, это было глупо, но издатель журнала нашёл, что это особенно значительная статья. Статью многие читали, её расценивали как нечто очень умное, написанное о духовной науке, где она раскритикована в пух и прах.

Началась война. Тот философ не был немцем, а теперь он стал причислять себя к злейшим врагам Германии. И вот теперь он пишет определенное количество писем к тому самому Карлу Муфу, который, — извините за тривиальное выражение, — облизывался, получив статью от знаменитого философа. Вообще на Германию и немецкий народ было уже выплеснуто столько яда и желчи, но так ядовито, жутко, как то, что написал знаменитый философ в письме к Карлу Муфу, мало кто писал. Суждения и критика германского начала и немецкой сущности просто страшнейшие. Следующее может быть рассмотрено даже как хороший знак. Названный философ пишет, извергая яд и желчь, но уже не на «тайную науку», и цензура даже не препятствовала переслать это через границу, так что материал пришел в Мюнхен, и Муф имел смелость снова напечатать этот яд и желчь. Но теперь не для того, чтобы напечатать «замечательную статью знаменитого человека», но спустя годы, тот же самый Карл Муф печатает этот текст о немцах и пишет: само собой разумеется, человек, который так пишет, заявил о себе так, что ему место в сумасшедшем доме! — Вы видите, что этому Карлу Муфу только этот текст о немецкой сущности позволил понять, что автор — дурак. Однако за несколько лет до того он натравил, позволил публично выступить этому дураку против нашей духовной науки. Разумный человек мог бы сразу, уже тогда всё понять, что дураки часто ценятся как знаменитые философы: но так не случилось!

Отсюда вы видите, как обстоят дела, какие опасности подстерегают духовную науку. Если бы не разразилась война, и Карл Муф не получил бы урока, что этот добрый человек, этот Винцент Лютославский — дурак, он мог бы при случае снова взять статью, уничижительную для духовной науки из-под пера этого «знаменитого философа».

Отсюда же вы видите также, что в наше время люди часто не склонны, посредством собственной силы суждения, приходиться к выработке позиции по отношению к духовной науке. Я привожу это лишь ради того, чтобы на одном примере показать, — можно было бы привести много таких примеров, — какие препятствия встречает наше духовнонаучное движение; что даже те, кто позднее выглядят дураками, натравливаются на неё. Тогда, возможно может оказаться справедливым суждение, что и остальные, выступающие против духовной науки не умны. Ибо, если это с такой очевидностью может быть доказано однажды, то уж поистине доказано и тут.

Нам уже пора уяснить себе, как для оживления того, чем является духовнонаучный импульс нам нужны силы тех, кто прошел через врата смерти, и кто, перед тем как перешагнуть врата, принял то, что содержится в свете духовной науки. Пропасть между живыми и умершими должна быть устранена, прежде всего, на нашем духовнонаучном поле. Поэтому мы должны все снова и снова поднимать нечто подобное воспоминанию, призыву: это сознание, что есть души, стоявшие близко к нам, пока они в физическом теле обитали среди нас, это мы хотим сохранить, как и прежде, только направив его соответственно другой жизненной форме; мы хотим сохранить, даже если данные души прошли через врата смерти. Ибо к наиболее прекрасному, к наиболее значительному, чего можем мы достигнуть в духовной науке, будет относиться то, если мы будем видеть среди нас, живущих и тех, кто прошёл через врата смерти, как встречающих нас; совершенно так, как встречаем мы тех, кто живёт в физическом теле. И наиболее существенная поддержка будем получена вследствие того, что теперь столь многие души на полях, где из крови и

смерти готовится новое, в раннем физическом возрасте проходят через врата смерти и доставляют в духовный мир неизрасходованные эфирные тела.

Эфирное тело человека устроено так, что оно вплоть до преклонного возраста может обеспечивать человека жизненными силами. Если же человек проходит через врата смерти в юношеском возрасте, то остаются неиспользованными те силы, которые ещё могли бы найти себе применение, достигни человек пожилого возраста. И теперь мы можем взирать в духовный, эфирный мир, где человек ещё остаётся некоторое время, когда оставляет физический план; тогда от тех, кто пал на полях событий, кто прошел через врата смерти остаётся много как раз юношеских эфирных тел, которые не сразу растворяются, но остаются, будучи связаны и сохраняя силы, которые ещё долгое время могли бы обеспечивать условия для жизни.

Однако эти эфирные тела будут находиться здесь, станут силами, которые затем смогут принести помощь людям, если люди с духовнонаучным сознанием будут стремиться смотреть наверх, туда, где будет находиться содержащееся в неиспользованных эфирных телах. Эти силы сверху будут связываться с теми, кто исходя из духовнонаучного сознания, сознательно пожелает связать себя с ними. Чувствуя и ощущая это, мы должны будем обратиться к ним. Мы должны признать себя причастными к духовному миру живым образом. Мы должны суметь сказать себе: в будущем, в то время, которое последует за войной, здесь на нашей Земле должны быть люди, несущие в себе такие души, которые смогут так смотреть вверх в духовный мир, что для них эти неиспользованные эфирные тела станут реальностями. Это станет реальностью для них благодаря познанию духовного мира. Тогда духовная наука как бы пробудится к тому, что уже не есть познание, но реальная жизнь; реальная жизнь, наступившая вследствие судьбоносных событий нашего времени. Тогда можно будет сказать: благодаря тому, что существуют в мире души, которые поднимают взор наверх к эфирным телам, развивающим свои неиспользованные силы, — благодаря этому, человеческие

души на Земле смогут вбирать в себя эти силы, чтобы мочь действовать тем сильнее. В будущем для земных душ станут плодотворными эти неиспользованные силы эфирных тел тех, кто сегодня в крови и смерти приносит себя в жертву на полях сражений.

По этой причине мы хотим также и сегодня вспомнить о том взаимодействии, которое может возникнуть между душами, взирающими, будучи воодушевлёнными и одухотворёнными духовнонаучным познаниями, навёрх к тому, что, как неизрасходованные эфирные тела останется от этой войны, вспомнить о том, что может возникнуть из этого внутреннего душевного взаимодействия. Давайте сегодня снова впишем в наши души те слова, которые я сейчас, по завершении наших рассматриваний на ветви, охотно произнесу, исходя из всецелой связи современных событий:

Из мужества борцов,
Из крови битв,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных деяний народа
Взрастет духовный плод,
Если души, сознавая дух,
Направят свои чувства в царство духа.

Примечания:

Первая лекция — Цюрих, воскресенье, 31 января 1915 года

1. (с. 9) Сибилла Колацца: См. Рудольф Штейнер «Наши умершие», Выступления, памятные речи и медитативные изречения 1912-1924, GA 261.
2. (с. 9) Фриц Митчер: там же.
3. (с. 16) Вид древа имеет центральная часть мозжечка — arbor vitae cerebelli — древо жизни мозжечка.
4. (с. 25) Джордано Бруно, 1548-1600. В его учении наша солнечная система есть лишь один из бесчисленных миров, часть Вселенной, бесконечной в пространстве и во времени. «Dell' infinito, universe e mondi», Лондон 1584, немецкий перевод Людвиг Кюленбека «О бесконечном, Вселенной и мирах», Берлин 1893.
5. (с. 25) Цикл лекций «Христос и духовный мир — Поиски святого Грааля», 6 лекций, Лейпциг, 28 декабря 1913 г. — 2 января 1914 г., GA 149.
6. (с. 26) Жанна д'Арк, 1412-1431.

Вторая лекция — Ганновер, пятница, 19 февраля 1915 года

7. (с. 30) «Омолаживающие силы немецкой Народной Души». См. одноименную лекцию Берлин, 4 мая 1915 г. в «Из судьбоносного времени», 14 лекций, Берлин, Нюрнберг, Мюнхен, 29 октября 1914 г. — 28 ноября 1915 г., GA 64.
8. (с. 34) «Пробуждение души. Душевные и духовные процессы в сценических картинах», картина 6, «Четыре Драммы-Мистерии», GA 14.
9. (с. 36) Лина Гросхейнц-Рорер: см. Рудольф Штейнер «Наши умершие», Выступления, памятные речи и медитативные изречения 1912-1924, GA 261.
10. (с. 40) Тео Файсс: там же.
11. (с. 42) Фриц Митчер: см. примечание 2 к первой лекции.
12. (с. 49) «Мировой Новый Год. Сновидческая песня Олафа Эстесона», лекция, Ганновер, 1 января 1912 г., GA 158.

Третья лекция — Бремен, воскресенье, 21 февраля 1915 года

13. (с. 56) Запись особенно в этом месте и в следующем абзаце дана с пробелами.
14. (с. 56) Норманны, называемые также викингами предпринимали из Скандинавии и Дании смелые завоевательные походы. Во Франции они под руководством своего вождя Ролло закрепились в устье Сены; область, в которую они вступили, стала французским герцогством под названием Нормандия. Потомок Ролло, Вильгельм Завоеватель подчинил в 1066 г. Англию.
15. (с. 57) Период викингов завершил эпоху «великого переселения народов». В IX в. норманны завоевали Ирландию и Северную Англию, утвердились в устье Луары и Сены и осаждали Париж. Они пытались подчинить империю франков, распавшуюся на два государства. Угроза завоевания носила реальный характер. Лишь ценой крайнего напряжения сил франки одержали верх и истребили норманнские армии в Бретани и на Рейне. Натиск возобновился на рубеже X в., когда Рольв Роллон

(Хрольф), имея 15-20 тысяч воинов, захватил северо-западное побережье Франции и основал герцогство Нормандию.

16. (с. 57) В соответствии с древнейшим русским источником, летописью пр. Нестора, новгородские славяне в 862 г. призвали на княжение трёх братьев Рюрика, Синеуса и Трувора из норманнского варяжского рода. Наименование «Рос» или «Рус» (русы), по всей вероятности родственно финскому наименованию «руотси» — так называли шведов; оно распространилось позднее на всех восточных славян.
17. (с. 57) Древненордическое Хрёрекр. Произшедший от него род правителей угас с царем Федором Иоанновичем I (ум. 1598). Последним царем из династии Рюрика был Василий Иоаннович Шуйский (1606-1610), потомок старшей ветви Александра Невского, умер в польском плену в 1612 г.
18. (с. 57) Ср. «Историческая симптоматология», девять лекций, Берлин, 18 октября по 3 ноября 1918 г., ГА 185, лекция 3 от 20 октября 1918 г.
19. (с. 58) См. «История и предпосылки антропософского движения в отношении к Антропософскому Обществу», 8 лекций, Дорнах 10-17 июня 1923 г., ГА 258.
20. (с. 58) Индусский мальчик Кришнамурти был объявлен Анни Безант и её окружением перевоплощённым Христом.
21. (с. 60) Цикл лекций «Внутреннее существо человека и жизнь между смертью и новым рождением» 8 лекций, Вена 6-14 апреля 1914 г., ГА 153.
22. (с. 62) Эрнст Мах: 1838-1916, физик и философ.

«Будучи молодым человеком, я увидел однажды в зеркале на улице крайне неприятное, противное лицо в профиль. Я испугался немало, когда признал, что оно — моё собственное, которое я, проходя мимо зеркальной ниши, воспринял, благодаря двум повешенным против друг друга зеркалам. — Незадолго до этого я, после утомительной поездки по железной дороге, сильно устав, поднимался в омнибус, когда с другой стороны туда тоже входил человек. Что за истощённый шульмейстер поднимается там, подумал я. Это был я сам, ибо напротив меня висело большое зеркало... Тот облик «классного наставника» был, следовательно, столь знакомым мне моим специфическим обликом». Эрнст Мах, «Приложения к анализу ощущений».

23. (с. 62) Фердинанд Маак, 1861-1930, врач, издатель псевдоокультурных произведений.

Четвертая лекция — Лейпциг, воскресенье, 7 марта 1915 года

24. (с. 69) 25 июля 1914 г. — отклонение австрийского ультиматума Сербией.
25. (с. 69) Английский король Эдуард VIII (1841-1910) был руководителем антигерманской союзной политики Великобритании.
26. (с. 69) См. примечания к третьей лекции.
27. (с. 72) Разговор с Эккерманом 1 сентября 1829 г.
28. (с. 72) Письмо Целтеру от 20 февраля 1828 г.
29. (с. 73) Немецкий филолог Микаэль Бернайс «Критика истории литературы», том 1 «К новой истории культуры», Штутгарт 1895, стр. 70.
30. (с. 74) Ср. Рудольф Штейнер «О Драмах-Мистериях «Врата посвящения» и «Испытания души», лекция от 19 декабря 1911, ГА 127.

31. (с. 76) Лишь символ всё бренное (пер. Холодковского).
32. (с. 76) И Женственность вечная туда нас возводит (пер. Холодковского).
33. (с. 76) В качестве примера называется перевод К.С Пихтом Эмилия Ведера, Париж 1913 : «C'est le sharme eternal dela femme qui nous eleve aux sieux» — См. Рудольф Штейнер «Духовнонаучные толкования «Фауста» Гёте», том 1 «Фауст как стремящийся человек», GA 272, лекция в Страсбурге, 23 февраля 1910 г.
34. (с. 79) Людвиг Фейербах, 1804-1872, сочинение «О смерти и бессмертии», Нюрнберг 1830, было изъято цензурой. О следующей цитате см. «Собрание сочинений», Штутгарт 1903-1911, том 1, стр. 46.
35. (с. 81) «Законы абсолютно свободного движения стали известны благодаря открытию Кеплера; открытию, заслужившему бессмертную славу. Кеплер доказал их в том смысле, что открыл общее (математическое) выражение, общие формулы для эмпирических данных (§ 227). С тех пор расхожим выражением стало, что только Ньютон впервые открыл эти законы. Нелегко несправедливо перекаладывать славу первооткрывателя на другого... Надлежит видеть разницу между тем, что, если Кеплер простым и доступным образом выразил в форме законов движения небесных тел, то Ньютон трансформировал величины того же самого закона в рефлективную форму силы и тяжести»; Гегель, «Энциклопедия философских наук», Часть вторая, Натурфилософия, § 270.
36. (с. 81) «Как, например, в Англии, — чья конституция рассматривается как наиболее свободная, потому что частные лица принимают преимущественное участие в государственных делах, — опыт показывает, что эта страна в гражданском и уголовном законодательстве, в сравнении с другими развитыми государствами Европы, права и свободы собственности наиболее отдалила от учреждений искусства и науки, и объективная свобода, то есть разумное право в большей степени приносит в жертву формальной свободе и особым частным интересам (что имеет место даже в державных учреждениях и владениях)» Гегель, «Энциклопедия философских наук», Часть третья, «Философия духа», § 544.
37. (с. 82) «Несущая сила немецкого духа», см. одноимённую лекцию — Берлин, 25 февраля 1915 г., «Из судьбоносного времени», GA 64.
38. (с. 82) Рудольф Штейнер впервые приехал в Лондон 4 июля 1903 г. на собрание федерации европейских секций Теософского Общества.
39. (с. 82) Джордж Р.С. Мид (1863-1933), последний личный секретарь Е.П. Блаватской. В связи с исключением немецкой секции в 1913 г. Мид позднее вышел из Теософского Общества. Ср. «Историческая симптоматология» лекция 6 от 27 октября 1918 г.
40. (с. 83) См. Эрнст Геккель, «Вечность. Мысли в период Мировой войны о жизни, смерти, религии и эволюционном учении», Берлин 1915 г., стр. 65 и 114; «Кровавая вина Англии в Мировой войне», Ейзенах, 1914.
41. (с. 83) Гексли, Томас Генри (1825-1895) — английский зоолог, популяризатор науки и защитник эволюционной теории Чарлза Дарвина (за свои яркие полемические выступления он получил прозвище «Бульдог Дарвина»). Член (в 1883—1885 годы — президент) Лондонского королевского общества. В 1890 году награждён

почётной Медалью Карла Линнея за продолжение линнеевских традиций в современной биологии.

42. (с. 84) «Для просто немца от просто немца»: Иоганн Готлиб Фихте, «Речи к немецкой нации», Берлин 1908, Первая речь.
43. (с. 84) Четырнадцатая речь; «...кроме того, правомерные решения в делах совести не могут быть предписаны внешней властью; нами движет более высокий дух, который никогда не открывается нам полностью. Он открывается вам, если вы стремитесь к духовному миру и созерцаете его высшим ясным взором. Пёстрая и запутанная смесь чувственных и духовных прорывов вообще должна с ужасом устраниваться от мирового господства; только один дух, чистый и лишенный всяких чувственных побуждений, должен выступать как рулевой человеческих обстоятельств. Для того, чтобы этот дух мог свободно развиваться и возрастая к самостоятельному бытию, льётся наша кровь. Вам надо воздать справедливость и значение этой жертве, если вы ведете этот дух к предназначенному ему мировому правлению».
44. (с. 86) См. примечание 9 к третьей лекции.

Пятая лекция — Нюрнберг, суббота, 13 марта 1915 года

45. (с. 102) Галатам, 2, 20.
46. (с. 111) Сибила Колацца см. примечание 1 к первой лекции.
47. (с. 113) См. примечание 9 к третьей лекции.
48. (с. 121) «Миссия отдельных Народных Душ в связи с северо-германской мифологией», 11 лекций, Христиания (Осло) 7-17 июня 1910 г., ГА 121.
49. (с. 122) Слова из «Фауста» Гёте.
50. (с. 124) Цитата из драматической поэмы Максима Горького «Ночлежка», цитата взята из: Дмитрий Мережковский «Грядущий хам» («Чехов и Горький»).

Шестая лекция — Нюрнберг, воскресенье, 14 марта 1915 года

51. (с. 133) «Цепь образований единственно делает из этих обломков целое, в котором человеческий облик хотя и исчезает, но человеческий дух живёт бессмертно и непрерывно... Всегда обновляясь в своих обликах, гений человеческого начала расцветает и палингенетически простирается дальше в народах и поколениях». Гердер, «Идеи к философии истории человечества», книга 9, 1.
52. (с. 135) «Миссия единичных народных душ в связи с мифологией германского севера», 11 лекций прочитанных в Христиании (Осло) 7 — 17 июня 1910 г., ГА 121.
53. (с. 140) «Лично я постоянно и охотно признавал величественные заслуги перед человеческой культурой, которые, благодаря ценным преимуществам своей инсularной селекции и своим географическим связям имело это маленькое государство на британских островах. Кроме того, благодаря моей пятидесятилетней работе над дарвинизмом, благодаря личному общению с Дарвиным и Гексли, с Лайелем и Джоном Мюрреем, как и с многочисленными другими знаменитыми естествоиспытателями в Англии и Шотландии, у меня установились приятнейшие и плодотворней-

шие личные отношения». Геккель, «Вечность. Размышления в период Мировой войны о жизни и смерти».

54. (с. 140) См. «Мистика на заре духовной жизни нового времени», 1901, ГА 7.
55. (с. 140) Мейстер Экхарт (Иоганн Экхарт, Экхарт из Хоххайма) (1260-1327) — знаменитый средневековый немецкий теолог и философ, один из крупнейших христианских мистиков, учивший о присутствии Бога во всем существующем.
56. (с. 140) «Каждый имеет представление о становлении и согласен с тем, что это представление единственно; далее, анализируя его, в нём находят определение бытия, но также и абсолютно другое — определение небытия; далее, эти оба определения неразрывны в том единственном представлении; так что становление является тем самым единством бытия и небытия» Гегель, «Энциклопедия философских наук», часть 1, Наука логики, § 88, 3.
57. (с. 143) «... вера в духовность и в свободу этой духовности, желание вечного совершенствования этой духовности посредством свободы, — то, где это рождено и на чьём языке говорится — суть наше поколение, это принадлежит нам и должно быть осуществлено нами». Фихте «Речи к немецкой нации», седьмая речь.
58. (с. 144) См. «История и предпосылки антропософского движения в отношении к Антропософскому Обществу» 8 лекций, Дорнах 10-17 июня 1923 г., ГА 258.
59. (с. 144) Теософы объявили мальчика Кришнамурти вторым воплощением Христа.
60. (с. 144) «Врата посвящения», картина первая, ГА 14.
61. (с. 144) Журнал «Теософист» Лондон 1914, книга 36, №3.
62. (с. 145) См. Рудольф Штейнер «Возникновение и развитие эвритмии», ГА № 277а.
63. (с. 146) Эмиль Жак-Далькроз, (1865-1950) — швейцарский композитор и педагог. Создатель ритмической гимнастики (ритмики).
64. (с. 150) 1 Кор. 15, 14.

Седьмая лекция — Вена, пятница, 7 мая 1915 года

65. (с. 151) «Сверхчувственное познание и его укрепляющая душевная сила в наше судьбоносное время» Соответствующие данные содержатся в лекциях, Берлин, 16 и 23 апреля 1915 г. «Из судьбоносного времени», ГА 64.
66. (с. 167) См. примечание 5 ко второй лекции; см. ГА 158 «Калевала. Действие элементарных существ в человеке. Русский народ».

Восьмая лекция — Вена, воскресенье, 9 мая 1915 года

67. (с. 184) Бёме, Якоб (1575-1624) — немецкий теософ, визионер, христианский мистик.
68. (с. 186) Ангел Силезский (Иоханнес Шефлер) (1624-1677) — немецкий поэт-мистик. «Херувимский странник», книга первая, изречение 32, дословно звучит так:

Я не умираю и не живу
 Сам Бог умирает во мне.
 А что я должен прожить,
 Он тоже проживает от и до.

69. (с. 186) Бруно, Джордано — см. примечание 4 к первой лекции.
70. (с. 186) Декарт, Рене (Картезий) (1596-1650) — французский математик, философ, физик и физиолог.
71. (с. 186) Локк, Джон (1632-1704) — британский педагог и философ.
72. (с. 186) Юм, Дэвид (1711-1776) — шотландский философ.
73. (с. 186) Милль, Джон Стюарт (1806-1873) — английский мыслитель и экономист.
74. (с. 186) Спенсер, Герберт (1820-1903) — английский философ и социолог.
75. (с. 187) Фихте, Иоганн Готтлиб (1762-1814) — немецкий философ.
76. (с. 187) Соловьев, Владимир Сергеевич (1853-1900). «Избранные труды», перевод с русского Гарри Хёлер. Четыре тома, Штутгарт 1921-1922, том 3 с Введением Рудольфа Штейнера.
77. (с. 188) Достоевский, Федор Михайлович (1821-1881). Его путешествие в Западную Европу укрепило его убеждение, что стремление к власти отчуждает Запад от христианства. Цитируемые мысли находятся в «Дневнике писателя», впервые опубликовано в 1873 г. в Петербургском еженедельнике «Гражданин».
78. (с. 189) Панслависты и славянофилы: славянофилы — наименование ряда русских философов XIX века, которые в противоположность «западникам» ратовали за эмансипацию русской культуры. Панславизм: первоначально научное наименование родства между славянскими языками. Мысли о народности привели славянофилов к требованию объединить все славянские народы под русским господством.
79. (с. 189) См. Соловьев, там же, 4 том «Национальный вопрос в России», часть вторая, стр. 315.
80. (с. 189) Жозеф-Мари, граф де Местр (1753-1821) — выступал со своей философией государства за абсолютизм и феодальный общественный порядок. В католицизме и примате Папы видел основу государственной и социальной жизни.
81. (с. 189) Имеется в виду — Генрих Рюккерт «Учебник по мировой истории в органичном развитии», 1857.
82. (с. 190) «Судьба человека в свете познания духовных миров», Вена, 8 мая 1915 г., GA 70.
83. (с. 193) Дефо, Даниэль (1660-1731) — «Жизнь и приключения Робинзона Крузо из Йорка», 1719.
84. (с. 193) Якоб Гримм (1785-1863) и Вильгельм Гримм (1786-1859) издали в 1810 г. книгу «Детские и домашние сказки» см. лекцию Берлин, 6 февраля 1913 г. «Сказочные поэмы в свете духовного исследования» в «Результаты духовных исследований», 14 лекций, прочитанных между 31 октября 1912 г. и 10 апреля 1913 г. в Берлине, GA 62.
85. (с. 194) В 1882 Рудольфу Штейнеру было поручено издание естественнонаучных трудов Гёте в Кюршнеровском издательстве «Немецкая национальная литература». Том 1, сочинения об образовании и метаморфозе в органической природе, появилось в 1883. Введение и замечания Рудольфа Штейнера к четырем томам появились как особое издание под заглавием «Духовнонаучные труды Гёте», Дорнах 1926, немецкое лицензированное издание Фрейбург 1949, GA 1, см. здесь пере-

писку между Карлом Юлиусом Шрёэром, Йозефом Кюршнером и Рудольфом Штейнером в «Антропософском листке» кн.13 № 2 февраль 1961

86. (с. 194) См. примечание 17 к четвертой лекции.
87. (с. 198) Статья Винцента Лютославского (1864-1954) — «Так называемое «Тайноведение» Рудольфа Штейнера» в журнале «Хохланд», кн. 8 выпуск 1 октябрь 1910, стр. 45-58. Издатель журнала, профессор Карл Муф, рекомендовал Лютославского в редакционном примечании в выпуске 7 того же года как «Автора, который является выдающимся человеком и мыслителем». В «Военных тетрадах южно-немецкого ежемесечника», Мюнхен, февраль 1915 г., стр. 623-631 Муф, ссылаясь на свою переписку с Лютославским, помимо прочего пишет: «Лютославский опубликовал в «Хохланде» помимо маленьких заметок три основных статьи о теософии Рудольфа Штейнера, о волевых упражнениях и его обращении в другую веру (в католичество), которые в целом привлекли много внимания. Заметки содержали интересные биографические сведения... Где во всей Германии можно было бы, — помимо сумасшедшего дома, — найти человека, который был бы оставлен всеми добрыми духами и так ослеплен такой всемирно исторической ситуацией, как современная, столь беден идеями по отношению к ней, как этот лектор философии Женевского университета! Ибо ему недостаточно отягчать свой раздраженный мозг эпистолярными излияниями, он желает сделать эти письма достоянием общест-венности».

Девятая лекция — Прага, четверг, 13 мая 1915 года

88. (с. 214) «Херувимский странник», книга 1, строфа 61.
89. (с. 228) См. примечание 21 к восьмой лекции.

Десятая лекция — Прага, суббота, 15 мая 1915 года

90. (с. 233) «Сверхчувственное познание и его укрепляющая душевная сила в наше судьбоносное время», см примечание 1 к седьмой лекции.
91. (с. 235) До 1822 года труды, посвященные движению Земли вокруг Солнца, были внесены в индекс книг, запрещенных католической церковью.
92. (с. 238) См примечание 17 к четвертой лекции.

Одиннадцатая лекция — Линц, вторник, 18 мая 1915 года

93. (с. 250) «Сверхчувственное познание и его укрепляющая душевная сила в наше судьбоносное время»; см. примечание 1 к седьмой лекции.
94. (с. 253) См. примечание 5 ко второй лекции.
95. (с. 256) В этой форме впервые у Карла Линнея «Философия ботаники», Стокгольм 1751, № 77.
96. (с. 262) См. особенно «Спиритуальные кулисы внешнего мира — Атака духов тьмы», 14 лекций, Дорнах, 29 сентября 1917 г., GA 177.
97. (с. 262) «Врата посвящения», картина первая, GA 14.
98. (с. 263) Был заключен в 1897 г. между французским президентом Феликсом Фором и царем Николаем II.

99. (с. 264) Чемберлен, Хьюстон Стюарт (1855- 1927) — «Новые военные статьи», Мюнхен 1915, стр. 36.
100. (с. 268) Имеются в виду Гаагские мирные конференции от 1899 и 1907, созданные по инициативе русского царя Николая II.
101. (с. 270) Эрнст Геккель: см. примечание 17 к четвертой лекции.
102. (с. 271) Гамерлинг, Роберт (1830-1889) — австрийский поэт и драматург. Ср. Рудольф Штейнер «Сборник статей по литературе 1886-1902», ГА 32; далее: «О загадке человека», ГА 20; «Мой жизненный путь», ГА 28; «Роберт Гаммерлинг, поэт, мыслитель, человек», Дорнах 1939.
103. (с. 271) Карнери, Бартоломео Риттер фон (1821-1909) — австрийский поэт и писатель. Ср. Рудольф Штейнер «Карнери, создатель этики дарвинизма» в «Методические основы антропософии 1884-1901», ГА 30; далее «О загадке человека» и «Мой жизненный путь».
104. (с. 271) Брукнер, Антон (1824-1896) — австрийский композитор.
105. (с. 273) См. примечание 21 к восьмой лекции.

Тринадцатая лекция — Дюссельдорф, вторник, 15 июня 1915 года

106. (с. 310) Герцен, Александр Иванович (1812-1870) — отправлен в ссылку за участие в студенческом кружке, с 1846 жил в Париже, позднее в Лондоне, Женеве и Брюсселе. «С другого берега», Гамбург 1850, на русском только 1858.
107. (с. 312) «Почему они называют народом варваров народ Шиллера и Фихте?» см. лекция в Берлине, 5 ноября 1914, «Из судьбоносного времени» ГА 64.
108. (с. 314) 1 Коринфянам, 15, 14.
109. (с. 315) Матф. 28, 20
110. (с. 316) Галатам, 2, 20.

Четырнадцатая лекция — Дюссельдорф, четверг, 17 июня 1915 года

111. (с. 341) См. д-р Рихард Греллинг «Жаккюсе. Об одном немце», 3 издание Лозанна 1915.

Пятнадцатая лекция — Кёльн, суббота, 19 июня 1915 года

112. (с. 347) Измененная цитата из сочинения прусского генерала Карла фон Клаузевица «О войне».

Оглавление

Первая лекция	9
<i>Цюрих, 31 января 1915 года</i>	
Четыре платоновских добродетели и их связь с членами человеческого существа – Действие духовных сил в физическом мире	
Вторая лекция	29
<i>Ганновер, 19 февраля 1915 года</i>	
Прохождение человека через врата смерти – перемена жизни	
Третья лекция	55
<i>Бремен, 21 февраля 1915 года</i>	
Духовная наука и загадка смерти – Глубинные связи европейской истории	
Четвёртая лекция	67
<i>Лейпциг, 7 марта 1915 года</i>	
Интимный элемент средневропейской культуры и средневропейские стремления	
Пятая лекция	99
<i>Нюрнберг, 13 марта 1915 года</i>	
Вхождение импульса Христа в исторические события – Создание моста через пропасть между живыми и умершими	
Шестая лекция	127
<i>Нюрнберг, 14 марта 1915 года (пер. Демидов и Теплер)</i>	
Моральные импульсы и их результаты – Запоминание – Отношение европейских народов к их Народным Духам – Культурный импульс эвритмии	
Седьмая лекция	151
<i>Вена, 7 мая 1915 года</i>	
Космическое воздействие на члены человеческого существа во время сна – Окультные основы Рождества – Смысл жертвенной смерти	
Восьмая лекция	175
<i>Вена, 9 мая 1915 года</i>	
Война, болезненный процесс – Средняя Европа и славянский Восток – Умершие как помощники поступательного развития человечества	

Девятая лекция	201
<i>Прага, 13 мая 1915 года</i>	
Отношение людей к царствам природы и Иерархиям – Духи Времени и Народные Духи – Предостерегающие голоса умерших	
Десятая лекция	231
<i>Прага, 15 мая 1915 года</i>	
Значение положения Средней Европы, стоящей между Во- стоком и Западом – Ариманические импульсы и спиритуаль- ные импульсы – Символ розенкрейцерства	
Одиннадцатая лекция	247
<i>Линц, 18 мая 1915 года</i>	
Христос по отношению к Люциферу и Ариману – Троичное построение существ	
Двенадцатая лекция	277
<i>Эльберфельд, 13 июня 1915 года</i>	
Духовная наука как образ мыслей – Эфирное тело как отра- жение космоса	
Тринадцатая лекция	299
<i>Дюссельдорф, 15 июня 1915 года (анонимный перевод)</i>	
Общность над нами, Христос в нас	
Четырнадцатая лекция	319
<i>Дюссельдорф, 17 июня 1915 года</i>	
Опыт человека после прохождения врат смерти	
Пятнадцатая лекция	345
<i>Кёльн, 19 июня 1915 года</i>	
Познавательное преодоление смерти – Переживания души перед рождением и после смерти – Наша связь с умершими	
Примечания	372

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТИТУРЕЛЬ»

Издательство «Титурель» основано в 2003 году группой энтузиастов духовного познания. В основе работы коллектива лежит издание трудов основоположника духовной науки (антропософии) Рудольфа Штейнера (Штайнера). Первоначально в планах издательства стоят те из трудов Р. Штейнера, в которых он уделяет особое внимание естественным и точным наукам, а также психологии и медицине. Помимо этого основного направления мы рассматриваем возможности публикаций редких или не издававшихся на русском языке книг естествонаучного, поэтического, религиозного содержания, памятников древней мудрости, всего, что так или иначе соответствует основному направлению.

Сведения об имени Титурель можно найти в литературе, посвящённой Святому Граалю, в том числе в трудах Рудольфа Штейнера, а также в «Энциклопедии Духовной Науки» (ANTHROPOS. Сост. Г. А. Бондарев — М.: ИНСТИТУТ ОБЩЕ-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, 1999)

Издано:

Переводы томов Наследия (Полного собрания трудов) Рудольфа Штейнера:

Книга, в которую вошли том GA 322 «Границы естественного познания и их преодоление» и цикл, объединяющий четыре доклада «Поиск новой Изиды, Божественной Софии», из тома GA202. М.: Титурель, 2003. — 272 с.

Том GA 45 «Антропософия. Фрагмент». М.: Титурель, 2005. — 504 с.

Том GA 323 «Связь различных естественнонаучных областей с астрономией». Третий естественнонаучный курс. *Астрономия в отношении к человеку и к антропософии. 18 докладов, Штутгарт, с 01.01.21 по 18.01.21*. М.: Титурель, 2006. — 488 с.

Том GA 324 «Наблюдение природы, эксперимент, математика и ступени познания духовного исследования». *8 докладов и один вступительный доклад в рамках «Свободной антропософской высшей школы», Штутгарт, с 16.03.21 по 23.03.21*. М.: Титурель, 2006. — 160 с.

Том GA 324a «Четвёртое измерение. Математика и действительность». *Записки слушателей докладов о многомерном пространстве и ответов на вопросы на математические темы. 6 непосредственно связанных докладов, Берлин, с 24.03.05 по 07.06.05; 2 отдельных доклада, Берлин, 07.11.05 и 22.10.08. Ответы на вопросы от 1904 по 1922 гг.* М.: Титурель, 2007. — 320 с.

Книга «Демонократия» (литературное прочтение тома GA 177), М.: Титурель, 2008 — 320 с.

Том GA 207/208 «Антропософия как космософия». *Характерные черты человека в земной и космической сферах. Формирование человека как результат космических действий. Двадцать две лекции, Дорнах, 23 сентября — 13 ноября 1921 года*. М.: Титурель, 2010 — 384 с.

Том GA 325 «Естествознание и история». *I. Европейская духовная жизнь в XIX столетии со ссылкой на её исходный пункт в IV столетии. II. Естествознание и всемирно-историческое развитие человечества со времён древности. 6 открытых докладов, Дорнах 15 и 16 мая и Штутгарт с 21 по 24 мая 1921 года*. М.: Титурель, 2011. — 184 с.

Том GA 326 «Исторический путь естествознания». 9 докладов, Дорнах с 24 по 28 декабря 1922 года и с 1 по 6 января 1923 года. М.: Титуфель, 2011. — 200 с.

Том GA 159 «Тайна смерти. Сущность и значение Средней Европы и европейские Народные Духи». 15 лекций, прочитанных в 1915 году в разных городах. М.: Титуфель, 2012. — 384 с.

Переводы Дополнений к Наследию (Полному собранию трудов) Рудольфа Штейнера:

Тетрадь 114/115 «Рудольф Штайнер и многомерное пространство»
М.: Титуфель, 2010 — 128 с.

Издания других авторов:

Григорий Елин «КОЛОКОЛ ГЕРЦЕЛОЙДЫ. Венок венков сонетов». М.: Титуфель, 2011. — 288 с.

Илья Зильберберг «АНТРОПОСОФИЯ И ЖИЗНЬ. Личный опыт». М.: Титуфель, 2012. — 800 с.

Готовятся:

Переводы томов Наследия (Полного собрания трудов) Рудольфа Штейнера:

Том GA 212 «Душевная жизнь и духовные стремления человека в связи с развитием мира и Земли». 9 докладов, Дорнах с 29 апреля по 17 июня 1922 года

Переводы Дополнений к Наследию (Полному собранию трудов) Рудольфа Штейнера:

Тетрадь 107 «Рудольф Штайнер и аппарат Штрадгера»

Издания других авторов:

Константин Бальмонт «ЗОВЫ ДРЕВНОСТИ. ГИМНЫ, ПЕСНИ И ЗАМЫСЛЫ ДРЕВНИХ. Египет, Мексика, Майя, Перу, Халдея, Ассирия, Индия, Иран, Китай, Океания, Скандинавия, Эллада, Бретань. КОСТРЫ МИРОВОГО СЛОВА». — Репринт издания 1908-го года.

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТРУДОВ.

Том № 159/160.

Тайна смерти. Сущность и значение Средней Европы и европейские Народные Души. – М.: Титурель, 2012. – 384 с.

ISBN 978-5-902490-12-8

Автор перевода: Демидов А. А.

Редактор перевода: Гемельярова Т. Д.

Корректор: Гемельяров Ю. Я.

Оформление, вёрстка: Елин Г. Я.

Издательство «Титурель»,

г. Москва

<http://titurel.ru> или <http://www.titurel.ru>

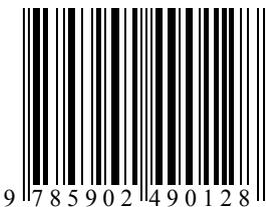
E-mail: titurel@land.ru

По вопросам заказов и покупки книг издательства обращаться

к Махрачёвой Нине Иосифовне по телефонам

8 (916) 967-48-40 и (495) 695-09-64

ISBN 978-5-902490-12-8

Формат 60x90/16. Объём 24 печ. л.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано по технологии СтР

в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6